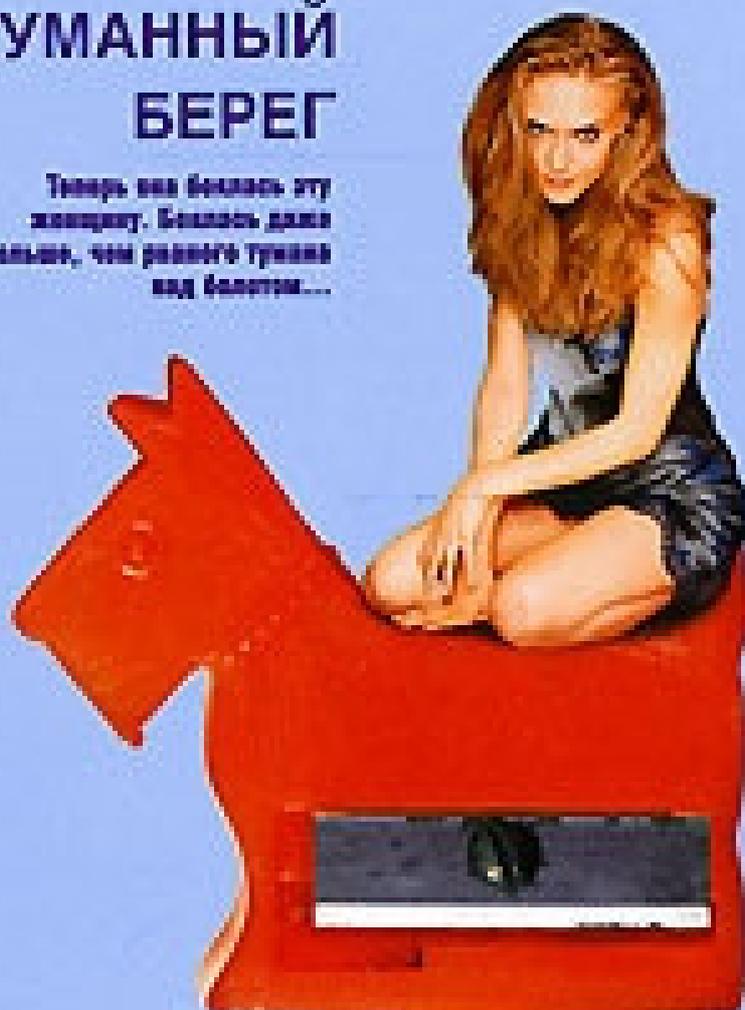

вера **Р**усанова
Английский детектив

ТУМАННЫЙ БЕРЕГ

Теперь она боится эту
женщину. Боится даже
больше, чем реального тумана
над болотом...

Вера Русанова
Туманный берег
М.: Центрполиграф, 2007

Вера Русанова

Туманный берег

Часть первая

Олеся

Небо все ещё было сиреневым, хотя над темными верхушками деревьев уже висела блеклая луна. Пахло хвоей и влажными, гниющими опилками. Из под колес «Опеля» то и дело с легким чирканьем вылетала дорожная галька. Грунтовка, начавшаяся с полчаса назад, казалась бесконечной.

- Куда мы едем? - спросила блондинка, уже не скрывая досады. - Я могу, в конце концов, узнать, куда и зачем мы едем?

Она была почти уверена в том, что Тим опять не скажет ничего конкретного: нервно потрет плебейскую лысину на затылке, жалко улыбнется и забормочет про какой-то там «сюрприз»...

Сюрприз! Господи, какой может быть сюрприз на кошмарной кривой подмосковной дороге, вихляющейся между двумя угрюмыми стенами леса, да ещё чуть ли не в одиннадцать часов вечера?! Затопленная водой яма, из которой они не выберутся до самого утра? Или перегородивший грунтовку трактор?

- Потерпи немного, дорогая, - он, действительно, прижал ладонь к затылку, словно промакивая пот, и коротко откашлялся. - Еще каких-нибудь десять минут - и ты все узнаешь... В самом деле, потерпи!

- «Десять минут» было полчаса назад, - ей вдруг стало почти смешно. - Я специально засекала время.

- Видимо, я немного ошибся в расчетах. Дело в том, что эта дорога даже не отмечена на карте...

- Отлично!.. Сам собой напрашивается вывод о том, что мы, вообще, свернули не туда, куда нужно... Кстати, я так и не могу узнать, куда нам было нужно?

- Я прошу всего лишь о десяти-пятнадцати минутах!

Женщина ничего не ответила, расстегнула сумочку, достала сигареты и закурила, щурясь на луну, кажущуюся близкой и водянистой. Темнело очень быстро. Тяжелое небо теперь низко нависало над лесом. Жара спала, верхушки елей слегка покачивались от ветра.

Монотонно шуршала галька, приемник, включенный на минимальную громкость, изредка выплескивал мощные симфонические аккорды Вагнера, откуда-то справа время от времени доносился кроткий и пронзительный писк ночной птицы... Синицы?.. Господи, при чем здесь синица?.. «Спой мне песню, как синица тихо за морем жила, спой мне песню как девица за водой по утру шла»... Уроки сольфеджио много лет назад... Хохочущая соседка по парте: «Спой мне песню, как девица тихо за морем жила, спой мне песню как синица за водой по утру шла!».. Если наоборот, смешно получается, правда?.. Не смешно. «Девица», тихо живущая «за морем» - это не смешно...

- Я же говорил: десять минут! А ты волновалась, - удовлетворенно заметил Тим, чуть притормаживая и поворачивая налево. - Почти приехали.

От неожиданности она вздрогнула, взглянула на недокуренную сигарету в своих пальцах, швырнула её прямо в форточку. Впереди показался какой-то полуразваленный забор, за ним - приземистое строение - то ли сарай, то ли гараж, потом из-за деревьев выступила стена двухэтажного дома.

В окне второго этажа горела свеча. Все это выглядело смешно и глупо, как в дешевых триллерах с непременным последующим появлением маньяков и вампиров. И ещё этот нелепый цирковой запах опилок!.. Однако, на сердце отчего-то стало тревожно. Она ждала чего угодно: роскошной загородной базы отдыха со столиком, сервированным на двоих посреди пустого ресторана, той же базы отдыха, но с целой толпой приглашенных или, в конце концов, уютного домика на берегу какого-нибудь озера. Но только не этого - не угрюмого, явно нежилого здания с дрожащим язычком желтого пламени в темном прямоугольнике окна, не деревянной оградки с покосившейся калиткой, не вкрадчивого стрекотания невидимых цикад.

Райдер остановил машину возле забора.

- Что все это значит? - спросила блондинка, внезапно и постыдно сорвавшимся голосом.

- Еще минуту, - пробормотал Тим, выбираясь из салона. - Подожди меня здесь. Всего минуту!

Женщина попробовала возразить. Он, вскинув руку в словно бы виноватом, но в то же время, решительном жесте, попросил её помолчать. Взглянул на освещенное окно, снова потер лысину. Резко опустил голову, почти упершись подбородком в грудь, как всегда делал перед тем, как принять какое-нибудь важное решение. И пошел к дому, осторожно приминая светлыми летними туфлями влажную траву.

Она тоже вышла из машины, отвела челку со лба, посмотрела на небо. Вокруг луны проступил странный черный ободок, как будто неумелый детсадовец, рисуя вечернее небо, жирно обвел блеклый круг мягким карандашом.

Тем временем, скрипнула деревянная дверь - Тим зашел в дом. Свеча на втором этаже все так же горела, и женщине вдруг показалось странным, что человек, который ждал в комнате, не спустился со свечой вниз, чтобы встретить гостей. Не мог же он, в конце концов, не услышать шума подъезжающего автомобиля?!

Ей вдруг стало холодно. Ужасно холодно в легком летнем платье с открытыми плечами. Голые руки от самых плеч покрылись «гусиной кожей». Она уже собралась забраться обратно в машину, когда услышала странный звук. Отвратительный, чавкающий. Как будто в едва начавшую бродить опару бросили камень. Затем глухой стук. И еще... Было что-то еще. Или ей это только показалось?

Первым её желанием было немедленно завести мотор и рвануть отсюда подальше. Вторым - прижать к груди какую-нибудь подушку, чтобы сердце не так колотилось, и чтобы тот человек в доме, тот, который забыл в окне свечу, не услышал его частых, гулких ударов...

Тишина. Опять ни звука... Огонек горит ровно, лишь слегка вздрагивая от ветра... Блондинка убрала руку с капота, почувствовав что пальцы противно вспотели и дрожат... Сюрприз. Какой ещё сюрприз?! Если все это глупая шутка, то... Что будет, если вся эта ночная жуть окажется лишь нелепой причудой Тима, она придумать не успела.

Судорожно сглотнула, отлепилась от машины и осторожно, на цыпочках, пошла вперед, прислушиваясь к каждому звуку. Как ни странно, единственным, что её теперь относительно успокаивало, был влажный запах свежих опилок. Значит, где-то поблизости лесозаготовительный комбинат. Или просто строится чья-то дача. Но, в любом случае, рядом люди!

Калитка скрипнула. Потом заскрипели ступеньки. Тонкий острый каблук едва не застрял в щели. Ремешок, обхватывающий пятку, больно натянулся. Перед тем как толкнуть дверь, женщина посмотрела вверх и увидела, что свеча в окне по-прежнему горит. «Ну, если все-таки это идиотский розыгрыш!..» - промелькнула в голове досадливая и, одновременно, истерическая мысль. Она взялась за холодную металлическую ручку, слегка налегла на дверь плечом и...

В доме было темно. Очень темно. И только луна, заглядывающая в окошко, бросала на пол сизый прямоугольник света. А в этом прямоугольнике лежали нелепо вывернутые ноги Тима. Брюки на левой ноге задрались, обнажилась волосатая голень. Блондинка распахнула глаза, отчаянно замотала головой и отступила к стене. И увидела кровь на белой рубашке. И залитое кровью лицо. И страшную рану на голове. И ещё часы. Расколотый циферблат часов на правой руке. Наверное, Тим пытался закрыться от удара...

Теперь она уже была уверена, что ей ничего не послышалось. Перед тем, как раздался этот жуткий чавкающий звук. За секунду, за долю секунды до этого Тим Райдер успел слабо и отчаянно выдохнуть: «Беги!»

Скользя спиной по шершавой стене, она сделала шаг к двери. Еще. И ещё один. А потом на её затылок обрушился удар. И, падая лицом вниз, она успела подумать о том, что умирает, о том, что все ужасно глупо и до странного просто, и ещё о синице, бредущей куда-то с коромыслом и гремящими ведрами...

Что было в самом начале? С чего все началось? С запаха хвои? С разноцветных бликов, ползающих по выпуклым бокам елочных игрушек? Или с того, что белые ажурные гольфы куда-то пропали из кабинки? Пропали - и все! Их не было ни под лавкой, ни в мешочке с физкультурной формой, ни в рукаве цигейковой шубки.

Олеся Кузнецова только второй день ходила в детский сад и не знала, что полагается делать в таких случаях. Вся группа собиралась на музыкальное занятие, а она сидела на низенькой лавочке и безутешно плакала.

Отворилась дверь. В раздевалку вошла незнакомая нянечка в белом халате и косынке. Приветственно улыбнулась воспитательнице Антонине Васильевне, кивнула в сторону Олеси:

- У вас, я гляжу, опять - вой до небес?

- Что? - та рассеяно сощурилась и на секунду оставила в покое пышный зеленый бант на голове Тани Гулякиной. - Какой вой?.. А-а-а! А я и не слышу: так галдят, что хоть уши ватой затыкай. И так сегодня с утра голова раскалывается... Так, дети, кто вопит? Что у кого случилось?

- Новенькая вопит, - немедленно наябедничал кто-то из группы. - Она гольфы потеряла.

От осознания утраты Олесья принялась плакать ещё горше. Однако, услышала, как Антонина Васильевна каким-то другим, странным тоном сказала нянечке:

- О! Иди-ка сюда. Сейчас что-то покажу. Ты такого ещё не видела.

Через секунду Олесья поняла, что этим «чем-то» оказалась она сама. Воспитательница присела перед ней на корточки, насильно отвела руки от лица, почти ласково спросила:

- Ну, и что плачем? Найдутся твои гольфы - никуда не денутся! Все хорошо, все нормально... Ну, не надо, маленькая! Скоро на улицу гулять пойдем, потом обед будет, тебе компотика дадут. Любишь компотик? А потом Новый год будет. Дедушка Мороз подарки принесет: и платице, и гольфики, и туфельки...

Все это время незнакомая нянечка стояла рядом и с интересом всматривалась в лицо «новенькой». Олесью это отчего-то ужасно злило, а при словах о том, что Дед Мороз принесет новые гольфы, а, значит, старых уже никогда не будет, она и вовсе впала в истерику.

- Ну, ладно, ладно, ладно! - Антонина Васильевна почувствовала, что сделала промашку и резко сменила тактику. - А ты кем на Новый год хочешь быть? Принцессой? Мальвиной? Золушкой?

- Крокодилом, - бесхитростно поведала Олесья, на секунду прекратив всхлипывать. - Крокодилом Геней.

Воспитательница уже спрашивала её об этом, прекрасно знала ответ и, похоже, просто провела «показательные выступления» для нянечки.

- Видала, а? Крокодилом!

- Ага, - весело отозвалась та и бесцеремонно помяла пальцами волосы «новенькой», как будто покупатель в магазине, пробующий на ощупь ткань, из которой сшито платье. - Крокодилом. Надо же!.. Интересно, в кого её, правда, вырядят то? Хорошо было, когда полгруппы - снежинки, полгруппы зайчики. А в этом году - кто в лес, кто по дрова...

- В кого её могут вырядить? - Антонина Васильевна поморщилась. - Мать не замужем, копейки получает. Посмотри, во что девчонку одевает!.. Но я тут уже узнала насчет платья - шикарного, импортного: мы на Новый год из Олеси куклу сделаем.

- Какую куклу?

- Натуральную. В сценке она у нас будет участвовать.

- Н-да.., - нянечка подобрала валяющуюся под ногами вязанную рукавичку и положила её на кабинку. - Кому-то Бог дает деньги, любовь, мужиков, а кому-то вот таких вот детей... Мать-то хоть что из себя представляет? Красивая?

- Куда там! Обыкновенная серая мышь. Папа, видать, «Ален Делон» был.

Дальше они заговорили о чем-то своем, об Олесе на время забыли. А она в это время заметила подозрительно знакомый гольф, высывающийся из соседнего шкафчика, и поспешила выяснить отношения с хозяином кабинки. Плакать больше не хотелось. Хотелось только спрятать гольфики куда-нибудь подальше, а вечером узнать у мамы, почему воспитательница назвала папу Валеру «Ален Делоном».

Потом она не могла вспомнить, что ответила мама на этот вопрос. Да и ответила ли вообще? Зато с поразительной четкостью в памяти отпечатались Новогодняя елка, запах хвои и разноцветные блики, ползающие по выпуклым бокам сверкающих елочных игрушек. «Петрушки», «зайцы», «лисички». Орда марлевых «снежинок» и длинноногий мальчик в костюме худой бесхвостой мартышки, обиженно объясняющий всем, что он «чебурашка». И она, Олесья, в роскошном розовом платье с поясом, завязывающемся на спине в огромный бант.

Рукава платья были присобраны, из-под юбки выглядывали белые кружевные панталончики. Она стояла на стульчике и громко отвечала на вопросы девочки, игравшей в сценке «хозяйку куклы». А у стены сидели родители детсадовцев и почти испуганно перешептывались, качая головами. Она слышала. Слышала многое из того, что они говорили. И впервые в жизни ощущала странное,

незнакомое волнение.

- Бог ты мой, какая красота!.. Как с картинки! - шептали чужие дяди и тети. - А волосы, волосы!.. Это же надо такой уродиться!.. Не ребенок, а ангел... В прежние времена говорили, что такие долго не живут...

«Темно. Глазные яблоки словно печет изнутри. И ужасно болит затылок. Кошмарная, разламывающая боль... Отчего так темно? Почему холодно?.. Лето. Сейчас лето. Июль. Двенадцатое июля. Вечер. Или уже тринадцатое?.. Господи, Тим!.. Где я? Что происходит? Отчего так темно?»

Женщина сморщилась, с силой надавила сразу всеми пальцами на лоб, помотала головой и осторожно села. Ее тут же затошнило. Пришлось поспешно задержать дыхание и прилечь обратно на холодный пол, чувствуя, как рот заполняется отвратительной кислой слюной.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и она начинала различать мрачные сводчатые стены, стеллажи из неструганных досок справа и каменную лестницу слева. Лестница в несколько ступенек вела наверх и заканчивалась низкой дверью с железным кольцом. Опилками здесь не пахло. Зато пахло сумасшествием, путешествием по времени - чем угодно, но не реальностью.

Какой-то подвал. Каменный пол, кое-где поросший мхом. Гниль. Отчетливый запах гнили. Не хватает только скелета в углу и летучих мышей, громко хлопающих перепончатыми крыльями... Все это было бы смешно, если бы не Тим. Если бы не расколотый циферблат часов, не густая, липкая кровь на его лице...

Она вдруг представила это так ясно, что у неё перехватило дыхание.

«Бедный Тим! Несчастный Тим Райдер... Бедная я. Господи, что будет со мной?!»

Блондинка осторожно подняла руку и ощупала затылок. Шишка, ссадина, но голова цела. Похоже, её просто оглушили. Зачем? Для чего? Что она делает здесь, в этом вонючем подвале? Почему её не убили сразу? Чего от неё хотят? Почему убили Тима?

Убили... Только сейчас она отчетливо поняла, что Тима Райдера убили. Ударили лопатой, топором или чем ещё там, по голове. И убили. Теперь его нет. Есть только кровь, запекаясь на его лысине, и нелепо вывернутые мертвые ноги... Наверное, он все ещё лежит там, в прямоугольнике лунного света. А этот человек? Человек, зажегший в окне свечу? Он тоже там?

Словно в подтверждение её мыслей наверху послышались шаги. Пронзительно заскрипели половицы, что-то с грохотом упало на пол. Она почувствовала, как в животе становится пусто и холодно. От кончиков пальцев к плечам и шее побежали мурашки. Поджав под себя голые оцарапанные ноги, женщина переползла к деревянным стеллажам и забилась в самый угол.

«Вот сейчас откроется дверь», - подумала она с паническим ужасом. «Нет... Сначала лязгнет кольцо, потом дверь откроется, и я увижу того, кто ходил наверх. Он будет со свечой. Здесь темно... Кто это будет? Господи, кто это будет?! За что мне все это?!»

Однако, вскоре звук шагов наверху стих, а дверь так и не отворилась. Ей даже показалось, что она слышала скрип кресла или дивана.

Сердце все ещё колотилось где-то под самой ключицей. Но она заставила себя встать, придерживаясь рукой за неструганные влажные доски. Голова кружилась, но ноги, слава Богу, держали. Сделала несколько неуверенных шагов и тут же упала на четвереньки, замерев как зверь, почувшавший опасность - наверх снова заскрипели полы.

Теперь к запаху гнили примешивался запах крови. Ее собственной крови. Разбитые колени невыносимо саднили.

Женщина отползла назад, к стеллажам, нащупала позади себя доску. Пальцы наткнулись на что-то маленькое, округлое и твердое. Сощурившись, она поднесла непонятный предмет близко к глазам. Это оказалась луковка. Обыкновенная, почти мумифицировавшаяся луковка. Шершавая и кисло пахнущая старостью. Наверное, когда-то здесь был самый обычный подвал, в котором хранились овощи и банки с вареньем. Клубничное, смородиновое, малиновое...

Она поняла, что сейчас разрыдается. От того, что все так ужасно, так несправедливо и жестоко. Почему она? Почему именно она?! Почему все это должно было произойти именно с ней?!

Варенье... Набор детской посуды: глубокая тарелочка, мелкая тарелочка, чашка и розеточка под варенье. На каждом предмете - зайчик и медвежонок... Мама... Если бы здесь была мама... Если бы она знала!

«Я не хочу умирать», - прошептала она одними губами. - «Я не умру. Я не могу умереть. Я

обязательно выберусь. Со мной не может произойти ничего плохого. Я молодая, я красивая, мне ещё так мало лет».

Тупо и упрямо, как гнилой зуб, занял затылок. Блондинка прижалась лицом к шершавым доскам и беззвучно заплакала...

Это была суббота. Да, точно суббота. Поздний вечер. И сладкий аромат черемухи в воздухе. Естественно, холод собачий. Девчонки вырядились в какие-то плащи и куртки. А Олеся надела пушистый белый кардиган, черную водолазку и кремовую гофрированную юбку до щиколоток.

- Замерзнешь! - мрачно предупреждала Ленка Жданова. - В общагу вернешься синяя, как цыпленок.

- Она-то как раз и не замерзнет! - отзывалась Ксенька. - Это ты домой на метро потащишься, а ей стоит руку поднять - двадцать иномарок в ряд останутся.

- Во! Двадцать как раз хватит. - Ленка удовлетворенно кивала. - Все и поместимся.

Это был её пятый курс. Последний год в институте. Последняя весна перед госэкзаменами. Конфликты исчерпаны, ссоры забыты. Да, честно говоря, Олеся почти ни с кем и не ссорилась.

Первое время на неё смотрели странно, как на существо с другой планеты. Но она была слишком красива для того, чтобы её воспринимали как реальную, земную соперницу девчонки. И, как ни странно, слишком хороша для того, чтобы просто так, «на удачу» подкатывали парни.

Олесе недавно исполнился двадцать один год, и у неё до сих пор никого не было. Однако, она абсолютно не печалилась по этому поводу. Просто знала: день настанет, он придет. И это будет Он. Самый сильный, самый умный, самый прекрасный на свете...

Была суббота. Поздний вечер. И сладкий аромат черемухи в воздухе... Что же потом? Три последних сигареты в Ксенькиной пачке. Чей-то обиженный вопль: «Вот, значит, так, да? Меня «с хвоста»?!» Олесе, собственно, было все равно: тогда она ещё не курила. Потом Ленка Жданова... Да, точно Ленка Жданова пожалала плечами: «Крику-то крику! Вон киоск на той стороне улицы: скинуться да купить!»

Чуть впереди - низенькие серые воротца подземного перехода. Но, Боже ты мой, как неохота до них тащиться!.. Полупустынная улица, с изредка пролетающими мимо автомобилями. Короткий шелест шин. В сверкающих темных дверцах на секунду длинным бликом отражается свет фонарей...

Она сначала почувствовала, а потом уже поняла. Именно почувствовала, а не услышала... Стремительная волна невыносимо плотного воздуха. Всепоглощающий, звериный ужас. Уже потом - резанувший по глазам росчерк фар. (Как глупо, как странно они метнулись в сторону! словно перо, выводящее последнюю, хитрую закорючку на росписи).

Визг Ксеньки. Неожиданно низкий, утробный крик Галочки. Так обычно кричат мужики в кабинете у стоматолога. Сама Олеся не успела ни взвизгнуть, ни закричать. Откуда-то изнутри к горлу вдруг прихлынула кровь. Тело нелепой дугой взвилось в воздухе. И первым реальным ощущением стал удар об асфальт.

«Мамочки! Больно как!» - подумала она отчего-то с обидой. И с обидой же посмотрела на окровавленный рукав ещё недавно белоснежного кардигана. Потом её затошнило. Холодное небо крутанулось перед глазами. Захотелось перевернуться на бок, но сил вдруг не стало.

Две белых тумбочки в холле первого учебного корпуса. Две банки с красными гвоздиками. Две фотографии с черной траурной лентой. На фотографиях - улыбающиеся девушки. Лист ватмана формата А1. Черной тушью выведено: «Студентки выпускного курса... Трагически погибли». И так далее...

Олеся так часто видела это в своих лихорадочных полуобмороках-полуснах, что почти поверила. Она знала, что зацепило её и Галочку. Водитель оказался нормальным - не сбежал, не затаился - наоборот, едва не сшибая светофоры, повез их на собственной машине в больницу. Но Галочка умерла. Прямо там, на заднем сидении, обитом нежной ворсистой тканью.

Олеся узнала об этом, когда лежала на столе в свете бестеневой лампы, а медсестра срезала с неё остатки одежды и смывала кровь ватными тампонами. Тогда она поняла, что тоже умрет, и ждала этого момента с тупой покорностью.

Разрыв печени. Повреждена правая почка. Перелом большой берцовой кости. Множественные переломы запястья. Практически раздроблена кисть...

Лицо, правда, почти не пострадало. Так, несколько глубоких царапин и ссадин. Потом на неё

приходили посмотреть, как на «Мону Лизу» - в порядке обязательного ознакомления с прекрасным. Олеся лежала и беззвучно плакала. Она чувствовала, что скоро умрет.

Мама примчалась из Перми на второй же день. Давно планируемая поездка в Москву обернулась ночевками на скрипучих стульях в длинном больничном коридоре. Комендант институтского общежития любезно предложил занять пока койку дочери, но мать лишь собрала туалетные принадлежности из тумбочки и кое-какие вещи.

А Олеся думала о том, что черное трикотажное платье совсем новое, что его жалко и стоит оно не мало. Что мама и так потратится на похороны, что похоронить её, Олесю, можно будет и в чем-нибудь другом (какая разница?). Так пусть уж мать оставит платье себе: рост у них приблизительно одинаковый. Фигуры, конечно, разные. Но ведь можно расставить платье в швах, а талию подчеркнуть пояском?

Женщину с только что прооперированной язвой желудка привезли в палату в четверг вечером. Перегрузили с каталки на кровать, задернули шторы и ушли. Мама взглянула на неё с неудовольствием: от новой соседки слишком веяло смертью - это могло только усугубить Олесину депрессию. Однако, женщина довольно быстро очнулась от наркоза, еле слышно представилась:

- Меня Наталья Максимовна зовут... А вас?

Улыбнулась матери, ободряюще (ободряюще!) кивнула Олесе. Как выяснилось, ей недавно исполнилось пятьдесят два года, у неё был шикарный аквариум со скаляриями и гурами, муж - бывший преподаватель автодорожного института, и сын Вадим.

Сын Вадим пришел с трехлитровым термосом куриного бульона в пятницу утром. Одной рукой придерживая на груди белый халат, сел на стул рядом с кроватью, взял пальцы Натальи Максимовны в свою ладонь...

Когда он ушел, Олеся попросила у матери зеркало и крем. Обычный, питательный и тональный («чтобы не выглядеть, как бледная поганка»).

- Что, раздумала умирать? - спросил во время обхода приятно удивленный доктор.

- Раздумала, - ответила она со спокойной улыбкой.

Тогда мать почти испуганно молчала. («Только бы не сглазить, не спугнуть!»). Это уже потом, когда напоминанием о больнице осталась только необходимость принимать лекарства да периодическая ноющая боль в покрытой шрамами руке, она начала бурчать:

- И почему ты у меня такая дурочка? Ну, почему, а? Стоило до двадцати одного года нос от парней воротить, чтобы потом вот так? И ведь, главное, на что позарилась? На физиономию смазливую? Нищий программист! Гол, как сокол! Одни сплошные амбиции, да еще, наверное, бывших любовниц хоровод!

- Но ведь бывших же? - уточняла Олеся.

- Еще не хватало, чтобы нынешних!.. Поди, понимает, какой камень драгоценный ему достался?!

- Ой, мама, брось! - сердито отмахивалась она. - «Камень, камень!»... И, кстати, он не нищий: у него, слава Богу, своя собственная, отдельная квартира в Люблино.

- О! - радовалась мать. - Не иначе, как Наталья Максимовна сыночка отселила, чтобы девок своих в квартиру не водил... Ох, Олесья-Олесья! Ничего-то ты ещё в жизни не понимаешь. С такой внешностью, как у тебя... Эх, да что там говорить! Ты ведь за дипломата какого-нибудь могла выйти, за бизнесмена. Да хоть даже за артиста! Лучше бы ты, как любила в детстве Михаила Боярского, так и любила бы дальше.

- Михаил Боярский женат.

- А с твоего Вадика только и корысти, что холостой...

Впрочем, все это было много позже. А тогда она, таясь, опираясь о костыли и придерживая левой рукой повязку на животе, добиралась до закутка между вторым и третьим этажом. И там они с Вадимом целовались, не обращая ни на кого внимания. Олеся смеялась сама над собой: над тем, что она такая неуклюжая и беспомощная, над тем, что всюду торчит гипс, да ещё эти ужасные костыли. Смеялась и счастливо замирала от звука его голоса. И гладила его каштановые волосы, сбегая легкими пальцами к щетине на щеках. И благодарила судьбу за тот, вылетевший из-за угла «Жигуленок»...

Шагов наверху не было слышно уже, наверное, минут десять. Женщина вытерла тыльной стороной ладони слезы, сняла туфли и на цыпочках подошла к двери. Сидеть и дальше возле

полусгнивших стеллажей, ожидая неизвестно чего, было, по меньшей мере, глупо. А ещё было больно сгибать ноги: ссадины на коленях успели подсохнуть и затянуться легкой коростой. Но она все же присела на корточки и заглянула в ржавую замочную скважину, на несколько секунд задержав дыхание.

Темная стена. Справа - короткий коридор и кусок окна. В окне - черные деревья. Луны не видно.

Ей вдруг явственно представилось, как чья-то тень закрывает скважину. Незримое присутствие по ту сторону двери. Кислое тяжелое дыхание. И свеча. Дрожащий, тоскливый огонек...

Ноги мгновенно ослабели. Блондинка села прямо на верхнюю ступеньку, глубоко впиваясь в кожу, провела ногтями от кисти к локтю правой руки.

«Нельзя раскисать! Нельзя! Только не сейчас! Потом! Когда-нибудь все это закончится. Когда-нибудь все это будет только жутким воспоминанием!»

За дверью - ни звука. Где-то рядом лежит мертвый Тим. Его открытые глаза скошены вниз и влево. Как будто в последнюю секунду перед смертью он вдруг заметил бегущего по полу таракана. Кровь на лице. Разбитый циферблат часов...

Она осторожно толкнула дверь. Дверь не подалась. Толкнула сильнее. Результат тот же. Сильно надавила плечом. Заперта. В общем, этого и следовало ожидать... И все равно, нельзя паниковать!

Ее не убили сразу, значит, она зачем-то нужна. Убили Тима, а её оставили в живых. Кто? Зачем? Почему?.. Может быть, это как-то связано с его бизнесом? Деньги? Проблемы с фармацевтической компанией?.. Чуть. Не может этого быть. При чем, в таком случае, она? Абсолютно ни при чем. Да, и кто она такая? Просто красивая женщина при неуклюжем, но умном и денежном мужчине?.. А, может быть, её просто пожалели? Решили оставить в живых? Но зачем тогда заперли?.. Заперли. Действительно заперли. Дверь стоит, как влитая в косяк. Сколько на неё ни дави - даже не шелохнется!

Если её с самого начала не хотели убивать, то почему не бросили, оглушенную, посреди дороги? Ведь она все равно ничего не видела и никого не смогла бы опознать... Какое лицо было у человека, ударившего Тима по голове? Какие руки?.. Она не видела ничего, кроме свечи в окне.

Блондинка встала, опершись рукой о ступеньку, и, болезненно поморщившись, спустилась по лесенке вниз. Снова скользнула к стеллажу, легла животом на пол, просунула пальцы глубоко под доски. Тоже стена. Холодная каменная стена. Откуда-то пробивается едва заметный сизый свет. Но откуда?

Хорошо хоть крыс нет!.. О, Господи, какая глупость! Ей подумалось, что так недолго и сойти с ума. Какие ещё крысы, если там, в доме, сидит убийца?! Кто он? Что ему надо от нее? А, может быть, его поступки, вообще, не попадают под обычную человеческую логику? Может там какой-нибудь сумасшедший?

Явственно потянуло сигаретным дымком. Шагов, впрочем, все равно не было слышно. Женщина поспешно отряхнула с платья комья мокрой земли, взялась обеими руками за вертикальные деревянные балки и встала на нижнюю полку стеллажа, как на ступеньку. Нельзя больше плакать, нельзя сидеть и ждать, кто бы ни курил сейчас там, наверху, в заброшенном темном доме. Где-то должна быть элементарная вентиляция. Или в таких подвалах вентиляция не предусмотрена?.. Мама моя, как все-таки болит голова! И Тим... Неужели это, в самом деле - все? Нет Тима и словно не было ничего, связанного с ним?.. Нет Тима.

Вторая полка под ногами угрожающе заскрипела. Блондинка задохнулась от ужаса и прижалась всем телом к стеллажу, как кошка, распластавшаяся по висящему на стене ковру.

«Сейчас», - промелькнуло в голове. Только одно короткое и страшное слово «сейчас». Сейчас он войдет, увидит, что она очнулась, замахнется и...

Легкий шорох наверху. Шаги. Кажется, скрипнула дверь. Не подвальная другая. Снова тишина...

Женщина осторожно поставила ногу на следующую полку. Протянула вперед дрожащую руку. Снова камень. Или... нет? Просто холодная слежавшаяся земля? Мох? Ну, конечно же, мох! Ворсистый, мягкий мох. И земля!

Она всхлинула, по-детски искривила губы, и с остервенением принялась царапать стену, тут же до мяса обломав несколько ногтей.

«Здесь давным-давно могло все прогнить!» - с лихорадочной, отчаянной надеждой внушала она себе.

«Может быть, каменная облицовка в подвале - сплошная бутафория? Здесь могут быть доски,

глина, земля! Здесь может быть все, что угодно... Мамочки! Только бы! Только бы...»

Вадим никогда не заводил разговора о своих бывших женщинах, но Олеся и так догадывалась, что их было немало. Взять хотя бы эту девочку с его работы. Так себе девочка - черненькая, маленькая, передние зубы чуть великоваты, грудь, едва ли, первого размера.

Но, если быть совсем объективной, то ничего - обычная средняя баба. Ничего... Все бы ничего, если б она так не смотрела на Вадима и на неё саму, на Олесю. Кажется, сейчас дырочку взглядом прожжет. И ненависть, и зависть, и ещё черт знает что! Посредственная у юной мадемуазель профессиональная подготовка. Весьма посредственная. Кем она там у них числится? Штатным психологом? Стрессы помогает снимать шизующим программистам и мальчикам, занимающимся компьютерным дизайном?

Что ж себе тогда не снимет? Или, по крайней мере, не найдет отвлекающий момент, легко и изящно переключив собственное внимание с одного объекта на другой? Есть же у них для этого всякие профессиональные штучки-дрючки.

Острые коленки. Банальное карэ. Одежда, правда, дорогая. Видимо, девочка неплохо зарабатывает. Побольше Вадима. За что, спрашивается, ей платят? За какие-то особенные заслуги?

Вадим сидит за своим компьютером днями и ночами, причем денег едва хватает, чтобы сводить концы с концами. А все эти бабы, тетки... Наштукатурятся с утра, нацепят весь свой ювелирный арсенал и тащатся на работу едва ли к одиннадцати. Интересно, с которой из них, у него прежде был роман? В принципе, почти все они, исключая самых пожилых, ведут себя так, что можно подумать все, что угодно.

Шатенка Марина с мягкими локонами, лежащими на плечах. Вечно: «Вадим! Вадик! Вадечка!» Ее, Олесину, присутствие нарочито не замечается. Ее просто нет - пустое место!..

Буфетчица - наверное, ровесница Вадима. Лет тридцать, а то и все тридцать пять. С завидным постоянством умудряется проливать на Олесину одежду чай и кофе. Вадим, конечно, удивляется: «Люся! Да что с тобой такое?!» Люся виновато улыбается, извиняется, приносит чистую салфетку, чтобы промокнуть пятно...

А чем лучше эта секретарша? Или насквозь прокуренная рыжеволосая дылда, работающая, кажется, в отделе маркетинга и усиленно строящая из себя «своего парня»? Все они, без сомнения, относятся к ней, как к хищному чудовищу, явившемуся из ниоткуда и похитившему их любимого, их драгоценного, их родного Вадима Бокарева.

Иногда Олеся с ужасом думала о том, что становится женоненавистницей. Самой натуральной женоненавистницей, умудряющейся в каждой встречной бабе разглядеть непосредственную угрозу своему личному счастью. Не спасала ни прежняя уверенность в собственной красоте, ни мамино телефонное: «Не бросила ещё своего любезного?.. Нет?.. Ну, ладно, пусть сидит, на тебя молится... Конечно, он на тебя должен молиться! Не ты же на него!.. Пойми, наконец, девочка: таких как ты, если в мире с десяток найдется - и то хорошо. А мужская красота? Да кому она нужна? Мужик должен жену с детьми любить и деньги в дом приносить. Вот и все!»

Теперь она знала, что такое - ревность. Однако, сцен Вадиму не закатывала, подозрениями не терзала и в ящиках стола не рылась. В конце концов, какая разница, кто был с ним до нее? Главное, все уже прошло, ничего этого больше нет.

Есть его однокомнатная квартирка в Люблино. Продавленный диван с отваливающимся подлокотником. Ее полотенце висит в ванной. Ее вещи занимают две полки в шкафу.

«Красавица из пятой квартиры», - говорят про неё соседи. И, бог с ним, с тем, что было «до», гораздо важнее подумать о том, что будет после. «После завтра», после их свадьбы... Да хоть о том же старом диване, который пора заменить, в конце концов!

И все же...

Это было в тот день, когда Вадим получил очередную смехотворную подачку своего босса и предложил сходить в ресторан.

- Давай лучше купим что-нибудь? - неуверенно предложила она. - «Ложе любви» поменяем или смеситель в ванной? А то скоро соседи снизу счет за ремонт нам выставят.

- Да ты мещанка?! - Вадим в притворном ужасе округлил глаза. - Это как же можно ставить на одну доску романтический ужин и какие-то там сантехнические прибабасы?! Ты бы ещё бачок для

унитаза купить предложила!

- Бачок, кстати, тоже нужен.

- Не хочешь в ресторан? Правда, не хочешь? - он взял её ладошку и прижал к своей щеке. - Ну, и не пойдем! Дома поужинаем. Тоже со свечами... А купим диван! Или тебе что-нибудь. Колечко хочешь? Или духи?

Олеся мгновенно устыдилась, растроганная его внезапной нежностью. Поспешно отказалась от своих планов, связанных с приобретением бачков и смесителей. Начала настаивать на походе в ресторан. Не слушая возражений Вадима, вытащила из шифоньера оба своих «парадных» платья. Принялась копаться в лифчиках и колготках.

Он поцеловал её в затылок. Попросил:

- Надень вот это, сиреневое. Оно тебе очень идет.

- Цвета фуксии, - поправила Олеся.

- Ну, цвета фикуса! Один черт, - согласился Вадим, смешно коверкая слово.

Они задержались дома еще, наверное, на полчаса. А потом-таки пошли. И когда Олеся, прекрасная и счастливая, шла в платье «цвета фикуса» по холлу, казалось, что не только люди, но и духи зеркал любят её с почтительного расстояния.

Им достался столик рядом с белой решеточкой, увитой темно-зеленым плющом. На белоснежной скатерти в фарфоровой вазе стояли розовые хризантемы, тускло поблескивало столовое серебро. Струнный квартет наигрывал Моцарта. Все было просто чудесно, а при мысли о смесителях и бачках для унитаза делалось смешно и стыдно.

И вот когда Вадим предложил выпить за будущее, из-за дальнего столика встала невысокая женщина с тщательно уложенной прической. Ее спутник, немолодой и кудрявый, проводил женщину неодобрительным взглядом. Вадим обернулся только тогда, когда та подошла совсем близко. Удивленно округлил глаза, хлопнул себя ладонью по коленке:

- Алка? Ты что ли? Откуда ты здесь взялась?

- Да уж взялась, - женщина пожала плечами. Кивнула на Олесю. - Жена? Невеста? Знакомить будешь?

- О, простите дамы! - спохватился он. - Леся, познакомься, это Алка моя давняя подружка. Когда-то неслабо пили вместе в одной студенческой компании... А это - Олеся. Моя почти жена.

- Вечно у тебя «почти», - Алла усмехнулась и присела на свободный стул. - Вон какая девушка красивая! Чего ещё ждешь?

- Да ничего я не жду. Говорю тебе, заявление в следующем месяце подаем... Скажи лучше, Борьку Данилевича давно в последний раз видела?

Олесе на секунду показалось, что Вадим несколько смутился и намеренно увел разговор в другую сторону. Даже глаза опустил, уставившись на носок Аллиного туфля. Туфель был белый, лаковый. Рядом с шелковой нитяной строчкой поблескивало золотое сердечко с хвостиком - такое, какое рисуют на пиковых тузах. Наверное, носок был узковат, потому что сквозь тонкие капроновые колготки бугристо выступали уставшие и синие вены.

- С Данилевичем твоим тыщу лет уже не пересекались. Да и где? Я ведь в стационаре сейчас работаю, - Алла, согнув пальцы, рассматривала свои розовые ногти на свет. - И платят больше, и работа интереснее. Я ведь на микропедиатрии специализировалась... Хотела пойти в Центр семьи и брака, но потом передумала и, в общем, не жалею... Аксенов тоже куда-то запропал: развелся, говорят. Васю тут как-то встретила - посидели, поболтали, кофе выпили... Вот такие дела!.. У тебя-то что интересного, кроме предполагаемой женитьбы?

- Да, ничего. Все как-то так... Работа, работа, работа. Шеф чего-то там воду мутит: оклад повышать не хочет. Я ему привожу цифры, сколько в среднем программист моего уровня по Москве получает - он мне начинает про какие-то объективные возможности компании...

- Ага! И субъективные желания самого начальника. - она понимающе кивнула.

Они беседовали, как, действительно, хорошие, давние друзья, понимающие друг друга с полувзгляда, и Олеся отчего-то чувствовала себя лишней. Нет, о её существовании не забывали, но как-то так получалось, что говорили о бесконечных «Данилевичах - Аксеновых - Ласкаревых», о прежних веселых попойках «а-ля МЭИ и первый мединститут». Даже предстоящую женитьбу Вадима вспоминали в контексте: «А ты чего, Алка, правда, до сих пор не замужем, что ли?.. Да, ладно-ладно тебе кокетничать. Хотела бы - давно выскочила. Сколько народу вечно за тобой ухаживало».

Олеся вяло ковырялась вилкой в салате, время от времени подносила к губам фужер с вином и досадливо думала о том, что вот такие вот «старые подружки», наверное, ещё хуже, чем бывшие любовницы. Любовницы злятся за то, что «единственного и неповторимого» у них отняли, а подружки продолжают считать, что «единственный и неповторимый» - до сих пор их, и только их. Жена, мол, может быть сколь угодно красивой, но студенческое прошлое и воспоминания о бесшабашной молодости всегда будут тянуть к себе с неодолимой силой.

В конце концов, она встала, объяснила, что ей нужно на пару минут выйти и направилась в дамскую комнату. Там достала из сумочки пудреницу, небрежно провела пуховкой на скулам и лбу.

В зеркале отразилась открывающаяся дверь. Красный декольтированный костюм. Русые, слегка осветленные на концах волосы. Алла...

Тоже подошла к умывальнику, включила воду, смочила пальцы, брызнула себе на лицо. Взглянула на Олесю немного виновато:

- Вы обиделись?

- Почему? Вовсе нет.

- Обиделись. Я бы тоже на вашем месте обиделась. Мы вели себя бестактно. Извините... Я очень рада за Вадима. И за вас. Вы - самая красивая девушка из всех, что у него были, и он очень дорожит вами. Остается только надеяться, что у вас все будет хорошо.

- Что вы хотите этим сказать? - напряглась Олеся, уловив в последней фразе какой-то нехороший подтекст.

- Ничего. Вы достаточно близки. Наверняка, откровенны друг с другом. Он вам все рассказывает...

- Да, разумеется. Мы очень много времени проводим вместе. Я часто бываю у него на работе и...

- И все же, Олеся, вы ничего о нем не знаете, - неожиданно закончила Алла и, резко развернувшись на каблучках, вышла из дамской комнаты.

Конечно же, она вернулась за свой столик, к своему угрюмому кудрявому блондину. Конечно же, они, наконец, остались наедине. И все же настроение у Олеси было изрядно подпорчено.

«Вы ничего о нем не знаете», «ничего о нем не знаете», - холодными молоточками стучало в висках. И вино, прежде такое терпкое и нежное, теперь казалось прокисшим...

Ей было больно. Очень больно. Один ноготь надломился едва ли не на середине. По пальцам текла кровь. Но она продолжала копать - тупо, механически остервенело. Светлые волосы, мокрые от пота, прилипали к лицу. Женщина отфыркивалась, резко мотала головой и продолжала копать. Ей не хотелось думать о том, что за слоем туго, но все-таки поддающейся земли вполне может оказаться каменная кладка. Не хотелось представлять, сколько (при самом лучшем раскладе!) килограммов этой земли придется перекидать на пол, чтобы протиснуть в образовавшуюся щель свое измученное, дрожащее тело.

Она копала, затылком чувствуя, что этот человек - человек со свечой, все ещё в доме, что дверь в любую секунду может с противным визгом отвориться. Она не хотела думать об этом. Ей нельзя было об этом думать.

Зато блондинка думала о Тиме. О том, что его, на самом деле, нет. О том, что этот факт все совершенно меняет. Все ставит с ног на голову. Или с головы на ноги? Да, именно «с головы на ноги», потому что все, наконец, становится на свои места. Все будет так, как и должно было быть. Все!

Его смерть. Его нелепая и страшная смерть. Кровь на лице... Ее обломанные ногти. Кровь на руках. Его кровь на её руках... Боже, какая страшная банальность! Какая жуткая банальность. Но ведь это, действительно, так? Потому что она... Потому что ей... Нет, она, конечно, потрясена, она скорбит о гибели Тима. Но гадкая, скользкая мыслишка ужом вьется в мозгу: «Когда все закончится, когда она выберется отсюда, когда отшелестят траурные венки и ленты из черного крепа, когда она до конца поверит в то, что его нет, тогда... Тогда ей станет намного легче. Намного легче, чем вчера, позавчера или месяц тому назад».

Послышался ли смутный шорох за спиной? Действительно ли, легкий камушек со стуком упал на пол? Блондинка вздрогнула и обернулась. Нет. По-прежнему никого. Но в подвале будто бы стало светлее? Или это только кажется?... Который час? Сколько сейчас может быть времени? Неужели уже рассветает?

Она провела тыльной стороной ладони по лбу, отводя прилипшую прядь. Лоб тут же сделался влажным. «Наверное, измазала кровью», - подумала она отстраненно - «Скоро встанет солнце...

Сколько у меня ещё есть времени в запасе? Сколько ещё есть времени до того, как он за мной придет?»

Денег не хватало катастрофически. Ни на ремонт, ни на новую мебель, ни даже на еду. Вадим влез в какой-то конфликт с начальством, с работы теперь возвращался рано, много курил, ходил мрачнее тучи и денег домой приносил меньше, чем какой-нибудь престарелый вахтер из НИИ.

В Олесином агентстве, предоставляющем иностранным группам и туристам-одиночкам переводчиков с европейских языков, платили, конечно, неплохо, но вот работы на всех числящихся в штате бывших студенток иняза часто не хватало. Последний раз она работала со старой французенкой, ностальгирующей по Родине своих предков, аж в июле. И с тех пор, до сентября - ничего!

Вообще-то, она понимала, почему так происходит, почему не дают контрактов, хотя и английский, и французский у неё едва ли не лучшие в группе. Просто ушла в отпуск веселая и белозубая диспетчер Дашенька, всегда подсовывавшая ей выгодные договоры. И вот уже полтора месяца сидящая на её месте Вика Короткова только ехидно отвечала на Олесиные вопросы о работе:

- Нет, для тебя ничего нет. Клиент желает видеть скромную, обаятельную деловую девушку, умеющую вести себя тактично и не лезть на передний план.

В такие моменты она почти ненавидела свои густые светлые волосы, свои кукольно-синие глаза, свою фигуру и свои ноги. А заодно и идиотов-клиентов, подчас забывающих при взгляде на неё не только традиционное и неизменно корявое русское «здрав-ствуй-те», но и свои родные англо-франко-итальянские слова.

Однако, спорить с Коротковой было нельзя, Дашенька грозилась подумать о декрете, и кто знает, будет ли, вообще, работа, если эта мымра останется на её месте ещё на три года. Поэтому Олеся только прикусывала губу и уходила ни с чем.

Теперь о декрете думала она сама. А так же о том, что они будут есть, когда ребенок родится, и единственным кормильцем останется Вадим. О колясках, кроватках и памперсах вопрос пока даже и не поднимался! Мама по телефону все чаще тяжело вздыхала и, уже смирившись с участью, которую выбрала для себя дочь, устало говорила:

«Ну что ж, я помогу, чем смогу. Подгузники, шапочки, пеленки можешь даже не готовить - все привезу... Кроватька?.. Тоже новую не покупайте, вам ещё на свадьбу тратиться. Вон у Нинки на балконе от последней внучки стоит-пылится. Дам ей пару ведер картошки - и кроватька ваша».

Палютина, гинекологиня из консультации, зудела насчет того, что беременность тяжелая: такие серьезные травмы всего год назад, да ещё и угроза выкидыша! В общем, ужас, ужас, ужас!

В тот день докторша опять разохалась над последними анализами, прямо сказала, что неплохо бы лечь в стационар «на сохранение». В общем, окончательно испортила Олесе настроение. В агентство идти не хотелось, но хотя бы отметить там полагалось: дура-Короткова не должна была окончательно забывать о её существовании.

В офисе «Арбата» было тихо и прохладно. Сентябрьское солнце, не греющее, а именно, пекущее, основательно нажарило сквозь шерстяной костюм Олесиные плечи и спину. Поэтому она облегченно вздохнула, когда, закрыв за собою тяжелую дубовую дверь, вошла, наконец, в помещение.

За время её почти двухнедельного отсутствия ничего здесь не изменилось. Так же спокойно, rispetтабельно, изыскано и безлюдно. В приоткрытую дверь кабинета она увидела, как что-то печатает за своим компьютером девочка-референт в неизменной белой блузке и строгой юбке, клавиши сухо пощелкивают, экран подмигивает голубыми искорками.

«Нет людей, нет деловой суеты, значит, - нет и контрактов», - мысленно отметила Олеся. Однако, все равно прошла в зал для посетителей.

Короткова сидела сегодня не за своим столом, выполненным «под мрамор» и формой напоминающим недоделанный вопросительный знак, а в глубоком белом кресле у окна. Вика читала «Игру в бисер», и выражение лица у неё при этом было озадаченное и напряженное.

Услышав звук Олесиных шагов, она лишь на секунду подняла голову и снова уткнулась в книгу. Причем на её бесцветной физиономии с аккуратно нарисованными глазами, бровями и ртом, не отразилось ни радости, ни огорчения, ни даже привычной готовности к «бою». И в этот момент белая дверь со сдержанно поблескивающей табличкой «Директор» отворилась. Из кабинета с цветочным горшком в руках вышла Даша.

- Дашка, Дашенька, ты вернулась?! - Олеся легко вскочила с кресла и подбежала к «мраморному» столу.

- Да, - важно отозвалась та, придирчиво рассматривая на свет растение. - Как тебе венгерская кудрявая травка? Здорово, правда? Это сейчас она ещё лысая, потому что маленькая, а через пару недель такие побеги пустит!.. Я одну уже сейчас у Филатова в кабинете пристроила.

У венгерской травки, действительно, пока был весьма непрезентабельный вид. Круглые, зеленые, похожие на крошечные диванные подушки листики тонкими пальчиками черенков вцеплялись в основную стебель, тоже бледно-зеленый и чрезвычайно худой. Всего таких стеблей-плетей из горшка торчало пять или шесть. И весь цветок, в общем, до смешного напоминал голову лысеющего мужчины с последними размазанными по ней волосами.

- Кстати, я очень тебе рада. И ещё у меня для тебя есть хорошие новости, - точно таким же тоном добавила Даша. - Пойдем, поговорим в комнату отдыха. Заодно и кофейку выпьем.

Олеся обернулась и мстительной радостью заметила, как неизменный куцый хвост на Викиной голове обиженно мотнулся в сторону. Когда той что-то не нравилось, она обычно вот так, нервно дергала шеей. Сейчас ей было обидно от того, что двое разговаривающих в комнате слишком явно намекали на нежелательность её присутствия и собирались уединиться то ли для своих секретных разговоров, то ли для того, чтобы её, Вику, пообсуждать. Впрочем, очень скоро она снова преисполнилась спокойного величия человека, читающего Гессе и упивающегося осознанием этого факта...

Белый электрический чайник закипел за пару минут. Даша достала из тумбочки две кофейные чашечки и новую, нераспечатанную ещё банку «Нескафе».

- Так вот, подружка, - она, закинув ногу на ногу, устроилась на плетеном стуле и чайной ложечкой принялась прорывать возмущенно шуршащую фольгу, - контракты всегда были, и никуда не девались. Я когда вышла из отпуска, журнал просмотрела и ахнула: ни фиги себе, - думаю, - Кузнецова то уже черт знает сколько времени не работает! Может быть что случилось?.. А потом девки мне сказали, что ты несколько раз приходила, наверное, заключать новый договор. Ну, тогда я сразу поняла, что это Короткова постаралась... Вот знаешь, Бог он все-таки все видит! Потому она и замуж никак сходить не может, что такая стерва!

- Ну, ты скажешь тоже: «замуж» - «сходить»! Прямо как в туалет! - Олеся усмехнулась и за ручку подтянула к себе чайник.

- А что? Некоторые, как в туалет, и ходят: фьют - и снова не замужем, а главное - снова счастливая... Кстати, у тебя то когда регистрация?

- Ой, уже через месяц, а ещё ничего не готово, и денег нет, и проблем выше крыши...

Даша аккуратно, стараясь не просыпать на стол, положила в каждую чашку по ложечке кофе и тонкой струйкой принялась наливать кипяток.

Олеся смотрела, как внутри чашечки вместе с ароматно пахнущей, темно-коричневой жидкостью поднимается легкая кремовая пенка, и думала почему-то о «фирменных» домашних тортах маминой соседки сверху Марии Григорьевны, а ещё о том, что она такие торты печь не умеет, и к официальному началу семейной жизни надо бы подучиться.

- Странные вы какие-то! - раздумчиво произнесла Даша, отхлебывая кофе и болтая ногой в легкой замшевой лодочке. - Вроде бы уже больше года вместе живете и вдруг решаетесь пожениться, когда финансовое положение нестабильное, да еще, как ты говоришь, проблемы... Правда, до меня тут сплетни дошли, что ты, вроде «того», беременная у нас?

- Правильные сплетни, - Олеся тоже отпила кофе и потерла указательным пальцем след её красной губной помады, оставшийся на полупрозрачном, фарфоровом крае чашечки. - Но это все, конечно не из-за ребенка. То есть, из-за ребенка, но... В общем, мы все равно бы поженились, только откладывать это могли бы до бесконечности. А так повод нашелся... А что качается финансовых проблем, то они никуда не денутся. Одни кончатся, другие начнутся. У Вадима с шефом отношения сложные, карьеру в его конторе сделать крайне проблематично. Особенно тем, кто не хочет плясать под чужую дудку...

- Он у тебя кто, я забыла? Старший программист? Начальник отдела?

- Начальник отдела. Очень перспективного отдела, - зачем-то соврала она и мучительно покраснела. Вадим Бокарев числился в компании «Флоретта» рядовым программистом. А тут ещё и Даша отреагировала именно так, как она и рассчитывала: от этого на душе стало ещё паршивее.

- А, ну начальник отдела - тогда понятно! Дирекция с «мастерами участков» вечно сферы влияния делит. Вон как наш Филатов с Березюком... Да ты не переживай, все утрясется. Все это - политические игры. Главное, работа у него перспективная, должность хорошая. У твоего Бокарева, вообще, один недостаток - слишком он для мужика красивый. Если бы ты не была такая, я бы, наверное, даже не посоветовала тебе выходить за него. Знаешь, «красивый муж - общий муж». Но это я так, к слову... Самое смешное, что я собиралась тебя успокоить. Успокоила, называется! А, вообще, ты никого не слушай, живи счастливо и кушай фрукты. Тебе сейчас переживать нельзя... Кстати, срок то какой?

- Десять недель, мы уже большие, - Олеся улыбнулась.

- Ох, большие!.. Вот месяцев шесть будет, тогда вырастете. Тогда интересно, да-а... Я помню, у меня платье такое было из тонкого бирюзового трикотажа, так когда Аринка внутри ножками дергала, по платью прямо волны шли, как по синему морю... Эх, сколько сейчас и специальных магазинов для беременных, и детского питания и памперсов всяких, рожай - не хочу!

- И где бы ещё деньги на все это взять, так чтобы не выбирать, какие памперсы подешевле, а просто пойти и купить те, которые нравятся, хоть французские, хоть американские?

Она почти с испугом почувствовала, как внутри её глухой волной поднимается раздражение. Ну, почему, почему разговоры и о свадьбе, и о ребенке неминуемо сводятся к деньгам? От того, что она такая приземленная и корыстная? Но почему плохо быть корыстной? Разве лучше приходиться в «Детский мир» и сдавленным, пристыженным шепотом объяснять малышу, что какую-нибудь там Розовую пантеру купить не получится, потому что нет денег? Разве лучше видеть, как он плачет и тянет к витрине ручки? Почему стыдно иметь столько денег, сколько нужно, чтобы быть от них свободным?

Кофе остыл и почему-то начал горчить. Олеся слишком резко поставила чашку на прозрачный столик, остатки кофе через край плеснулись прямо на стекло. Даша тут же достала из тумбочки салфетку и принялась промокать лужицу.

- Слушай! - она вдруг замерла с салфеткой в руке. - Какая же я дура, а? Я же о чем с тобой хотела поговорить, о хороших новостях! А заболтались, и все из головы вылетело... Для тебя есть работа, контракт на две недели. Я, как раз собиралась тебе звонить!

- Работа? Вот за это спасибо.

- Спасибо потом скажешь... Контракт на две недели. Клиент англичанин, жаждущий просто пошляться по Москве и посмотреть достопримечательности. Специальной лексики не надо, ничего не надо. Броди с ним возле Мавзолея и болтай о погоде в России. В общем, работка - «не бей лежачего»... Но самое главное - даже не это! Мы тут с девчонками подумали, что будет грандиозная хохма, если отдать этот контракт именно тебе.

- Это почему? - она удивленно вскинула брови.

- Да потому что этого англичанина нужно видеть! Нет, нормальный мужик лет сорока, даже, в общем, привлекательный, но какой-то весь правильный до мозга костей. У него и галстук правильный, и носки, и даже трусы, наверное... Знаешь, какого переводчика он желал бы иметь? - Даша сделала строго-сосредоточенное лицо и, явно передразнивая скупую мимику англичанина, проговорила. - Женщину до сорока лет, хорошо владеющую языком, умную и приятную собеседницу, умеющую достойно держаться в обществе... Прикинь, какой портретик, а? Так и представляется старая крыса с ротиком, поджатым куричьей попкой, и обязательно в строгом твидовом костюме! А теперь представь, какой будет эффект, когда он увидит тебя? Нет, ты не представляешь, потому что его не видела: таких «преснятин» у нас давно не было.

Реакция мужиков на Олеся до сих пор была интересна, пожалуй, только девчонкам из агентства. Сама она уже прошла и период радостной гордости, и эпоху усталости, почти ненависти к прилипчивым взглядам.

- А вы не боитесь, что он заявит о своем неудовольствии из-за того, что агентство не выполнило его требования? - быстро отбросив волосы, она подперла ладонью щеку.

- Да ты что! В этом то и вся соль! Мы ничегошеньки не нарушаем. Ну, посуди сама: тебе до сорока лет? До сорока! Языком владеешь? Владеешь! В обществе с умным видом держаться умеешь!.. Что, собственно, он и просил!.. Ну как, соглашаешься?

- Ты ещё спрашиваешь! - Олеся усмехнулась. - Я уже полтора месяца без работы, а двухнедельные контракты со старыми английскими девственниками, впавшими в туристический маразм, на дороге не валяются.

- Значит, завтра будь здесь в десять утра, как штык. Зовут твоего клиента Тим Райдер. Приятного вам времяпрепровождения, ребята!..

За ней так пока никто и не приходил, хотя по её расчетам близилось утро. Возможно, её заперли здесь надолго. На два дня? На три?

«Все хорошо. Все идет как надо», - подбадривала себя женщина, привставая на цыпочки и выцарапывая из-за верхней полки очередной ком земли. - «Я успею. Мне просто больше ничего не остается, как успеть. В каких-нибудь пятнадцати шагах от дома - машина. Да даже если её и нет?! Лес, дорога к шоссе, запах опилок, люди... Я выберусь, я обязательно выберусь».

Под пальцами что-то с отвратительным треском лопнуло. Как кожица перезрелой сливы или давно назревающий гнойник. «Личинка», - поняла она. «Или какой-нибудь толстый червяк... Как хорошо-то! Значит, действительно, не всюду тут камень? Значит, точно есть выход из подвала?»

Ей уже мерещилось, что она различает прелый запах тонконогих поганок и аромат левкоев. Левкои... Странно, откуда левкои рядом с заброшенным домом?.. Пальцы больше не болели. Они почти потеряли чувствительность: казалось, что на кисти натянули очень узкие, но плотные нитяные перчатки.

Еще один комок земли - правда, на этот раз совсем маленький - с глухим стуком упал на деревянную полку. Женщина торопливо облизнула пересохшие губы, несколько раз энергично тряхнула левой рукой, чтобы та могла отдохнуть, и принялась копать правой...

Тим Райдер запаздывал. Олеся сидела в холле рядом с Дашиным столом и просматривала последний номер «Космополитена». Болтать Даше было некогда, она заполняла какой-то журнал и только рассержено махала рукой на все попытки её отвлечь. Зато перед глазами, как маятник Фуко, болталась туда-сюда Короткова. Ее новая книжка, детектив в черной с золотым тиснением обложке, сиротливо валялась на подлокотнике кресла. Наверное, она оказалась не более захватывающей, чем Гессе.

Легкий щелчок, извещающий о том, что охранник нажал на кнопку, автоматически открывающую дверь кому-то из посетителей, послышался как раз тогда, когда Короткова в очередной раз удалилась в служебное помещение.

Машка, бросив журнал, вскочила со своего вертящегося стула и выглянула в коридор. Повернулась она с нетерпеливо радостным и заговорщическим лицом.

- Мой клиент? - одними губами, беззвучно спросила Олеся.

Та энергично закивала и уже со строго-чопорным видом опустила обратно на стул.

Мягкие шаги все приближались. Через минуту в бывшем дверном проеме, а ныне изысканной арке появился мужчина, которому на вид можно было дать лет сорок или чуть больше. Однако, он вовсе не выглядел стареющим или обрюзгшим. Скорее, казалось, что поверх довольно крепкой мужской фигуры налепили тонкий слой невыразительного жирка. Цвет глаз, прячущихся под очками, разглядеть было сложно, потому что на стеклах, как и на его высоких залысинах, весело прыгали солнечные зайчики.

Мужчина подошел к Даше и по-английски мягко извинился за опоздание. Та проворковала в ответ вежливое: «О! Что вы? Какие могут быть извинения?», а затем показала рукой на Олеся, уже поднявшуюся с кресла.

Олеся пошла навстречу англичанину, а из-за его спины двинулась вынырнувшая из-за стола Даша, которой, во-первых, по этикету не полагалось оставаться «барменшей за стойкой», а во-вторых, ужасно хотелось наблюдать за реакцией гостя из Великобритании.

Вот так они и надвигались с двух сторон, а уважаемый Тим стоял посредине недвижно. Да ещё и Короткова маячила на горизонте с электрочайником, как античная «Девушка с кувшином».

Он стоял и смотрел на Олеся жалким и одновременно, умудренно-грустным взглядом ребенка, который знает, что у него вот-вот отнимут чудесную игрушку. Просто стоял и смотрел. И на какую-то долю секунды Олесе снова стало неловко за свои классически-белокурые волосы, за безупречность черт лица и за то, что они с Дашкой задумали эту глупую, никому, по большому счету, не интересную шутку.

- Разрешите представить вам вашего гида-переводчика Олеся Кузнецову, - пропела Даша, уже успевшая вырваться на пару сантиметров перед клиентом. - Олеся, это Тим Райдер, наш гость из

Великобритании, желающий, чтобы вы просто, как рядовому российскому гражданину, показали ему Москву, погуляли с ним по улицам, осмотрели достопримечательности...

- Что означает, «просто, как рядовому российскому гражданину»? - профессионально улыбаясь и опустив традиционное «о, мне очень приятно», спросила Олеся.

- Просто, это значит, пешком, - тоже улыбнувшись, ответил англичанин и смущенно добавил. - Если можно, конечно...

Она искренне пожалела о том, что не надела удобные и мягкие осенние туфельки с кожаными ремешками на боку, когда они, отмахав уже пару-тройку километров, спустились в подземный переход возле Ленинки.

Стертые и отекавшие ноги болели ужасно, а Тим вот уже полчаса пытался цитировать Бродского и Ахматову, причем на кошмарном русском. Олеся же вежливо восхищалась его познаниями, мечтая только о том, чтобы сегодняшняя прогулка, наконец, закончилась.

Поднялись наверх возле касс Кремлевского Дворца, перешли улицу.

- «Ночной фонарик негасимый из Александровского сада...», - счастливо проговорил Тим. - Я не ручаюсь за точность цитаты, но...

- Александровский сад прямо перед вами, - выдавила она и, закусив губу от боли, отдающей в переломанное правое бедро, едва не упала на каменный парапет.

Тим оглянулся на солдат, пропускающих детишек на утренний спектакль, встал рядом с Олесей, тоже посмотрел вниз. Скользнул взглядом по деревьям с широкими золотыми прядями в кронах, по бабушкам, сидящим на скамейках. И уставился на фонари со строгими стеблями, литыми завитушками и матовыми стеклами.

Слева поднимались красные башни Московского Кремля, совсем рядом в киоске торговали красочными альбомами и так любимыми иностранцами православными образами. А он смотрел только на фонари, словно ожидая, что вот-вот, специально для него среди бела дня из них польется чудесный свет...

Когда Олеся осторожно переступила с ноги на ногу, мистер Райдер неуверенно попросил:

- Может быть, спустимся вниз?

Она, естественно, согласилась, мысленно проклиная и чокнутых туристов с их причудами и каменные ступени, спуска по которым её бедные конечности уже не перенесут. Одно было хорошо: внизу, по просьбе гостя, присели на лавочку.

Какой-то проходящий мимо парень провел взглядом от олесиных щиколоток к коленям, потом заглянул в лицо и с восхищенной беспардонностью присвистнул. И тогда Тим тихо сказал:

- Олеся, вы, действительно, очень красивая женщина. Такой как вы я не видел ещё никогда. Это, действительно, так.

Она ещё не успела толком испугаться того, что сейчас начнутся традиционные комплименты, а затем предложение поужинать вместе, желательно в номере, того, что придется судорожно придумывать наиболее тактичный вариант отказа, а он уже продолжил:

- ...У вас волосы - как лунный свет... О Бог мой, простите, пожалуйста. Когда я говорю комплименты, я ужасно нелеп... Просто я одинок, и если бы со мной рядом была такая женщина, как вы, я был бы совершенно счастлив... Смешно выгляжу?.. Знаю, что смешно. Но, как бы это объяснить... Я ничего от вас не хотел. Просто вы прекрасны, и не сказать вам об этом невозможно... Это был только комплимент и больше ничего... Комплимент. Как глупо звучит!

Запутался, покраснел, и на кончике его носа выступили крошечные капли пота. Олеся почувствовала что-то похожее на жалость.

- Мне было очень приятно услышать от вас эти слова, - она легко коснулась его локтя, - Вы, наверное, очень лиричный человек. Во всяком случае, просто вот так приехать в Россию, чтобы бродить по городу придет в голову далеко не каждому...

- Я не лиричный. Я скучный и старый, - Тим усмехнулся. - И брожу совсем не просто так. У меня такая привычка: прежде чем принять решение об открытии филиала компании в каком-нибудь городе мира, я сначала долго гуляю по улицам, пытаюсь их почувствовать... Это тоже звучит не очень умно, я знаю, но поверьте, это правда. Если мне удастся услышать ритм города, почувствовать его дыхание, то и коммерческие дела здесь пойдут хорошо, а если нет... Вот так, например, было в Барселоне. Фирма, конечно же, не разорилась, но существовала как-то вяло, прибыль приносила минимальную, в общем...

- А в какой фирме вы работаете? - спросила Олеся уже с совершенно искренним интересом: боль в ногах немного отпустила, теперь она могла нормально соображать:

- Я - в общем-то, владелец фармацевтической компании «Скайларк», занимающейся производством лекарств из натурального сырья. Знаете флакончики и коробочки с волнистой желтой этикеткой и символическим соцветием на ней? Сейчас стоит вопрос об открытии филиала в России. А я являю собой тот ужасный тип руководителя, который не доверяет до конца подчиненным и норовит все проверить сам. Это плохо, наверное?

- Да нет, почему же? - отозвалась она, действительно, припоминая флакончики с соцветием в валютной аптеке на Маросейке. И ещё отчего-то думая о том, насколько состоятельным должен быть владелец компании, вот так, запросто бродящий с ней в каких-то подземных переходах, цитирующий Бродского и похожий на разомлевшего от жары тюленя. - Почему же... Так куда бы вы ещё хотели сегодня пойти?

Он поднял на неё свои небольшие глаза, оказавшиеся водянисто-голубыми, потом покачал головой:

- У нас впереди ещё две недели. А сегодня я благодарю вас за приятную прогулку... Если позволите, я возьму для вас такси, и шофер отвезет вас домой.

Поднялся с лавочки, подал руку. Олеся оперлась о его ладонь и вдруг безошибочно поняла, что Тим и хромоту её заметил, и про узкие туфли, наверняка, догадался. И сидение на лавочке лично ему было нужно, как зонтик глубоководной рыбке...

Дверь она открыла своим ключом. Вадим лежал на диване и смотрел в потолок. Часы показывали без десяти два.

- Ты почему дома? - недоуменно спросила Олеся. - С Сергеевым окончательно разругался?.. Тебя уволили, да?

- Нет, - выкрикнул он, садясь и упираясь обеими руками в колени, - меня не уволили. Просто мне надоело чувствовать себя ничтожеством. Тебе это понятно? Понятно или нет?.. И не надо на меня так смотреть, мой «драгоценный бриллиант, требующий роскошной оправы». Я и так отлично понимаю, что тебя - распрекрасной принцессы, недостойн. Понимаю даже без напоминаний твоей матери!.. Только что я могу сделать, если жизнь пошла такая? Что?! Челноком по Турциям и Китаям мотаться? На рынке фильтрами для воды торговать? А что? Ты скажи, и я пойду. Одно твое слово, Олесенька! Работу - на хрен, собственную гордость - на хрен! Унижусь, с шапкой в переходе встану, украду, в конце концов!..

Голова закружилась в самый неподходящий момент. Женщина спустилась со стеллажа, села на пол, прислонилась затылком к грязным доскам. Сердце бессильно колотилось, руки дрожали. Посмотрела на разбитые пальцы, прикрыла глаза.

Как некстати эта внезапная слабость! Отчего же так плохо? Не хватало ещё потерять сознание!.. И этот страшный, тошнотворный запах чужих сигарет!

Снова шаги наверху. Отчетливые, громкие.

Женщина резко наклонилась вперед, уронив лицо в ладони. Посидела так пару секунд. Потом выпрямилась и по-обезьяньи вскарабкалась обратно на стеллаж...

- Я уезжаю через три дня, - сказал Тим, глядя прямо перед собой. - Я уезжаю...

- Да, господин Райдер, - проговорила Олеся. - Мне было очень приятно с вами работать.

- Это, как смерть... Я уезжаю, мы с вами больше не увидимся, и поэтому я могу быть честным. Это как смерть... Знаете, Олеся, я ужасно боюсь смерти. И даже не того, что будет там, по ту сторону, а самого процесса умирания. Очень боюсь... Я кажусь вам жалким?

- Нет, - она склонила голову к плечу и краем глаза заметила, что в волосах застрял кленовый «вертолетик». А ещё заметила, как напрягся Тим, как непроизвольно дернулась его рука. Олеся отчетливо понимала, что больше всего на свете ему хочется сейчас прикоснуться к её светлым прядям, но отчего-то не чувствовала себя неловко

- ... Я начал бояться смерти ещё в детстве. Чуть не утонул, когда мне было восемь лет. Темная вода над головой и пузырьки столбиком. И не получается вдохнуть. С тех пор не могу об этом думать спокойно... А теперь будет самолет. Кресло и плед... Я не могу, Олеся!

- Не надо, Тим. Это, конечно, только банальные слова, но вы скоро обо всем забудете. Гораздо

важнее заботы, связанные с открытием филиала, ваш бизнес...

- Нет ничего важнее темной воды над головой, - он приподнял очки и потер переносицу. - Хотя, все это, наверное, глупо?.. У вас, конечно, есть любимый человек?

- Есть, - она кивнула.

- Конечно... Так и должно быть... А я, вы знаете, уже был женат. Неудачно. Все получилось как-то глупо. Мне просто очень хотелось жениться, но вы...

На солнце напозла длинная серая туча. Стало совсем темно. Олеся поправила ободок на волосах и спрятала руки в карманы джинсовой куртки. После той самой памятной прогулки в узких туфлях на каблучках она, вообще, стала одеваться попроще: куртка, джинсы, кроссовки. Тем более, беременность увеличила нагрузку на поврежденную почку: ноги теперь сильно отекали.

- ...Все это глупо, но я должен сказать. Я люблю вас, Олеся. Это неважно, что вы ответите... То есть, важно, но я знаю. Заранее знаю. Поэтому не отвечайте... Лучше я спрошу о другом: мне сказали в агентстве, что скоро у вас день рождения, не могли бы мы отметить эту дату вместе? Нет, я ни на что не претендую: просто посидим в ресторане, выпьем немного вина.

- Господин Райдер, - она с легким вздохом повернулась и посмотрела прямо в его водянисто-серые глаза, - мне очень лестно все, что вы говорите, однако, я не могу принять ваше приглашение. Вы - прекрасный человек, обаятельный мужчина, но нам лучше сохранять чисто деловые отношения. Как бы мы друг к другу не относились.

- Значит, я не могу надеяться?

- Наверное, нет, - Олеся нерешительно помотала головой, и кленовый «вертолетик», завертевшись в воздухе, спланировал на землю...

В тот день они расстались раньше обычного. Олеся непрофессионально сослалась на головную боль, хотя, в общем-то, это было не нужно. И он, и она явно ощущали потребность в одиночестве.

Тим должен был подумать о своей «темной воде», а она - о том, что происходит. Об этой его несчастной любви, свалившейся на нее, как ворох роскошных, но ненужных цветов, о том, что давным-давно никто не говорил ей таких слов, о том, что Вадим сегодня, наверняка, опять придет пьяным...

Так, кстати, оно и оказалось. Бокарев заявился без двадцати семь с четырьмя бутылками пива «про запас» в серой спортивной сумке. Грохнул сумкой о пол, спросил с порога:

- Ну, и как там наши дела с перспективными англичанами? Снова пускал при виде тебя сладкие слюнки?

- Нет, не пускал, - коротко бросила она, досадуя на то, что рассказала Вадиму о чувствах Тима. - Через три дня он уезжает.

- Страдаешь?

- Перестань, пожалуйста. И иди ужинать.

- А у меня для тебя приятная новость, - он встал в дверном проеме, слегка наклонившись вперед и упершись обеими руками косяки. - Никакой свадьбы мы, скорее всего, устроить не сможем, потому что господин Сергеев предложил мне написать заявление «по собственному желанию». Или может твой Райдер фунтов стерлингов подкинет?.. Как тебе новостиска, а? Зарегистрируемся, покушаем салата из крабовых палочек, посмотрим телевизор и ляжем спать.

Олеся молча поставила на стол тарелку с макаронами, нарезала хлеб, включила в розетку чайник. Вадим пинком подвинул к столу табуретку. Сел, обхватил голову руками.

- Если бы ты знала, как мне плохо, - голос его был глухим и больным. Говорю тебе гадости, мучаю тебя. Зачем? Зачем я, вообще, тебе сдался? Права твоя мама: ты вполне могла выйти за бизнесмена или дипломата. За своего Тима Райдера, в конце концов. А вынуждена будешь влачить существование в этой однокомнатной халупе. И все из-за того, что однажды связалась со мной... Ну, скажи, что мне для тебя сделать?

- Перестать ныть! - она сама не ожидала от себя такой жесткости. Только перестать ныть - и больше ничего. Во-первых, торжественный банкет по случаю свадьбы - это не так и важно, во-вторых, скоро я получу деньги по контракту...

- Все-все-все! Можешь не продолжать. Жалкий несчастный нытик тебя понял! Сильная ты моя! Самостоятельная моя! - Вадим спокойно встал, вывалил хлеб в тарелку с макаронами, накрыл одну тарелку другой. - За ужин спасибо. Жди и я вернусь!

Олеся и понять толком ничего не успела, а входная дверь уже хлопнула. Выскочив в коридор, она

обнаружила, что нет ни кроссовок Бокарева, ни его куртки. Вернулся Вадим через полтора часа. Не разуваясь, прошел в комнату. Вывалил из карманов на диван две золотых цепочки, кольцо, серьги - все ещё в пакетиках, с бирками ювелирного магазина. Залез в оттопыренный нагрудный карман рубахи, вытащил коробку с духами. Шутовски поклонился, указал рукой на диван, объявил:

- Тебе на день рождения, несравненная! Я больше не ною. Видишь, я теперь обеспечиваю тебе достойное существование. Твоя мамочка может быть довольна... И это ещё не все! Это только начало!

- Где ты взял деньги? - спросила она побелевшими губами, чувствуя, как каменной тяжестью наливается низ живота.

- Украл, - он пожал плечами так, будто говорил что-то само собой разумеющееся. - Я же обещал, принцесса, что все сделаю для тебя: унижусь, убью, украду. Просто взломал кабинет Сергеева, открыл сейф и взял деньги. Изменил квалификацию. Или повысил? Был хороший программист, которому платили копейки, а стал вор, который легко может купить своей невесте кольцо с изумрудом. Ты рада? Ты этого хотела? Ты этого добивалась рассказами о своем англичанине? Ты на это намекала?

Олеся обхватила руками плечи и тяжело опустилась прямо на пол. Воздух перед глазами дрожал, как будто где-то совсем рядом горел костер.

- Что ты наделал? - слова сухо царапали горло. - Что ты наделал? Вадька!.. Ты хоть понимаешь, что ты сделал?!

- Моя королева недовольна?

- Я не знаю... Я не понимаю...

- Все ты понимаешь! Только, похоже, такой расклад тебе тоже не нравится. Ну, так звони своему Рокфеллеру, скажи, что жених у тебя - вор, пожалуйся на жизнь - он тебя приласкает. Он ведь не ворует и не жрет макароны, он ворочает деньгами и кушает устриц... Позвони! Поплачься! Попросись замуж, сделай аборт.

- Замолчи! Я прошу тебя, замолчи! - она впилась ногтями в собственные плечи так, словно хотела прорвать тонкий трикотажный джемпер. - Наверное, все ещё можно исправить?.. Я даже подумать не могла, что тебе так плохо...

Вадим коротко хохотнул и рванул с тумбочки телефон. Трубка упала, тяжело стукнув о деревянный угол:

- Звони, я тебе сказал! Как там? «Редиссон-Славянская»? «Космос»? «Интурист»?.. Где твоя записная книжка? Давай-давай! А то я сам позвоню. Надо же как-то устроить твою судьбу, а то ты всю оставшуюся жизнь будешь демонстрировать мне свое благородство. Устал я от этого! И от тебя устал! Мне твоя рожа красивая уже хуже горькой редьки. Понимаешь ты это? А?

Олеся с каким-то удивлением взглядела в его лицо: одна щека нервно подергивалась, в глазах стояли самые настоящие злые слезы. Перевела взгляд сначала на золотые побрякушки, потом на все ещё покачивающуюся трубку. Не вставая, переползла по полу чуть вперед, набрала номер. Коротко сглотнула и проговорила:

- Тим, это Олеся. Мне очень нужно с вами встретиться. Прямо сейчас.

Пока она одевалась, Вадим молча стоял рядом с диваном и смотрел себе под ноги. Он не остановил её и, когда она зашнуровывала туфли в прихожей, и когда выкладывала на тумбочку ключи. И только когда Олеся в последний раз взглянула на себя в высокое прямоугольное зеркало, надсадно выкрикнул:

- Не уходи! Неужели ты не понимаешь, что все это - бред?.. Я не могу без тебя. Я - последняя сволочь, но я не могу без тебя. Мы выкарабкаемся. Обязательно. Клянусь тебе... Олеська, я - сволочь! Я - сволочь и подонок!

Возможно, если бы он промолчал, она не смогла бы уйти дальше лестничной клетки. Вернулась бы, зарыдала вместе с ним, прижалась щекой к его плечу. Но он крикнул. И она спустилась на первый этаж. Потом прошла через яблоневую аллею. Обогнув булочную, вышла к автобусной остановке и только тогда заплакала. Одна. Без него...

Теперь она знала, что запах поганок ей не померещился! Она уже видела их! Видела тоненькие искривленные ножки и островерхие колпачки шляпок. Щель пока была совсем узкой, но она была!

Закусив нижнюю губу, женщина отламывала куски земли обеими руками. Вместе с гнилыми

щепками, с камушками, впивающимися в уже онемевшие пальцы. С дерном, с личинками, с мелкими, сбегающими от локтей к плечам муравьями.

Там, наверху, было раннее утро. И воздух - густой и синий, как черничный кисель. Там чирикала какая-то пичужка, и пахло свежими опилками.

Едва ли в блондинке было хотя бы пятьдесят пять килограммов веса, но что бы она не отдала сейчас за возможность быть миниатюрной и худенькой, как какая-нибудь китайская гимнастка? Отверстие между каменной кладкой дома и подгнившей стеной подвала, пока ещё было слишком маленьким. Слишком узким для того, чтобы она смогла протиснуть в него свое тело.

Земля летела из-под её рук во все стороны. Вправо, влево, в лицо, в глаза, в рот. А женщина копала. Как крот, как собака, как лиса. Как зверь, остервенело рвущийся на свободу...

Тим ждал в холле гостиницы, нервно прогуливаясь от цветного фонтанчика в одном углу до искусственного дерева в другом. Он бы, наверное, и не заметил её, если б молодой американец, сидящий на кожаном диванчике, не сказал достаточно громко своему приятелю: «Ты посмотри, какая!» И потому что в этой фразе не было ни капли показной развязанности, потому что в ней слышалось только удивление и радостное восхищение, Тим понял, что это об Олесе. Обернулся, вздрогнул. Увидел её, заплаканную, с наспех, неаккуратно сколотыми на затылке волосами, стоящую в какой-то трикотажной юбке, светлой простенькой куртке и туфельках на шнурках. Увидел её - красивую, невозможно красивую и невозможно грустную. Сделал шаг навстречу. Спросил, давась словами:

- Пойдем ко мне?

Она только кивнула. Заколка расстегнулась, упала на пол, волосы рассыпались по плечам. Кто-то ещё удивленно присвистнул.

Лифт ехал кошмарно долго. Невыносимо долго открывалась дверь номера. Слишком навязчиво атели в вазе специально купленные розы.

Он взял Олесино лицо в свои руки и поцеловал. Сначала заплаканные, припухшие веки, потом брови. Хотел поцеловать в висок, но не сдержался. Впился в губы, заваливая её на диван.

Все произошло совсем не так, как он хотел. Быстро, грубо, некрасиво.

Ее скомканная, задранная юбка. Колготки - коричневым шариком под столом. Царапина на бедре... Боже, он даже поцарапал ей ногу! Смешной, буквой «о», пупок. Эти глупые складки юбки... Красные неровные пятна на её лице и шее.

Он зачем-то прикрыл свои голые ноги пиджаком. Олеся тоже села, подняла с ковра колготки.

- Прости, - сказал он. И как-то глупо добавил. - Я тебя люблю.

- Хочешь на мне жениться? - спросила она, избегая смотреть в глаза.

- Хочу, - кивнул он.

- Тогда ты должен знать, что я беременна от другого человека. Но ему не нужен этот ребенок. Никому не нужен. Я сделаю аборт.

Тим снова кивнул.

Помолчали. Она встала, одернула юбку.

- Ты останешься, - сказал он. - Теперь ты - моя жена.

- Как хочешь... Если ты уверен?

Он вышел в соседнюю комнату, чтобы она могла, не стесняясь, одеться. И через стенку слышал, как её долго рвало в ванной...

Она не слышала его шагов! Не слышала вот уже, наверное, полчаса! Половицы наверху не скрипели. Запах сигарет постепенно улетучивался.

Она знала, что сделает в первую очередь. Нет, сначала, конечно, милиция, заявление - все, как полагается. Охрана. Обязательно охрана. Пусть к ней приставят охрану... А потом в ванную! И продезинфицировать руки!.. стакан коньяка. Или водки? Лучше водки... Потом спать. Обязательно спать. А завтра...

Женщина чувствовала, что не комок - целый пласт мокрой слежавшейся земли вот-вот подастся. Шевелится! Ведь шевелится же! И справа ползет трещина.

Просунула обе руки в щель как можно дальше. Впилась в землю ногтями. Сильно потянула на себя, упершись в полку коленом. И опрокинулась назад вместе с землей, с полкой, вдруг

оборвавшейся с чудовищным грохотом, с неизвестно откуда взявшейся жестяной банкой. Ударилась позвоночником и затылком. Сдавленно вскрикнула. Наверное, прокусила губу. Во рту тут же стало солоно. По подбородку вниз побежала кровь.

Но сверху на неё уже смотрели тонконогие желтые поганки, верхушки близких деревьев и кусок сиреневого неба.

И женщина чуть не закричала от радости, поняв, что все получилось, и она свободна...

* * *

- Я же говорю: мы ехали. Нам с грунтовки сворачивать ещё метров через пятьсот. А тут она лежит, - мужчина, сморщившись, потер шею и взглянул на свою ладонь так, словно ожидал увидеть раздавленного комара. - Ленка как закричит: «Женщину сбили! Женщину сбили!».. Ну, остановились. Она лежит. Я подошел: гляжу - неживая... Ну и вот...

- Куда вы направлялись? - спросил Андрей Щурок, подковырнув носком серого туфля слегка вдавленную в землю крышку от пластиковой бутылки. Крышка была «свежая» - «Спрайт» пил эксперт Володя Груздев - поэтому к вещдокам она не относилась.

- На дачу... На дачу ехали. Мы тут недалеко дачу строим. Не то чтобы даже дачу - так, садовый домик... Вот... И решили пораньше сегодня, потому что вечером дела в городе всякие...

- А откуда звонили?

- Чего? - встревожился мужчина.

- Звонили, спрашиваю, откуда? С какого телефона милицию вызывали?

- Так назад же вернулись. До самой автозаправки... Я Ленке ещё говорю: «Останься здесь, покарауль». А она: «Ты что, с ума сдурел? Она же мертвая!».. Я не проверял, конечно. Нам, во всяком случае, так показалось.

Андрей уже знал, что Анатолию Карпенко, владельцу красной «пятерки», которого угораздило в восемь утра обнаружить возле грунтовки тело неизвестной женщины, «показалось» правильно. Точно так же «показалось» судмедэксперту Володе Груздеву. Правда, тот конкретизировал свои впечатления, доступно объяснив, что «дамочке» ударом тяжелого острого предмета разнесли полголовы.

Когда-то она была блондинкой. Теперь длинные волосы пропитались кровью, а на темени успела засохнуть жуткая бурая корка. По голой розовой пятке полз муравей. Женщина лежала босиком.

Ее туфли, дорогие, английские, нашли в подвале заброшенной дачи в каких-нибудь трехстах метрах от дороги. «В нагрузку» к туфлям за забором обнаружили брошенный «Опель», а на первом этаже - труп немолодого мужчины. На мужчине была белая рубаша и серые брюки. Лицо, как и у женщины, залито кровью. Правда, удар, на этот раз, пришелся в затылок, а не в лобную кость.

Выезжать ранним субботним утром на двойное убийство было, понятное дело, неприятно. Вдвойне неприятно узнать, что в непосредственной близости от места происшествия нет никакого обитаемого жилья - а значит, как всегда, «никто ничего не видел, никто ничего не слышал». Но гаже всего Андрею делалось при мысли о том, что оба убитых были гражданами Великобритании. Согласно документам, найденным в машине, при жизни они являлись законными супругами. Мужа звали Тим Райдер, а жену, бывшую гражданку России - Олеся Владимировна Кузнецова...

День начинался ужасный. Уже в девять утра в черной джинсовой рубаше становилось жарковато. Солнце, похожее на желток сваренного вкрутую яйца, лежало на верхушках деревьев. Над телом ещё неуверенно кружились мухи. Андрей вздохнул, окончательно вдавил крышку от «Спрайта» в землю и проговорил:

- Спасибо, Анатолий Петрович. Можете быть свободны. И жена ваша тоже... Если понадобится, мы вас вызовем. Повесткой.

Несчастный дядька резво заковылял к своей красной «пятерке», притулившейся у края дороги, и к жене, пристроившейся плакать возле этой самой «пятерки». Сегодняшняя поездка на дачу у супругов Карпенко явно отменялась.

Из кустов, тихо матерясь, вылез Красовский. Стряхнул с рубахи и слаксов приставшие листья, приподнял правую ногу, брезгливо и внимательно оглядел подошву.

- Ну, что там? - спросил Андрей.

- Дерьмо собачье. И больше ничего... А чего ты ожидал найти? Топор с отпечатками пальцев,

сигарету с образцом слюны и визитку убийцы с прилагающейся к ней фотографией?.. Сам же видишь, что её не здесь грохнули.

Щурок кивнул. Чтобы понять, что женщину убили не на дороге, авторитетной консультации Володи Груздева не требовалось. Вполне хватало собственных университетских знаний по криминалистике. Там, где волочились по земле её мертвые ноги, трава была примята. Кое-где на блестящих от росы травинках темнели капли крови. И потом - её пятки... Ее розовые нежные пятки. Немного испачканные в грязной земле, но без единой соломинки, без единого листочка, прилипшего к коже...

- Красивая, похоже, была, - Красовский вытащил из кармана сигареты и закурил. - Фигура, во всяком случае - класс!.. Хрена ли её за такого сморчка замуж понесло? Заграница, заграница!.. Вот и «заграница». Лежит теперь тут... Олеся... Сидела бы в России-матушке - глядишь, и жива была бы.

- Связи не улавливаю, - Андрей пожал плечами.

- А чего тут улавливать? Девяносто процентов, что их или из-за «бабок» грохнули, или по каким-то там деловым заморочкам этого Райдера. Кем он там в этой фирме был? Явно не дворником.

- Ну и что? Можно подумать, что в России она бы за дворника вышла? Те же «бабки», те же заморочки, те же разборки... Кому уж что суждено. Так что по первому пункту ты, Серый, не прав... Что касается пункта второго... Я так понимаю, десять процентов ты оставил на маньяка?

- Ага. Только маньяков нам ещё не хватало. И тебе, наверное, тоже?

- Наверное, - он присел на корточки перед телом женщины, осторожно отвел слипшиеся волосы от её лица. - Так вот, в маньяка верить очень бы не хотелось... Что там наш Груздев говорит по поводу отпечатков на руле?

Красовский тоскливо запрокинул лицо к небу, качнулся с носков на пятки:

- Наш Груздев, аппетитно хлюпая «Спрайтом», говорит, что все «пальчики» снял: и в машине, и с дверных ручек, и у трупов, разумеется. Но сейчас ничего не скажет. Сейчас он лазает по второму этажу дачи в поисках «чего-нибудь интересенького».

- Пойдем посмотрим, что он там нарыл. И, знаешь что... Отправь кого-нибудь из ребят на автозаправку. Пусть спросят, не обратили ли внимания на белый «Опель», а, в особенности, на то, сколько человек было в машине, и кто сидел за рулем.

- Думаешь, их сюда привезли?

- Может и так... Потому что иначе мне абсолютно непонятно, какого рожна граждан Королевства Великобритании понесло среди ночи на какую-то заброшенную дачу? Чего они здесь забыли?

- Ты так, к слову, не забывай, что жена - русская! Может это, вообще, её дом?

- И что? Почему ночью-то надо было сюда переться? Клад искать дворянской прабабушкой зарытый?

Красовский подошел поближе к телу. Нагнувшись, указал на сведенную посмертной судорогой руку:

- На ногти её посмотри. Точнее, на то что от них осталось... Явно она пыталась прокопать, как минимум, подземный ход... Это ещё ладно Груздев со своими лопаточками и тампончиками ей «маникюр» слегка навел. Что сначала было! Вообще, тихий ужас.

Мухи становились назойливее. Одна присела на вывернутый локоть женщины, суетливо потеряла передние лапки и медленно поползла вверх по руке, поблескивая на солнце крылышками и зеленоватым тельцем. Андрей выпрямился, кивнул стоящему неподалеку оперативнику:

- Мы к дому, ты стой здесь. Скоро уже её заберут.

Тоскливо взглянул на окурок, который Красовский щелчком отстрельнул в кусты. Курить хотелось ужасно. Но он вот уже шестнадцать дней как бросил, и надеялся продержаться до того момента, когда во рту перестанет сохнуть от одного только вида сигареты.

Возле дома суетились ребята из экспертной группы. То и дело щелкала фотовспышка, невысокий шатен Костя Болдырев собирал в разные пробирки образцы чистой почвы и почвы с предположительными следами крови.

Солнце, отражающееся от сверкающей крыши белого «Опеля», слепило глаза. Вполне мирно пахло опилками. Только вот вид у самого здания был какой-то неприятный и зловещий. Перекошенная ограда, отломанный ставень на окне второго этажа, маленькое пыльное окошечко мансарды под самой треугольной крышей - словно внимательный тусклый глаз.

У ограды переминались с ноги на ногу понятия - до них никому не было дела. Русоволосый и

безмятежный Володя Груздев, сидя на крыльце, допивал из бутылки остатки «Спрайта».

Андрея всегда изумляла его способность при любых обстоятельствах сохранять превосходное расположение духа. Один ли труп, десять ли? Бандитская ли разборка или мрачная «бытовуха» с многочисленными резаными и рублеными ранами? Правда, экспертом Володька был превосходным. И, что главное, помимо официальных письменных ответов на запросы следователя не гнушался по-простому, «на пальцах», объяснить что к чему. А ещё он соблюдал субординацию, чего ни в коем случае нельзя было сказать о Красовском.

Опер Серега Красовский носил подпольную кличку «перебежчик». Кличка была, что называется, «для служебного пользования», и пользовались ей только двое - Щурок и Груздев. Но если Груздеву это сходило относительно безнаказанно, то Щурку доставалось в ответ. Впрочем, ему всегда доставалось от Сереги. Всю жизнь, начиная с четырехлетнего возраста. С того самого момента, когда они познакомились в раздевалке средней группы детского сада «Одуванчик».

Во-первых, Красовский, широколицый, белобрысый и худой, всегда был выше и здоровее. Во-вторых, наглее, а в-третьих, ему ужасно нравилось ощущать себя лидирующей, даже подавляющей личностью. Ему нравилось, а Андрею просто было лень сопротивляться.

Красовский таскал его за собой сначала по пионерским и спортивным лагерям, потом по веселым компашкам с девчонками и вином. А после десятого класса взял и утащил с собой в Университет. Вот так! Ни больше, ни меньше.

Сам Андрей тогда собирался в авиационный: модельки самолетов и вертолетов висели у него по всей комнате. Но Серега сказал: «Юрфак!» Начал загонять что-то про романтику следовательской работы, суровые будни и приятный холодок табельного оружия, про грядущую возможность небрежно бросать в лицо подонкам и отморозкам: «Спокойно, сволочь! Милиция!»

В общем, как ни странно, поступили оба. Оба же благополучно доучились до третьего курса. А на третьем Красовский ушел, так же уверенно, как и три года назад, заявив: «Нет никакой романтики, табельное оружие - это так, игрушечки против «калаша», который будет вскидывать на тебя из-за угла каждый паршивый бандит. И, главное, возможность небрежно бросать в любую поганую рожу слова гордые и независимые дают только деньги. Деньги и только деньги!».

Его великая мечта воплотилась в двух контейнерах с хозяйственными товарами на одном из мелкооптовых рынков Москвы. Товары были заурядные мыло, шампуни, ловушки для тараканов и двухвосток, стиральные порошки и зубные пасты. Великая мечта силилась взлететь повыше, но только жалко хлопала крыльями, как стреноженная курица.

Серега же оставался Серегой: ему непременно требовалось кем-то руководить, над кем-то хохмить и глумиться. Девочки-продавщицы для этой цели подходили мало. Вот он и избрал своей мишенью троих охранников с рынка. Благо, повод скоро представился.

В тот день в торговые ряды вбежал бесхозный бультерьер. Мало того, что тупорылый белый «песик» был пугающе одиноким, с морды его ещё и капала белая с желтизной пена.

- Бешеный! - взвизгнула какая-то тетка. - Ай-ай! Бешеный!

Бультерьер в ответ глухо заворчал и стремительно ринулся вперед. Болел ли пес, на самом деле, бешенством, Красовский так и не узнал. Зато успел увидеть, как тот вцепился в ногу пожилого мужчины. Мотнул головой туда-сюда, выпустил изжеванную окровавленную брючину и метнулся влево.

Теперь уже крик стоял всеобщий:

- Дети! Здесь же дети!.. Охрана! Где охрана?

Охранники были тут. Двое спешили к месту происшествия с пистолетами, один - с дубинкой. Тот, который с дубинкой, своим оружием так и не воспользовался. Двое других пытались стрелять...

Сказать, что они стреляли не очень метко, значило ничего не сказать. Серега Красовский выхватил пистолет у того, что стоял ближе к нему, в тот момент, когда пес, оттолкнувшись мощными задними лапами, снова кинулся «в народ». До народа «собачка» так и не долетела: пригодились мечты о табельном оружии, подкрепленные тренировками в тире. Бультерьер с хлопьями пены на морде и застывшими красными глазками остался лежать рядом с картонными коробками из-под тушенки...

Все бы было ничего, и Серега, возможно, остался бы просто народным героем, если бы в голове у него не засело опасное желание потретьировать охранников. Он начал с безобидных эпитетов вроде «робингуды» и «ворошиловские стрелки», перешел к анекдотам собственного сочинения про «ловцов на собак», которые моментально разнеслись по рынку...

А однажды в пятницу завез новый товар, в который вложил едва ли не весь свой оборотный капитал. Надо ли говорить, что на утро контейнеры оказались взломаны, товар исчез, не сказав «до свидания», а охранники лениво заверили несостоявшегося капиталиста, что ничегошеньки не видели и ничегошеньки не слышали.

Красовский попытался возмущаться: он чувствовал, что охранники сами и сорвали пломбы с контейнеров. Потом дернулся в милицию. Тогда к нему подошел широкоплечий паренек в коричневой кожаной куртке и адидасовских штанах (паренька звали Геной, на рынке его знали все) и объяснил:

- Послушай, братан, нехорошо поступаешь! Хочешь не просто жить, а жить с целыми руками, ногами и головой - утихни! Нету твоих «Колгейтов» с «Тампаксами» и никогда уже не будет! Все! Вали!

- Я вас всех посажу, - пообещал побледневший Серега.

- А я тебе башку оторву, - так же спокойно пообещал Гена.

Но Гена свое обещание не сдержал, а вот Серега... Серега, вообще, был человеком слова.

Через два месяца он восстановился на заочном отделении юрфака правда, уже в институте, а через полгода снискал славу чуть ли не лучшего оперативника района. Поначалу на «перебежчика» из бизнесменов в милиционеры косились настороженно, потом привыкли, а потом...

Потом для всех, кроме эксперта Груздева и Андрея Щурка, который к тому времени уже закончил юрфак и работал следователем прокуратуры, бывший торговец туалетной бумагой Сергей Красовский стал просто крутым опером Серегой, на которого лучше не наезжать.

Наверное, никто до конца не представляет, насколько он был счастлив, когда родной рынок «засветился» в связи с убийством и наркотой.

- Ну, так что, - сказал опер Серега бандиту Гене, который ходил все в тех же «адиковских» штанах, - нехорошо ты поступаешь. Братан... Хочешь не просто жить, а жить с целыми руками, ногами и головой - максимально быстро и откровенно отвечай на мои вопросы...

С тех самых пор рыночек начал пользоваться популярностью «антикриминального оазиса» района. Красовский удовлетворил свою жажду вендетты, но из милиции не ушел, видимо, почувствовав отвращение к мелкооптовой и розничной торговле. И снова у него под рукой был Андрюха Щурок, которого он теперь звал исключительно «лицом, процессуально самостоятельным», к которому часто вламывался в кабинет без вызова и лихо требовал:

- А ну-ка, гражданин следователь, дай-ка мне поручение на допрос свидетеля Филиппенко!.. Да не формулируй, не формулируй вопросы! Без тебя сформулирую... Да, и ещё бумажку на обыск у Ворониной... То есть как «зачем»? Я тебе ещё и объяснять должен?! Кто из нас следователь, а кто опер?!

Все это, конечно, было лишь спектаклем, в котором каждый играл привычные с детства роли. Но спектаклем, способным привести человека постороннего в состояние глубокого недоумения...

- Ну так что, «лицо процессуально самостоятельное», - Красовский легонько толкнул Андрея локтем в бок, - пошли в дом что ли?

Они толкнули калитку, аккуратно, с двух сторон, обогнули все ещё ползающего по земле Костю Болдырева и подошли к крыльцу. Груздев, не отрываясь от бутылки, часто-часто закивал головой, показывая что сейчас закончит. Допил последний глоток, вытер губы тыльной стороной кисти и значимо поставил бутылку на ступеньку.

- Ну так что? - Андрей сел рядом, свесив руки с колен. - Что-нибудь полезного имеешь сказать?

- Ну, это смотря что считать полезным... О том что вредно шататься ночами по безлюдным дорогам и, тем более, безлюдным дачам, ты, например, сам без меня знаешь. Однако, для кого-нибудь другого эта информация могла оказаться весьма и весьма полезной. Взять хотя бы ту же гражданку Олесю Кузнецову, убитую двумя ударами тяжелого острого предмета, предположительно топора, по голове около шести часов тридцати минут утра. Или, например, её мужа, Тима Райдера, убитого, вероятно, тем же топором, но только на восемь часов раньше...

- На восемь часов раньше? - Красовский удивленно наморщил лоб. - А на фига это, интересно, сделано?

- Понятия не имею, - Груздев оттопырил нижнюю губу. - Мое дело сказать, ваше - разобраться... Грохнули нашу красавицу Олесю Викторовну непосредственно в подвале, где её, возможно, и держали с двадцати двух тридцати двенадцатого июля до шести тридцати тринадцатого. Муженька

же оприходовали, так сказать, в вестибюле. Кроме того, расколотили часы. Часики как раз остановились на десяти часах двадцати семи минутах. Пока не факт, конечно, что именно в этот миг господину Райдеру шархнули топориком по головушке, но все же весьма примечательно.

- Красавица.., - рассеяно проговорил Андрей, наблюдая за черным древесным жучком, заползшим на его правый туфель. - Откуда теперь знать, что она была красавица? Что с бабой сделали, а?

- Фотографию в документах видел? - в ответ спросил Володька. - Вот оттуда и красавица! А тело какое роскошное! Н-да...

- На фотографии она какая-то неживая...

- Лирик ты, а не «лицо, процессуально самостоятельное», - констатировал Красовский. - И, вообще, не подставляйся под черный юмор. На фотографии она, видите ли, неживая! А так что?

Болдырев, наконец, встал с четверенек, сложил все четыре пробирки, заткнутые резиновыми пробками, в кожаный чемоданчик. Несчастные понятия, подпирающие оградку, переглянулись и снова оживленно зашептались.

Они довольно быстро нашли общий язык: средних лет мужчина, работающий ночным сторожем в соседнем с дежурной частью ДК, и относительно молодая женщина-дворничиха. Женщина была полная, с жидкими бесцветными волосами и нездоровой кожей. Андрей невольно подумал о розовых пятках и узких запястьях мертвой Олеси Кузнецовой, о её маленьком ушке с поблескивающей золотой серьгой и изуродованном, некогда красивом, лице...

- ... Так вот, значит, что мы имеем, - продолжил между тем Володька Груздев. - Нет, если вам, конечно, неинтересно, я сейчас говорить ничего не буду: все изложу документально и официально после лабораторного исследования... Интересно? Нет?

- Интересно, - Андрей кивнул, тряхнув ногой, согнал жучка и сцепил руки на затылке.

- Раз интересно, слушайте, господа сыскари и прочие официальные «лица»... Грохнули дамочку, как я уже говорил, в подвале, но она усиленно пыталась удрать. Для чего организовала небольшой подкоп под стеной дома. Благо, дом старый: скоро не только с фундамента свалится, но и, вообще, в труху разлетится... Рыла, значит, дамочка, рыла. Все ногти себе пообломала так, что не с чего было подногтевое содержимое брать, а потом искомый убийца зашел и все её попытки к бегству пресек. Коренным образом... До этого он, вероятно, находился в доме, но, не радуйтесь, ничего не трогал, сам с собою водку не пил и отпечатков на стаканах не оставлял. Курил. Но пепел от сигарет стряхивал себе же в карман или в пачку. Есть у окна малю-ю-юсенькая горка,. Хроматографию можно сделать, но это мало что даст. В лучшем случае, сорт сигарет... Окурков, ясно дело, не нашли.

- Оптимистично, - Красовский, уставший стоять на ногах, опустил на корточки. - Будем вылавливать по Москве всех курильщиков «Кэмела» или, к примеру, «Союз-Аполлона».

- Не перебивайте, господин перебежчик!.. Так вот... О чем я, бишь, говорил?.. А! Об убийце. О том, что окурков он не накидал, топорика тоже не оставил - в общем, не убийца, а свинья бессовестная... Но! Кое-что у нас все же имеется. И в связи с этим у меня к вам вопрос: с маленьких сюрпризов начать или с больших?

- А что, много сюрпризов? Наш «маньяк» - дурак? - вяло поинтересовался Щурок.

- Э-э-э, нет! Насчет дурака не знаю. Сюрпризики интересные. Может быть, это и не сюрпризики ещё - так, лажа одна.

- Тогда с больших начинай.

- Ну, нет, - немедленно обиделся Володька. - Я задумал с маленьких, и вы меня, пожалуйста, не путайте!.. Сюрприз «намбе ван»: все дружно оторвали ягодицы от крыльца и пошли со мной за дом, где заканчивает мою работу хороший парень Митя Лежнев.

Они встали, захватив с собой пустую бутылку. Серега кивнул в сторону понятных:

- Этих господ с собой звать будем?

- Понятые находятся в месте, которое для них определил следователь. Вслух это место я называть не буду, потому как больше не курю и по возможности не ругаюсь матом, - неожиданно резко отозвался Андрей.

- Чего это ты на них так взъелся?

- Ничего. Настроение паршивое. Зуб надо идти лечить. И ещё тетка эта... Дворничиха: «А почему нам трупы не показывают? Мы должны видеть трупы? Нам же тоже интересно!».. Интересно, блин!

- Так возьмите её как-нибудь на «расчлененку», - предложил Груздев, отводя рукой ветки буйно разросшегося кустарника. - Раз она такая интересующаяся... Или на трупик в состоянии жировоска.

Тоже приятно.

- Я думаю, не проймет, - покачал головой Красовский. - Вот если бы этот жировок с «расчлененкой» да на вверенном ей участке, который подметать надо, тогда да!..

Кусты закончились, дальше, до самой проломленной ограды простиралась утрамбованная поляна, частично залитая бетоном. У самого дома ещё стояла старая-престарая, ржавая бочка. Митя Лежнев курил неподалеку. Перед ним двумя белыми пятнами застывали гипсовые следы. Володька шустренько подбежал поближе, перепрыгнув через мутную лужу. Наклонился, переломившись в поясище, удовлетворенно кивнул:

- Грунт мокрый, так что минут сорок ещё подождать придется, пока застынет... Но, вообще, следочки ничего. Жалко, что всего пара-тройка таких - относительно четких. Остальные - лажа.

Андрей расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, повел туда-сюда покрасневшей шеей: солнце все-таки жарило невыносимо. Спросил негромко:

- Что можешь сказать по поводу следов?.. Это ведь и есть твой первый сюрприз? Я правильно понял?

- Пра-авильно! А следочки?.. Ну, что следочки? Следочки интересны тем, что этот кент как бы обходил лужу.

- В каком смысле «как бы»?

- Ну, «как бы» и «как бы»... «Как бы» пока оставим в покое. Интересен тот факт, что хорошо различимых следов почти нигде нет: разжиться нечем. А здесь ему пришлось обойти естественный природный водоем, вот он и прошлепал по земле... Имеем мы мужские туфли с характерной продольной трещиной на правой, предположительно, прорезиненной подошве. Длина шага - в среднем семьдесят три сантиметра, угол разворота стопы - девятнадцать градусов. Длина стопы, кстати, около двадцати восьми с половиной сантиметров. Путем нехитрых вычислений имеем схематический портрет убийцы: мужчина ростом сто восемьдесят один с половиной сантиметр. Длина шага и угол разворота стопы соответствуют, но... Вот тут включается первое «но».

- Склифосовский! Короче можно?

- А я, вообще, не с вами, товарищ оперативник, беседую, а с господином следователем, - парировал Груздев. - И первое «но» заключается вот в чем: предполагаемый убийца бродил здесь один, без тела Олеси Кузнецовой. У следов же почему-то очень плохо продавлен носок. Самый носочек плохо, а вот середина стопы - отлично! Но одно это было бы ещё ничего: некоторые люди с пятки ходят, а некоторые с носка. Или с середины стопы. Как уродливые балерины. Ну, походка у нашего убийца такая, ладно. Однако, к вопросу о балеринах... У меня племяшка пошла на подготовительные курсы, в училище при Большом театре поступать хочет. Так вот, их там к палке ставят и заставляют ноги разворачивать. У них, бедных, не получается, потому как непривычно. У племяшки с этим просто беда: «завал на большой палец» по-научному называется... И у нашего убийца, судя по следам, тоже «завал на большой палец». Вы представляете?

Красовский хмыкнул:

- Надеюсь, ты не хочешь сказать, что он - несостоявшаяся балерина?

- Упаси Боже! - Володя, отмахнувшись обеими руками, сделал испуганное лицо. - Но я хочу сказать вам про сюрприз номер два. Сказать, а не показать, так как доставать мне его из чемодана, а тем более, из пакета в лом... Подключите ваше воображение! Представьте, как убивец, подхватив труп Оксаны Кузнецовой под мышки и развернув его лицом к небу, тащится к дороге. Тащится, заметьте, по тому маршруту, где хороших или хотя бы приличных следков оставить невозможно. Но не в этом суть... Вы представляете или просто так стоите?

- Представляем-представляем, - Андрею тоже начинала надоедать длинная и витиеватая увертюра.

- ... Голова трупа - на уровне его живота или груди... Вопрос знатокам: что можно обнаружить на задней части шеи трупа? Точнее в волосах трупа, спускающихся до самых лопаток?

- Ворсинки одежды? - не слишком уверенно предположил Красовский. Пыль там какую-нибудь характерную?.. Ну что? Не пуговицу же?

- Правильно, не пуговицу. Убивец осторожный, убивец следит за одежной фурнитурой... Не знаете, да? Вас исключают из клуба знатоков! Внимание: откройте черный ящик! В светлых волосах убитой можно обнаружить длинный черный волос, посеченный на конце. Длинный! Женский! Черный! Волос! Вой фанфар, бой барабанов, немая сцена!

Он замолчал, внимательно наблюдая за произведенным эффектом. Щурок поскреб переносицу:

- Я так понимаю: в контексте вышесказанного?..

- Абсолютно точно! В контексте вышесказанного получается интересная картинка. Все пока предположительно, конечно. Но! Мы вполне можем иметь брюнетку среднего роста, надетую мужские туфли большого размера и сознательно проинсценировавшую на небольшом участке относительно влажного грунта мужской шаг, как то: длину шага, отчего на том месте, где она надавливала плюсной стопы, образовалась некоторая подозрительная вмятинка... Вы попробуйте, граждане, пройдитесь, сознательно удлинняя шаг, и увидите, что ступать будете слегка с носка, а не с пятки, как обычно!.. Н-да... И вмятинка расположена не там, где она, по идее, должна находиться, а смещена к середине отпечатка ботинка... Далее, «завал на большой палец». Совсем небольшой завал, надо признать. Но вы попытайтесь разворачивать ступни шире, чем вы это обычно делаете!

- Не хотел бы я иметь брюнетку среднего роста, которая ходит в мужских ботинках и размахивает топором, - заметил Красовский, придравшийся к «скользкому» предложению. - Очень бы не хотел. Страшновато бы мне было.

Андрей, сцепив руки, хрустнул суставами:

- Володь, это только предположение или серьезное заключение?

- Вчера из яселек что ли? Какое может быть серьезное заключение сразу после осмотра места преступления?.. С волосом это все, вообще, может оказаться лирикой. Может, эту самую Олесю Кузнецову ещё при жизни какая-нибудь брюнетка по-дружески обняла? Подошла со спины и обняла! Вот и волос её в труповой шевелюре! Линючая брюнетка попалась.

- То есть, сюрпризы у тебя на сегодня, в основном, фантазийного толка?

- Ха! Фантазийного! - он повел бровью. - Да, если хотите, «фантазийного»! Вы ещё моего последнего сюрприза не видели... В дом прошу, господа, пожалуйста!

Митя Лежнев присел рядом с застывающими гипсовыми отпечатками и помахал над ними ладонью, словно хотел разогнать едва уловимый запах. Из-за угла показался Костик Болдырев.

- Так что же? Идемте? Или вам мои приятные сюрпризы наскучили?

Они снова продрались через кустарник - так было короче, и поднялись на крыльцо. Груздев первый, за ним - Щурок, позади - Красовский. Вошли в прихожую, обогнули тело Тима Райдера, нелепое и жуткое, с уже засохшей на лице кровью. Протиснулись в узкий боковой коридорчик, оказались перед дверью в подвал.

- Вот здесь наша Олеся и сидела всю ночь, - объявил Володя. Шутовские нотки в его голосе несколько потускнели. - Бр-р-р... Жуть какая!.. Отсюда она пыталась выбраться!

Он толкнул дверь, пригнулся. Осторожно, прижимая к туловищу локти и держа кисти, как хирург перед операцией, ступил на лестницу. Достал из кармана фонарик, нажал на кнопку. Осветил жестяную банку на полу, комья черной земли, одинокую, откатившуюся в сторону луковку.

- ... Здесь она сидела. Здесь упала. Наверняка, здесь рассадил колени. Во-он там следы крови на полу... И здесь рисовала.

- Не понял - не понял, - Андрей протиснулся справа от Груздева и не слишком доверчиво заглянул тому в лицо. - Она здесь что?! Что делала?!

- А ты сам посмотри!

Луч фонарика метнулся в угол, скользнул по стене, медленно сполз на пол. Там на полу, в углу, был давний, слежавшийся слой песка. Наверное, когда-то здесь хранили свежие овощи. Темный, серый песок. Какие-то мелкие камушки. А на песке - морда львенка. Мультяшного львенка, каким его обычно изображают ученицы младших классов: округлые уши и щеки, длинные ресницы, выразительные огромные глаза. Мордочка заключена в квадратную рамку. Внизу кнопочка. В общем, похоже на телевизор. И слово по-русски: «лев»... Только вот рисунок какой-то странный - кривоватый, угловатый. Линии то рваные, то дрожащие. Буквы пляшут...

- У неё все ногти обломаны, - тихо проговорил Володька. - То что осталось - землей и кровью забито. Но под ногтем указательного пальца левой руки есть и песок... И я не удивляюсь, что она рисовала левой рукой. Правая у неё в травме - сплошные шрамы. Травма, пожалуй, двух - трехлетней давности... Ей она, думаю, практически не владела, а левой управляться так и не научилась. Да и зачем? Где ей было писать или рисовать? Сейчас же кругом компьютеры... Это она нарисовала этого львенка. Она, ребята!

Ощутимо потянуло сыростью и плесенью. Откуда-то сверху, из темноты, послышался голос

Лежнева:

- Все, закончили. Вроде больше нечего тут смотреть?

Груздев спустился по ступенькам вниз, подошел к деревянным стеллажам, запрокинул голову:

- Ну, нечего так нечего. Упаковывайтесь... Только все-таки пройдишь ещё раз на тему «пальчиков» по раме на втором этаже и по подоконнику... А так, вроде, все.

- Это здесь она подкоп вырыла? - Андрей тоже облокотился о доски и посмотрел вверх. Сверху свесились полураздавленные чьим-то тяжелым ботинком поганки. - Чуть-чуть не успела. И все же странно как-то... Если только её на всю ночь здесь одну оставили?.. Иначе, неужели убийца не слышал, как она здесь стеллажами скрипела, банками гремела?.. Володь, а насчет того, что мужа убили ещё двенадцатого вечером - это точно?

Тот даже не счел нужным обидеться, повел хрящеватым длинным носом в россыпи бледных, едва заметных веснушек, склонил голову к плечу:

- Да, двенадцатого вечером... Но мне грустно от того, что мой сюрприз не оценили по достоинству. А дело-то не том, что Олеся Викторовна громыхала здесь досками и банками, а в том, когда она нарисовала львенка! Ког-да! Слой песка под ногтем едва-едва прикрыт землей! Снизу - сплошная земля, потом - прослойка песка, потом опять - тонюсенький слой земли. То есть! То есть она нарисовала этого звереныша как раз перед тем, как попытаться выбраться наружу! Не тогда, когда сидела здесь в тоске и печали, а когда остервенело рыла подкоп. Спрашивается: зачем?.. Хорошая загадка, правда?

Андрею загадка не нравилась. И ситуация не нравилась. А то, что убили иностранных граждан, нравилось меньше всего. Он ещё надеялся, что дело заберут в ФСБ, но интуиция тоскливо подсказывала: «Не заберут. И повиснет оно на тебе мертвым грузом. И львенок этот. И ботинки с трещиной на подошве. И черный женский волос, запутавшийся в светлых окровавленных прядях».

Красовский, которому надоело стоять у входа в подвал, снова вернулся в прихожую. Поскрипел лестницей, ведущий на второй этаж. Зычно крикнул сверху:

- Дом с привидениями какой-то! Кровати с панцирными сетками, да стулья разваленные - все. Больше ничего! Для чего он здесь стоит то?

- Вот ты и узнай! - отозвался Щурок. Настроение ухудшалось стремительно, зуб грозил разболеться всерьез. - Тебе задание: выяснить, чья фазенда, где хозяева, были ли знакомы с убитыми? Пока все... И Лежнева отправь сюда.

Лежнев поручалось выяснить все о последнем дне Тима Райдера и его жены. С кем разговаривали, встречались, ссорились? Где обедали, что планировали, о чем вспоминали?

На этом осмотр места происшествия закончили. Тела Тима Райдера и Оксаны Кузнецовой запаковали в черные мешки и погрузили в машину. В пыльном окошке мансарды прощально мелькнул солнечный блик. Машина вырулила на грунтовку

А Андрей все никак не мог отогнать от себя навязчивое видение: красивое женское тело, голова, залитая кровью, ухо с маленькой блестящей сережкой и утолщенное запястье правой руки в змеистом переплетении белых шрамов...

* * *

Девушка референт комкала в руках белый батистовый платочек. Эмаль на её ногтях отсвечивала сиреневым. Глаза - унынием и тоской.

- Дело в том, что мы его практически не знали. Ну, мы - те, кто здесь работает, - во время разговора она смотрела не на собеседника, а куда-то поверх его плеча. На столе остывал кофе, к которому так и не притронулись ни она сама, ни Митя Лежнев. - Да, есть такой владелец компании, которому все мы принадлежим, но не более того!

- Но ведь вы сами говорите: «владелец компании», «все мы принадлежим»... Как же так получается?

- Значит, получается... Ну, вот вы, например, лично знакомы с вашим министром внутренних дел? Наверняка ведь нет? Знаете, что есть такой, знаете, как его зовут, знаете, как он выглядит. Знаете, что он - «всем начальникам начальник»...

- Получается, что с господином Райдером лично вы, Лариса, знакомы не были, хотя и работали в приемной его кабинета? - Лежнев оперся локтем о край стола, но почувствовал себя неудобно и снова

откинулся на спинку офисного кресла: черная пластиковая столешница сияла прямо-таки карибским жемчугом. «Вот с такой бы пальчики собирать!» - промелькнула в голове шальная мысль.

- Но вы же все неверно понимаете! Какой кабинет? Какая приемная? Я, согласно штатному расписанию, - секретарь-референт Масляшова Игоря Борисовича, директора российского филиала компании. А господина Райдера лично я три дня назад увидела первый раз в жизни... Он, кстати, занимал не кабинет, а зал заседаний и, вообще, в офисе практически не сидел.

- Зачем он приезжал?

- По-моему, у него были какие-то личные дела в Москве. У него ведь жена русская, вы знаете?.. Нет, руководство, конечно, собиралось: и совещание было, и доклады, и банкет. Но, главной целью поездки, мне кажется, была отнюдь не инспекция наших дел...

Мягко тренькнул телефон. Девушка сняла трубку. После пары дежурных, вежливых фраз переключила звонившего на кабинет Масляшова.

- ... Так вот. Он приехал, скорее, как турист. Выглядел жизнерадостным, улыбочивым... Не знаю, что ещё вам сказать?

- Скажите-ка мне, как сотрудники попадают на работу в компанию? Я так понимаю, здесь процентов семьдесят русских?

- Все верно, - она улыбнулась. Пушистые каштановые пряди, обрамляющие лицо, слегка качнулись. - Но ведь и филиал ориентирован на работу в России. Поверьте, случайных людей здесь нет. Непременное требование - отличное знание языка. Кроме того, либо фармацевтическое, либо экономическое образование.

- А у вас лично какое? - Лежнев все-таки подпер подбородок рукой: ну, его, этот шедевр офисной мебели со столешницей «черного жемчуга».

- У меня? О! У меня целый набор образований. Во-первых, финансовый институт, во-вторых, курсы секретарей-референтов... Ну, и экстерном пришлось изучить основы фармакологии. То, что мне просто необходимо по работе.

- Тогда такой вопрос, Лариса... Господин Райдер... Он общался с сотрудниками по-английски?

- Да, разумеется. Но он мог объясниться и по-русски. Повторю: у него была русская жена и...

Девушка явно замялась, Митя счел нужным её подбодрить:

- Говорите-говорите! Вы же что-то хотели мне сказать?

- Я... В общем, я не знаю, как вы к этому отнесетесь... Это - всего лишь сплетни. Сплетни, которые ходят в любом коллективе. Тем более, у нас довольно много женщин...

- Сплетни - это хорошо! - Лежнев широко улыбнулся. - Излагайте! Лично я очень люблю сплетни.

Каштановые пряди снова качнулись. Лариса схватилась за спасительный платок, стиснула его в кулачке:

- Глупое какое-то предисловие получается. И знаете, будто предисловие важнее истории... Хотя, на самом деле, так оно и есть. Сама история выеденного яйца не стоит... Даже не знаю...

- Обожаю истории, не стоящие выеденных яиц.

- Как глупо я сейчас, наверное, выгляжу?.. Ну, ладно... В общем, дело в том, что супруга господина Райдера - не просто русская, а ещё и переводчица. У них был, что называется, служебный роман. Еще и филиала российского не было, и представительства компании. Мистер Райдер приезжал в Москву по своим делам и воспользовался услугами какого-то агентства. А там, как раз, работала его будущая жена... Он влюбился, сразу сделал предложение. Женился на ней и увез в Англию. Почти история про Золушку.

- А сплетни-то в чем? - Митя непонимающе наморщил лоб.

- Как в чем?.. Ну, во-первых, личную жизнь владельца компании обсуждать, вообще, неэтично. А во-вторых, говорят, она приложила очень большие усилия для того, чтобы женить его на себе. С одной стороны, я её понимаю: наша российская бедность, неустроенность. Тем более, о покойниках плохо не говорят...

- А её вы хорошо знали?

- Нет, что вы! С ней более-менее успел пообщаться только Игорь Борисович. Поэтому он и ездил опознавать... тело, - уголки Ларисиных губ дернулись, опустились книзу. - Да... Тело. Как страшно... А я?.. Ну, да, заходила она в офис. Довольно высокая, с хорошей фигурой. Молодая. Блондинка, естественно. Волосы до лопаток... Что еще? Очки солнцезащитные на ней были очень хорошие, «полярниковские»: солнце в тот день сильно жарило... И браслет на руке широкий. Она о спинку

кресла оперлась, я ещё заметила, что из-за края браслета шрамик выглядывает. Думаю, может она вены когда по глупости резала?.. Вот и все. Мы с ней и пары слов друг другу не сказали.

- Ясненько-ясненько... - Митя все-таки взял свою чашку и отхлебнул остывший горький кофе. - А она не казалась вам взволнованной, подавленной?

- Нет, что вы! Вовсе не выглядела она подавленной. Да вы у любой из наших женщин спросите - из тех, кто её видел! На нее, естественно, все хотели посмотреть. Ну и посмотрели. Обычная молодая женщина. Не какая-нибудь там «мисс Вселенная», чтоб при виде её в обморок от восторга падать. Держится, конечно, с достоинством. Ухоженная очень. Даже царственная. И очень - очень спокойная!

Дверь кабинета Масляшова отворилась. В приемную выглянул сам Игорь Борисович - сорокалетний брюнет, все ещё бледно-зеленый после посещения морга. Лежнев невольно вспомнил состояние тел, которые тому пришлось опознавать, и торопливо сглотнул кислую слюну: холодный кофе застрял в горле.

- Вы ещё беседуете? - Масляшов неопределенно и вяло махнул рукой. - Ну, беседуйте-беседуйте. Конечно...

- Что-нибудь нужно, Игорь Борисович? - вскинулась Лариса. Но тот уже скрылся в кабинете.

Она снова села, аккуратно подобрав серую юбку:

- Так что ещё вы хотели узнать?..

Собственно, Митя Лежнев хотел узнать многое, но за время двухчасового мотания по кабинетам не узнал толком ничего.

Все - и Масляшов, и главный менеджер, и секретарша - говорили одно и то же: «Тим Райдер был весел, спокоен, любезен. Да, внутренне собран, но это, как раз, нормально: он все же крупный бизнесмен. Никаких конфликтов, никакого недовольства, никаких проблем и посетителей. Услугами шофера не пользовался: сам водил «Опель», принадлежащий фирме».

О жене могли сообщить ещё меньше: «блондинка, очки, хорошая фигура». Три раза Мите пришлось выслушать сказочку о русской Золушке, окружившей иноземного принца. Дважды - комментарии на тему того, что в своем агентстве Олеся Кузнецова занимала должность едва ли не экскорт-герл.

- Им угрожал кто-нибудь? Конкретно Тиму Райдеру? Конкретно его супруге? - спрашивал он, не особо надеясь услышать что-нибудь интересное. - Проблемы в бизнесе? Конкуренты? Наезды мафии?

И ему неизменно отвечали:

- Нет, что вы! Да и зачем? Какой смысл? Тим Райдер был владельцем компании «Скайларк» и определял общую стратегию. Тактическими вопросами занимались директора филиалов на местах. Давить на него? Угрожать ему? Это просто не имело практического смысла? И смерть его никому ничего не давала. Разве что каким-нибудь английским родственникам, которые унаследуют имущество Райдеров и, соответственно, пакет акций компании?..

- Спасибо. На этом мы с вами, наверное, пока закончим, - Лежнев встал, размял уставшие плечи. Двумя пальцами взяв кофейную чашку за ручку, переставил её на середину подноса. - Давайте ещё раз проверим то, что я записал относительно двенадцатого июля, и попрощаемся... Итак, Тим Райдер с одиннадцати утра был в офисе. В двенадцать тридцать приехала жена, они отправились пообедать. В офис господин Райдер вернулся один. Беседовал с главным менеджером, просматривал документы. В шестнадцать двадцать принял приглашение руководства компании «Элейна»: встреча должна была состояться пятнадцатого июля в четырнадцать ноль-ноль...

- Подождите! Я вспомнила! - Лариса стукнула ладошкой о край стола. - Еще один звонок был. Как же у меня из головы-то вылетело?.. Позвонили по прямому телефону, прямо в зал заседаний. Я как раз принесла чай, поэтому пару фраз услышала. Что-то насчет договоренности, насчет встречи...

- А кто звонил то?

- В том-то и дело, что я не знаю! Но, что интересно, господин Райдер разговаривал с этим человеком по-русски!

- Ну, е-ка-лэ-мэ-нэ, девушка! - взревел Лежнев, плюхаясь обратно в кресло. - С этого и начинать надо было, а не очки госпожи Райдер расписывать! Кто это был? Мужчина? Женщина? Как долго продолжался разговор? Ну?!

Лариса побледнела, заметно обиделась, скупно поджала губы:

- Я не имею обыкновения контролировать, сколько длятся телефонные разговоры руководства и,

тем более, их подслушивать... Не знаю я, кто звонил. С равным успехом это могли быть и женщина, и мужчина. Господин Райдер обращался к собеседнику на «вы». И никаким особенно нервным или встревоженным после этого разговора не выглядел. Выпил чаю, поблагодарил меня - все!.. Правда, ещё до его приезда, числа пятого или шестого звонила какая-то женщина. Русская. Узнавала, прибыл ли он. Я хотела зарегистрировать её данные, но она не представилась и повесила трубку.

- Ага! А Тим Райдер, если я правильно понимаю, прилетел позже, чем планировалось?

- В общем, да. Его ждали в самом начале июля, но что-то там не получилось. Они с супругой прилетели девятого июля, вечером.

- Какой был голос у женщины? Молодой? Старый? Спокойный? Взволнованный? Что она спросила - дословно?

- Так я же вам говорю! Спросила, прибыл ли господин Райдер. Я только успела ответить «нет» - и сразу короткие гудки... А голос? Голос как голос. И двадцать пять лет ей может быть, и сорок. Довольно низкий, приятный... Это, честное слово, все, что я могу вам сказать.

- Ладно, - Митя поднялся, поправил рубашку под ремнем. - Если случайно вспомните, что вокруг офиса ходил дядька с топором и спрашивал Тима Радера, вы уж не стесняйтесь, позвоните, пожалуйста... Или если вдруг объявится эта женщина.

Лариса часто закивала, поднялась следом. Когда Лежнев уже выходил из приемной, она подбежала к окну и опустила неплотно задернутые жалюзи. В офисе сразу стало темнее, а Митя, наконец, понял, почему ему так пекло спину...

* * *

В комнате пахло зелеными яблоками. Свежими, твердыми, которые хорошо грызть здоровыми сильными зубами. Металлические высокие кувшины, стоящие на низком комодике, отсвечивали бормашинкой. И диван и кресла были накрыты пестрыми, стильными чехлами - в тон шторам, висящим на окне. На одной стене - огромное прямоугольное зеркало, на другой - цветной фотопортрет хозяйки.

Мысль, такая же противная и нудная, как зубная боль: «У неё каштановые волосы. Темно-каштановые. Она - почти брюнетка. Вообще-то, Груздев точен в определениях, но это тогда, когда представляет официальное заключение... Что он имел в виду, когда говорил, что волос черный? Может быть, такой вот, с теплым смоляным отливом волосок?»

- Извините, совсем забыла: мне надо отменить встречу, - хозяйка открывает крышку мобильного телефона. - Клиентка должна прийти насчет юбки. Я же на дому работаю. Заказы, заказы... Сегодня уже двоим готовые вещи отдала и ещё с двоих мерки сняла.

«Длинный темный волос... Впрочем, ещё не факт, что он женский. Это только Володино предположение: до конца будет ясно после всех этих анализов... Домовитая, тихая, уютная. Не похожа на убийцу... А кто похож?.. Нет, эта похожа, наверное, на последнюю, ещё не представленную общественности девушку Красовского - на ту, которая печет пироги и не перечит ни единому его слову. Где он только таких находит, интересно?»

- Тамара Антоновна, - Андрей подошел к окну, машинально поправил тюль. - Давайте уже начнем разговаривать серьезно. Убили двух человек. На вашей даче. Поэтому хватит клиенток, юбок, мерок. С самого начала и по порядку.

- Но Валера, наверное, лучше объяснит? Может его дождаться?

- За Валерием Дмитриевичем послали машину. С минуты на минуту его привезут. Дело не терпит отлагательства.

- Я не знаю... Все-таки это дача его родителей. Я к ней не имею почти никакого отношения.

- Сколько времени вы женаты?

Растеряно захлопала большими серыми глазами. Сколько ей самой лет?..

«Киселева Тамара Антоновна, 1971 года рождения». Выходит, двадцать восемь. Выглядит старше. Невысокая, плотная. Маленькие мягкие руки. Черты лица какие-то оплывшие и неопределенные.

- Сколько женаты?.. Ах, да! Полтора года. В августе будет.

- Когда умерли родители вашего мужа?

- Отец - четыре года назад, мать - уже после нашей свадьбы. С тех пор дачей никто и не занимался. Раньше свекровь наезжала время от времени, что-то там сажала, цветы выращивала...

Дому, вообще-то, капитальный ремонт был нужен. Ну, да вы, наверное, сами видели?

В прихожей тренькнул дверной звонок. Хозяйка вопросительно и испуганно взглянула на Андрея. Ногами нашарила на полу пушистые тапочки, вскочила с дивана. В коридор метнулась так стремительно, что едва не вписалась полным округлым плечом в дверной косяк. Просторная бирюзовая футболка прилипла к спине, четко обрисовав лямки бюстгалтера, врезающиеся в тело.

В коридоре слышались мужские голоса. Вот Серега Красовский убедительно просит не суетиться и не устраивать истерик. Другой бубнит что-то тихо и успокаивающе.

Воспользовавшись тем, что в комнате никого нет, Щурок прижал ладонь к левой щеке. Поморщился, провел языком по десне. Наткнулся взглядом на узкогорлый блестящий кувшин и опять вспомнил о бормашине.

Через минуту в гостиную вернулась Тамара. Села на диван, обхватила руками голые колени, выглядывающие из длинных, просторных шорт. Зашумела вода в туалете, хлопнула дверь, появился муж.

Высокий костистый парень с небольшими светло-русыми усами. Острый кадык, загорелые лицо и шея. Темно-зеленая вискозная рубашка, светлые брюки с тяжелым кожаным ремнем. Лицо испуганное, встревоженное. Взгляд мечется туда-сюда: на жену, на Андрея, на стену, на жену, на Андрея, на стену... В высоком зеркале, висящем на этой самой стене, отражается Серега Красовский, вдумчиво перебирающий флакончики на трюмо...

- Валерий Дмитриевич Киселев? - Андрей подошел, пожал его влажную руку. - Я - следователь областной прокуратуры по особо важным делам Щурок Андрей Михайлович. Вам уже сообщили, что случилось?

- Да, конечно!.. Но это просто какой-то кошмар! - парень присел было рядом с женой, но тут же вскочил, ринувшись к темно-коричневому древнему секретеру. - Я ничего не понимаю!.. Мамины документы на строение должны где-то здесь лежать. В принципе, я эту халупу унаследовал, но мы так и не переоформили ничего нотариально... А вы уверены, что это именно на нашей даче? - спросил и тут же сник. - Хотя, что я спрашиваю? Вы, конечно же, уверены... Где-то здесь должны быть все бумаги.

- Не трудитесь. Ваша жена уже показала нам необходимые документы... Я о другом хотел с вами поговорить.

- Конечно. Извините.., - Киселев вернулся на диван, так и не задвинув ящик. - Конечно, спрашивайте... Но я, в самом деле...

- Скажите, пожалуйста, говорят ли вам о чем-нибудь имена Тим Райдер или Олеся Кузнецова?

Он на секунду задумался, потом решительно помотал головой:

- Нет. Впервые слышу. «Кузнецова» - фамилия, конечно, распространенная, но чтобы Олеся? У меня одноклассник когда-то был - Андрей Кузнецов, так после школы мы с ним и не встречались больше... Олеся, Олеся, Олеся... Нет, никогда не слышал.

- Никто из ваших знакомых никогда не называл этих имен? Вы никогда ничего не слышали о фармацевтической компании «Скайларк»?

- Почему? - Валерий пожал плечами. - О компании-то слышал. Баночки их, скляночки продаются и рекламируются везде. В метро сегодня ехал, там как раз плакат на стенке висел: беременная женщина цветы нюхает и улыбается. И банки эти внизу... А что?

- Убитый вчера на вашей даче Тим Райдер был владельцем этой компании, - сдержанно проговорил Андрей и уже почти равнодушно подумал о том, что в течение дня дело не забрали и не передали в ФСБ. А, значит, вряд ли уже передадут. - Вот так... Олеся Кузнецова, бывшая гражданка России, была его законной женой.

Киселев провел потной ладонью по бронзовому загорелому лицу, качнулся из стороны в сторону:

- Ни хрена себе! Приехали, называется... Но я, на самом деле!.. Это же просто люди не нашего круга! В жизни мы с такими не сталкивались!.. Неужели вы не понимаете?! Просто дача на отшибе стоит: кто угодно мог ею воспользоваться...

- А почему, кстати, вы не пользуетесь дачей? Мне кажется, там нужен не такой уж глобальный ремонт? - краем глаза Андрей заметил, что Красовский закончил перебирать тюбики и флаконы и потянул на себя ящик телефонной полочки.

Теперь в разговор вмешалась Тамара, до этого испуганно молчавшая:

- Понимаете, дело в том, что мы с Валерой - сугубо городские люди. У моих родителей в жизни

никогда не было ни дачи, ни огорода. Я все эти ягоды-овощи воспринимаю исключительно в рыночных пластмассовых ведрах. Вот... И Валера тоже особой склонности к земле не чувствует. А домом, огородом - этим же надо заниматься... Тем более, я ещё понимаю, если бы там какой-нибудь солидный коттедж был с саунами и апартаментами. А то так, домишко! Всея корысти, что два этажа.

- Подвальчик там ещё неплохой, - подал голос Красовский. Заглянул в комнату, увидел свое отражение в зеркале, быстро поправил прическу. - И в этом самом подвальчике целую ночь продержали беспомощную женщину. А потом убили... Так что в то, что пустых домов кругом несметные тучи ещё как-то верится, а вот в то, что убийца наугад сунулся в ваш, как вы говорите, «домишко» и сразу обнаружил симпатичный, очень нужный ему чуланчик - уже, извините, с трудом.

Тамара мгновенно покраснела, впила ногтями в колени. Против воли Андрей отметил, что ноги у неё полноватые, с тяжелыми икрами и редкими темными волосами. Снова заболел зуб. Кровь запульсировала в опухающей десне.

Он просто ждал, когда это произойдет. И это произошло. Слишком дрожали с самого начала Тамарины губы, слишком ярко проступали неровные красные пятна на шее.

- Вы нас в чем-то обвиняете?! - закричала она, откидываясь на спинку дивана и с силой прижимая кулаки к вискам. - Так и скажите, если обвиняете!.. Я понимаю, у нас нет денег на крутых адвокатов. И вы это понимаете. Поэтому-то и решили повесить на нас какую-нибудь вашу глухую «заказуху». Настоящих киллеров вам поймать просто не дадут. Тем более заказчиков. Так давайте! Шикарно придумано: «Супруги Киселевы заманили к себе на дачу подданных английской королевы и там убили. С целью наживы».

Наверное, она хотела заплакать, но слезы не потекли. Глаза оставались перепуганными, сухими и красными. Валерий как-то не очень уверенно обнял жену за плечи:

- Тома, перестань. Нас никто ни в чем не обвиняет. Люди просто делают свою работу. Все обязательно выяснится.

За время работы следователем Андрей научился не реагировать на слова «все обязательно выяснится». В самом-самом начале (с момента окончания юрфака тогда прошел всего год) они его волновали: как же! люди надеются на него, в его руках судьба невиновных! Потом он заполучил что-то вроде нервной аллергии.

«Все обязательно выяснится», - говорил муж, выкинувший жену из окна кухни.

«Не может не выясниться», - эхом вторил бывший участковый милиционер, курировавший оборот «наркоты» в районе.

А у Андрея начинала жутко чесаться переносица и тыльная сторона ладоней. Потом... Потом он просто привык.

- Да, все рано и поздно выяснится, - слова получились сухими и казенными, но ему, в общем-то, было все равно. - И мы очень рассчитываем на вашу помощь... Да, я согласен с вами: дом пустой, в него мог забраться кто угодно. И все же... Кто, кроме вас, знал об этой даче? Кто там бывал? Кто мог знать о существовании подвала и о том, что сейчас на дачу никто не приезжает?

Тамара, хлюпнув носом, отвернулась к окну.

- Н-ну.. Я даже как-то так сразу не могу сказать.., - протянул Киселев. - Там до Тома ещё компании собирались, а потом... Потом к маме приезжала подружка. Тетя Люба. Она в соседнем дворе живет. Пожилая уже... Раньше были какие-то папины друзья.

- Кто-нибудь из них водил знакомства уровня Тима Райдера? Общался с иностранцами? Занимался фармацией?

- Погодите. Дайте подумать... Я уже и не помню никого... Вот из моей прежней компании была одна девчонка-фармацевт. Точнее, она сначала училась в мединституте, потом бросила. Но, во-первых, девчонка все-таки, во-вторых, она сейчас работает в самой обычной аптеке... Нет, никого не могу припомнить.

- Кстати, о девчонках, - Андрей совсем не был уверен в том, что поступает правильно, - Нет ли среди ваших знакомых женщины с прямыми черными волосами. Довольно длинными... Подумайте?

- Ну вы и вопросыки задаете? - Киселев почти весело хлопнул себя обеими ладонями по бедрам. - Да, наверняка, есть такие знакомые. Сто штук. Или даже тысяча! Да с одной только моей автобазы...

- Автобаза пока меня не особенно интересует. Из тех, кто бывал на вашей даче и знал о существовании подвала.

- И таких - выше крыши! Я же говорю: там раньше веселая компашка собиралась: парни,

девчонки... Та, которая фармацевт, рыжая, кстати... А вот Лялька Слепнева черненькая была и с косой, если не постриглась, конечно. Лиза Стрешнева, Зойка... Да мало ли кто?.. Я, конечно, алиби их не проверял, но просто подумать смешно, что кто-то из них... Лялька, по-моему, до сих пор в декретном с ребенком сидит. Зойка - та даже таракана раздавить боялась.

- А Лиза? - спросил Андрей, намотав на указательный палец шелковую бахрому шторы.

Хозяин квартиры подался вперед:

- Да вы что? Всерьез все это что ли?

- Нет, мы здесь КВН проводим, - Красовский зашел в комнату, остановился прямо перед Киселевым. - Ситуация анекдотическая - обхохочешься просто! Два трупа на твоей даче! «Смехопанорама», чего уж там!.. Твое, кстати, алиби надо проверить в первую очередь.

- Я на работе был, - Валерий зло сверкнул глазами. - Можете проверять. Двадцать человек вам подтвердят. Как приехал к семи, так вы меня оттуда и забрали. Даже обедать не уходил.

- А вчера вечером?

- А вчера вечером сидел дома. Телевизор смотрел... Половики вон выходил часов в одиннадцать вечера трясти. Может, кто из соседей видел... Да точно видела бабка со второго этажа. Под нами квартира, зайдите - спросите.

- Чего это тебя на ночь глядя понесло во двор с половиками? - в голосе Красовского явственно прозвучало разочарование. - Дня не хватило?

- Значит, не хватило.

- А вы, Тамара Антоновна, где вчера вечером были? - Андрей отдернул штору и присел на подоконник. - Тоже сидели дома и смотрели телевизор?

Она едва заметно вздрогнула, провела кончиками пальцев по губам. Зачем-то взглянула на свой портрет на стене:

- Нет, меня не было дома. Мы поссорились, и я ночевала у подруги.

- Ка-ак интересно! - вновь обрадованный Красовский покачал головой. - И вернулись, конечно же, поутру?

- Да. Так получилось.

- И не встретили по дороге ни дворника, ни почтальона, ни соседку с собачкой? И бабушка со второго этажа не глазела в окно? Пришли и ушли незаметно, как привидение, а бедный муж всю ночь делал в квартире генеральную уборку?

Андрей вдруг понял: вот сейчас она заплачет. На самом деле, заплачет. Полные плечи Тамары как-то жалко задрожали, под глазами мгновенно набрякли мешки.

- Я не знаю, - выкрикнула она. - Может быть, меня кто-то и видел. Но мне было не до того. Мы поссорились, и я...

- Вам тоже ни о чем не говорят имена супругов Райдеров?

- Да что же это такое! - слезы, наконец, прорвались и кривыми дорожками потекли по розовым щекам. - Конечно, ни о чем не говорят! Откуда мне их знать?! И все из-за этой чертовой дачи! Как сразу у меня к ней душа не лежала! Как чувствовала, что что-нибудь случится! Все теперь! Все - псу под хвост: и Валеркина жизнь, и моя... Ну, неужели вы не понимаете, что мы тут абсолютно ни при чем?

- Ладно, пойдем, - Андрей махнул Красовскому рукой и направился к выходу из комнаты. Остановился, кивнул Тамаре. - А вы, пожалуйста, запишите для меня данные вашей подруги. Той, у которой вы провели сегодняшнюю ночь. Это - простая формальность, но мы должны проверить.

Плечи, обтянутые бирюзовой футболкой, продолжали мелко вздрагивать. Тамара тихо плакала.

- Она напишет, - Киселев поднялся с дивана. - Сейчас... Или, давай я, Том, напишу? Ты у Ленки была, да?

Ответа не последовало. Он достал из ящика секретера прямоугольный листок розовой писчей бумаги, принес из коридора старую записную книжку. Наслюнив палец, перелистнул несколько страниц...

- Ну, что за мужик, а? - досадливо проговорил Серега, когда они вышли из квартиры и захлопнули за собой дверь. - Баба где-то шлялась всю ночь, а он: «Сю-сю-сю, Томочка! Давай я адресок твоей подружки для дяденек милиционеров запишу?».. К батарее бы её наручниками приковать и ремнем по заднице пройтись раз восемьсот. Резко перестала бы и ночевать где попало, и беденькую-несчастенькую из себя строить. Зараза!.. А ты чего молчишь, орган предварительного следствия?

Чего по поводу всего этого думаешь?

- Ничего не думаю, - вяло отозвался Андрей. - Сейчас пойду вылечу зуб, а потом уже буду думать... А, вообще, ерунда это все. Юбки, заказы, автохозяйство... Дом-то ведь, действительно, просто просится, чтобы в нем кого-нибудь грохнули. Стоит на отшибе, мышами пахнет... Подругу эту, конечно, надо вызвать, но толку что? В лучшем случае, выясним, что наша мадам ночевала у какого-нибудь мужика... Ладно, Анечке твоей привет, а я пошел...

* * *

- Алло, Лена?

Она услышала ответное: «Да, это я» на том конце провода, и долго молчала, прежде чем продолжить.

- Тома? Тома, ты? - кричала в трубку Ленка.

- Да. - в конце концов, отозвалась она. - Мой звонил?

- Звонил-звонил. Я сказала все, как договорились. Нотку неискренности в голосе подпустила. Так что он, мне кажется, засомневался. Но, тем не менее, подтвердила официально: да, ты была у меня, сидели, пили чай с конфетами «Маска». Пусть теперь мучается... Козел!

- А больше никто по этому поводу не звонил?

В трубке что-то загрохотало. Наверняка, Ленка двигала поближе к телефону банкетку, предчувствуя долгий и весьма интересный разговор.

- Подожди, Том, я сейчас... Ага, все... А кто еще-то звонить должен? Или ты себе любовника завела? Колись!

- Нечего колотья. Милиция должна звонить, - выговорила она с трудом. - Тут такие дела... В общем, у меня к тебе просьба: скажи им тоже самое, что Валерке. Только без ноток неискренности в голосе.

Ленка помолчала. Потом спросила уже значительно более скучно и осторожно:

- Во что ты влезла то?

- Ни во что не влезла. Так, ерунда. Дурацкое стечение обстоятельств.

- А-а-а., - и снова тягостное молчание на том конце провода.

- Так ты подтвердишь или нет?

- Том, я подтверждаю, конечно, только... Ты сама пойми: в конфликт с милицией без особой надобности неохота влезать. Может, у тебя другой есть, кто подтвердит? Эти ведь дела и конфиденциально можно оформить? Просто попросишь, чтобы мужу не раскрывали показания. А, Том?

- Лена, - она почувствовала, как в животе становится холодно и пусто, - если бы мне было к кому обратиться, я бы не втравливала тебя в историю. Тебе совершенно нечего бояться: никаких конфликтов, никаких осложнений. Пожалуйста! - Принужденно хохотнула и, ужасаясь фальшивости собственного голоса, добавила. - Ну, успокой же меня, в конце концов! Что ты молчишь? А то я не смогу как следует погрузиться в создание твоего брючного костюма: тревожиться буду, отвлекаться... Нет, кроме шуток, Лен: костюм бесплатно, и фурнитура, и подкладочная ткань - тоже с меня.

- Ерунду какую-то говоришь. Взятку мне предлагаешь, что ли?.. Скажу все, как договорились: можешь не переживать. Я уж не думаю, что ты кого-то там ограбила или убила?

Игривый тон не получался у обеих, поэтому разговор свернули быстро. Тамара положила мобильник на журнальный стол, уперлась локтями в колени и уронила лицо в ладони.

Ее тошнило от унижения и страха... Ленка! Ленка - это так ненадежно! Никто не даст гарантии, что прямо сейчас она не наденет свою дурацкую плиссированную юбку с не менее дурацкой кружевной блузкой и не помчится в ближайшее отделение милиции, чтобы с порога заорать: «Моя подруга попросила обеспечить ей фальшивое алиби!»

Глупо. Страшно. И ещё раз глупо... И все из-за чего? Из-за кого? Все из-за той, которая...

Она отвела подрагивающие руки от лица и, сморщившись, почесала ладонь. На коже бледно-розовыми пузырьками проступала экзема. Даже думать о той, чужой, однажды разрушившей её счастье, было невыносимо. Теперь из-за неё все рушилось снова. Никто не поверит. Никто не станет даже слушать. Никто не попытается понять...

Тамара поднялась с дивана, достала из ящика тюбик с ихтиоловой пастой. Выдавила тоненькую

белую трубочку на ладонь. Одно она знала совершенно точно: что бы там ни было, надо держать себя в руках. Потому что завтра предстоит очень тяжелый день...

* * *

Десна болела ужасно. Неуклюжая врачиха умудрилась разодрать её иглой одноразового шприца. Пол-ампулы лидокаина тут же стекло под язык. Другая половина почти не помогла. Андрей, конечно, молчал, зажмурил глаза, но вспоминал исключительно врачихину маму и ещё инструменты гестаповцев из «Семнадцати мгновений весны».

- Два часа не есть, - смущенно предупредила докторша, когда он вылезал из кресла. - Но я бы, на вашем месте, вообще сегодня воздержалась от приема пищи.

Предупреждение было явно излишним. Шагая от стоматологии до автобусной остановки, Андрей абсолютно точно знал, что не захочет открывать рот, по крайней мере, сутки. Или двое. Со свидетелями и с Красовским будет общаться знаками. А отвратительные отчеты Володи Груздева, которые к тому времени как раз подспеют, отобьют остатки аппетита ещё на неделю вперед.

Однако, ближе к дому десна отошла. Он даже нащупал онемевшим языком комочек ваты, забытый расчудесной докторшей у него во рту. Выплюнул вату в урну и с какой-то лиричной теплотой вспомнил о двух спинках мятая, хранящихся в морозилке. Но тут же, в связи с ментаем, вспомнил и о Птичке...

Птичка была его Карой, его Крестом, его Наказанием. Страшным Наказанием, начавшемся со вполне мирного телефонного звонка. Звонил старый знакомый, с которым однажды, года четыре назад, сплавлялись вместе по горной речке.

Знакомый - моряк с научно-исследовательского судна, был человеком милым и общительным, но имел также репутацию мужика «с давно и хорошо отъехавшей крышей». Поэтому на его жизнерадостное: «Алло, Дюха, как живешь?», Андрей ответил осторожным: «В общем, нормально».

- Нормально? Работа есть? Ноги ходят? Дом не развалился? - продолжал оптимистически интересоваться знакомый. - Всех там убивцев посадил или ещё нет?.. Меня, собственно, один вопрос сильно интересует. Тот, что насчет дома.

- С домом все нормально. А что?

- Да, понимаешь, мне тут в Питер надо на пару неделек смотаться, по делам. А у меня птичка. За ней же следить надо, кормить... Не возьмешь к себе?

Подвоха в невинной просьбе, вроде бы, не чувствовалось. Пока Андрей неопределенно тянул: «Ну-у-у...», знакомый принялся просить за птичку со всей страстью, на которую был способен:

- Дюх, да ты не сомневайся! Тебе же сам Бог велел её взять. У тебя же что за фамилия? Щурок? Правильно? А «щурок» - это птичка такая хохлятская. Вот и будете с моей питомицей вдвоем чирикать... Давай, а?

- Ну, я могу её у себя подержать, конечно. Только ведь, ты знаешь, у меня работа с утра до вечера. Следить за твоей птицей некому. Максимум, что я могу - это с утра ей корма насыпать, а вечером водички в блюдечко подлить.

- А Катя твоя чего? Тоже с утра до вечера на службе.

- С Катей мы разошлись. Так что...

- Ну, ладно, - скрепя сердце, согласился знакомый. - Так и быть: доверю её тебе и без Кати. Мы минут через двадцать подъедем. Жди.

Андрей выпил баночку пива, подумал, что птичка это не так уж и обременительно. Не кошка, во всяком случае, за которой надо по три раза на дню выносить горшок с песком. В общем, он освободил место для клетки на подоконнике и стал ждать. А ровно через двадцать минут раздался звонок в дверь.

- Мы на такси приехали! - радостно сообщил знакомый. - В транспорт общественный, сам понимаешь, не полезли. Быстро, ага? Причем это от меня до тебя! Через пол Москвы считай!

Андрею было все равно: быстро или не быстро, через пол Москвы или от Москвы до Нижнего Тагила. Единственное, что он смог произнести вслух:

- Ты что, совсем того?

- Скучный ты тип! Такой же как все остальные! - знакомый приятельски похлопал его по плечу. - Хотя задатки у тебя хорошие, работа вот только нудная... Чудная птичка! Просто чудная! Поживешь с

ней - прочувствуешь. Еще отдавать не захочешь. Я уже влюбился, хотя только неделю, как его из экспедиции привез. Кстати, это он. Зовут его Эммануил. Так что попрошу без фамильярностей.

С этими словами он втолкнул в квартиру огромного и блестящего, как сопля, императорского пингвина...

Теперь Птичка, для которой было слишком много чести именоваться Эммануилом, поджидал дома и, наверняка, хотел жрать. Что наводило на мысль о печальной судьбе сегодняшнего рыбного ужина.

Андрей услышал его ещё через дверь, когда поворачивал ключ в замке. Когда же дверь открылась, пингвин ринулся навстречу, громко шлепая о пол жирной гузкой. Физиономия у него была, как всегда, нахальная и препротивная. А глазки маленькие и коварные.

Сдержать удалось едва ли пару натисков у холодильника, во время которых Птичка своим острым и твердым, как долото, клювом, долбил Андрея в спину. Потом Щурок плюнул на все и швырнул-таки одного заиндевелого минтая прямо в раскрытую пасть с прочувствованным пожеланием:

- На! Подавился!

Птичка, естественно, не только не подавился, а ещё и возобновил атаку, надеясь захватить вторую рыбку. В результате, из двоих обитателей квартиры поужинал только пингвин. Поужинал и захотел купаться.

Купался он каждый день. И в эти минуты Андрей с одинаковой яростью проклинал и Знакомого, «сосватавшего» ему Эммануила, и собственное отношение к животным, исковерканное школьным кружком юных натуралистов. Любой нормальный человек уже запер бы зловредного пингвина в какую-нибудь нишу, а он, подчиняясь внутреннему голосу, твердящему о том, что бедному Птичке жарко, набирал в ванну холодную воду.

Запрыгивал в ванну Птичка самостоятельно, резво махая короткими, похожими на мокрые ладошки крыльями. А вот вылезать не желал категорически. При этом вытащить его не представлялось возможным: он был тяжелым и скользким, как чудовищных размеров селедка.

На этот раз купание продолжалось пятьдесят минут. Андрей успел с первой до последней странички изучить «Спорт-экспресс», купленный по дороге, втайне от пингвина съесть на кухне бутерброд с остатками колбасы и посмотреть по НТВ «Сегодня», а Птичка все не вылезал.

- Ванну освободи, - пробовал увещевать Щурок.

Грозил:

- Завтра ты у меня искупаешься, как же!

Взывал к дружеским чувствам:

- Мне, по-твоему, в душ не нужно? Или в раковине, на кухне, прикажешь мыться?

Пингвин только хлопал по воде крылышками и желчно разевал клюв. «Да хоть в туалете!» - легко читалось по его наглой физиономии.

Все попытки подхватить его под мышки и выволочь на пол блистательно провалились. И вот когда Щурок пытался выманить гада половинкой плавленого сыра, раздался звонок в дверь.

- Хрен с тобой! Сиди! - Андрей аккуратно обернул сыр фольгой и спрятал в нагрудный карман рубашки. - Посмотрю, сколько высидишь.

И включил горячую воду...

Он не рассчитывал на немедленный результат, поэтому приятно удивился, когда Птичка пулей выскочил из ванны и вперед хозяина протиснулся в приоткрытую дверь...

Звонок тренькнул ещё пару раз. Щурок вытер мокрые руки о джинсы и пошел открывать. За дверью стояла Катя. Катька...

- Привет, - сказала она, перекладывая пластиковый пакет из одной руки в другую. - Эммануил жив?

- К сожалению, - Андрей посторонился, пропуская бывшую жену в квартиру. Кивнул на пакет. - Это все ему?

- Мойва, творог, несоленая перловая каша...

- Мойву и творог мне. Кашу, так и быть, пускай жрет.

Она изумленно вскинула темно-русые брови, придержала двумя пальцами легкую прядь, готовую упасть на лоб.

- Да! И нечего тут удивляться. Мойву мне. Он только что моего минтая сожрал!

- А сколько вызова! Сколько пафоса! - тупельки оказались на шнуровке. Катя наклонилась и

развязала два аккуратных бантика. - Подстилку его просушил?

Как ни странно, изо всех женщин, время от времени заходящих в холостяцкую квартиру Андрея, бывшая супруга оказалась единственной, кто смирился с существованием Птички. Собственно, и заходить более-менее регулярно она стала только из-за гнусного пингина. Мойва, зелень, вареные яички, матрасик на пол... Н-да... Матрасик.

Чудесная шатенка Юлечка с визгом соскочила с дивана, когда, не пожелавший спать на своем матрасике Эммануил, влетел туда же на манер прыгуна, преодолевающего рекордную отметку высоты. Птичка, естественно, тут же получил под зад, но Юлечку это не удержало...

А Таня? Та просто не могла переносить укоризненного взгляда пингина, стоящего в углу, как строгий часовой.

Юлечка, Таня... Впрочем, Катя никогда не оставалась на ночь...

- Постилку просушил? - ещё раз спросила она и, не дожидаясь ответа, прошла в комнату. Андрей прошлепал босыми ногами за ней. Убрал с подлокотника дивана рубаху, загнал под стол свернутые черными комочками носки.

- Извини, у меня сегодня бардак.

- Мне-то какая разница? Я прихожу не для того, чтобы тебя инспектировать.

Придержав край просторной летней юбки, опустилась на корточки перед матрасиком. Провела по нему легкой рукой с длинными, как у пианистки пальцами.

- Ни фига ты, Щурок, не сделал! На все тебе плевать. А Эммануилу, между прочим, здесь не климат. Гляди, заболел он у тебя!

Ему вдруг вспомнился Митя Лежнев, вот так же сидящий на корточках перед застывающим гипсовым следом.

- А у меня сегодня женщину убили. И мужа её. Топором, - сказал он непонятно зачем. - Она красивая была, молодая. Двадцать четыре года всего.

- Кошмар! - Катя покачала головой. - Что творится, а? Опять «бытовуха»?

- Нет. Вообще, непонятно что. За кольцевой, на какой-то заброшенной даче, где сто лет уже никто не живет... И, самое паршивое, оба - подданные Ее Величества Королевы Великобритании. Она, правда, бывшая русская: здесь, в Москве, работала. Зато он - самый натуральный англичанин, да ещё и крупный бизнесмен к тому же.

Она поднялась, оттолкнувшись вытянутыми пальцами одной руки от пола, присела на подоконник. Закатное солнце подсветило розовым её светлые пушистые волосы и нежные плечи, к которым никогда не приставал загар.

- Бизнесмен... Ко мне на консультацию тоже сегодня один бизнесмен приходил. Спрашивал, как сделать так, чтобы после смерти матери все права на квартиру остались ему, а не брату. С завещанием, говорит, вариант не устраивает: мать на это никогда не согласится. Спрашиваю: сколько лет матери? Отвечает: «Пятьдесят три»...

Помолчали. Андрей неожиданно почувствовал, что ему ужасно хочется подойти к подоконнику и потереться щекой о её голое плечо, сжать в ладонях тонкие пальцы, прихватить губами прядь волос. Обернулся на книжный шкаф. Там, в верхнем ящике лежало свидетельство о расторжении брака, категорически утверждающее, что брачный союз между Щурком Андреем Михайловичем 1967 года рождения и Щурок Екатериной Васильевной 1969 года рождения прекратил свое существование восемнадцать месяцев назад. Еще раз взглянул на Катю.

- У тебя что ли щека припухла? - вдруг спросила она. - Ну, точно, припухла!

- Зуб сегодня лечил, - глухо отозвался Андрей, с каким-то отчаянием понимая, насколько не в тему сейчас «стоматологические» разговоры. - Десну нечаянно расцарапали.

- Бедный!.. Болит?

Встала, пошла навстречу. Правая рука чуть приподнята. Вот сейчас прикоснется, погладит по щеке!.. Он затаил дыхание, чувствуя, как сердце мощными толчками колотится о ребра... Жасминовый запах её духов, запах её ладони... Маленькая родинка между средним и указательным пальцем и...

- Кар-р-р! - совсем по-вороньи сказал Эммануил, нарисовавшись в дверях. Катя вздрогнула. Андрей про себя выматерился. А пингвин невозмутимо поковылял к своему мокрому матрасику, под которым он, наверняка, припрятал кусочек мятая.

Не было больше ни тонкого аромата духов, ни дрожащего перед глазами воздуха. Только

официальная бумажка рядом с книжкой расчетов за электроэнергию и справкой о медосмотре.

- Ну так что? Пойду я, наверное, чай поставлю? - спросил он, с хрустом разминая плечевой сустав. - Мойва-то, кстати, у тебя вареная?..

Потом они пили на кухне чай и болтали. Катя тыкала пальцем в специально принесенный журнал со статьей о пингвинах и пыталась убедить Андрея в том, что его Знакомый - урод: пингинов, дескать, нельзя содержать в городских условиях, и, вообще, ни в каких нельзя - им и в зоопарках-то плохо.

С тезисом о том, что Знакомый - урод, Щурок охотно соглашался. Мойву обильно поливал майонезом, а кухонную дверь придерживал вытянутой ногой, сдерживая атаки жадного и настырного Птички.

Еще бывшая жена жаловалась на то, что летом в юридической консультации стало совсем мало народу. Работы нет. Та, которая есть - скучная. Чай пила малюсенькими глоточками. Розовая помада на её губах почти не смазалась.

- А я все о сегодняшних трупах думаю, - Андрей прислонился затылком к стене и посмотрел на пожелтевший потолок. - Странно все это как-то... Во-первых, топор. И на «заказуху» не тянет, и на маньяка почему-то не похоже... Во-вторых, какого лешего англичан на ночь глядя в подмосковные леса понесло? И, в-третьих, почему так? Почему его убили сразу, а её ещё несколько часов в подвале держали?

- Изнасиловали? - Катя когда-то училась на том же юрфаке, только на два курса младше, поэтому о таких делах говорила спокойно.

- Нет! В том-то и дело! Просто держали в подвале, а под утро убили... Вроде и не пытали, и не кололи ничем. Ладно бы чего-то от неё добиться хотели, так ведь, похоже, на то, что она всю ночь там одна просидела: ход прорыть пыталась, все ногти себе пообломала.

- Утром? Ты говоришь, её убили утром?

- Ну да, - он пожал плечами. - Официального заключения ещё нет, но Володька... Груздева, кстати, помнишь?

Она кивнула.

- ... Так вот Володька утверждает, что мужика грохнули приблизительно в половине одиннадцатого двенадцатого июля. А её уже тринадцатого, в половине седьмого.

- И что ещё интересного говорит товарищ Груздев?

- Относительно трупов?.. Да, ничего. Острым тяжелым предметом по голове. Его - по затылку, её - в лобную кость. К нему, наверное, сначала тоже спереди подошли: он рукой прикрыться пытался: часы расколотили. Потом уже сзади ударили.

- А часы, наверное, как раз на половине одиннадцатого и остановились? - Катя отставила чашку в сторону, двумя пальцами взяла из тарелки щепотку рассыпчатого творога, положила в рот.

- На двадцать двух часах двадцати семи минутах.

- Какое недоверие к следствию, в общем, и к группе экспертов-криминалистов, в частности! - она хмыкнула.

Андрей убрал ногу от двери, но Птичка, наверное, уже устал ломиться, поэтому на кухню вваливаться не стал:

- Ты что-то имеешь ввиду? Говори лучше сразу.

- А я и говорю. Вы там с Красовским оба с глубокого похмелья были или только он один? У тебя, ладно, зуб болел, и голова, соответственно, не соображала... Вас чему в университете столько лет учили?

- Катя, не задирайся лучше, а?

- Не задираюсь, успокойся! Наследственное право вспомни, которое и у нас, и у них - англо-саксов, в этом вопросе гласит одно и то же. Ну, вспомни, вспомни!.. Она ведь ему законная, официальная жена?

- Елки! - удивленно и почти радостно воскликнул он.

- Палки! - привычно отозвалась она. - Да, ладно, на самом деле, тебе простительно. Это же я в консультации сижу: и днями и ночами почти одними наследственными делами занимаюсь... Естественно, она наследует после него только в том случае, если её смерть наступила хотя бы в следующих календарных сутках. Переваливает за двенадцать - и она уже наследница, не успело перевалить - значит, нет. Похоже на то, что часики специально расколотили, чтобы экспертиза, не дай

Бог, со временем смерти не напутала. Пока тела найдут, пока суть да дело. Все-таки есть хоть маленькая да вероятность, что смерть англичанина припишут уже к тринадцатому июля...

- А резон? - Андрей ногтем указательного пальца отскреб от клеенки засохший соус. - Я понимаю, был бы смысл, если бы у неё алчных и кровожадных родственников имелось полтора миллиона. Тогда - да: она унаследовала все состояние за мужем, родственники унаследовали за ней. Но дело-то в том, что по предварительным данным, у неё только мать в Перми. Старая, больная женщина, ноги не двигаются. Ни братьев, ни сестер, ни теток, ни дядьев...

- Лучше скажи, в завещании что?

- В чем?

- Хороший вопрос. И в её, и в мужнином.

- Не скажу... Не знаю потому что. Английскую сторону известили, запрос послали, но ответ, естественно, ещё не пришел.

- Если наследование по завещанию, а не по закону, тогда, может, это все и чепуха. Ну, то что я тебе здесь сейчас говорила, - Катя вздохнула. - Вообще, иностранцы - люди аккуратные. Тем более, он, как ты говоришь, крупный бизнесмен. Странно, если бизнесмен - и без завещания. Не принято это у них.

Она сидела на табуретке очень прямая, с чуть выступающими на спине острыми лопатками. Ее профиль на фоне окна казался таким нежным. Однако, говорила Катя весьма жестко и разумно. Когда-то его это раздражало. Раздражало до зубовного скрежета.

Милая блондиночка с легкой, едва заметной горбинкой на носу - и холодные, взвешенные речи. «Ты не можешь до бесконечности... Ты не должен...» Особенно, когда они начинали «работать» в паре с Сергеем Красовским. То, что всю жизнь прощалось Сергею, не простилось Кате...

«Я лучше знаю, что должен, и что могу», - тихо проговорил он как-то раз, шарахнув кулаком по косяку прямо над её головой. Катя собрала вещи в блестящую, застегивающуюся на «молнию» сумочку и ушла. Потом и она сказала «прости», и он сказал... Но было уже поздно.

Внизу запереливалась короткими пронзительными трелями сигнализация чьей-то машины. Хлопнула дверца, заработал двигатель. Андрей подошел к окну, прикрыл форточку. Катя по-прежнему смотрела прямо перед собой. Он вдруг подумал, что уже девятый час и может быть... Эммануил? А что Эммануил? Эммануил посидит в ванной: не облезет... Катя - это не Таня, и не шатенка Юлечка... Катя, Катяка...

Телефон, как всегда, сначала чихнул, а потом уже задребезжал, едва не подпрыгивая на стареньком «Зиловском» холодильнике. Щурок снял трубку.

- Здра-авствуй! - нараспев протянул девичий голос. - Зооуголок у тебя ещё не расформировали?

Он с какой-то досадой подумал, что в первую очередь все его женщины спрашивают о ненавистном пингвине. «Жив ли Эммануил?» «Расформирован ли зооуголок?» «А он сегодня опять полезет к нам в постель?»..

- Не расформировали, - ответил он не особенно любезно. Повисла пауза. Стало ясно, что нужно спросить о чем-то в ответ. По идее, конечно, пригласить в гости на бутылочку вина. - Как у тебя дела? - спросил очевидно глупо и от этого тоскливо.

- Хорошо, - удивленно отозвалась на том конце провода Таня. Тоже подумала. Решилась: - А ты чем сегодня занимаешься?

Конца разговора Катя дожидаться не стала. Спокойно поднялась, задвинула табуретку под стол. Заглянула на всякий случай в свой пакет - вдруг что забыла? Сполоснула банку из-под мойвы, стряхнула капли в раковину.

- Уходишь? - спросил Андрей, закрыв микрофон треснувшей трубки ладонью.

- Разговаривай-разговаривай, - быстро и успокаивающе закивала она. - Я дверь захлопну.

Он убил на голом плече комара, досадливо вытер ладонь об угол холодильника. Быстро проговорил в телефон:

- Извини, Танюш, занят сегодня. Дел по горло... Все. Пока.

Катя уже обувалась в прихожей. Птичка шумно возился где-то в темном углу. Андрей метнулся в комнату:

- Подожди. Сейчас оденусь, тебя провожу.

- Не надо, - обернулась она. И он понял, что, действительно, не надо. Просто не надо - и все...

Когда дверь за Катей закрылась, и лифт, ухнув, поехал вниз, он швырнул ненужную рубашку прямо на пол. Вернулся в комнату, лег на нерасстеленный диван, провел пальцем по гобеленовой обивке.

Жасмином в квартире уже не пахло. Стекланные дверцы книжного шкафа слабо бликовали в темноте. Мимо прошлепал пингвин и ничком рухнул на матрасик. Наступала ночь, Птичке пора было спать...

* * *

Она пришла на следующий день. В одиннадцать двадцать утра. Снизу позвонил дежурный и сообщил:

- Андрей Михайлович, к вам просится женщина. Некая Киселева Тамара Антоновна. Пришла со своими документами, говорит, что хочет сообщить вам что-то очень важное.

- Пропусти, - сказал он, двигая по подоконнику герань и открывая окно в кабинете на всю ширь. С утра опять прошел дождь, и с улицы приятно тянуло прохладой.

Минуты через три в дверь постучали. Это была она, но уже совсем непохожая на ту, вчерашнюю. Темные волосы были аккуратно подвиты на концах, светлый, в темный цветочек комбинезон делал плотную фигуру словно бы стройнее. На запястье поблескивал браслет из черненого серебра.

На секунду замялась посреди кабинета. Андрей указал рукой на кресло у стены. Тамара коротко и нервно хохотнула:

- Так все странно, непривычно. Никогда не была в прокуратуре. Да и в милиции тоже. Всю жизнь считала себя образцом законопослушной гражданки, а вот ведь пришлось...

Замолчала так же резко, как и рассмеялась. Пожевала губами, словно растушевывала помаду. Села в угол, поставила черную сумочку-сундучок к себе на колени.

- Вы вспомнили что-то важное? - Андрей тоже сел за стол, положил перед собой чистый лист, зачем-то отчертил на нем ровную горизонтальную линию.

- Да... То есть, нет... Я хотела сказать вам об этом ещё вчера, но как-то растерялась. И потом, я все ждала, что Валера - мой муж, скажет, а он промолчал...

Прелюдия грозила затянуться. Он отчего-то уже во второй раз подумал, что Тамара Киселева выглядит не на двадцать восемь, а, пожалуй, на все тридцать три. Несчастливое для женщины свойство казаться старше.

- Не надо волноваться. Давайте все по порядку. И с самого начала, рядом с первой линией на листке пролегла вторая - чуть кривоватая. - О чем должен был сказать ваш муж, и о чем он, в итоге, умолчал?

- Ой! - она быстро дотронулась кончиками пальцев до подбородка. - А ему за это ничего не будет? Ведь, может быть, он просто позабыл? Или разволновался?.. Знаете, так бывает, когда самое важное в состоянии аффекта вылетает из головы!

- Говорите, Тамара Антоновна. Сейчас, в любом случае, отступить уже поздно. Кроме того, ваш муж, действительно, мог что-то забыть, что-то посчитать недостойным внимания... В состоянии аффекта.

Тамара быстро взглянула в окно. По непросохшему ещё асфальту, ехала поливальная машина. На жестяном оконном карнизе изредка шевелила темными крыльями нарядная коричневая бабочка.

- Ну, хорошо... Я скажу. Только вы не подумайте, пожалуйста, что все это - выдумки несчастной женщины. Дослушайте до конца, а потом уже делайте вывод. И еще... Если бы можно было сделать так, чтобы Валера об этом не узнал? О том, что я к вам приходила.

Он промолчал и прочертил на листке уже третью линию. На этот раз, извилистую, как побег плюща.

- ... В общем, мой муж... Нет, я не с того начала. Помните, вы вчера говорили о женщине с длинными черными волосами? Спрашивали, нет ли такой среди наших знакомых?

Андрей, конечно, об этом помнил. А так же о сегодняшнем телефонном разговоре с Груздевым, во время которого тот авторитетно и слегка снисходительно подтвердил: волос женский, кто-то ещё изволил сомневаться?

- Да, я помню об этом, Тамара Антоновна.

- Да... А Валера ещё начал говорить про всяких там Зоек, Лялек и так далее?.. Но самого-то главного он вам не сказал! Когда-то по молодости, если точнее - три года назад у него был роман с одной женщиной. Очень бурный роман, с перспективой будущей женитьбы. Потом они расстались, но не в этом дело... Женщина эта очень часто бывала на даче: родители уже воспринимали её, как

официальную невесту. Помогала там помидоры сажать, чеснок перебирать, консервировать тоже... Вы догадываетесь, что все подвалы, чердаки и чуланы она знала, как свои пять пальцев?

Андрей кивнул. Четвертая линия оборвалась на середине. Он отложил ручку в сторону и теперь слушал внимательно.

- ... Расстались-то они расстались, но у неё совести оставить его в покое не хватило. То мне говорят, что она в дверь нашу звонила, когда меня дома не было. Я как раз в больницу ходила, вернуться только к вечеру должна была... То я вдруг чужую клипсу под плитусом нахожу... Вы не подумайте, Валера - человек глубоко порядочный, и отношения у нас хорошие. Он меня любит, - Тамара коротко всхлипнула, и серьги в её ушах жалко зазвенели. - Но я - сама женщина и прекрасно понимаю, как можно воздействовать на мужчину, как можно выбить почву у него из-под ног! Причем, самое обидное, что расстались они по её инициативе. Она его бросила. Категорически! «Нет», - сказала, и - все!

- Тамара Антоновна, - он сложил лист пополам и провел ногтем по сгибу, - давайте, если можно, ближе к сути. Разрешите, я вам помогу: когда-то у вашего мужа была женщина, с которой он возобновил встречи теперь. Женщина часто бывала на даче, знала о подвале...

- Я выгляжу банальной ревнивой дурой, да? Конечно, домохозяйка, портниха, пришла пожаловаться на неверного супруга!.. Но не в этом дело, вы поймите! Я все это вам рассказываю только для того, чтобы вы поняли: она, наверняка, знает все о даче и теперь! Знает о том, что все пришло в запустение, о том, что там никто не бывает. Явно ведь они вели ностальгические беседы о прежних деньках?.. Она могла вывести его на этот разговор, могла вызнать все не в лоб, а окольными путями.

- Если я правильно понял, у этой женщины длинные черные волосы?

- Вот именно! - Тамара щелкнула позолоченным замочком сумки. - У неё длинные, прямые черные волосы... Вы ведь нашли там волос, да? Я его не видела, да и смотреть не хочу. Но у той... У этой женщины волосы были достаточно грубые, в смысле, толстые. И, вроде бы, слегка секлись. Конечно, она может их постоянно постригать, ухаживать за ними. Кремы, гели, шампуни лечебные... Сейчас ведь море всякой косметики.

- Как зовут эту женщину? Где она живет? Работает?

Тамара как-то виновато пожала плечами:

- Тут я вам мало что могу сообщить. Сами понимаете, с мужем мы на эту тему не разговариваем. Зовут её Лиля Муратова...

- Муратова? - Андрей наморщил лоб. - Она русская? А то фамилия какая-то восточная.

- Русская. Темноглазая, правда, и черненькая, а так - физиономия совершенно заурядная, славянская. Волосы только, как у татарки... А насчет работы? Когда они встречались - два, три года назад - тогда она работала в какой-то частной лавочке то ли секретарем-референтом, то ли бухгалтером, то ли каким-то администратором. Сейчас - не знаю. Фирмы эти банкротятся одна за другой, разваливаются, как карточные домики.

Бабочка, мелко затрепетав крылышками, перелетела с карниза прямо на письменный стол и села на перекидной календарь. Тамара проводила её глазами. Чуть улыбнулась, как бы приглашая Андрея печально умилиться вместе с ней. Тот вовремя не отреагировал, и улыбка на Тамарином лице погасла.

- Собственно, больше мне рассказать вам нечего, - она достала из сумочки носовой платок. - Я просто посчитала это важным... Особенно, в свете того, что Валера об этой особе не упомянул. Странно. Каких-то совершенно посторонних девочек вспомнил. Причем тут же! А о своей бывшей любви позабыл... И еще, вы заметили, он ведь не выдержал паузы, после того, как вы сказали про черный волос? Не удивился, не растерялся! Отреагировал мгновенно, как будто что-то такое за этой женщиной подозревал и просто хотел её спасти.

- Да-да, я помню: Зои, Лады, Ляльки... Скажите-ка, Тамара Антоновна, а эта Лиля Муратова, она теоретически могла водить знакомства уровня Тима Райдера? Ну, она выглядела, как референт крутой солидной фирмы, сотрудничающей с англичанами, или же как бедная секретарша из какой-нибудь конторы, арендующий ближайший подвал?

По выражению лица Тамары он мгновенно понял, что той ужасно хочется сказать: «Да, она выглядела как дешевая, жалкая секретарша!» Однако, голос разума возобладал:

- Она хорошо выглядела. Достаточно дорого. Правда, внешность у нее, говорю же, была

заурядная, а так - вполне даже ничего.

- Теперь такой вопрос. Не вспомните ли вы, может быть, она работала референтом-переводчиком? Или просто переводчиком в какой-то конторе?.. Еще бы было очень хорошо, если бы вы вспомнили, где она училась и сколько ей сейчас лет.

- Лет? Лет, наверное, столько же, сколько и мне. А где училась? Не знаю... Я могла бы потихонечку выяснить у Валеры. Но это, конечно, не сразу. Тем более, после этих ваших вопросов о женщине с черными волосами.

Платок в её руках взмок и потемнел. Она быстро приложила его к ладони. Андрей заметил на руке у Тамары мокнущую серо-красную корку.

Перехватила его взгляд, вздохнула:

- Экзема... То ли аллергическое, то ли на нервной почве. Те клиенты, которые не из постоянных, шарахаются: боятся, что к их драгоценной ткани зараза пристанет.

- Значит, Лиля Муратова... Что ж, Тамара Антоновна, спасибо вам большое за помощь. Если понадобится что-нибудь уточнить, я с вами свяжусь.

Когда она вышла из кабинета, Андрей подтянул к себе телефонный аппарат и набрал знакомый номер. Трубку снял Митя Лежнев, передал Сереге.

- Ну, и как дела? - ехидно осведомился Красовский. При посторонних ругательства типа «лицо процессуально самостоятельное» и «орган предварительного следствия» он не употреблял. - Тоскуешь? Надеюсь, сегодня осознание полной глухости и беспросветности дельца навалилось на тебя всей своей массой?

- Тебя хочу спросить, как дела? - он помахал рукой. Шоколадного цвета бабочка, наконец, слетела с календаря. - Что там по поводу Кузнецовой?

- Радуйся! Агентство нашли, в котором наша Олеся Викторовна работала. «Арбат» называется, в самом центре находится. А в агентстве раньше работала некая Даша. Это сейчас она окрутила, потому что супруг её буквально озолотился на каком-то бизнесе: дома сидит, по парикмахерским ходит. Но раньше числилась там диспетчером, все про всех знала, а с Олесей Викторовной состояла так и вовсе в приятельских отношениях.

- И что говорит?

- Пока ничего. С ней ещё не разговаривали. А разговаривали с некой Викторией Коротковой из того же агентства... Да, и еще. Матери Кузнецовой сообщили, она нетранспортабельная: в больницу тут же попала с сердечным приступом. Так что хоронить Олесю, скорее всего, повезут в Пермь.

- Понял тебя, - Андрей едва удержался, чтобы не ляпнуть дежурное и такое нелепое в данной ситуации «отлично». А Красовский, естественно, не смолчал и ответно прогундел в трубку:

- Понял. Вас понял. Одиннадцатый. Как слышите? Прием!

* * *

Женщина была совсем маленькой и хрупкой. С очень подвижным лицом и светло-русыми, подстриженными под короткое каре волосами. В кресле ей явно не сиделось. Она ежесекундно порывалась вскочить, но словно останавливала сама себя, с силой ударяя маленькими кулачками по коленкам.

- Олеська! Не может этого быть!.. Ну, как же так? Олеська!.. Знаете, до сих пор не могу поверить. Все это как-то нереально. И она была такая решительная, когда собиралась уезжать в Лондон. И вы вот совсем непохожи на следователя...

О том, что он «непохож на следователя», Андрей слышал за свою жизнь раз, наверное, сто. Еще мама когда-то говорила: «Сына, ну зачем тебе сдался этот юрфак? Я все понимаю: специальность серьезная. Но достаточно ли серьезен для неё ты сам? Нет, даже не «серьезен» - не то слово... Твоего клоуна Красовского и то легче представить в какой-нибудь комнате для допросов. В зеркало на себя посмотри! У тебя же творческая физиономия. Актером бы тебе быть или скрипачом. Бог даже с ними, с твоими самолетиками - иди в инженеры-конструкторы. Но вся эта грязь, криминал, преступления... Ты мне скажи: преступники-то будут воспринимать тебя всерьез?»

Он грозился отрастить усы, бороду и рассечь лицо каким-нибудь ужасным шрамом. А, главное, коротко постричь темные прямые волосы. Мама рассержено отмахивалась: «Что толку с тобой

разговаривать?»

Все те другие, которые были после Катки, тоже спрашивали: «Следователь? Настоящих преступников ловишь?.. Да ну, не сочиняй!» Однажды он заблаговременно ответил: «Скрипач и актер А ещё пишу стихи». Девушка (ее звали Людой) попросила что-нибудь почитать. Он с трагическим лицом сымпровизировал:

Два сердца тянутся друг к другу,
И в страстной, пламенной груди
Как пони бегают по кругу,
Не зная, что там впереди?

Девушка оказалась дурой, поэтому восприняла эти строки абсолютно серьезно. Более того! Она умудрилась с влажными от слез глазами процитировать их в компании Красовского.

Это был апофеоз!..

- В какой груди? - не очень уверенно спросил сначала Серега. Потом уточнил:

- Сердца, как пони? Я правильно понял? И по кругу? И оба - в одной груди?

Далее начались вариации на тему груди, грудей и прочих плацдармов, по которым могут бегать резвые лошадки.

Девушка обиделась, а Андрей понял, что это конец. Уже на следующий день Красовский скромно вошел в его кабинет, положил на стол листок из тетрадки в клеточку и попросил дать оценку творчеству дилетанта. На листочке было написано:

Сердце резвым попугаем
Билось в пламенной груди,
И слезинки, как алмазы,
По щекам моим ползли.

- Иди отсюда, а? - грустно попросил Андрей. Серега ушел, и в тот же день нажаловался приятелям-операм на мэтра Щурка, который сам создает безусловно гениальные строки (строки при этом цитировались), но новичкам помогать не хочет...

- ...Вы совсем не похожи на следователя, - потерянно повторила женщина. - И все же, это правда: Олеси больше нет...

- Дарья Сергеевна, - Андрей откинулся на спинку стула. - А вот вы сказали, что, уезжая в Лондон, Олеся выглядела решительной? Что это значит? Объясните, пожалуйста... Все-таки невеста, жена. Девушка, недавно и удачно вышедшая замуж... Я понимаю, если бы вы сказали: «счастливая», «полная надежд».

- Она была просто решительной, - женщина согнула пальцы и рассмотрела свои блестящие, бледно-розовые ногти на свет. - Просто решительной... Решила и сделала! Хотя один только Бог знает, как тяжело ей это далось. Молодая, красивая...

- Она не любила своего мужа?

- Она говорила, что Тим Райдер - глубоко порядочный и по своему несчастный человек. И еще, что он очень к ней привязан... Ее, вообще, невозможно было не любить.

- А говорят, что у неё были сложности с работой из-за собственного высокомерия и нежелания оставаться в тени, как это и положено переводчику?

Она усмехнулась:

- Я даже знаю, кто это говорит. Вика Короткова. Правильно?.. Нет, Олеся, она была... В общем, не знаю, что бы с ней случилось дальше: мне не очень нравилось это её замужество.

- Почему? - он щелкнул кнопкой авторучки.

- Потому что она не любила Тима. Уважала, но не любила. Замуж вышла по расчету. Страдала от этого... Вы ведь знаете, она должна была расписаться с другим: у них уже чуть ли не заявление в ЗАГСе лежало. А потом все в один миг встало с ног на голову.

Вот это уже было интереснее! Андрей отложил ручку в сторону и сцепил пальцы в замок. На правой кисти между большим и указательным пальцем остался здоровенный синяк от пингвиньего «укуса». Пришлось опустить руку тыльной стороной на стол.

- Давайте с этого момента поподробнее. Что у неё был за жених? Почему они расстались? Как переживала это расставание Олеся? Как её друг?

- Как переживал? - Даша неопределенно хмыкнула. - Ужасно переживал! Он, вообще, был в эмоциональном плане несколько неуравновешенным. Когда Олеся от него съехала, он давай её искать: в агентстве днями и ночами просиживал, говорил, что у него к ней, дескать, исключительно деловой разговор... Олеся просила не давать её новых координат. Все мосты за собой сожгла.

- То есть, к бывшему жениху она питала куда более сильные чувства, чем к будущему мужу?

- Разумеется. Когда-то у них была очень большая любовь: вместе до гроба, страсти до небес... Они ведь очень красивой парой были - Олеся и Вадим.

- Вадим. Отлично... Значит, его звали Вадим?

- Да. Вадим Бокарев, - она словно удивилась, что не назвала с самого начала его имя. - Отчество не помню. Он работал старшим программистом в какой-то конторе. Получал, правда, мало, от этого у него развились всяческие комплексы. Сам мучился, Олеську мучил. Она поначалу прощала ему все на свете... Потом на горизонте появился Тим Райдер, который всю свою любовь и все свои деньги положил к её ногам. Она подумала-подумала и решилась... Вадим её к тому времени окончательно доставать начал. Олеся плакала, переживала...

- Отчего плакала? - уточнил он. - От того, что её отношения с женихом так испортились, или уже от того, что чувствовала себя виноватой из-за Тима Райдера?

Даша прерывисто вздохнула, снова взглянула на свои ногти:

- Ей было от чего плакать. И с Вадиком все порушилось, и с Тимом ничего толком не склеилось. Любила она Бокарева, понимала, что глупость делает. В то же время понимала, что жизни нормальной у них никогда не будет... Она ведь ждала ребенка, когда они с Вадиком расстались. Естественно, решила сделать аборт. А наши медики, они ведь, как загнанные лошади за свои три копейки работают. Просмотрели срок беременности. Олеська сунулась за направлением, а ей говорят: «Нет, матушка, поздно!» Еще повод для слез... Я, когда её в последний раз видела, она на аборт на большом сроке ложиться собиралась. Бледная, зареванная... А вы говорите: «счастливая», «полная надежд»! Изрезали всю, измучили и в чужую страну увезли. Ох, счастья-то!

- Так. Вадим Бокарев., - Андрей поставил локти на стол и подпер сцепленными пальцами подбородок. - А больше в окружении Олеси Кузнецовой не было людей, с которыми бы она конфликтовала? Никто с ней не ссорился? Никто не мог затаить на неё обиду?

- Пожалуйста! Вика Короткова! - Даша выдала это зло и почти торжествующе. - Чем не кандидатура? Злая, завидущая, страшная! Она и сейчас Олеську грязью поливает и тогда ей жизни не давала. Женская ненависть вообще, страшная штука! Почему бы вам не допросить её на предмет убийства? - Договорила и поникла. Дрожащими пальцами поправила манжет легкого летнего пиджака. - Простите. Не место и не время для шуток... Жалко Олесю. Очень.

* * *

Тело Тима Райдера самолетом отправляли в Лондон. Тело его жены - в Пермь.

- Вот, что значит, не судьба была, - вполголоса судачили в офисе компании «Скайларк». - В землю-то каждый у себя на родине ляжет... Что к чему? Был человек, нет человека. И сроду милиция не найдет тех, кто их убил, какую тут активную деятельность не изображай!

«Дикая, обозленная Россия», - размышлял, сидя в своем кабинете генеральный директор российского филиала Игорь Борисович Масляшов. «Топор. Кровища... Чудовищно, страшно, жутко! Мог ли несчастный мистер Райдер представить такое пусть даже в самом страшном своем сне?..»

Женщины говорили о том, что Олесю будут хоронить в закрытом гробу, потому что хирургам так и не удалось толком собрать некогда красивое лицо. О том, что её мать еле откачали после сердечного приступа, и что теперь будет с бедной старушкой - неизвестно. О том, что, по слухам, руки у покойницы ещё очень долго оставались теплыми, а в ямочке между ключицами проступал пот.

А Лариса, секретарь-референт Масляшова, думала о том, последнем в жизни Тима Райдера телефонном разговоре. О прямом звонке в зал заседаний, и о странной фразе мистера Райдера, на которую она поначалу не обратила внимания:

«Она не должна ничего знать. Для неё это будет слишком большим унижением... Я прошу. Пожалуйста»...

* * *

Высокая бутылка с французским коньяком стояла в баре. Он не мог не думать о ней, как ни старался переключить мысли на что-нибудь другое... План выступления на общем собрании акционеров?.. Боже, какая ерунда!.. Коробка овощного детского питания для Оленьки?.. Нет, только не сейчас... Заглянуть в автосервис на предмет подготовки к техосмотру?.. Ужасно, ужасно, ужасно...

Все должно было быть по-другому. С самого начала. С самого первого дня. И ни в коем случае не должно было закончиться вот так.

Кровь, топор, но тела уже увезли. И камера телеоператора выхватывает из темноты то примятую траву, то наплыв свечного парафина на подоконнике, то комья слежавшейся, выброшенной из подвала земли.

«Труп английского бизнесмена Тима Райдера и его супруги, бывшей гражданки России Олеси Кузнецовой»...

Нет! Это не могло закончиться так. Как угодно, но только не так...

Жирные следы пальцев на полированной стенке бара. Вот - отпечатки совсем маленьких пальчиков. Надо же, Оленька уже достает... Надо взять тряпку и протереть. Прямо сейчас. Немедленно! Эти следы пальцев раздражают... И с журнального стола тоже смахнуть пыль. А потом поставить ровно посередине хрустальную рюмку, налить по краю коньяк. Тоненькой, отсвечивающей темным огнем струйкой...

Он вдруг вспомнил, как когда-то в детстве со всего маху шархнул затылком об асфальт. И в голове тут же жарко вспыхнул невыносимый, темно-красный огонь. Это было всего лишь сотрясение мозга... Что должен чувствовать человек, которому голову рассекают топором? Успеваешь ли он что-нибудь почувствовать?..

Коньяк... Терпкий, вязкий, желанный... Солнце рассыпается радужками в каждой грани рюмки... Смежить веки, прищурить ресницы. Радужки вспыхнут прямо перед глазами... Ее ресницы. Ее длинные темные ресницы... О, Господи! Как угодно, но только не так!

Коньяк... Была такая детская загадка про напиток, в котором «два зверя»: конь и як... Зверь... Топор... К чему рюмка? Прямо так. Из бутылки. Из горлышка...

Что говорил тогда врач? Как он сказал дословно? «Ты, конечно, не умрешь сразу, если снова начнешь пить. Но человеком быть перестанешь. Кстати, и это важно, сначала перестанешь быть мужчиной!.. Ну, а потом умрешь. Скоро!»

Скоро. Даже не сразу, а просто «скоро»! Что такое «скоро» в сравнении со ржавым железом, раскалывающим надвое череп?!

В дверь позвонили. Он ещё раз взглянул в сторону бара, рассеяно подумал: «Может и к лучшему?», и поплелся открывать. На лестничной площадке стоял высокий молодой парень в рубашке поло, летних брюках и коричневых сандалетах.

- Вы Бокарев Вадим Геннадьевич? - спросил он так бодро и жизнерадостно, словно узрел перед собой диснеевского Утенка. Только что не тыкнул в грудь собеседника указательным пальцем. - Далековато вы забрались из Люблино. Но мы вас все-таки нашли.

- Кто это «мы»? - осведомился он вяло. - Представьтесь, если это вас не затруднит.

Парень слазил в нагрудный карман за удостоверением и протянул раскрытую красную книжечку:

- Лежнев Дмитрий. Отдел по расследованию убийств... Могу я пройти?

Вадим пожал плечами:

- Пожалуйста.

Тот шагнул в прихожую, без стеснения осмотрелся. Разуваться не стал и направился напрямиком в гостиную. На ходу наклонился, подобрал с пола Оленькиного резинового кролика, усадил на подлокотник дивана. Цокнул языком:

- Хорошо живете, Вадим Геннадьевич... Женаты?

- Да, - ответил он. Хотел спросить, какими, собственно, соображениями продиктован визит. Но сдержался и промолчал. Он знал.

Лежнев, тем временем, сел в кресло, вытянув длинные худые ноги. Указал глазами на диван:

- Присаживайтесь тоже. Давайте поговорим... Я к вам вот по какому поводу: помните ли вы некую Олесю Кузнецову?

Вадим вздрогнул. Так мучительно, так больно прозвучало её имя «Олеся». Отдалось ещё той, давней, незажившей болью... Олеся... Что-то полудетское. Или полуколдовское?

- Да, я, несомненно, её помню, - он потянулся к пачке сигарет, лежащей рядом с пепельницей. Нечаянно столкнулся со стола зажигалку. Нагнулся за ней - кровь бросилась в лицо.

- Когда-то она была вашей невестой?

- Да. Была... Мы расстались.

На секунду парень замялся. Неуверенно закусив нижнюю губу, смахнул с подлокотника кресла невидимую пыль:

- Вы... Э-э-э... Вы что-нибудь слышали...

Вадим резко перебил:

- О том, что её убили? Да, я слышал. Об этом писали в некоторых газетах и передавали в криминальных новостях по телевидению. Был репортаж с места преступления.

- Тогда вот какой вопрос: по чьей инициативе вы расстались?

- По инициативе Олеси. Она встретила другого человека, я оказался не нужен... В общем, это было достаточно мудро с её стороны.

Парень сосредоточенно уставился на свои колени - под подбородком залегла складочка:

- Вадим Геннадьевич, мне показалось, что в вашем голосе прозвучала обида. Или я ошибаюсь? - он по-прежнему не смотрел в глаза. - Вы тяжело переживали ваш разрыв с невестой?

- Хотите спросить: не я ли убил Олеся и её мужа?.. Нет, не я. И не нужно всех этих окольных вопросов. В ночь убийства я находился в ресторане «Пассаж» вместе с руководителями нашей компании и нашими потенциальными партнерами. Вернулся утром - это легко проверить.

- И все-таки... Вы тяжело переживали разрыв?

- Да! - почти выкрикнул Вадим. - Я тяжело переживал разрыв! Я пил! Я чуть не попал в психушку. Я ненавидел её, если вам угодно, но все это уже прошло... Доступно объяснил, или вы будете спрашивать в третий раз?

Опер флегматично и лениво махнул загорелой рукой:

- Спасибо. Я вас понял... А кем вы, кстати, работаете?

- Управляющим торговой компанией «Сенди», - глухо и устало проговорил он. Через паузу уточнил: - Я - не собственник, работаю на окладе. Правда, на очень хорошем окладе.

Ему мучительно хотелось, чтобы этот жизнерадостный, полный скрытой энергии человек ушел. Чтобы выветрился даже его запах, и осталась только хрустальная рюмка посреди журнального стола... Задернуть портьеры, пододвинуть поближе пепельницу, откинуться на спинку кресла... От коньяка в горле станет тепло, и исчезнет противный царапающий песок из-под век.

«..... виделись?» - донеслось издалека.

- Что? - Вадим словно очнулся.

- Я спрашиваю: с погибшей Олесей Кузнецовой вы когда в последний раз виделись?

- Когда?.. Когда она ушла из моей старой квартиры в Люблино, собрав свои вещи. Я знал, что она вышла замуж за этого англичанина, знал, что уехала в Лондон. Но это все от её коллег из агентства. Мы не виделись около двух лет.

- Все понятно, - парень рывком, упершись обеими руками в подлокотники кресла, поднялся. - Тех, кто мог чувствовать к ней неприязнь или желать её смерти, конечно, не припомните?

- Не понимаю иронии в вашем голосе.

- А нет никакой иронии. Просто, на самом деле, все опрошенные отзываются о погибшей в исключительно теплых тонах... Однако ж, девушку убили.

- Да, - зачем-то сказал он и услышал, как в замке поворачивается ключ. Из поликлиники вернулась жена с малышкой.

Значит, хрустальной рюмки с колеблющимся у самых краев коньяком не будет, а песок под веками останется. Досадно. Больно...

Опер подошел к двери, с интересом выглянул в прихожую. Разулыбался, закивал, как какой-нибудь вновь приобретенный друг семьи. С той же улыбкой вытащил из кармана удостоверение. Жена заметно испугалась: она знала о гибели Олеси. С Оленькой под мышкой торопливо вошла в комнату.

- А что случилось? - уголки её темных губ вздрогнули и опустились книзу, отчего лицо стало похожим на беличью мордочку. - Милиция что-нибудь выяснила?

Оленька запищала и начала извиваться. Белая косыночка, завязанная в смешной узел на её макушке, сползла на лобик. Жена поставила девочку на ковер.

- Вадим, ты можешь объяснить, что произошло?

- Все в порядке, - он наткнулся взглядом на резинового кролика, которого опер поставил на подлокотник дивана. - Товарищ пришел узнать о наших прежних отношениях с Олесей Кузнецовой... Так что все нормально, Лиля, можешь не волноваться...

* * *

- Слышь, а чего твой Эммануил сегодня жрать будет? - вдруг озаботился Красовский, когда они уже подходили к ограде, за которой синели металлические контейнеры мелкооптового продовольственного рынка.

- А в чем смысл вопроса? - ответно поинтересовался Андрей. - Уточню: прак-ти-ческий смысл? Если бедной Птичке не оставили пожрать, ты что же, сейчас накупишь осетрины с горбушей и помчишься за три автобусных остановки кормить сиротку-пингвина?

- Эй, ты, лицо процессуально самостоятельное! - Серега округлил свои и без того круглые глаза. - Ты, кажется, выступать начал? Я забочусь о твоём чудовище, а ты...

- О чудовище уже позаботились. У него в тарелке четыре половинки камбалы и вареная картошка... Чтоб я так ел.

- Ох, неужели же ты освоил ещё и варку картошки плюс к изготовлению бутербродов?!

- Катя картошку с рыбой принесла, - коротко ответил Андрей и пнул валяющийся на дороге камушек. Камушек с легким стуком покатился по потрескавшемуся асфальту, Красовский замолчал, видимо, испытывая неловкость из-за того, что коснулся запретной темы. Объяснять, что все уже не так, что все гораздо сложнее или, наоборот, проще - не хотелось.

- ...Или твой вопрос про Эммануила имел под собой другую цель? - Щурок чуть принужденно усмехнулся. - В последний момент скинуть меня «с хвоста», мотивировав это тем, что у меня дома животное некормленное?

- Брось ты! С какого ещё «с хвоста»? Благо бы, «Мартини» или коньяк «Наполеон» пить собирались, тогда бы - да, скинули. А на «Балтику», ладно уж, падай. Тем более, что половину все равно ты покупаешь.

- Сколько, кстати, брать будем? Анечка твоя, она как в смысле алкоголя?

- Анечка у меня во всех смыслах отличная девочка, - Красовский отпнул в сторону валяющуюся посреди дороги раздавленную картонную коробку. - А в смысле алкоголя - скромно, но с достоинством. Тебе, младший советник юстиции, у неё ещё учиться и учиться... Бутылок десять, я думаю, возьмем. «Трочки».

Народу на рынке было уже совсем мало. На многих контейнерах висели замки. У забора бродячая белая собака терзала кусок залежалого мяса. Серега гигантскими шагами ринулся к закрывающемуся киоску с колбасами и сосисками. За ним тут же устремилась полная старушка в ситцевом платье с открытыми плечами, до этого бесцельно бродившая по ряду. Щурок остановился чуть поодаль, машинально похлопал себя по карманам в поисках сигарет. Вспомнил, что бросил курить, досадливо сплюнул себе под ноги.

- Девушка, взвесьте-ка мне килограмм сарделек, - попросил Красовский, просовывая голову в окошко.

- Мы работу закончили, вообще-то, - недружелюбно отреагировала продавщица. - Ну, ладно. Вы последний... Каких вам?

Бабулька сзади занервничала, испуганно забубнила себе под нос:

- Как последний? Что значит, «последний»? Неужели трудно ещё одного покупателя обслужить?

- ... Так каких вам? Свиных или говяжьих?

- А чем они отличаются? - проявил потрясающую неосведомленность Серега.

Продавщица хмыкнула:

- Тем, что одни из свинины, а другие из говядины.

- Это-то как раз понятно... А чем они отличаются по качеству?

Старушка, обеспокоенная перспективой остаться без сосисок, мудро решила принять сторону девушки за прилавком:

- Молодой человек, что вы пристаёте? Не знаете, чем отличается свинья от коровы?.. Чем мальчик от девочки отличается, знаете?

Челюсть Красовского артистически отпала, лицо выразило глубочайшее потрясение:

- Д-да.., - пробормотал он. - Я в курсе про мальчиков и девочек, но никогда и не думал, что корова от свиньи отличается тем же самым!

Продавщица прыснула, автоматически завешивая свиные сардельки (наверное, они все-таки были лучше), бабушка обиделась:

- Хулиганье!

- Напротив! - радостно заверил её Серега. - Милиция!

- Ага, - сказала она, скупо поджимая губы и кивая в сторону Щурка. - Особенно вон тот вон хмырь...

- Эй, хмырь, - подмигнул Красовский, когда они отошли от контейнера и направились за пивом, - а давай Аньку тоже разыграем, а? Она же не знает, что я с тобой приду, в лицо тебя ни разу не видела... Давай скажем, что ты какой-нибудь крутой писатель или актер?

- Олег Янковский, - предложил Андрей. - Или Владимир Машков. На твой выбор.

- Нет, ну да - с актером не пролезет, конечно. Как поэт ты производишь ошеломляющее впечатление, но это уже старо... Может тебя за продюсера выдать? Штатовского!.. О! Отлично! Ты - бывший мой одноклассник, уехавший в Штаты и там добившийся небывалого успеха. Анька, она же на всех этих театрально-киношных делах замороженная. Посмеемся... Только ты не проколись, смотри.

- Охота тебе над собственной подружкой издеваться?

- А чего? Просто сидеть и пиво с воблой булькать?.. У нее, кстати, с чувством юмора все нормально: она не обидится.

Щурок пожал плечами и нащупал в кармане брюк сложенный вчетверо полтинник: впереди манил стройными рядами разнообразных бутылок киоск со спиртным.

Холодную «Балтику» сгрузили в специально купленный пакет, сверху бросили сардельки и несколько сухих плоских рыбин с мутной, давно утратившей блеск чешуей.

Андрей взглянул на часы: короткая стрелка приближалась к «восьмерке».

- Слушай, раз мы тут шоу затеваем, может, сейчас по делам переговорим? Потом-то как, при Анечке?.. Чего ты мне такого интересного рассказать хотел?

- А ты мне?

- Я тебе?.. Я тебе потом расскажу: у меня информация - «супер». Я, может, хочу, чтобы ты пивом поперхнулся.

- Ха! «Супер»! - Красовский презрительно скривился. - Просто ты, пацан, моего «супера» не слышал.

- А как услышу, можно будет сразу бежать, стирая подошвы тапочек об асфальт, за санкцией на арест убийцы?

- Н-ну.., - протянул он одновременно и уклончиво, и многообещающе. Прищурил один глаз, посмотрел на небо, потом утвердительно кивнул. - Можно.

Щурок хмыкнул, повесил пакет на руку:

- Не хочешь - не рассказывай. Нас, голливудских продюсеров, и без твоей информации неплохо кормят...

Анечка ждала дома. Она оказалась довольно высокой милостивой девочкой с прямыми, до плеч, волосами, выкрашенными под «красное дерево». Глазки у неё были большими и голубыми, талия тонкой, а ноги худыми и длинными. Лифчик под белую в голубую полоску маечку Анечка не надевала.

- Привет, - Красовский дежурно приложился губами к её щеке. - Мы сегодня вдвоем. Знакомься, мой старый школьный приятель Андрей. Не тот, который Щурок, а тот который в Штаты после десятого класса уехал... Ну, помнишь, я тебе рассказывал?

Она старательно наморщила лоб, пытаясь вспомнить, но так ничего и не вспомнила. Протянула узкую, с тонкими пальцами кисть:

- Аня... Очень приятно.

Щурок неопределенно прокашлялся.

- Во-от! - Серега, тем временем, подхватил пакет и направился с ним на кухню. - На улице его

встретил. Ань, представляешь? Решили вот пива попить... Знаешь, кем он у нас стал? Продюсером наикрутейшим! С твоим любимым Джимом Керри за одним столом сидел. А сейчас вот в России сериал снимать собираются. Типа «Санта-Барбары».

- Правда? - она улыбнулась. Андрей заметил, что зубы у неё мелкие и очень белые. - Как интересно! А я во все московские театральные ВУЗы три года подряд поступать пыталась - не приняли. Таланта, наверное, нет.

- Что вы! Вообще не обязательно, - он улыбнулся в ответ. - Приемные экзамены - это всего лишь лотерея. Я уверен: вам просто не повезло.

- Хочется верить... Вообще, у вас в Америке система в этом плане более прогрессивная. Все эти актерские школы, курсы... Да, туда, конечно надо ещё поступить, но человеку дается возможность пробовать и пробовать. В любом возрасте! И потом, гораздо больше возможностей для того, чтобы как-то себя проявить. Взять те же сериалы.

- Пить будем прямо в коридоре под вешалкой? - осведомился Красовский, выглядывая в прихожую. Все как-то сразу засуетились. Анечка тоже метнулась на кухню. Андрей попытался скинуть туфли, не развязывая шнурков - не получилось. Он слишком быстро нагнулся и впился лбом в угол тумбочки. Над бровью мгновенно вспухла небольшая гематома. Пришлось подойти к зеркалу и по-пижонски расстрепать волосы так, чтобы они полностью закрывали левую бровь.

Из кухни послышался прерывающийся тихим смехом шепот, хлопанье дверцы холодильника, шелест одежды. Андрей вдруг подумал о том, что они очень подходят друг другу - Аня и Серега. Пожалуй, это одна из самых симпатичных его девочек. И самая молодая. Сколько ей лет? Девятнадцать? Двадцать?

Самое интересное, что и Красовский, явно, относится к ней по особенному. «Вякнуть боится», «пирог целыми днями печет и пельмени лепит» - это все для понта, на публику. А на деле - её лохматый розовый медвежонок в прихожей и (о, ужас!) связанная крючком салфеточка на столе в комнате...

Парочка ввалилась в комнату минут через пять. Аня деликатно и скромно убрала Серегину руку со своей талии, поставила на стол зачем-то уже очищенную и нарезанную аккуратными ломтиками рыбу. Села на диван, сдвинула худые коленки вместе, сверкнула любопытными глазищами:

- Андрей, а вы, на самом деле, знакомы с Джимом Керри?

- Говорят же тебе, правда, - Красовский выставил три бутылки «Балтики» рядом с рыбой. - Он же продюсировал «Маску». Точнее, был одним из продюсеров... Деньжищ на этом деле загреб! Фильм-то чуть ли не в сто раз окупился.

- А насчет сериала? Тоже правда?

- Н-ну... Более-менее, - теперь уже ответил он сам. Без особого, впрочем, энтузиазма.

Серегу пояснил:

- Он тут организационные вопросы решит и обратно в свою Америку умотает. Послезавтра... Сериал-то тебе на кой сдался? Ты его про Голливуд порасспроси, он тебе расскажет. Про знаменитостей, про «Оскар», про пингинов... Ты знала, что в Голливуде в последнее время пошла мода держать дома пингинов?.. Не знала? Вот и я не знал.

Действительно, поговорили про «Оскар» и про «Нику», про актеров наших и «импортных». Анечка ахала и охала, Красовский тихо веселился, Андрей выглядел чемпионом мира среди закомплексованных и молчаливых продюсеров. Более-менее активно он поддержал разговор лишь однажды.

- А я знаю, почему меня, в частности, в Щепку не приняли, - просто сказала Аня. - У меня прикус неправильный и ноги неидеальные. Там красавицы были нужны, героини.

- Ну что вы! Вы - очень красивая, - искренне возразил он. - Я говорю это совершенно серьезно.

Потом вдвоем с Красовским вышли на балкон. Серега курил, Андрей нюхал дым, тоскливо размышляя о том, правильно ли сделал, решив покончить с сигаретами. Темное небо наливалось влагой, к ночи опять грозил пойти дождь.

- Как тебе Анька? - спросил Красовский, щурясь от дыма и глядя прямо перед собой.

- Хорошая девчонка, - ответил он и снова подумал о Кате.

- Сейчас в комнату зайдём - признаемся. Ага?.. Давай, кстати, уже говори, что там у тебя интересного?

- Интересного? Да, что интересного? Из Лондона ответ на запрос пришел. Тим Райдер не оставил

завещания. И супруга его тоже. Он, вообще-то, странно для богатого человека поступил. Ну, а у жены при таком раскладе просто двусмысленное положение получалось. Кому она что может завещать, если ей лично пока ничего не завещано?

- А родственники?

- Детей у Райдера нет. Братьев и сестер нет. Родители давно умерли. Есть какой-то там четвероюродный племянник и ещё одна седьмая вода на киселе по материнской линии. Но это все - детали. Самое интересное, что Тим Райдер уже однажды был женат законным, официальным браком.

Сергеа хмыкнул:

- Только не говори мне, что на этой Вике Коротковой, которая на убитую больше всех стучала! А то я буду нервно смеяться.

- Нет, не на Вике. Но нервно смеяться уже можно... Он был женат на русской. Мания у него такая - на русских жениться! На некой уроженке города Железнодорожный Московской области Слюсаревой Наталье Дмитриевне 1965 года рождения.

- И?..

- И развелся. Так же официально. Она вернулась в Россию, однако, замуж повторно не вышла.

- Такая любовь?

- Заочное отделение! Чему вас только учили? - Андрей возвел глаза к небу и тяжело вздохнул, еле сдерживая торжествующую улыбку. - Ладно, не обращай внимания: я сам тоже забыл. Катя, опять же, подсказала... Англо-саксонское наследственное право. К наследникам первой очереди наряду с законной супругой относится так же и бывшая жена, не вышедшая повторно замуж! Она получает деньги, отодвигая всех этих тетушек и племянников, и легко отодвинула бы даже родных братьев-сестер и детей Райдера, если бы таковые имелись. Хорошее законодательство, да?.. Так что не знаю: любовь там не любовь. От Железнодорожного до нашей любимой дачки от силы два часа езды на машине.

- Сильно, - Красовский покачал светловолосой головой. - На самом деле, сильно... А теперь я скажу. Митька Лежнев, загруженный предположениями Груздева, познакомился сегодня с одной симпатичной черноволосой девушкой...

- Начало интригующее.

- Более чем!.. Зовут девушку Лиля. Ни о чем тебе не говорит?

- Если ты таким образом пытаешься мне напомнить о той швее-мотористке, которая приходила жаловаться в прокуратуру на несчастного мужа?..

- Соображаешь, младший продюсер юстиции! Фамилия у девушки - Муратова. Была. В девичестве. Андрей повернулся, скрестил руки на груди:

- А сейчас?

- А сейчас, проницательный ты наш, она замужем. И мужа её зовут Вадим Геннадьевич Бокарев! Тебе не кажется, что это о чем-то, да говорит?..

Когда они вернулись с балкона, Анечки в комнате не было. На столе стояла тарелка с остатками рыбы и три пустых пивных бутылки.

- Щас приду, - сообщил Красовский и бодро направился в туалет. Андрей сел на диван. Через минуту в глубине квартиры послышались легкие шаги.

- Андрей! - негромко позвала Аня. - Андрей, подойдите сюда, пожалуйста.

Он встал, выглянул в коридор. Она стояла в дверях комнаты. Тоненькая, высокая, с отчего-то испуганными светлыми глазами.

- Андрей, я тут книгу достать хотела, а у меня полка оборвалась. Вы не поможете?.. Сережа ведь куда-то ушел, да? Я слышала, как дверь хлопнула.

- Конечно, помогу, - он подошел. Она отвела волосы у него со лба, провела теплыми пальцами по вспухшей над бровью шишке.

- Аня.., - он попытался отстраниться.

- Не надо ничего говорить, - попросила она. - Ты ведь даже не друг Сереже - так, бывший одноклассник. Ты уезжаешь послезавтра, и уже ничего нельзя будет исправить. Я хочу, чтобы ты знал... Ты... Сережа... Я ведь никогда к нему ничего, кроме симпатии не чувствовала. Он хороший, веселый, милый...

- Аня! Аня! Аня! Все! - он ненатурально захохотал и замахал обеими руками, с ужасом понимая,

что Серега все слышит. Все до последнего слова. - Все, Анька! Ты нас переиграла. Сразу поняла, да? Сразу поняла, что я никакой не продюсер? Или, может, это вы вдвоем с Красовским надо мной издевались, чтобы я тут целый час полным кретином себя чувствовал? Сразу поняла, что я - Щурок, да?

Ее лицо даже под слоем загара сделалось замлисто-серым. Андрей вдруг заметил, что все ещё машет руками - глупо, нервно, бессмысленно. Со скрипом отворилась дверь туалета.

- Те же и муж, - шутовски провозгласил Красовский, выходя в коридор. - Явление из сортира!.. Полная дурь! Н-да... Пошутили...

Посмотрел куда-то на стену поверх Анечкиного худенького плеча, щелкнул металлическим браслетом часов. Спросил, уже обращаясь к одному только Андрею - Аня словно перестала существовать:

- Переночевать у тебя можно? Несостоявшаяся звезда сериалов пусть спокойно вещи собирает...

И, не дожидаясь ответа, вышел из квартиры.

Дождь шел сплошной стеной. Тополя с вывернутыми, серебрящимися листьями клонились от ветра. Красовский пытался закурить вот уже четвертую сигарету, и уже четвертая сигарета, мгновенно превращаясь в мокрого дряблого червяка, летела на асфальт. Щурок ждал, глядя себе под ноги. На душе было так же паршиво, как в тот день, когда в ЗАГСе дежурно и торопливо выдали свидетельство о расторжении брака.

Прямо в лужу упала раскрытая пачка «LM» с добрым десятком сигарет. Следом за ней шлепнулась желтая прозрачная зажигалка.

- Ты не подумай, - Красовский с размаху ударил по зажигалке носком кроссовка: она завертелась, как кленовый вертолетик, - я к тебе претензий не имею. Все нормально. И, вообще, наплевать, растереть и забыть. Да... Все бабы, за редким исключением, дуры и сволочи. За новые колготки душу продадут... Лилю эту Муратову сажать надо. Чую я, что она тут по самое «нехочу» замешана... Стервы, а? Ну, какие же все стервы!..

* * *

Из ЗАГСа вывалилась очередная празднично разряженная толпа. Невеста вся в кринолинах и дешевом, бликующем на солнце атласе, жених, похожий на телохранителя при исполнении служебных обязанностей. Свидетельница в голубом шелковом платье с широкой лентой через плечо, свидетель с цветком в петлице - уже заметно «хороший». Гости, цветы, гости, цветы. Кукла в фате на капоте пожилой, обшарпанной «шестерки»...

Наталья аккуратно задернула тюль и отошла от окна. Наткнулась взглядом на невытую чашку в раковине. В чашку мерно капала вода, превращая остатки растворимого кофе в мутно-желтую жижу.

Она рассеяно подумала о том, что лишний раз крутить кран не стоит - и так на честном слове держится. Полетит, к чертовой матери, прокладка вместе с кранбуксой, что тогда делать? За сантехником не побежишь, а тетка Эльвира голову оторвет.

В комнате проснулась Тяпка, застучала когтями по линолеуму. Пару раз чихнула в коридоре и заглянула в кухню - черная, лохматая, с вываленным красным языком. Дышит часто, глаза грустные.

- Иди сюда, - тихонько позвала Наталья, похлопав себя ладонью по бедру. - Эй, дурица, иди сюда!

Собака как-то странно заскулила, подошла бочком, время от времени озираясь на входную дверь. Села на тапок, прижалась теплой мохнатой спиной к ноге. Чутко вздрогнула, услышав невнятный шум в подъезде.

- Истеричка, - она отдернула ногу, зло пихнула Тяпку в бок. Истеричка гребанная! Чего ты там слушаешь? Чего боишься? Убивать придут тебя! Щас! Нужна ты кому-то.

Вода начала капать чаще: кап-кап-кап-кап... Жижа в чашке теперь напоминала цветом изрядно разведенное пиво. Наташа метнулась к крану и закрутила его с такой силой, что чуть не своротила весь смеситель. На ладони проступили глубокие красно-синие рубцы.

- Лажка, а? - она опустила на пол, осторожно дую на руку и пытаясь удержать слезы. - Лажка! Лажка! Лажка!.. Повеситься, что ли? А, Тяпка, повеситься мне? Нет?.. Молчишь... Кретинка... Лучше уж повеситься, чем так жить, чем...

У соседей открылась дверь. Рядом! На этой же лестничной клетке! Послышался глухой мужской голос. С явно вопросительными интонациями!

Слова застряли у неё в горле. Она замолчала, словно подавилась, багровея от ужаса, и зажала двумя руками собачью морду. Тупая Тяпка, недовольно мотая головой и скользя всеми четырьмя лапами по линолеуму, принялась пятиться назад.

- Придушу, стерва! - прохрипела она, чувствуя, как ладонь наполняется вязкой собачьей слюной.

Опять что-то спрашивает мужчина. Спокойно, почти весело. А этот дебилый дедок ему отвечает. Раздумчиво, будто припоминает таблицу умножения! Дедок её видел. Два раза. Когда она выгуливала поздно вечером эту беспородную дуру, и когда открывала тетке Эльвире!

Тяпка все-таки вырвалась! Дернулась в сторону так резко и неожиданно, что Наталья не удержалась и завалилась на бок, тяжело стукнувшись локтем о пол. Зацепила плечом табуретку. Табуретка, слава Богу, устояла. А сволочная собака отскочила в сторону и теперь тихо поскуливала, метя черным хвостом по полу, словно «дворником» по ветровому стеклу автомобиля.

Наталья успела подумать о том, что пропала, что эта стерва обязательно залает, что дверь вышибут (несчастливая фанера вылетит с полпинка!), когда мужчина не лестничной клетке вдруг рассмеялся. Руки её все ещё были покрыты «гусиной кожей», но комок, вставший поперек горла, провалился куда-то в живот... Он смеялся... Точнее, не он! Тот, который придет за ней, не станет смеяться...

Хлопнула закрывающаяся дверь. Незнакомец пошел вниз по лестнице, сломанные перила задребезжали. Наталья перевернулась на спину, закрыла ладонями лицо, полежала так с полминуты и хрипло проговорила:

- Тяпа, а Тяп? Давай мириться... Прости меня, дурища. Когда все это закончится, будешь один «Чаппи» жрать. Обещаю...

* * *

- Лилия Владимировна, вы вызваны на допрос в качестве свидетеля по уголовному делу об убийстве гражданина Великобритании Тима Райдера и его супруги, бывшей гражданки Российской Федерации, Олеси Викторовны Кузнецовой, - договорив фразу до конца, Андрей незаметно поморщился. Голова болела и после вчерашнего, и после позавчерашнего. Красовский пока так и не вернулся в свою квартиру, то ли опасаясь застать там Анечку, то ли боясь окончательно поверить в то, что её больше не будет.

Второй вечер подряд он выставлял на стол бутылку водки, и второй вечер начинал с одного и того же:

- Ты ни при чем, я понимаю. Моя идея была, сам и получил по башке в результате. Но одного я тебе никогда в жизни не прощу: зачем ты начал балаган этот дешёвый устраивать? Мол, ах, Аня, ты обо всем с самого начала догадалась! Ах, Аня, какая ты у нас девушка проницательная и юморная!.. Для меня, я знаю. Но зачем? Неужели ты хотел, чтобы я после всего этого с ней...

Андрей молчал: ответить было нечего. Специальный птичий корм с микроэлементами, принесенный Катей, стоял на пыльном, пожелтевшем от времени подоконнике. И думалось о том, что когда-то, полтора года назад, он, Андрей, вот так же, тяжело и страшно, пил водку. Только один. Без Красовского...

- ... Согласно статье пятьдесят первой Конституции Российской Федерации, вы не обязаны свидетельствовать против своего мужа, ближайших родственников или себя самой.

Она спокойно кивнула, поправила на переносице очки. Черноволосая худенькая женщина с побелыми крупноватыми передними зубами:

- Да, я все поняла. Спрашивайте.

Андрей отчеркнул «шапку» протокола допроса и положил ручку на стол:

- Были ли вы знакомы с Тимом Райдером или его женой Олесей Кузнецовой?

- Близко - нет. То есть его я, вообще, не знала, а её видела. Много раз... Она была невестой моего мужа и часто заходила к нему на работу. Мы с Вадимом работали вместе... Что ещё вам сказать? Мы не общались, но Вадим о ней много рассказывал. У нас дома даже есть несколько её фотографий - в стенке или на антресолях в коридоре.

- И вы нормально относитесь к тому, что ваш муж хранит фотографии бывшей возлюбленной?

- А почему бы и нет? Это его прошлое, я уважаю его чувства.

- Сейчас вы нигде не работаете?

- Да, - она улыбнулась быстро, мягко и неуверенно. - У меня ребенок. Дочка.

- Но ведь, насколько я понял, вы уволились, а не ушли в декретный отпуск? Почему? Хорошо оплачиваемая работа, престижная должность...

- Честно говоря, ничего особенно престижного. Только звучит - «штатный психолог». А, на самом деле, приходилось и секретарскую работу делать, и бухгалтерскую... Знаете, я все время боялась, что окончательно позабуду, чему меня в институте учили.

Женщина снова выжидающе замолчала. Что-то в ней было такое... Мысль промелькнула и исчезла. Осталось только воспоминание о той другой, убитой. Запекшаяся кровь на волосах, розовая нежная пятка. Безупречная фигура... Изорванное и грязное дорогое платье, облегающее округлые бедра и тонкую, в один обхват мужских ладоней талию... Эта, черненькая, в самом деле, похожа на тщедушную белку. Аккуратную, элегантную, правильную белку. Интересно, что он в ней нашел, этот Бокарев?

- Хорошо, тогда такой вопрос: вы знакомы с Валерием Киселевым?

Она вздрогнула, в стеклах очков вспыхнули солнечные блики:

- Да, знакома... Но я не понимаю... То есть... То есть, вам, конечно, виднее... Да, я была с ним знакома, но мы не виделись уже больше двух лет.

- В каких отношениях вы состояли?

- В близких. Мы были любовниками, если вас это интересует. Даже собирались пожениться.

- Почему же не поженились?

- Странный вопрос, - уголки её губ опустились. - Разлюбили друг друга. Стало ясно, что Валера - не тот человек, который мне нужен, а я - не та женщина, которая нужна ему... Кроме того, я встретила моего нынешнего мужа. У нас ещё не было романа, но мне показалось, что он именно тот, кого я ждала всю жизнь. Как это ни высокопарно звучит.

Андрей подумал о том, что звучит, действительно, слишком высокопарно. А ещё о том, что и эта черноволосая «белка», и Даша из агентства «Арбат», и Вадим Бокарев говорят примерно одно и то же: «стало ясно, что мы (они) не подходим (не подходят) друг другу»... Вадим не подходит Олесе, Валерий Киселев не подходит Лиле Муратовой. Зато Лиля, просто умереть не встать, как подходит этому писаному красавцу Бокареву! Да и толстая портниха Киселеву - тоже...

Женщина отвела со лба темную прямую челку. Почти черную. Отливающую холодной серой сталью. Той же рукой быстро расправила юбку на коленях:

- Я все-таки могу узнать?.. Могу узнать, при чем тут Валера?

Андрей колебался всего секунду:

- Нет, не можете. И я прошу вас ответить на следующий вопрос...

- Подождите! Просто скажите: «да» или «нет»?.. Во время этого репортажа по третьему каналу... В общем, мне показалось, что их убили на даче Киселевых. На даче Валериных родителей. Это так?

- Так, - его рука, сжимающая прозрачную шариковую ручку замерла в нескольких миллиметрах от листа с протоколом допроса. - Олеся Кузнецову и её мужа, действительно убили на даче вашего бывшего возлюбленного... Вы узнали дом?

- Да. И дом, и дерево... Там было одно очень старое корявое дерево. Да и потом, в репортаже называли район, даже шоссе...

- Вы часто бывали в этом доме?

- Бывала. Часто. Мы ездили туда отдыхать: иногда вдвоем, иногда с друзьями. Еще я Валериной маме помогала с заготовками.

- О подвале, выходит, знали?

- Конечно, знала, - она довольно спокойно кивнула. Только рука снова скользнула по коленям, расправляя несуществующие складки на юбке. - Знала. Знала, что где стоит, знала, что там крыса жила... Все знала. Конечно.

В коридоре послышались быстрые тяжелые шаги. Круглая дверная ручка крутанулась. Женщина обернулась испуганно и быстро. На пороге стоял Красовский с порезанной после утреннего бритья щекой. Белки его глаз были пронизаны частыми красными прожилками. Глаза из-за этого казались воспаленными и больными.

- Привет, - коротко бросил он. Кивнул на Лилю. - Занят? Я тогда попозже зайду.

- Минут через пятнадцать, - попросил Андрей. Черкнул в протоколе пару фраз. Ручка перестала писать, он несколько раз резко потрянул ею в воздухе.

- Попробуйте расписать на сложенном вчетверо листке, - негромко проговорила Лиля.

- Что? - он вскинул голову.

- Ручку легче расписать на листочке, сложенном в несколько раз. А, вообще, эта модель очень плохая. По-моему, ни у кого ещё чернила в стержне не заканчивались естественным путем: всегда вперед ручка сломается.

Он почувствовал, что краснеет. Ручка была очень дешевая и, действительно, паршивая. Как, впрочем, и зажигалка в металлическом корпусе, лежащая среди бумаг тоскливой памятью о тех днях, когда можно было со спокойной совестью выкуривать хоть полпачки, хоть пачку в день. Черноволосая Лиля как раз смотрела на эту зажигалку.

- Спасибо, - бросил он таким тоном, каким говорят обычно «не ваше дело». Записал на листке: «Я неоднократно бывала на даче, принадлежавшей родителям Валерия Киселева». Взглянул на неровные, с пробелами в чернильном следе буквы и вспомнил львенка, нарисованного на песке дрожащей, неумелой левой рукой теперь уже мертвой Олеси. - Спасибо... К разговору о даче Киселевых вернемся чуть позже. Скажите, пожалуйста, Лилия Владимировна, были ли конфликты, ссоры между вами и погибшей Кузнецовой? Как она отнеслась к женьтибе Вадима? Не пыталась ли его вернуть? Каким-либо образом выяснить с вами или с ним отношения?

- Я ни разу не видела её после нашей свадьбы, она, по-моему, уехала ещё до этого... И, вообще, никаких конфликтов или ссор просто не могло быть. Когда Вадим сделал мне предложение, между ним и Олесей уже было все решено. Она сошлась со своим англичанином, собиралась в Лондон... Нет, не думаю, что ей могло придти в голову ревновать или устраивать сцены. Дело в том, что Олеся была очень спокойным, рассудительным человеком.

Спокойные, рассудительные люди. Одна расторгает помолвку с женихом, на даче родителей которого уже всю трудилась в качестве будущей невестки, ради призрачной перспективы быть рядом с красавчиком Бокаревым. Другая этого самого красавчика Бокарева так же рассудительно и спокойно бросает, сделав аборт чуть ли не на четвертом месяце (или какой там срок у женщин считается «большим»?). Все логично, все цивилизованно и правильно...

Только «неправильный» английский бизнесмен Тим Райдер почему-то не оставляет завещания. Только его красавицу жену отчего-то убивают почти через двенадцать часов после смерти мужа, продержав целую ночь в холодном подвале... Завещание... Завещание, которого не было... Нарисованная на песке голова львенка в телевизионной рамке... Черный волос, запутавшийся в окровавленных прядях мертвой Олеси. Длинный черный женский волос...

- Значит, вы считаете, у Олеси Кузнецовой не было причин вас ненавидеть?

Лиля, прикрыв глаза, помотала головой, что, по-видимому, означало: «нет, не было».

- ...А у вас? Были у вас причины обижаться на нее, злиться, ненавидеть?

Андрею было просто интересно, как она отреагирует. Усмехнется и с нервной иронией ответит что-нибудь вроде: «А как вы думаете? Если бы у меня были такие причины, я бы о них вам рассказала?» Заматывает головой так испуганно и быстро, что волосы взметнутся черным веером: «Нет, что вы? Конечно, не было!»? Или снова вспомнит о тех Олесиных фотографиях, хранящихся в их доме, акцентируя внимание на своей, якобы, спокойной, профессиональной мудрости?

- Нет, - она снова на секунду прикрыла глаза, однако, головой мотать не стала. - У меня тоже не было причин её ненавидеть. Раньше - может быть... Тогда, когда у неё ещё была любовь с Вадимом. А потом... Потом Вадим нуждался во мне и не мог даже думать о ней. Нет, он не ненавидел её, просто одно её имя было для него как яд. А она, мне кажется, стала несчастной, хотя сама этого не осознавала.

«Заморочки несостоявшегося психолога. «Не осознавала», «стала несчастной!»», - подумал он с необъяснимым раздражением. - «И ты, девушка, совершенно зря пытаешься изображать тут олимпийское спокойствие и прямо-таки женевский нейтралитет... Господи, ну, почему по этому делу проходят одни бабы? Портниха, бывшая подружка Кузнецовой, секретарша, услышавшая обрывок какого-то непонятного телефонного разговора. Еще эта бывшая супруга Райдера, которую неизвестно где искать... С ума сойти можно! И вдобавок норовят друг на друга наговорить».

В протоколе допроса появилась следующая строчка: «У Олеси Кузнецовой не было причин меня ненавидеть, так как они с Вадимом Бокаревым расстались по обоюдному желанию. Также причин для ненависти к Олесе не было и у меня».

- Теперь следующий вопрос, - Андрей снова потрянул ручкой, поймал взгляд Лили и досадливо

отложил ручку в сторону. - Ваш муж в ночь убийства находился в ресторане «Пассаж», это мы проверили. Где были вы?

- Я? - словно удивившись, спросила она и побледнела. Он готов был поклясться, что побледнела! - Я была в кафе.

- Вечером?

- Нет, всю ночь.

- Всю ночь с двенадцатого на тринадцатого июля? - уточнил он.

- Да, всю ночь. А что в этом странного?

- Позвольте спросить, где был в это время ребенок? У вас маленький ребенок, ведь так?

- Да, у нас с Вадимом дочка. Я отвезла Олечку к его матери.

- И, конечно, есть свидетели, которые могут подтвердить, что вы всю ночь провели в кафе? Вы ведь были в компании?

Повисла пауза, невесомая и готовая вот-вот лопнуть, как радужный мыльный пузырь. Андрей вдруг понял, что сейчас услышит, и почти физически почувствовал противный, скользкий холодок в животе.

- Нет, я была одна, - тихо ответила Лиля. - Я ждала приятельницу, но она не пришла. Но если вы об алиби... Ведь, наверняка, меня сможет вспомнить официант, который обслуживал столик? И люди? Там ведь было довольно много людей.

- Что это было за кафе? - он больше не смотрел в протокол допроса только в её глаза. В её карие, испуганные глаза, лихорадочно блестящие за стеклами очков.

- Что за кафе? Вы спросили, что за кафе?.. «Камелия». На Маросейке. Оно и днем и ночью работает. До восьми утра, по-моему... Или даже до девяти?

- Во сколько вы там появились и во сколько уехали?

- Сейчас скажу точно... Подруга попросила меня подъехать к восьми. Приблизительно в половине восьмого я оставила девочку у Натальи Максимовны, и в восемь уже была там. Потом... Потом я сидела, ждала подругу и пила шампанское, а она все не приезжала... В двенадцать я вышла позвонить. Звонила из холла. У подруги никто не отвечал, и я вернулась в зал. Подумала, что, может быть, она уже выехала, и что получится нехорошо, если я её не дождусь...

- И что, ждали до самого утра? Такая хорошая подруга, или вы ей чем-то обязаны?

Лиля явно смешалась. Зачем-то поправила очки на переносице, снова отбросила челку. Андрей заметил мелкие капельки пота у неё на лбу.

- Подруга?.. Да, хорошая подруга. И у неё были проблемы. Она позвонила, сказала, что очень нужно поговорить, встретиться. Я не могла ей отказать... Мне просто и в голову не могло придти, что придется ждать так долго.

- Так во сколько же вы все-таки уехали?

- Утром, - теперь она не говорила, а почти шептала. - Около восьми... Я прождала её очень долго и... И мне не хотелось ехать ночью. Да и потом, я выпила шампанского.

Ему снова вспомнилась та, другая. С расколотым черепом и нелепо вывернутой рукой. Муравей, ползущий по холодному локтю. Львенок, нарисованный в подвале... Портниха Тамара, нервно щелкающая замком лаковой сумочки: «Она знала абсолютно все на этой даче: и подвалы, и чердаки, и чуланы... Она до сих пор встречается с моим мужем!»..

Зачем? Спрашивается, зачем?.. Нет, зачем женщина может встречаться с мужчиной - по этому пункту как раз вопросов нет. Но каким боком ко всему этому относится её нынешний супруг? Бокарев - Олеся - Лиля... Убийство из ревности?

Она утверждает, что между Вадимом и Олесей все было давным-давно кончено, все решено раз и навсегда. Но это она говорит... Если так, то при чем здесь Киселев? Сообщник? Человек, любезно предоставивший свою дачу для совершения убийства и гарантировавший, что в ночь с двенадцатого на тринадцатое там никого не будет?.. Ночь с двенадцатого на тринадцатое...

Почему Олесю убили только утром? Почему её труп оттащили к дороге? Если б дело было в наследстве, как утверждает Катя, то все объяснялось бы более или менее логично. Только вот наследников по линии Кузнецовой на горизонте что-то не видно: одна старушка мать, не вылезаящая из Пермской больницы... Нет, наследство здесь, похоже, ни при чем. Но тогда почему? Почему её убили только утром? И этот дурацкий львенок в телевизоре..

- Вы ведь психолог? - спросил Андрей неожиданно для самого себя. Лиля удивленно кивнула:

- Да, я вам уже говорила, но...

- Посмотрите, пожалуйста, на этот снимок. Что вы можете сказать по этому поводу?

Фотография, запечатлевшая рисунок на песке, лежала вместе с другими в папке с делом об убийстве супругов Райдеров. Он отложил в сторону фотографии мертвой Олеси и протянул «львенка» Муратовой. Та взяла карточку, сняла очки, часто-часто поморгала глазами:

- Н-ну... Что-нибудь конкретное сказать сложно. Это же не воображаемое животное, которое обычно рисуют в психологических тестах. Банальная картинка. Штамп... Возможно, рисовал человек, по натуре, не агрессивный, с романтическими представлениями о жизни, или... Нет, очень сложно что-то сказать!.. Вот только линии рваные и неровные... Наверняка, рисовавший был болен, или ему что-то очень сильно мешало, или...

- Или рисовал левой рукой, - закончил он вместо нее. - Рисовала... Это нарисовала Олеся Кузнецова перед смертью. В том самом подвале, где её убили. В подвале дачи Киселевых... Вы знали, что несколько лет назад у неё была очень серьезная травма правой руки?

- Да. Авария... Ее тогда сбила машина, и она очень сильно пострадала. Вадим рассказывал.

- Под ногтем её указательного пальца нашли песок, - Андрей забрал фотографию и положил обратно в папку. - Она нарисовала этого зверька все ещё плохо слушающейся левой рукой. Нарисовала, хотя у неё было очень мало времени... Зачем?

Он сам не знал толком, чего ждет. Того что в её карих настороженных глазах что-то промелькнет? Страх? Затаенное, с трудом сдерживаемое беспокойство?.. Да, в них, действительно, был страх. Страх животного, чувствующего опасность. Но это не давало абсолютно ничего.

Затылок заболел с новой силой, к горлу подкатила тошнота.

- Хорошо, Лилия Владимировна, - он вдруг подумал, что ничего «хорошего» во всем этом нет, что все просто отвратительно, и ещё о том, что за пару таблеток «Цитрамона» в некоторых ситуациях можно отдать полцарства. - Хорошо, Лилия Владимировна, вернемся к подруге, пригласившей вас в кафе. Мне нужны её данные: телефон, адрес, фамилия, имя...

Ручка снова зависла над листком бумаги. Муратова молчала. Черноволосая испуганная «белка».

- Лилия Владимировна, повторяю: мне нужны данные вашей подруги.

- Я не могу вам их... дать, - её тихий голос на секунду прервался. - Простите... Не могу. Это не имеет никакого отношения к убийству, поверьте!

- Давайте я буду решать, что имеет отношение к убийству, а что нет, - Андрей уже едва сдерживался: голова казалась тяжелой и горячей, как камень, долго лежавший на солнце. - В создавшейся ситуации секретничать неуместно. Если эта таинственная подруга, действительно, существовала, она должна дать показания. Ее интимные тайны меня совершенно не интересуют...

- Я не могу вам ничего про неё сказать.

Он вдруг почувствовал страшную, давящую усталость:

- Хорошо... Надеюсь, вы понимаете, что делаете. Итак, кафе «Камелия» на Маросейке. Вы приехали туда около восьми вечера, и уехали в восемь утра. Просидели двенадцать часов за бутылкой шампанского.

- Я ещё заказывала кофе.

- За бутылкой шампанского и чашкой кофе. В предвкушении беседы с дорогой подругой. Оставив маленького ребенка свекрови и... Мужа вы, кстати, предупреждали о том, что поедете в кафе?

- Нет, у меня не было возможности с ним связаться. И потом, я ведь не думала, что задержусь там до утра?

- Значит, кофе и шампанское?.. Что на вас было надето?

Муратова ответила через паузу, хотя Андрей мог бы поклясться, что она не вспоминала. Нет, она знала ответ абсолютно точно, но почему-то медлила.

- На мне были светлые туфли на небольшом каблучке, платье с американской проймой и воротником-стойкой... Платья, впрочем, не было видно: я накидывала сверху летний плащ.

- Плащ? Зачем? Мне помнится, двенадцатого было довольно жарко.

- Но я же выехала из дома поздно вечером, - пояснила она почти с укоризной. - Кроме того, собирались тучи. И в прогнозе погоды предупреждали.

- А в кафе вы тоже сидели в плаще? Ну, раз говорите, что платья не было видно? Боялись, что дождичком замочит? - он толком не понимал, почему злится, но ничего не мог с собой поделать. - А, Лилия Владимировна?

- Почему вы разговариваете со мной в таком тоне? Вы меня в чем-то обвиняете?
- Я всего лишь хочу узнать, почему в кафе вы сидели в плаще.
- Мне было холодно и неудобно. Меня морозило. Я что, не имею права сидеть в плаще? В конце концов, на мне была не шуба!

- Хорошо. Туфли, плащ... Плащ какого цвета?
- Светло-серый, почти белый... И ещё на мне были темные очки.

Андрей откинулся на спинку стула и сцепил руки на затылке, незаметно помассировав голову. Усталость и какая-то тоскливая злость разливалась по его телу медленной волной:

- В ночном крытом кафе вы просидели двенадцать часов в плаще и темных очках... Что ж, это, действительно, ваше дело... Есть только один момент: вам, вероятнее всего, придется ещё раз проехать в это кафе, но уже вместе с нами. Может быть, персонал и подтвердит, что вы там были. Может быть, вас даже узнают, несмотря на ваш давешний маскарадный наряд. Не знаю... Вот что я хочу сказать вам, Лилия Владимировна, если вам есть, что рассказать следствию, расскажите это лучше сейчас. И про вашу подругу, и про встречи с Валерием Киселевым, и про Олесю Кузнецову. Приятно, конечно, что есть такие мудрые женщины как вы, которые не ревнуют мужей к их бывшим возлюбленным, но...

- Я еду с вами в кафе, - на удивление спокойно проговорила она. - Они должны меня вспомнить. Надеюсь, что вспомнят. Официант... Официант был такой молодой парень с усами. Лет двадцати пяти, наверное? Усики темные и тоненькие. Высокий. Он и бутылку мне открывал. И кофе потом предложил заказать... Я почти уверена, что он меня вспомнит.

- Пока можете быть свободны, - Андрей убрал в стол папку с делом. - Но вы обязаны явиться в прокуратуру, как только мы вас вызовем. Излишне напоминать, что вы не должны никуда уезжать из Москвы?

- Я не собираюсь никуда уезжать.
- Будьте готовы к тому, что в «Камелию» придется поехать завтра.

На этот раз Лиля просто кивнула, и он подумал о том, что даже движения у неё какие-то беличьи. Такими обычно рисуют белочек в мультфильмах... Мультфильмы... Лявьята... Лявенок, нарисованный на песке... Лявенок из детского мультика, да ещё и в телевизоре... Мысль была такой смутной и ускользнула так быстро, что он даже и не пытался её поймать.

Через минуту после ухода Муратовой в кабинет ввалился Красовский. Провез стул по полу, уселся прямо перед столом. Зачем-то перевернул пару листков на настольном календаре, исподлобья заглянул Андрею в глаза.

- Не надоело ещё с бабьем возиться? Бабы, бабы, бабы...
- Надоело, - тот пожал плечами. - А что делать?.. Эта, кстати, пока самая интересная из всех. Боюсь, что по поводу неё ты был прав... Эта её связь с Киселевым, то, что она замужем за бывшим Олесиным мужиком. И ещё очень странное алиби на ночь убийства.

- А что такое? - Красовский, казалось, немного оживился.
- Да ты представь! всю ночь с двенадцатого на тринадцатое она, якобы, добросовестно просидела в кафе «Камелия». Одна, естественно, «без ансамбля». Но божится, что персонал её вспомнит. Особый интерес вызывает выбор наряда. Зачем-то плащ, который она не снимала несмотря на жару. Помнишь, как в эти дни парило?.. И ещё темные очки! Отлично, да?

- Думаешь, в этой самой «Камелии» не она была?
- Нельзя исключать такой вариант. Смысла, правда, во всем этом пока не вижу.
- В чем конкретно?

- Да ни в чем!.. Слушай, «Цитрамона» или «Анальгина» нет у тебя?

Сергея понимающе кивнул и полез в карман брюк:

- Тоже страдаешь?.. На, лечись, мученик!.. Я, кстати, сегодня съезжаю от тебя. Домой перебираюсь. Пингвин твой надоел хуже горькой редьки. Лучше, честное слово, в строительном вагончике жить где-нибудь посреди тайги!

- Пингвин тоже скоро съедет. Надеюсь, - Андрей взял со стола надорванную бумажную упаковку «Цитрамона» и проглотил две таблетки, не запивая. - Так вот... Смысла, говорю, не вижу. И логики... Дама эта, конечно, во всех отношениях странная, но, с другой стороны, зачем бы ей убивать, что Кузнецову, что её мужа? Если допустить, что это сделала, действительно, она, значит, убийство было продуманным, заранее организованным. Киселевская дача, звонок Райдеру в офис... Ладно, можно

представить себе, что Кузнецову она грохнула из ревности. Вдруг там у Олеси с её английским супругом все разладилось, и она собиралась к Бокареву вернуться. Пусть так... Но Тим Райдер то тут при чем? Объясни мне, а? На первый, непрофессиональный взгляд у Муратовой с психикой все нормально. Не похоже, чтобы ей было без разницы - больше одним трупом или меньше? Да и потом, топор, кровяща... Ладно, без толку сейчас рассуждать. Надо в кафе ехать и все там выяснять. Может, действительно, официант её опознает, подтвердит, что она там ночевала, и сядем мы со своей версией в лужу.

- Вы сядете, лицо уголовно процессуальное, - уточнил Красовский, складывая остатки таблеток к себе в карман. - Вы! Попрошу не обобщать, так как версия ваша!.. Хотя, честно говоря, бабец этот мне тоже не нравится. Дерганая, очкастая, противная. Шлюховатая, как большинство их роду-племени. С мужем живет, по бывшим любовникам таскается. И, главное, ни кожи ни рожи ведь, а туда же!.. Чует мое сердце, посадим мы её. А может и не её. Я ведь тебе новостешку интересную принес.

- По поводу?..

- По поводу Натальи Слюсаревой, бывшей жены нашего Тима Райдера... Вернулась она из Лондона в свой Железнодорожный. Как миленькая вернулась. Сначала хозтоварами торговала, потом в бар устроилась. А недавно исчезла. Исчезла - и все! Нету ее! Где может шлюхаться - никто не знает. Но мать при этом не особенно волнуется. Волнуется, конечно, но не так, чтобы волосы на себе рвать и заявами ментуру закидывать. Лопочет что-то насчет внезапного приступа любви. Мол, могла доченька укатить развлекаться с неожиданно образовавшимся любовником. Может, конечно, для госпожи Слюсаревой это и норма - вот так, никого не предупредив, сваливать в неизвестном направлении? Однако же, странно...

Андрей, поморщившись, потер шею: одна таблетка застряла где-то в горле:

- Когда она исчезла?

- Да, вроде, шестого июля. Отработала смену, домой не вернулась. Ни записки никакой не оставила, ни позвонила.

- По подругам и бывшим хахалям искали?

- Обижаешь, орган предварительного следствия! Не тупее паровоза. Искали, ищем.

- Ну, и отлично... В «Камелию» эту завтра поедем. Наверное, с утра пораньше. Надо выяснить, кто с двенадцатого на тринадцатое работал, вызвать всех... Правда, что ли сегодня съезжаешь?

Красовский вяло пожал плечами:

- А чего, всю жизнь теперь что ли у тебя сидеть?

И Андрей вдруг понял, что тот видит сейчас свою квартиру без кружевных салфеточек, и пушистых мягких игрушек, оккупировавших комнату и прихожую...

* * *

Настроение и так было паршивым, а тут ещё сломался новенький и дорогуший моющий пылесос. Пару раз прощально чихнул, совсем как древний советский «Уралец», утробно загудел и замолчал. Тамара с досадой выдернула вилку из розетки, уселась на пол и пнула пылесос ногой. Тяжеленный, как гроб, он все-таки откатился на пару сантиметров в сторону.

- Выпей свои успокоительные таблетки, - Валерка даже не обернулся. Как вытирал пыль со шкафа, так и вытирал. Спокойно, размеренно. Только шея и уши немного покраснели.

- Пылесос сломался, - проговорила она. - Ты не хочешь посмотреть, что с ним?

- Том, ну ты же знаешь, что он на гарантии. Я в него залезу, а потом ни одна мастерская в ремонт не возьмет... Брось, вообще, это черное дело, я потом палас сам щеткой почищу. Таблетки, говорю, лучше прими.

- Я не могу сейчас принимать таблетки, ты это прекрасно знаешь. У меня экзема страшнейшая, как ты мог заметить... Если, конечно, ещё иногда смотришь на мои руки и в мою сторону.

Он все-таки обернулся. Повесил тряпку на вытертую дверцу и обернулся. Присел на корточки, тяжело вздохнул:

- Том, ну так тоже невозможно, в конце концов! Что с тобой творится, а? Ну, что я тебе сделал? Чем не угодил? Я понимаю, что ты из-за милиции переживаешь, из-за этого убийства... Но это же все

пройдет, надо просто переждать. Дачу подремонтируем и продадим сразу же. Или, хочешь, вообще, разломаем? Все равно на ремонт больше денег пойдет, чем в результате получим.

- Я хочу, чтобы ты починил пылесос, - сказала она, чувствуя, что вот-вот расплчется. - Все! Больше я от тебя ничего не хочу... Еще я хочу, чтобы меня все оставили в покое. Мне все надоело. Дом этот надоел, пыль надоела, жизнь эта!

Муж оперся одной рукой о пол и покорно потянулся к пылесосу.

- Не трогай! - её испугал собственный визг. - Сам же сказал, ни одна мастерская потом не возьмет. Без тебя разберусь! Не трогай!

Он покачал головой, встал, хрустнув коленями, снова принялся за шкаф. Приподнявшись на цыпочки, полез в антресоли, выложил на табуретку зимнюю шапку, завернутую в газету, мешок с шарфами и перчатками. Тамара вздрогнула. Она вдруг поняла, что он сейчас увидит. Вскочила, крикнула: «Оставь вещи, я сама. Лучше, в самом деле, палас дочисть», но было уже поздно. Валера держал в руках небольшой сверток. Что-то длинное, замотанное в кусок обыкновенного черного сатина. Размотал. Удивленно взглянул на три толстые свечи: две белые и одну красную. Взял двумя пальцами белую, наполовину оплывшую:

- А что это такое?

- Свечи. Не видишь разве? - Тамара постаралась пожать плечами как можно более равнодушно. - Вопросы какие-то странные задаешь.

- Вижу, что свечи. Почему в тряпке-то? И красная откуда?

- С Нового года осталась! С восьмого марта!.. Господи, какая тебе разница?!

- Да, никакой. Просто... Ладно, твои дела...

- Да! Мои! - она не сдержалась и начала-таки расчесывать ладонь ногтями. Подсохшая короста тут же содралась, выступила кровь. - Свечки это мои дела, ты в них не лезь! Как я не лезу в твои.

- Может, хватит ходить вокруг да около? Может, объяснишь, в чем дело?!

- Ты прекрасно знаешь, в чем дело. И в ком дело, - проговорила Тамара со значением. Тряхнула темными волосами и вышла из комнаты на кухню.

Там первым делом отдернула тюль с окна, открыла форточку. Зажгла газ на плите, поставила на конфорку кастрюлю с водой. Плакать больше не хотелось. Хотелось тихо выть и биться обеими кулаками и лбом о стену. Так, чтобы стало больно, чтобы почувствовать, что ничего еще не кончилось, жизнь продолжается, и все ещё будет... Все ещё будет. На самом деле, будет.

В комнате хлопнула дверца шкафа, на кухню заглянул муж. Уже в слаксах и защитного цвета рубаше. Обе руки в карманах, на загорелом лице темные пятна. Волнуется, злится, краснеет...

- Том, я выйду пройду, пива возьму... В магазин надо за чем-нибудь зайти?

- У нас все есть, - она уже с жалостью взглянула на расцарапанную ладонь. - Можешь хлеба полбулки взять. Лучше «Бородинского»... И извини, что я сорвалась. На самом деле, тяжело все это, да ещё экзема. Чувствую себя отвратительно.

- Заказы пока не бери. Отдохни. А то названивают, названивают целыми днями.

- Это ещё по старому объявлению. Новое я не давала...

Муж ещё немного помялся в дверях, потом оттолкнулся рукой от косяка:

- Ладно, пошел я. Скоро буду.

Тамара заставила себя улыбнуться, а когда за ним захлопнулась входная дверь, тяжело метнулась к шкафу, достала с антресоли свечи и, окинув взглядом квартиру, быстро перепрятала их в нижний, разошедшийся и заедающий ящик комода.

* * *

Он узнал его сразу. Мент стоял возле дома и курил, видимо, намереваясь зашвырнуть окурок куда-нибудь на газон и после этого войти в подъезд. Тот самый наглый мент, который шарился в трюмо и перебирал Тамарины флаконы на полочке. Худой, скуластый, с широко посаженными нахальными глазами и идиотской родинкой у правого уха. Фамилия вертелась в голове, но как-то не вспоминалась.

Мент, впрочем, проявил относительную вежливость. Подошел вразвалочку и, уперев руки в бока, спросил:

- Валер, а Валер, помнишь меня? Капитан Красовский. Имел счастье быть у тебя дома пару дней

назад.

- Помню, - он отчего-то застеснялся пластмассовой пятилитровой канистры, которую держал в руках, и спрятал её за спину. - Еще что-нибудь насчет дачи узнать хотели?..

Мент молчал и смотрел прямо в глаза с противной ухмылочкой.

- ... Можем подняться в квартиру, поговорить...

- Да нет, Валера, не насчет дачи... Жена твоя дома?

- Дома. Она же официально не работает.

- Значит, в квартиру подниматься не будем, здесь побеседуем... Это, кстати, в твоих же интересах.

Снова помолчал, выдерживая паузу. Валера ждал, нервно похлопывая себя канистрой под коленками.

- ... А в твоих интересах это потому, что говорить мы будем не о даче, а об одной твоей знакомой. Некой Лиле Муратовой. Знаешь такую?

- Ну, - сказал он, вдруг захлебнувшись горячим воздухом и мучительно пытаюсь сообразить, как же вести себя дальше.

- «Ну» - это хорошо. Значит, знаешь. И, наверное, не будешь отрицать, что она бывала на папиковой даче?

- Бывала... Ну и что?

- Да, ничего. Просто всяких Лялек-Манек ты, друг, вспомнил, а о Лилечке почему-то забыл... Вроде она твоей невестой была? Чего ж ты о ней-то не подумал?

Он успокоился так же неожиданно, как и испугался. И вдруг ясно понял, что бояться просто глупо. Пожал плечами, поставил канистру на асфальт и отчего-то сразу перестал чувствовать себя идиотом.

- Почему не подумал? Подумал. Только мне кажется, что уж Лилька тут абсолютно ни при чем... Вы вот стали бы в такой ситуации любимую женщину свою закладывать? Мол, её тоже проверьте, алиби там, отпечатки пальцев. Волосы... Какое она-то отношение к этим англичанам может иметь? Да и к даче тоже? Мы уже лет двести не виделись.

- Ой ли, Валер? - мент хищно разулыбался. - Жены рядом нет, чего тюльку гонишь?

- Да, на самом деле, я её давным-давно не видел! Не верите что ли?

- Конечно, не верю! Тебе даже жена не верит... Она, кстати, у тебя тетка наблюдательная: и клипсу в квартире нашла, и соседей на предмет твоей Лилечки опросила... Видели, как она к тебе приходила! Видели, безгрешный ты наш супруг! Так что давай лучше поговорим по-хорошему. По-плохому не советую...

- С ума вы сошли что ли? - Валера бросил тоскливый взгляд на канистру: похоже, пива сегодня попить было все-таки не суждено. - Говорю вам, не встречаюсь с ней - значит, не встречаюсь... Клипса какая-то... Тамара, поди, свою собственную бутафорию-бижутерию порастеряла, а потом выдумывает черт-те что! Или вон из заказчиц её кто... Ерунда полная!

Мент задумчиво оттопырил нижнюю губу:

- Н-ну... Не знаю - не знаю... Может, и ерунда, конечно, только ведь черненькая твоя Лиля как назло! Я её сегодня в прокуратуре видел: черная, как жук!

- В прокуратуре?

- А ты что думал? В музее изящных искусств?.. С тобой, кстати, тоже, может, в последний раз на свежем воздухе беседуем, так что пивком-то сегодня оттянись как следует. С запасом на будущее... Не вспомнил ещё ничего про Лилю? Нет?.. А то, гляди, жена-то на тебя разобидится, передачи носить не станет.

- Слушайте, я, слово вам даю, не видел Лильку уже тыщу лет, и не думаю, чтобы ей вдруг захотелось ко мне в гости придти!.. Прокуратура какая-то... Скажите хоть, каким манером она ко всей этой истории относится? Ну, кроме того, что брюнетка и на даче, когда-то там, сто лет назад, бывала?

- Не скажу, Валер, не скажу, - мент нахально похлопал его по плечу, неспешно развернулся и вразвалочку пошел к автобусной остановке. Длинный, белобрысый и отчего-то страшный...

* * *

Кафе на Маросейке было не то чтобы элитным, скорее, просто очень приличным. Дорогие темные портьеры на окнах, белоснежные скатерти и живые цветы на столах. В углу, в огромной керамической вазе, расписанной в античном стиле, цвело апельсиновое деревце. Бело-золотистые,

прозрачные лепестки пахли мягко и, в то же время, дурманяще.

Еще полчаса назад посетителей в кафе было совсем не много, но с приближением обеденного перерыва стеклянные двери стали все чаще открываться. За столики привычно рассаживались клерки в неизменных белых рубашках, дорогих галстуках и пиджаках. Похоже, у каждого здесь было свое привычное, излюбленное место.

Лиля тоже сидела за столиком в самом углу. Незаметная, потерянная, с устремленным в стену невидящим взглядом. У стойки Красовский пил «Бадвайзер» и заканчивал беседу с тощей, неопределенного возраста барменшей, тоже дежурившей в ночь с двенадцатого на тринадцатое.

А Андрей стоял посреди пустого, выставленного мозаикой пятачка для танцев. Стоял, опустив обе руки в карманы и прикрыв глаза. Прибывающие клиенты изредка косились в его сторону. Ему было все равно. Муратову опознали... Он чувствовал, что что-то во всем этом не так, но не мог понять что... Ее опознали. Ее вспомнили...

Тряхнул головой, отбрасывая волосы со лба, неспешно прошелся по периметру пятачка, мимо стойки бара, мимо небольшой эстрады, на которой вечерами играли музыканты. Посмотрел на лампы подсветки внизу, на светильники, свешивающиеся с потолка. Подумал о том, что вечерами и ночами здесь должно быть довольно темно. Освещенный круг и столики, прячущиеся в полутьме.

У посетителей, занимающих столики у самой стены, наверное, вообще, не разглядеть лиц? Наверное... Однако же разглядели! Этот самый молодой официант с тонкими тараканьими усиками...

На ней были темные очки... Кто мог подумать, что она снимет очки, когда будет просматривать меню? Ну, кто мог подумать?.. Теперь вот сидит живым укором, молодая мамаша, оторванная от своей маленькой дочери. Ничего! Не особенно она страдала, когда на всю ночь ни с того, ни с сего подкинула ребенка свекрови!..

Он ещё раз обернулся на Муратову. Худая, маленькая, длинношеяя, в легком темном платье, стянутом сзади поясом-бантом. Белые пуговички, узкие полоски кружева на вороте и манжетах... Ее узнали, несмотря на то, что в ту ночь она была в плаще и темных очках... Да, приехала ещё засветло. Да, уехала утром. Заказала бутылку шампанского. Потом кофе.

- Простите, можно вас ещё на секундочку? - Андрей поманил рукой усатого официанта Мишу. Тот подошел осторожными большими шагами встревоженного страуса. - Давайте уточним кое-какие детали.

- Пожалуйста! Я, правда, рассказал уже все, что помнил. Ну, про нее...

Боязливый, сдержанный кивок в ту сторону, где сидит Лиля.

- Итак, эта женщина зашла в кафе около восьми вечера. Искала она кого-нибудь или сразу села за столик?

- Вы знаете, сам момент... в смысле, ту минуту, когда она зашла, я как-то пропустил. На кухню, наверное, выходил или обслуживал кого-то? Потом смотрю - она сидит, я подошел, спросил: мол, что будем заказывать. Она попросила меню. А у нас, вы же видите, освещение приглушенное. Она очки сняла... Ну, разглядеть чтобы... Заказала французское шампанское. Довольно дорогое, но хорошее. И два бокала. Пить не стала. Наверное, кого-то ждала... Но это она была. Точно она!

- Что было потом?

- Потом я занялся своими делами. Народу той ночью было довольно много. Помню, ещё подумал, что она мужчину, наверное, ждет. Вид у неё был такой... То ли строгий, то ли расстроенный? Ну, никто к ней не шел. Я потом подрулил к столику, спрашиваю: кофе, дескать, не желаете. В смысле, раз уж не ест ничего... У нас, вообще-то, не принято клиентов подгонять или выпроваживать. Не хочет человек ничего, кроме стакана сока брать, пусть сидит хоть целый день со стаканом сока. Просто жалко её стало... Она согласилась, кофе попросила принести. По-моему, без сахара?

Андрей отодвинул носком туфля целлофановую обложку от сигарет, валяющуюся на мозаичном полу. Миша перехватил его взгляд, тоже посмотрел под ноги и покраснел.

- Очки она во второй раз снимала?

- Нет. А зачем? Я же ей не меню просмотреть предлагал, просто спросил: «Кофе не желаете?» Ну, правда, закуску ещё кой-какую предложил, пирожное, но она отказалась. Кофе один заказала.

- Ясно... Девушка все время сидела за столиком или куда-нибудь выходила?

- Наверняка, выходила. В туалет хотя бы? До самого утра все-таки торчала тут.

- Когда она с вами рассчиталась?

- А утром и рассчиталась, перед тем как уехать. Просто деньги оставила на столе и пошла.

- Спасибо, - Андрей оперся одной рукой о витую спинку ближайшего стула, побарабанил по ней пальцами. - Еще раз на девушку взглянуть не хотите?

Миша шмыгнул носом, отчего усики его на секунду стали торчком:

- Могу и посмотреть, если надо, но, вообще, у меня память на лица хорошая. Точно это она была. Только волосы не так как сейчас, а по плечам распущенные. Черные... Точно-точно она! Плащик, сумочка, помада темная. И пахло от неё так же. Не знаю, как духи называются, но запахи я тоже хорошо запоминаю...

- И все-таки посмотрите.

Официант послушно повернулся. Чуть сощурившись и явно ощущая неловкость, направился к Лиле, как к какому-нибудь музейному экспонату. Остановился в нескольких шагах. Она подняла на него тоскливые и усталые глаза. Миша отступил назад, Красовский, наблюдавший за всем этим со стороны, пожал плечами. Ему, похоже, тоже было досадно. Тоже...

Андрей и сам не понимал, откуда в нем это непонятное раздражение, чем оно вызвано? Может быть, этим нелепым маскарадом? Очки, плащ, закрывающие пол-лица распущенные волосы? Тем, что история, кажущаяся придуманной с самого начала и до конца, странным образом подтверждалась?..

А, на самом деле, почему бы и нет? Почему бы молодой замужней женщине не провести ночь в кафе со своей подругой? Или не с подругой? А?.. Все вполне логично: ей звонит мужик, предлагает встретиться в «Камелии». Лиля быстренько сбегивает дочь свекрови и мчит в кафе на всех парусах. Благо, муж развлекается в ресторане! Мужик не приходит, госпожа Муратова ждет его до потери пульса, выпивая шампанское только под утро. Утром уезжает потерянная...

От кого только прятаться за распущенными волосами и темными стеклами очков? От случайных знакомых, которые могут увидеть и донести супругу?.. Все правильно. Все вполне объяснимо и правильно. По сути дела, вызывает подозрение только одно совпадение: Лиля Муратова - бывшая любовь Киселева, на даче которого совершено убийство, она же - жена бывшего возлюбленного Олеси Кузнецовой. Если бы ещё Киселев был знаком с Бокаревым, если бы они, например, работали вместе, а так...

Отопнув некстати попавшийся по дороге стул, подошел Красовский. Тихо спросил, склонив голову к плечу:

- Делать-то чего будем? Отпускать эту лярву восвояси?

- А что ты ещё предлагаешь? - Андрей посмотрел на циферблат наручных часов. - Все нормально. Официант её узнал? Узнал. Барменша её помнит? Помнит... В конце концов, это её личное дело, когда нацеплять на себя очки и когда ходить в плаще... Выяснил ещё что-нибудь полезное?

- Да, так... Ничего особенного. Сидела за столиком, вроде, выходила. Но ненадолго, столик не пустовал. Позвонить, пописать... Так, на пять минут.

- Давай тогда попрощаемся с девушкой. По крайней мере, на сегодня. Да надо узнать, как там с поисками Слюсаревой дела обстоят...

Они вдвоем подошли к столику, за которым сидела Лиля. Андрей опустил на свободный стул:

- Лилия Владимировна, сегодня мы вас больше не задерживаем, можете отправляться домой. Спасибо, что помогли. Если вспомните что-нибудь важное, касающееся Олеси Кузнецовой или, например, Валерия Киселева, позвоните, пожалуйста... Если вы понадобится, вас вызовут.

Она не встала - вскочила, суетливо расправив широкий длинный подол. Судорожно сглотнула, явно пытаясь удержать слезы, и быстро направилась к выходу.

- Лярва, - тихо пробормотал Красовский ей вслед. - Вижу, что лярва, чувствую! Чувствую, что где-то она врет, но где - понять не могу... Замешана она в этом деле, вот ведь что обидно!

- А может, и нет? - Андрей пожал плечами. - Мы ведь не можем ничего знать наверняка? Во всяком случае, мотив у неё не просматривается. Ревность к бывшей подруге мужа? К подруге, которая приехала на неделю и через неделю обратно в Англию смотается? Из-за этого столько кровищи? Олеся, муж... Давай ещё по пиву возьмем, да поедем уже. Слюсарева мне теперь не нравится. Наталья Дмитриевна... И в офис надо бы по-хорошему ещё раз заглянуть.

В районе кухни наметилось какое-то шевеление. Тощая барменша, с которой недавно беседовал Серега, энергично маша правой рукой, звала невидимого собеседника в зал. В конце концов, из кухни вышла недовольная девушка лет семнадцати с прямыми светлыми волосами и обиженно поджатыми губами.

Когда девушка показалась из-за стойки бара, Андрей заметил, что она обута в белые босоножки на огромных, сантиметров в пятнадцать платформах. Вообще-то, роста она была невысокого, но, благодаря обуви, казалась едва ли не манекенщицей.

Подталкиваемая в спину барменшей, девушка направилась к их столу. Красовский, прежде отмечавший любую красивую женщину тихим свистом, на этот раз промолчал.

- Вот, - сообщила барменша, почти насильно усаживая девушку за столик. - Дочь моя. Той ночью околачивалась тут, работать мне помогала. Больше мешала, чем помогала!.. Я её вызвонила сейчас, спросила, может, она чего интересенького видела?

- Ну и как? Видела? Интересенького? - в тон барменше поинтересовался Серега. Мать многозначительно развела руками, как бы предлагая самим сделать вывод: интересно или неинтересно то, что сейчас сообщит её дочь. Та, помолчав ещё с полминуты заговорила удивительно гнусавым голосом:

- Ну, а чего? Ну, видела я эту девку в плаще? Девка или тетка уже в возрасте - непонятно. Очки в пол-лица, волосы висят. Сидела, пила чего-то. Я даже не знаю... Устелилась она тут посреди зала, когда то ли из туалета, то ли ещё откуда шла. Я как раз за стойкой стояла: матери отойти надо было.

- Как «устелилась»? - Андрей приподнял бровь.

- Обычно. Поскользнулась и брякнулась, рукой прямо на стойку. Чуть фужеры все не переколотила. К столику своему, наверное, шла. Здесь же и так темно, а она ещё в очках, как стрекоза, вот и пошла по краю света.

- А потом что?

- Да, ничего. Я на неё внимание и обратила-то только потому, что она устелилась. Подошла к своему столику, что-то оттуда взяла и обратно вышла. Минут через пять уже насовсем вернулась... Родинка у неё ещё на руке была, и пальцы страшные.

- В каком смысле «страшные»?

- Обмороженные, по-моему. Синие все, как у покойницы. Мизинец и большой, вроде, нормальные, а остальные синие. И болели они у нее, наверное, потому что она, когда пальцами за край стойки схватилась, сморщилась вся, руку быстро отдернула и поскокакала к своему столику...

Андрей почувствовал, как сердце начинает сильно колотиться, а прежде довольно унылый Красовский так и вовсе подался вперед, слово намеревался стукнуться лбом о лоб девушки.

- Стоп-стоп-стоп, девочка! Какие пальцы? Ты ничего не путаешь? - даже голос у Сереги сделался какими-то другим. - Женщина в плаще и очках, которая сидела во-он там? - он кивнул на столик, который в ту ночь занимала Лиля. - Это была она? И у неё были синие пальцы?

- Ну, да. Очень-очень синие. Я даже испугалась сначала. Потом забыла про неё просто. Матери даже не рассказала, а сначала хотела.

- На какой руке?

- Н-на левой... Нет, на правой, по-моему. Скорее всего, на правой!

- А родинка где была? - негромко спросил Андрей, кладя свою руку с растопыренными пальцами на стол. - Покажи, пожалуйста.

Девушка на секунду насупила бровки, пытаясь вспомнить. Потом неуверенно указала наманикюренным ногтем на промежуток между средним и указательным пальцем:

- Здесь, кажется... Хотя, я не уверена...

- А зовут-то тебя как?

- Ксения, - уголки её губ против воли дрогнули в легкой улыбке. - А это, правда, важно, то что я вам рассказала?

- Важно. Правда, важно... И, возможно, тебе ещё придется посмотреть разок на эту женщину и на её руки, чтобы попытаться точно вспомнить, она это или не она... Все? Больше ничего не помнишь?

- Не-а, - девушка опечаленно помотала головой. - Я же не до самого утра здесь была, потом домой спать пошла. Мы живем здесь недалеко, в двух шагах...

Когда барменша с дочерью отошли, Красовский с силой саданул себя кулаком по колену:

- Й-есс!!!

- Чего «йесс»-то? - Андрей сцепил руки в замок и подпер ими подбородок.

- Слушай, ладно тебе постную морду-то корчить? Ты видел у Муратовой синие пальцы? Она вполне могла приехать в кафе к восьми вечера, а потом поменяться с какой-нибудь бабой в таких же очках и парике.

- Я видел у Муратовой родинку между средним и указательным пальцем.
- Долго родинку нарисовать?
- Недолго. Вопрос - зачем?.. Если, действительно, была подмена, и такое пасмурное кафе выбрали специально для того, чтобы нельзя было толком различить черт лица, то какой смысл в родинке? Все равно её никто не должен был разглядеть?
- Да? А официант, который принимал заказ? Чушь порете, дорогой вы наш орган предварительного следствия! Мозгами шевелить надо, а не скептика из себя строить!
- Синие пальцы на правой руке... Что-то мне это напоминает, какая-то мысль в голове вертится. Не могу понять какая...
- Ого! Если в твоей голове завелась мысль, это просто праздник! - Серега стремительно превращался в прежнего, нормального Красовского. - Только бросай её на хрен и поехали Муратову перехватим. Притащим сюда, пусть девчонка на неё посмотрит.
- Погоди. Куда гонишь?
- Никуда не гоню. Это ты медленный стал, как твой «гвинпин». И такой же глупый... Чего сидишь молчишь? Новую гениальную версию выстраиваешь? Успеешь еще!
А Андрей молчал просто так. И не выстраивал пока никаких версий. Иногда он, так же как сейчас, жалел о том, что его ни разу не посещало сыщицкое чувство, описанное во множестве романов. Чувство гончей собаки, почувствовавший запах зверя и азартно берущей след. Он не чуял запаха зверя. Он просто сидел, опершись локтями о стол, и холодным, трезвым умом несостоявшегося технаря понимал, что дело сдвинулось с мертвой точки и теперь начнет раскручиваться с неотвратимой стремительностью стальной пружины...

* * *

Масть испортил, как всегда, Володька Груздев. Точнее, сначала официант Миша, а потом уже он. Как ни закусывал Миша в задумчивости бледную нижнюю губу, как ни возводил глаза к потолку, все равно не мог определенно вспомнить, были ли у странной клиентки «синие пальцы» или нет. Ссылался на полумрак зала, на то, что в ту ночь было особенно темно (даже лампочки цветомузыки не мигали над эстрадой: саксофонист заболел и «живой» музыки поэтому не было), мучительно напрягал мозги. Результат был нулевой. Он просто не помнил - и все!

- Сначала была она! - уверенно твердил Красовский. - Все правильно, она! Пришла, показалась, намерено сняла очки, чтобы запомнили её лицо. Потом вышла в туалет, а на её место села другая баба. В плаще, парике и очках.

- Мотив? - нудно интересовался Андрей. - Мотив? Хотя бы предположительный?.. Ведь ты посмотри, как все сложно получается! Целая организация: одна баба идет убивать, другая подменяет её в кафе... Похоже на убийство из ревности, а? Ну, ты скажи, похоже?

- А что тебе не нравится, собственно?

- Ничего! Зачем Олесю оттащили к шоссе? Зачем её всю ночь держали в подвале? Каким образом их, вообще, выманили на эту дачу?.. И волос этот! Ведь, на самом деле, он ничего не дает! Ни-че-го-шень-ки! В лифте кто-нибудь к ней прислонился! Райдер этот сначала какую-нибудь девушку приобнял, а потом жену! Или не Райдер! Бокарев тот же! Только в обратной последовательности: сначала жену, а потом Олесю. Можем мы точно знать, что он не встречался со своей бывшей зазной?.. Молчишь?.. Вот так то!

Красовский криво усмехался, глубоко затягивался сигаретой и зло распинывал все, что время от времени попадалось ему на дороге: сплюснутые «Макдональдсовские» стаканчики, банки из-под «Колы» и случайные камушки. И Андрей чувствовал, что вот теперь тот душу вытрясет и из этой черноволосой «белки», и из её мужа, и из Киселева, но будет знать все. Впрочем, и сам он был почти уверен. Почти...

А потом Володька Груздев, сняв белый халат и закатав рукава белой в тонкую черную полоску рубашки, со вкусом раскуривал «Мальборину» на подоконнике и слушал с таким видом, с каким мудрый учитель внимает зеленым ученикам.

- Обморожение, говорите? Атрофия тканей? Ну-ну!..

- Понимаешь, тут дело такое, - Андрей старался не втягивать ноздрями дым и смотрел исключительно на улицу сквозь мутное, плохо промытое стекло. - Только девчонка эти пальцы

запомнила, официант внимания не обратил... Родинка была. Как раз между средним и указательным. Но родинку ведь и нарисовать недолго? А пальцы - примета! Ты представляешь, какая примета?

- И что ещё сия девица вам поведала?

- Толком ничего. Я так понял, её больше всего целостность фуужеров волновала. Говорит, что женщина в очках поскользнулась, ухватила рукой за стойку, потом так же резко руку отдернула...

Он не договорил. Ему вдруг стало тревожно. Неприятный холодок скользнул по затылку и осел где-то в груди. На этот раз мысль была более близкой, более ощутимой... Женщина шла мимо стойки... Поскользнулась... Синие пальцы на правой руке... Рука?.. Нет, похоже, дело не в этом... Лампочки... При чем здесь лампочки?.. Саксофонист. Заболевший саксофонист...

Вслед за саксофонистом почему-то вспомнился пингвин. Отключившийся вчера холодильник и, наверняка, протухшая килька. Андрей понял, что мысль ускользнула окончательно.

- ...Ну вот... - он, наконец, отвернулся от окна и тоже сел на подоконник рядом с Груздевым. - Что еще?.. Девчонке показалось, что пальцы у женщины болели.

- А чего её к стойке понесло? Она заказывала что-нибудь? - Володька докурил, аккуратно растер бычок об оконную раму и, разжав пальцы, выкинул его за батарею.

- Нет. Просто возвращалась из туалета, или от телефона - не знаю ещё откуда, нога подвернулась или каблук... К столику она своему шла. Взяла оттуда что-то и обратно скорее поскакала.

И снова ему показалось, что чьи-то холодные, ледяные пальцы стягивают кожу на затылке. Тревога? Предчувствие?.. Пальцы... Синюшная, больная кожа на руках... Нет, черт возьми! Не в пальцах дело, и не в коже!.. А может, просто не только в них? В чем-то еще?.. Что она взяла на столике? Зачем вышла обратно в холл?.. Прав был Серега: надо было перехватывать Муратову по пути домой. Пока не успела ни с кем встретиться, ни с кем переговорить. Особенно, с той, другой, женщиной. С той, у которой синие пальцы и фальшивая родинка на правой руке... А кто, собственно, сказал, что не успела? Для этого у неё была целая куча времени...

- Значит, мы имеем синие пальцы - со второго по четвертый? Болезненность? И относительно нормальную окраску кожных покровов остальной кисти? - продолжал неспешно рассуждать Груздев. Красовский решил выказать нетерпение своим традиционным:

- Склифософский, ты у нас в разговорном жанре что ли работаешь?!

Тот только лениво отмахнулся:

- ...И вам очень хочется выяснить, что же это такое было? Обморожение? Перелом там какой-нибудь или ещё что-нибудь интересное?.. Хочется?

Он перевел ожидающий взгляд со Щурка на Красовского. Взгляд учительницы первоклашек, сказавшей традиционное: «Здравствуйте, дети!» и терпеливо ждущей ответа. Володька был личностью достаточно противной, а времечко-то таяло. Пришлось чуть ли не хором постыдно ответить: «Хочется».

- Очень хочется?

- О-очень, - теперь уже одиноко протянул Андрей, понимая, что на следующий вопрос из этой же серии ответит физической расправой.

Груздев, однако, был не только противным, но и сообразительным. Поэтому очередной вопрос уже не казался пустым.

- Официант утверждает, что пальцы у Муратовой не были синими, или он просто не помнит?

- Не помнит! Говорили тебе уже сто раз! - рявкнул Красовский. - Ты достать способен, ей Богу!

- Точно?

- Ну, он не уверен... Говорит, что вроде, когда просматривала меню, нормальные у неё руки были... А что это меняет-то? Ясно же, что сначала в кафе сидела одна баба, а потом другая.

- А когда он ей кофе приносил?

- Может, ты все-таки объяснишь, для чего спрашиваешь, а? Снизойдешь до нас, сермяжных?.. Да, он говорит, что и потом у неё руки были нормальные, но может человек, в конце концов, ошибаться? Девчонка-то видела!

Володька раздул щеки и с шумом выпустил воздух. Естественно, выдержал паузу - иначе он просто не мог - и, наконец, провозгласил:

- Друзья мои! Вы, товарищ оперативник, и вы, господин следователь! Приятели, товарищи, братья! Не кажется ли вам странным один незначительный, малюсенький такой моментик?.. Досточтимый господин Щурок, кстати, был очень близок к правильному ответу - как говорит обычно

не менее досточтимый господин Ворошилов из передачи «Клуб знатоков»... Так вот! Не буду более вас мучить. Попрошу оператора ещё раз показать этот волнующий момент... «Непонятно, зачем было рисовать родинку, если там довольно темно?» спрашивает сам у себя господин следователь по особо важным делам...

«Сейчас!» - вдруг с необыкновенной ясностью понял Андрей. Это был уже не легкий, едва уловимый холодок, похожий на прикосновение крыла летучей мыши. Он чувствовал, что вот сейчас вроде бы как невинно треплющийся Груздев выразит словами ту мысль, которая, дразня, улетала уже столько раз... «Сейчас!»

- Если имела место инсценировка с родинкой, - прищурил один глаз Володька. - Если ваша преступная группировка так уж тщательно готовилась, то почему бы тогда им не заретушировать чем-нибудь пальчики, а?... Ну, тон наложить? Грим? Перчатки, в конце концов, нитяные надеть? Раз уж все равно и плащ был и темные очки?

«Не то», - с досадой и разочарованием понял он. - «Не то...»

Однако, то, что сказал судмедэксперт, все равно было очень важным...

- И что тогда? Как все это объяснить? - Красовский поискал глазами, что бы попинать, и, в результате, ударил носком кроссовка по стояку батареи. Та коротко и сердито загудела. - Девчонка же видела синие пальцы? Или ты думаешь, что она шизанушка или наркоманка?

Груздев наморщил нос:

- Бог с вами! Ничего я подобного не говорил. Девушка ваша, скорее всего, в здравом уме. Но, естественно, без основ медицинского образования. Так же, как, кстати, и вы... А посему вы, люди темные, не можете знать, что есть такие понятия, как «болезнь Рено» или «синдром Рено». И вот как раз при болезни Рено наблюдается сначала внезапное побледнение и онемение, потом посинение и болезненность со второго по четвертый пальцев кистей рук. Есть ещё третья стадия, при которой пальцы могут приобретать пурпурный оттенок, а кожа даже изъязвляться. А приступ может продолжаться всего несколько минут. Болезнь Рено, знаете ли, носит приступообразный характер.

- Кого-кого болезнь? - Серега прищурился.

- Рено. Или Рейно. Был такой французский ученый-медик... А что вас, товарищ оперативник, в фамилии медицинского светила не устраивает?

- Все устраивает! Рено. Вольво. Мерседес... Чего не болезнь Мерседеса, а?

- Что поделаешь? Низкий культурный уровень! - Володька демонстративно развел руками, обращаясь то ли к Андрею, то ли к пустому лестничному пролету и выкрашенным масляной краской стенам. - «Мерседес», «Вольво»... Образованный человек уж хотя бы французского актера Жана Рено в таком случае вспомнил!.. «Опель», «Фольксваген»... Вообще-то, сейчас больше принято «Рейно» писать. Это ещё в старых изданиях типа Большой Медицинской Энциклопедии «Рено» значит. Так что можете успокоиться и свои автопарковские ассоциации оставить в покое.

Андрей медленно провел указательным пальцем по краю подоконника. Рассмотрел палец на свету: на коже осел серый налет пыли... Песок под ногтем убитой Олеси... Львенок... Насмерть перепуганная женщина, непослушная левая рука... Правая рука... Синие пальцы... Кожа изъязвляется... Язвы... Коросты... Приступы...

- Володь, а что это за болезнь? Толком объясни, пожалуйста. Все по порядку. И про приступы, и про то, из-за чего возникает.

- Из-за чего - из-за чего? Туча причин! Есть предположения, что на почве обычной вегетососудистой дистонии. В тяжелых случаях. Женщины, в основном, молодые подвержены. От двадцати до сорока. Или до пятидесяти... Наследственная предрасположенность роль играет, состояние эндокринной системы. Что еще? Алкоголизм, усиленное и долгое табакокурение... А вот синдром Рейно, тот проявляется так же, но он вторичен по отношению к какому-либо основному заболеванию.

- К какому, например? - по-прежнему скользя пальцем по подоконнику, Андрей наткнулся на прилепленный кем-то шарик жевательной резинки и, наконец, убрал руку в карман.

- К какому?.. Облитерирующий артрит, например. Склеродермия. Онкология. Болезни позвоночника. Да мало ли ещё чего?

- И теперь поподробнее о проявлениях...

- Пожалуйста! Были бы слушатели - мне не жалко! Спровоцировать приступ может тот же алкоголь или табак. Сильное волнение, переохладение. Сначала пальцы немеют и бледнеют, делаются

белыми, «мертвыми», потом синеют. Границы разной окраски кожи довольно резкие. Жжение, цианоз... В конце приступа пальцы становятся ярко-красными... Судя по тому, что у вашей Муратовой пальчики были интенсивно синенькими, надо полагать, что болячка у неё не вчера началась...

- Значит, все-таки болезнь? Болезнь Рено, а не синдром Рено?

Груздев поглядел на него осуждающе и сочувствующе одновременно:

- Я что, ставил диагноз? Да я, вообще, ничего не могу точно утверждать. Диагноз ставится на основе врачебного наблюдения, лабораторных анализов, рентгена, в конце концов. А я вашу мамзелю в глаза не видел!

- Но все-таки предполагаешь, что?..

- Да, я могу предположить, что зря вы на вашу Муратову бочку катите. Если она страдает либо синдромом Рено, либо болезнью, то события вполне могли развиваться так. Сидит себе дамочка в кафе, ждет приятельницу или приятеля. А тот, гад, не идет! А дамочка волнуется! Вышла она, как и утверждает, позвонить, начался у неё приступ. Дамочка бегом к своему столику - за каким-нибудь празозином или тренталом. Поскользнулась, схватилась рукой за стойку. Встала, побежала дальше. Взяла лекарство, выпила в туалете. Через пять минут приступ счастливо завершился, пальцы приобрели нормальную окраску, как и утверждает ваш официант. Дамочка вернулась к столу и стала дальше ждать неверного приятеля... Все очень просто, господа! Все просто до элементарного!

- Узнать у Муратовой насчет всех этих синдромов и болезней и попросить внятно рассказать об этом падении? В подробностях? Вплоть до того, какие фужеры на стойке стояли? - Красовский поднял глаза на Андрея.

Тот отрицательно помотал головой:

- Сначала карточку. Запросить в поликлинике её медицинскую карточку и проконсультироваться по этому вопросу с участковым терапевтом. Пока все. Дальше будем думать...

* * *

Наталья уже спала, когда услышала за дверью невнятный шорох. Она тут же села на диване, нашарила босыми ногами велюровые тапочки, торопливо вытащила из леггинсов подол блузки и, заведя руки за спину, застегнула бюстгалтер. В последнее время она спала только так, в полной «боевой готовности». Лифчик, правда, расстегивала, чтобы легче дышалось.

На лестничной площадке, прямо перед её дверью кто-то стоял. Она была в этом уверена. Она чувствовала чужое тихое дыхание. Казалось, видела, как человек проводит короткими пальцами по грязной обивке из черного дерматина. Дальше будет удар. Дверь вылетит после первого же или второго пинка. Вылетит вместе с косяком с жалкой металлической цепочкой.

А соседи? А что, «соседи»? Разве хоть кто-нибудь из этих уродов выйдет?! Ну, хоть кто-нибудь?! Забьются по углам и будут дрожать за свои драгоценные жирные шкуры.

Шаркнул коврик. Коврик, связанный теткой Эльвирой из нелепых цветных лоскутков, шаркнул по керамической плитке, которой выложена лестничная площадка.

Кто-то небрежно отодвинул его ногой. Все правильно. Коврик помешает разбежаться и в последний момент все испортит. Ведь надо разбежаться, чтобы садануть в дверь плечом или коленом... Надо разбежаться...

Милиция?.. А что может сделать милиция?.. Раньше надо было думать! Раньше!

Она вдруг одновременно подумала о трех вещах. Они переплелись и наслоились друг на друга у неё в голове. О том, что в жизни её, по сути дела, не было ничего хорошего, и что это несправедливо. О том, что зря она тогда пожадничала и не купила белые туфли за пятьдесят баксов - по крайней мере, хоть немного бы походила в человеческой обуви. А так - мозоли... И ещё о том, как она будет выглядеть после смерти. Эти самые мозоли на ногах. Желтые, страшные. Лицо, наверное, тоже пожелтеет, к тому моменту, когда её повезут на кладбище. Рот перекосится, челюсть отвиснет. Глаза...

У торшера завозилась Тяпка. Дура гребанная! Когда не надо, все слышит, а когда надо, спит как убитая. Собака встала на задние лапы, выложила на подлокотник дивана острую черную мордочку с блестящими глазками.

Наталья вдруг почувствовала, что ненавидит её. Ненавидит эту сучку! Что убьет эту лохматую тварь. Убьет прямо сейчас. Потом расколотит о пол дурацкий торшер... Рюмки?.. Рюмки смахнет с

полки одним движением руки.

Когда он сюда войдет, он войдет по битому стеклу. Она не подпустит его к себе! Она скорее прыгнет с балкона. Потому что он не простит. Он не просто убьет её. Он убьет её так...

В дверь постучали. Сильно, громко, внятно. Раз. Еще раз. И еще... Она с такой силой впиалась ногтями в лицо, что продрала кожу, и по правой щеке теплой струйкой потекла кровь. Она не думала, что он будет стучать...

* * *

Птичка любил дождь и любил смотреть на косые хлесткие струи через балконное стекло. Андрей дождь не любил. Во-первых, потому что резко портилось настроение, во-вторых, потому что РЭУ считало своим долгом отключать в пасмурную погоду горячую воду, в-третьих, потому что Катя торопилась домой.

«В-третьих» было враньем. Он прекрасно знал, что она торопится вовсе не из-за дождя. Да и она знала. Но упорно твердила, подпирая худенькой спиной входную дверь:

- Щурок, ну ты что? Ты пойми меня тоже. Это сейчас вон капает, а через час вообще ливень начнется. Как я тогда доберусь? У меня же не зонтик, а одно название.

Он чувствовал, что стоит сказать «не уходи», и она тут же рванет эту самую дверь на себя, выскочит в полумрак подъезда, остервенело надавит на кнопку лифта. Он не говорил «не уходи». Он слушал, как Птичка в комнате топчется по его свежему, непрочитанному «Спорт-экспрессу» и смотрел на Катины русые брови.

- Всю гречку ему сразу не давай, - повторяла она, перекладывая сумочку из руки в руку. - С рыбой перемешать не забудь. Оставшуюся мойву в холодильник, под крышку. Сам не ешь, ради Бога: она не очень тщательно промытая и не соленая.

Он видел маленький комочек серой туши на её ресницах, легкую, почти незаметную горбинку на переносице, с ужасом ждал, что вот сейчас за спиной задребезжит телефон, и думал о том, какие же они дураки. Оба.

Еще о том, что все это - «детский сад», что долго так продолжаться не может, что, в конце концов...

- Катя, - сказал он и протянул руку. Он всего лишь коснулся её плеча, но она вздрогнула и торопливо повесила на это самое плечо сумку.

- Ладно, разберешься. Мне пора уже... В самом деле, пора. Не обижайся... Как там у тебя с твоими убитыми англичанами дела?

- Никак. Ничего конкретного пока не вырисовывается. Может быть, убийство из ревности, но как-то все это очень шатко. Нынешняя жена гражданина Бокарева приревновала его к бывшей возлюбленной, гражданке Кузнецовой.

- Что-то как-то... - Катя скептически пожала плечами. - Тебе самому хоть верится?

Он точно знал, что она ищет повод, чтобы задержаться. Опять ищет повод. Она все равно уйдет, но ей этого не хочется. От этой мысли ему делалось хорошо.

- Мне? Мне не верится. А что делать? Разные психопатки бывают... Странная она. На первый взгляд - воплощенная невинность, но при этом чего-то боится. Была знакома с хозяином дачи, алиби у неё на ночь убийства какое-то скользкое.

- Ну, не знаю. Вам там, в прокуратуре, конечно, виднее... А с наследственными делами что?

- Ничего нового. Бывшую жену Райдера пока не нашли. Да и потом, ты же говоришь, что она при таком раскладе не единственная наследница?

- Вроде бы нет, - Катя не очень уверенно кивнула. - На какую-то сумму она, конечно, право имеет, но, вообще-то, наследницей за Райдером успела стать и Кузнецова. Вот если бы и её убили в тот же день, тогда - все. А так получается, что теперь уже за Кузнецовой наследует её мать.

- Докатались до старушек-убийц, - Андрей невесело усмехнулся. - Нет, наследственные дела сюда так же не вяжутся, как и убийство из ревности. Вообще, ничего сюда не вяжется! Лежнев уже всю контору эту фармацевтическую с ног на голову перевернул. Ничего! Не за что зацепиться! Звонила какая-то женщина - и все!.. Львенок ещё этот нарисованный! То что труп к шоссе оттащили!..

Он сам не заметил, как вошел в раж. Начал ритмично и зло постукивать костяшками пальцев по косяку, кривить книзу уголки губ. Азартно рассказывал о разговоре с Груздевым, о том, как

Красовский рвал и метал, потому что нет пока причин для ареста Муратовой и, вообще, по сути дела, ничего на неё нет. О том, как Валерий Киселев открестился от недавних встреч со своей Лилей и сослался на воспаленное воображение жены. О том, что супруга его в ответ на предположение о том, что клипсу могла потерять одна из заказчиц, едва не забилась в истерике и начала орать, что всех своих заказчиц прекрасно знает, и никто из них предметы туалета в её доме не терял... Опомился, только заметив легкую невеселую улыбку на Катиных губах. Почувствовал себя полным кретином и даже, кажется, покраснел.

- Щурок, не бесись. Ты же все равно во всем разберешься, - сказала она спокойно и уже без улыбки. - Я знаю... Надо только, чтобы кто-нибудь Красовского осаживал, а то он, я чувствую, опять округел. Как там у него дела?

Он сказал: «нормально», - решив, что ни к чему рассказывать про девочку Анечку с её кружевными салфеточками и пушистыми игрушками.

Снова некстати вспомнил про львенка и коряво выведенное слово «лев». Птичка в комнате опрокинул стул. Тот рухнул с ужасным грохотом. Катя сказала: «ну, пока» и ушла...

* * *

Наталью Дмитриевну Слюсареву привезли в прокуратуру в десять утра. Ее правая щека была заклеена полоской лейкопластыря, полные губы дрожали. Более всего и неприятнее всего Андрея поразило то, что Наталья Дмитриевна оказалась брюнеткой. Самой натуральной брюнеткой с рыхлым белым лицом.

К тридцати трем годам она успела набрать с десяток лишних килограмм, которые осели на груди, бедрах и животе. Чем-то она напоминала истеричную жену Киселева Тамару, но лишь отдаленно. Что-то в ней все-таки такое было... То ли чудесные голубые глаза придавали её лицу почти юное очарование, то ли красивая, точеная форма носа?

На Слюсаревой была просторная шелковая блуза, изрядно измятая на спине и рукавах, коричневые леггинсы и белые кожаные сабо.

Митя Лежнев вкратце доложил, что выловили её, в конце концов, на квартире у двоюродной тетки, где гражданка Слюсарева от кого-то пряталась. При попытке ребят из местного отделения милиции проникнуть в квартиру переколотила кучу посуды, разбила настенные часы и едва не сиганула с балкона. Сначала думали, наркотой накачалась, потом решили, что уж скорее у неё с головой что-то.

Наталья сидела ни стуле, зажав ладони коленками, и смотрела прямо перед собой. Она не выглядела испуганной или обозленной. Андрею даже казалось, что в её взгляде читается облегчение. Облегчение, которое наступило слишком поздно и принесло уже не радость, а только апатию.

Ребята вышли из кабинета, тихонько притворив за собой дверь. Они остались вдвоем.

- Вы знаете о том, что ваш бывший муж Тим Райдер погиб? - спросил он первым делом.

Слюсарева, казалось, удивилась или, по крайней мере, искусно изобразила удивление:

- Да? И как это его угораздило?

- Его убили. Здесь, в России. В нескольких километрах от Москвы.

Она прерывисто вздохнула:

- Ну, тогда ясно. А я все думаю: чего это меня в милицию потащили? Вроде, не за что?

- Но вы пытались оказать сопротивление? Ведь так? Не появлялись на работе, не звонили матери. Прятались на квартире у тетки. От кого?

- Да уж не от вас... Какое, вообще, вам дело, от кого я пряталась? От любовника может быть? И работу, может, на хрен бросить решила? Надоело... Так чего там с Райдером-то? Убийцу не нашли, конечно?

Он понял, что она абсолютно не переживает. Ни капли. Впрочем, они развелись достаточно давно, и сложно было бы требовать от этой женщины нежных чувств к бывшему мужу.

- Убийцу пока не нашли. А Тима Райдера зарубили топором вместе с его женой.

Наталья усмехнулась:

- Надо же! Опять женился. Наверно, в этот раз на добропорядочной англичанке? Ага?

- Нет, - Андрей помотал головой. - На русской. Опять на русской. На Олесе Викторовне Кузнецовой, семьдесят первого года рождения.

В голубых глазах Слюсаревой промелькнуло что-то вроде жалостливого интереса:

- Семьдесят первого года? Молодая же ещё совсем!.. Дура ещё одна, вроде меня, нашлась! Ладно мне повезло вовремя восояси убраться, а то бы...

- А то бы что? Вам угрожали? Или, может быть, вашему мужу?

- Я не в том смысле, - она махнула рукой. На пальце блеснуло узенькое золотое колечко с маленьким розовым камнем. - Чокнулась бы я просто, если б ещё хотя бы месяц там прожила... Знаете, что я вам скажу: за границей из наших могут жить только те, у которых мозги, как у иностранцев устроены! Остальные или сопьются или с тоски помрут... Да ещё и Тим. Он ведь, знаете, ещё сам по себе нудный был. И жадный. Прости меня, Господи, о покойниках плохо не говорят!

- Вас расстроила его смерть?

- Ну-у-у... Как вам сказать? По человечески жалко, конечно... Застрелили его, да?

- Зарубили.

- Кош-шмар!.. Жалко. Что зря говорить? Конечно, жалко. Но плакать-убиваться, я, понятно, не буду.

Андрей заметил, что Наталья понемногу освоилась, словно оттаяла. Даже попросила открыть окно, сославшись на то, что ей душно. Он, сильно дернув, открыл одну створку. В кабинет ворвался ещё свежий после ночного дождя воздух.

- Как вы познакомились с Тимом Райдером?

Она усмехнулась, без всякого стеснения расстегнула верхнюю пуговицу на блузке, откинулась на спинку стула:

- Расскажу вам, так вы все равно не поверите?.. Хотя... Можете проверять. Наверняка, данные какие-нибудь в этой конторе остались. Если, конечно, сама контора ещё жива. Раньше, вообще-то, у них все солидно было. Мне с первого взгляда понравилось...

...Ей понравилось в этой конторе с первого взгляда. Светлые стены, голубые жалюзи на окнах, мягкие белые кресла и мягкое свечение экрана компьютера. За компьютером сидела миловидная девушка с круглыми серьгами в ушах, пальцы её живо бегали по клавиатуре.

Наталья с подружкой Людкой жались друг к другу на диване. Как две дуры или две лесбиянки. Она тогда ещё сказала Людке, ну, перед тем как зайти: «Будешь так на мне виснуть, нас за лесбиянок примут и вышвырнут оттуда к чертовой матери». Людка нервно хохотнула: «Может им лесбиянки тоже нужны?» Она ответила: «Ты чего, в публичный дом что ли идешь наниматься?»

Честно говоря, выглядела Людка в самый раз для борделя. Какая-то невероятно короткая и невероятно узкая вязанная красная юбка. Еще и шнурок кожаный черный впереди вплетен. Комбидресс с декольте. Ладно хоть колготки без рисунка натянула и то по её, Натальиной, подсказке. А так с этой дурищи стало бы!

Сама она выбрала длинную трикотажную юбку и белый хэбэшный джемпер, связанный крупной резинкой. На шею повесила золотую цепочку с кулоном. Наталье казалось, что сейчас она выглядит куда лучше, чем на фотографии, и от этого ей делалось обидно...

Девушка, наконец, оставила в покое свой компьютер, захлопнула какую-то кожаную папку. (Надо же! Секретарша! Деловушная!), улыбнулась ещё приветливее:

- Я вас слушаю!

Самое трудное было с чего-то начать. Людка, как всегда, тупо захихикала, отвечать пришлось ей:

- Ну... Мы к вам по делу... Вы же объявление в газете давали?.. Ну и вот...

- Вы хотели бы найти себе спутника жизни за границей? - наконец, «догадалась» девушка. - Тогда я должна объяснить вам систему. От вас потребуются две фотографии: портрет и в полный рост, желательно, в купальнике, заполненная анкета, медицинская справка... Я потом объясню, каких врачей нужно будет обойти... Что еще? Естественно, вы сразу оплачиваете наши услуги. Первый взнос означает, что в течение двух месяцев мы подыскиваем вам кандидатов. Если за два месяца вы никого не выбираете, можете оплатить ещё пятьдесят процентов взноса, и срок продляется ещё на два месяца.

- А вот скажите, - Наталья потерела кулон на груди. К тому времени она ещё не успела расползнуться, и грудь у неё была самая что ни на есть нормальная - второго размера, - выходят, вообще, у вас девушки замуж?

Секретарша тут же схватила какую-то папку, на этот раз, голубую, видимо, намереваясь

зачитывать вслух благодарственные письма и демонстрировать фотографии счастливых молодоженов.

- Нет, вы, на самом деле, скажите. По честному. Шанс-то хоть есть?.. Не бойтесь, мы уже не уйдем. Раз приперлись сюда из Железнодорожного, стыда натерпелись, что же теперь, просто так домой сваливать?

Девушка изобразила на лице проникновенную искренность:

- По честному? Ну что ж, если хотите, могу и по честному... Все зависит от уровня ваших притязаний. Сами понимаете, миллионеры в нашу картотеку попадают не так часто. Можно сказать, практически не попадают... Вообще, интерес к русским девушкам достаточно велик. К симпатичным, милым и приятным в общении русским девушкам.

Наталья вдруг со стыдом ощутила, что от неё разит туалетным мылом. Тем самым гадским туалетным мылом, которым она торгует каждый день возле продуктового магазина. Все эти чистящие средства ещё ладно - они не пахнут. А вот запах мыла... Его не вытравишь, не смоешь. Да и чем смывать? Тем же самым «Консулом», «Цветочным» и «Хозяйственным»? Аромат розы, моря, жасмина... Наверняка, девушки требуются ещё и образованные. Тощие студентки с узкими, как у манекенщиц задами и спичечными ногами.

Людка нервно заерзала рядом. Из всех необходимых достоинств она обладала только одним - тонкими ногами. Но она хотела замуж за итальянца. Ужасно хотела. Причем не абы за какого, а за кудрявого, поджарого и с мускулистой грудью.

«Пусть у него даже лысина сквозь кудряшки пробивается», - говорила она. - «Пусть! У меня просто аж внутри свербить начинает, как представлю черные кудри над загорелым лбом».

Анкеты они, с конце концов, заполнили, услуги оплатили, фотографии отдали.

- Секундочку, - сказала девушка, подняв вверх перьевую ручку, словно указательный палец. Еще раз просмотрела лист анкеты с обеих сторон, неуверенно пожевала нижнюю губу. - Наталья Дмитриевна, на мой взгляд, лучше не писать в анкете, что вы хотите уехать из этой страны куда угодно и жить в нормальных условиях. На некоторых это, конечно, производит впечатление, но...

- А что написать? - спросила она впрямую.

- Лучше укажите ещё несколько привлекательных черт вашего характера. Нежность, например, мягкость, доброту. Любовь к детям.

- Давайте я напишу любовь к детям, - пожала плечами Наталья. К детям она, действительно, относилась нормально. Неприятно делалось только от мысли, что какой-то фриц или француз будет заранее рассматривать её как инкубатор для производства детей.

Еще раз пробежала глазами свою анкету, глупо послынявила ручку, отчего первая буква расплылась. И написала: «Люблю собак и кошек. Вообще, люблю жизнь». Эта фраза решила её судьбу.

Тим Райдер появился примерно через месяц. Неуверенный, то и дело виновато улыбающийся англичанин. Они ходили везде с переводчиком. С ума сойти! Он ни слова не понимал по-русски, она из школьного английского помнила только «май нейм из Наташа».

Правда, англичанин не постеснялся через переводчика сообщить, что ужасно жалеет о таком способе знакомства, что, дескать, это все, конечно, глупо, и он выбрал её чуть ли не от нечего делать, просто понравилась фраза, что она очень любит жизнь, и ещё улыбка. Но потом полюбил! Конечно же, полюбил!..

Наталья слушала и не верила. Слушала его лепет и пыканье-мыканье стеснительного переводчика, пытающегося казаться невозмутимым, как закадровый голос в видюшных кассетах.

Слушала их, а слышала слова Анжелики (так звали ту самую секретаршу из брачного агентства): «Тебе повезло! Ты просто не представляешь, как тебе повезло! Он же богатый! У него чуть ли не заводы в Англии свои! Никаких там брачных и внебрачных детей! Твердое намерение жениться! На тебе, балда, ты понимаешь, на тебе!»

Однако же, они продолжали бродить с переводчиком. Тим по-прежнему смотрел, в основном, себе под ноги и только изредка на её грудь. Он ей не нравился. Совсем. Нравилось кольцо, которое он купил ей через три дня, понравилось, как он отреагировал, когда она «застеснялась»: «Что вы?! Я не могу этого принять! Мы ведь просто друзья!»

Райдер сказал (тоже через переводчика, разумеется): «Это просто подарок очаровательной русской девушке. И он вас ни к чему не обязывает».

Анжелика нудела: «Учи язык! Учи язык!» А Наталья не постеснялась сказать однажды: «Пойдемте, мистер Райдер, поднимемся ко мне», и добавила для переводчика: «Переводи, переводи!» Ей как-то сразу перестало быть стыдно и расхотелось расшаркиваться: «Посмотрите, как мы с мамой живем». Тем более, что мамы-то совершенно точно дома не было.

Тим выпучил глаза. То ли от удивления, то ли от радости. Поднялся вслед за ней в их двухкомнатную квартиру на четвертом этаже. Даже снял туфли в прихожей, наступив носками на влажный коврик.

Наталья сразу пригласила его в гостиную, налила в две рюмки «Столичной» водки, сказала отдельно: «Рус-ска-я!», и обвила его короткую шею руками.

Водки Райдер выпил едва ли половину, как раскладывается русский диван-книжка не сообразил. Пришлось все делать самой, а он только переминался с ноги на ногу сзади и робко пытался прижиматься к её бедрам. А потом, в постели, он все говорил со сладким придыханием: «Рус-ска-я», а ещё «рашн», «хот» и «колд». И Натальино убогое английское хватало для того, чтобы понимать: «Русская! И горячая, и холодная!.. Русская!»

Играть свадьбу ни в Железнодорожном, ни в Москве Тим не захотел. В Лондон она полетела через два месяца беременной невестой. Там же обвенчались. По настоящему обвенчались! Смех, да и только! Платье, правда, было шикарное. А ещё через месяц у неё случился выкидыш.

Доктор мягко, но путано объяснил, что дело не в ней, не в Наталье, а в том, что у мужа какой-то особый тип то ли аллергии, то ли несовместимости клеток, и ребенок был обречен. Короче, она поняла, что если бы забеременела от кого-нибудь другого, то родила бы без проблем, а так - странно, что этот несчастный аллергический эмбрион, вообще, завелся у неё внутри.

Плакала она недолго. Дня два или три. Только вот Тим, несмотря на все его деньги, стал казаться ей ещё более ущербным. Ребенка сделать не может. Мужик, блин!..

Нет, детей Наталья не хотела. И вовсе не из-за детей было это... Ну, в общем, это... С парнем, который часто проезжал мимо их коттеджа на велосипеде. Да и было-то всего четыре раза.

Зато она узнала, как четко Райдер научился выговаривать слово: «Проститутка!» И кто его, интересно, научил? Во всяком случае, не она.

Она была виновата, да. Он имел право даже вмазать ей по морде, она бы стерпела. Но позволять какому-то английскому дерьму говорить в присутствии горничной: «Этой проститутке накройте отдельно!» (тогда она уже могла кое-что понимать по-английски), это уж извините!

«Не больно-то и хотелось!» - зло думала Наталья, срывая с пальцев и швыряя о зеркало кольца. - «Не больно-то и надо!.. Тупой урод! Только такие тупые уроды, как ты, ищут себе русских жен по каталогам!.. Какая же я была дурища?! Бог мой, какая идиотка!»

Зеркало, в конце концов, разбилось. Горничная убрала осколки, хотя ей, наверное, стремно было убирать за русской шлюхой. В общем, развод оформили оперативно, и Наталья улетела в Москву, на прощание сказав Райдеру в аэропорту: «Да пошел ты!»...

- Значит, вот как все получилось? - Андрей потер рукой подбородок. - И что же в материальном плане? Он вам что-нибудь при разводе оставил?

Наталья хмыкнула почти с гордостью:

- Он-то, вроде, собирался что-то заплатить, да я бы не взяла! Что я, на самом деле, шлюха что ли? Меня будут «проституткой» называть и деньги за это платить? Ну, тогда точно публичный дом получается... Не надо мне его сраных денег, так я ему и сказала!

В кабинет заглянул Красовский, вопросительно указал глазами на Наталью. Андрей кивнул:

- Все нормально. Входи.

Сергея прошел, присел на угол стола, сцепил руки на колене. Ухмыльнулся весело и злорадно:

- Так вот она, живая вдова господина Райдера, которую мы так долго искали?! Можно спросить, чего ж вы второй раз замуж не вышли? Супружника вашего, красавца, не могли забыть?

В «красавце» он сделал ударение на последний слог. Слюсарева обиженно втянула внутрь щеки. Губы её сложились бантиком, с двух сторон на лице залегли глубокие складки:

- Не вышла и не вышла! Какое это имеет значение? Это мое личное дело.

- Точно, - Красовский кротко кивнул. - Наше дело только найти того, кто грохнул Тима Райдера вместе с его второй женой... Может быть, например, это вы, а?

Мышцы на её лице расслабились произвольно и мгновенно, нижняя губа обвисла, как у старой

собаки, даже щеки вдруг сделались дряблыми:

- Вы что?! - коротко и пронзительно выкрикнула она. - Чокнулись, да?! На хрена мне его убивать?

Сергея почти испуганно предположил:

- Денег ради?.. Несерьезная причина, конечно, я понимаю...

Андрей отошел к окну. Происходящее в кабинете ему абсолютно не нравилось. Права была вчера Катя: надо чтобы кто-нибудь Красовского периодически осаживал. Вот что сейчас будет? Сергей будет наезжать на тетку, сначала тихонько, потом вполне конкретно. Доведеет её до истерики, до слез...

- Да, если бы мне нужны были его деньги! - захлебывалась собственным испуганным визгом Наталья. - Да что я, дура что ли? Что он, все свои капиталы с собой носит, что ли? Что я, по-вашему, хотела - ограбить его, мертвого, и по карманам пошариться?! Что мне от его смерти? Мы ведь разведены. Официально. Я ему теперь - никто!

Сергей хотел что-то сказать, но Андрей стремительно обернулся и остановил его жестом.

Или Слюсарева не знала, что является одной из наследниц по закону, или продолжала играть. В любом случае, встречных заявлений делать пока не следовало.

- ... Что я, по-вашему? И его и девчонку эту с семьдесят первого года?! Я на маньячку похожа, да?!

Андрей молчал. Молчал и Красовский.

- ... Господи, да я же человек тоже?! Почему вы думаете, что вокруг вас одни уроды?! Лучше бы мне с балкона кувыркнуться: уже бы все и кончилось. А так... Посадить вам некого, да?.. Ну, я же тут ни при чем! Мальчишки! Миленькие!

- Почему вы прятались? - спросил Андрей тихо и внятно, отчего-то снова думая о львенке и глядя на трясущуюся темную гриву Натальиных волос.

- Что? - она словно не расслышала. Взглянула на него все ещё зло и испуганно.

- Повторяю вопрос: почему вы прятались? Почему? От кого?

- Я не пряталась! Не пряталась! Не пряталась!..

Ее голос эхом отдавался от потолка и стен, а Сергей демонстративно загибал пальцы, на правой руке, отмечая, сколько ещё раз она повторит эту фразу. Пришлось подключить левую руку: фраза прозвучала ровно шесть раз. Потом Наталья опустилась на стул и снова сжала коленками руки. Воцарилось молчание.

- Меня хотели убить, - хрипло проговорила она. - Меня ударили по голове. Сзади... Мне показалось, что если я не спрячусь, меня добьют. Я испугалась...

Это было более, чем неожиданно. Щурок с Красовским обменялись быстрыми взглядами.

- Когда? - Андрей выдвинул из-за стола свой стул и сел прямо напротив Слюсаревой. - Когда вас пытались убить?

- В начале июля. Второго числа. Я домой возвращалась, услышала, что сзади кто-то идет... Ну, шагу прибавила, а что толку? Фонари нигде не горят, проулок узкий, длинный. Потом по башке - раз! И я сознание потеряла... Он, наверное, думал, что меня убил, потому что кровящи кругом было!

- И что было дальше?

- Дальше?.. Дальше я подхватила и к дому поковыляла. Дошла кое-как. У меня от теткойной квартиры ключи. С унитазом полночи разговаривала: наверное, сотрясение мозга было. Голову промыла, перевязала, отлежалась... Потом уж у тетки попросила разрешения пока пожить.

- Вы обращались в больницу?

- Нет.

- Почему?

- Боялась, говорю же вам! Если бы меня хоть ограбить хотели, а так ведь и не взяли ничего. На мне кольца были дорогие, серьги в ушах, деньги в сумочке...

- Кого-нибудь подозреваете?

Она немедленно вскинулась:

- Кого я могу подозревать? Подозревала бы - уже в милицию заявила... Только не защитят ведь? Вот и пряталась.

- Кроме вашей тети свидетели покушения на вашу жизнь имеются?

- Да нет, наверное... И тетя... Она ведь тоже не совсем свидетель. Через два дня только пришла. У меня уже голова зажила маленько.

- То есть, никто не может подтвердить, что на вас, действительно, покушались? Никто не может

сказать, где вы были в ночь с двенадцатого на тринадцатое июля, когда убили Тима Райдера и его жену? Зато все знают, что в начале июля вы пропали и где-то скрывались.

Вместо ответа она нагнула голову, разобрала обеими руками пробор на затылке и ткнула указательным пальцем во все ещё местами кровящую огромную ссадину.

- Ну, вообще-то, такое можно получить, и головой о стену шарахнувшись. Причем специально, - негромко пробормотал Красовский. Слюсарева пожалала плечами. Лицо её постепенно делалось каменным.

- Давайте ещё раз и не торопясь. Вы возвращались с работы. Во сколько это было?..

Она вздохнула и начала рассказывать по новой. С подробностями. В задумчивости замирая чуть ли не после каждой фразы, словно взвешивая слова. И все равно Андрею упорно казалось, что она чего-то не договаривает. Или врет. С начала и до конца.

Картина вырисовывалась странная. Некто напал на Наталью в темном проулке, ударил так, что она потеряла сознание. Однако, ничего не взял и не предпринял попытки изнасилования.

Она, вместо того, чтобы кинуться в ближайшее медицинское учреждение, побежала в пустую квартиру и залегла там, как зверь, пережидая облаву. При этом она не видела того, кто её ударил, не имеет никаких предположений на этот счет и решительно отказывается строить догадки.

Врагов у неё нет, отношения с родственниками, друзьями и коллегами по работе спокойные и ровные. Но, тем не менее, она, испуганная до смерти, сидела в этой квартире вместе с беспородной собачонкой, пока её оттуда не вытащила милиция...

- Говорят, вы кричали: «Гад! Не подходи ко мне!»; когда милиция выламывала дверь в квартиру? - спросил Андрей, когда Слюсарева закончила. Она сердито повела полными плечами:

- Дверь, кстати, выносить никакого права не имели. Это противозаконно.

- Вовсе нет. Поступил сигнал об утечке газа из данной квартиры. Соседи чувствовали запах.

- Все ваши штучки! Ну, ладно...

- Так все-таки, кому вы кричали «гад»? Вы думали, что за вами пришел убийца?

- Нет, лектор из общества «Знание»! - огрызнулась она. - А вы бы на моем месте не боялись? Или жена ваша? Она бы не кричала?

- Дело в том, что именно вы кричали... Все-таки «гад», совершенно конкретно слово мужского рода...

Она снова втянула щеки в себя:

- А что, вы думаете, меня так по башке оприходовать женщина могла?

Спорить он не стал, быстро подписал пропуск, протянул Наталье. Та поднялась тяжело, но с достоинством, одернула мятую блузку. И тут снова встрял Красовский. Правда, на этот раз, спросил то, что нужно было спросить:

- А мне вот что интересно: почему это ваш супруг бывший завещания не оставил? Вроде, и не юноша кудрявый уже, и бизнесмен? Странно все это как-то... Вы случайно не знаете, почему?

- Знаю, - сказала Наталья просто. - Он очень мыслей о смерти боялся. Тонул как-то в детстве и перепугался на всю жизнь. Для него завещание подписать было, то же самое, что смертный приговор... «Темная вода», «темная вода»... Все боялся, что там, по ту сторону, его только «темная вода» ждет. Бессмертным себя хотел считать, что ли?

- Ясненько, - Серега достал из кармана брюк пыльную, всю в каких-то крошках семечку и расщелкнул передними зубами. - Благодарим за консультацию.

- Меня насовсем выпускают или как?

- А вот это не знаю. У следователя спросите, - он кивнул на Андрея. - Вообще, в какую сторону расследование пойдет, но то что ещё раз десять вызовем - это точно!

Она на секунду замерла в дверях, словно наткнулась на невидимую стену. Помедлив, обернулась:

- Подождите... А вы не думаете, что то, что я... Что на меня... В общем, что меня по голове тоже из-за Тима шарахнули? Ну, раз и его, и жену?.. Хотя, фигня на постном масле, конечно: мы уж сколько лет с ним вместе не живем!

Красовский выразительно развел руками. А когда шаги Слюсаревой стихли где-то в конце коридора, со смешком спросил:

- Ну и как, Дюха? Как тебе ещё одна тетя, которую по башке били-били и не добились?

- То что не добились, странно, - Андрей задвинул стул обратно за стол и закрыл окно. - А так - все логично, и все очень хорошо укладывается в Катину схему. Из двух наследниц первой очереди -

жены нынешней и жены бывшей - сначала убирают жену бывшую. Остается одна Кузнецова. Потом убивают Тима Райдера, а через сутки Олесю, чтобы именно она успела все унаследовать, а не какой-нибудь там внучатый племянник... Такое ощущение, что кто-то собирался наследовать за ней? Только вот кто? Не мать же старушка, в самом деле?

Сергея промолчал. На темное небо снова напозлали дождевые тучи, грозившие пролиться темной водой...

* * *

Форточка в кабинете участкового терапевта была затянута зеленой сеткой. В мелких ячейках застряло несколько несчастных насекомых. Две мушки, ещё живые, дергали лапками и томилась в предсмертной тоске. А в коридоре томилась бабушка и пара унылых мужиков предпенсионного вида, из тех, что полжизни проводят в очередях к очередному врачу-специалисту.

Медсестра, не поднимая головы от бумаг, заносила в разграфленную тетрадь данные из направлений и справок. Светловолосая, румяная докторша с пышной прической и смешной фамилией Настик копалась в ряду различных по толщине и цвету корешков медицинских карточек.

Сергея рассматривал календарь, лежащий на столе под оргстеклом. Сверху на календаре был нарисован слоненок в обнимку с крокодилчиком и мартышкой. Смешная такая, детская картинка... Он тут же вспомнил желтого медведя с красным бантом, обнаружившегося вчера за шкафом, и почувствовал что-то вроде брезгливости.

- Бокарева, вы говорите? - докторша обернулась.

- Да, Бокарева... Бокарева, в девичестве - Муратова, - Красовский положил локоть на стол, чтобы не видеть больше ни слона, ни обезьяны.

- Странно, ничего подобного не могу найти!

- Да, я говорю вам, это она. Нет у нас на участке других Бокаревых, - медсестра закрыла тетрадку и отложила её в сторону, придавив сверху древним дыроколом. - Вот и товарищ из милиции говорит, - он кивнула на Сергея: Молодая, черноволосая, в очках... Она это, она!

Докторша в задумчивости присела на стул:

- Я, вообще-то, тоже никого другого с такой фамилией припомнить не могу, а Лилию довольно хорошо знаю. За рецептами она время от времени забегает... Но чтобы болезнь Рейно? Или хотя бы синдром Рейно? Или, вообще, что-нибудь подобное?

- Подождите-подождите! - Сергей, подняв указательный палец вверх, помотал головой. - Я не утверждал, что у неё должно быть это заболевание. Может она, вообще, себе пальцы дверью прищемила?.. Вы мне скажите: есть у неё эта болезнь или нет. «Да» - да, «нет» - нет. Все как есть на самом деле. Выдумывать ничего не нужно.

- Не собираюсь я ничего выдумывать, молодой человек!.. Нет. Думаю, на ваш вопрос нужно ответить отрицательно. Если в этом есть необходимость, я могу отправить Лилию на обследование, сделать все необходимые анализы. Но не думаю, нет... Понимаете, если б она, как большинство женщин её возраста обращалась в поликлинику раз в год по случаю гриппа или ОРЗ, тогда бы любые варианты были возможны: начальная стадия заболевания, слабые клинические проявления, когда пациент и сам на них ещё внимания не обращает. Но Лилия... Он ведь очень больной человек! Инвалид по сути дела. Причем с детства. Вы поглядите на её карточку!..

Карточка лежала на столе. Пухлая, как истрепанная и зачитанная до дыр приключенческая книга. Из неё выглядывали какие-то вкладыши, белые листочки, тонкая воощенная бумага копий рецептов.

- ... У Лили артериальная гипертензия в тяжелой форме, сердце из-за этого поражено, сосуды глазного дна. В почках уже изменения наблюдаются. И все это чуть ли не с десяти лет!.. Вы понимаете, к чему я это говорю? Она постоянно находится под наблюдением врачей! Пос-то-ян-но! Она просто вынуждена следить за своим здоровьем. Так что, думаю, такие неприятные симптомы мы бы не пропустили. У неё и так полный букет...

- Короче, пальцы ни с того, ни с сего синеть все-таки не начинают? - уточнил он. - Хотя, вообще, она не женщина, а прямо развалюха какая-то получается?

Медсестра недоброжелательно покачала головой, подошла к окну и расправила шторы. Металлические колечки, на которых крепились дешевые салатные портьеры, противно завизжали. Докторша пожала плечами:

- Ну, это вы, конечно, грубовато выразились. Хотя, по сути, верно... Медицина постепенно развивается, но пока мы, к сожалению, не в силах её вылечить.

- Интересно, как же она родила тогда, такая больная?

- Кого родила? - она глянула на Сергея поверх стекол очков. - Вот я же чувствовала, что здесь какая-то ошибка, что мы с вами говорим о разных людях! У Лили Бокаревой нет детей и быть не может! У неё абсолютные противопоказания к беременности, при ее-то патологиях!

- Стоп! Но у неё же есть дочь? Маленькая такая девчонка. Года полтора, что ли?

- Абсолютно исключено. Никаких дочек быть не может... Я вам гарантирую, что ни один гинеколог не взялся бы вести её беременность, но даже, если бы и нашлся такой сумасшедший, она бы из стационара не вылезала!.. Да что вы, в самом деле, говорите? Вы в карточку её загляните: чуть ли не по два раза в месяц она подходит за рецептами, раз в три месяца обязательное обследование. «Скорая» временами наезжает... Вы посмотрите-посмотрите! Есть хоть одно упоминание о том, что пациентка беременна?

«Даже так?» - подумал он и почувствовал, как внутри что-то противно екнуло. - «Очень интересно! Просто очень!»

Докторша так настаивала, что карточку пришлось раскрыть. Ничего не понимая в размашистых, неразборчивых каракулях, он добросовестно просмотрел несколько страниц. Еще раз взглянул на картонную обложку. Действительно, Бокарева Лилия Владимировна. «Бокарева» надписано сверху зачеркнутой «Муратовой».

Еще раз уточнил:

- Значит, детей у неё быть не может, и эта карта за ней с детства тянется? Тут со скольких лет данные?

- Да, детей быть не может. А карточка? Карточка с того момента, когда она встала на учет в подростковый кабинет. Правда, это было ещё не в нашем районе. У нас она... дай Бог, памяти... года два, что ли, наблюдается? Или даже меньше?.. В общем, как замуж вышла, к мужу переехала, так сразу в нашу поликлинику и перевелась... Разрешите?

Ему пришлось отодвинуть локоть, и белокурая участковая достала из-под его руки прямоугольный бумажный листочек. Из-под оргстекла снова выглянули развеселые африканские звери с календаря.

- Вот, - почерком, таким же неразборчивым, как и в карточке, она накарябала на листочке несколько слов. - Если вам нетрудно, закинете внизу в регистратуру? Карточку ведь вы с собой забираете?

Красовский заверил, что закинуть листочек в регистратуру ему совсем нетрудно, сунул медицинскую карту в огромный, как мешок для картошки, внутренний карман куртки и, выходя, едва не столкнулся в дверях в маленькой бабушкой, дождавшейся, наконец, своей очереди и стремительно ринувшейся в кабинет.

Он знал, что нужно сделать дальше. Адрес детской поликлиники дали все в той же регистратуре. И примерно через полчаса (до малышовского отделения надо было проехать три троллейбусных остановки) Сергей уже держал в руках карточку Бокаревой Ольги Вадимовны, в которой черным по белому было указано: отец - Бокарев Вадим Геннадьевич, мать Бокарева Лилия Владимировна, роды первые, беременность первая...

Все это казалось более чем странным, хотя он ещё толком не понимал в чем дело. Только чувствовал запах гнили и злость. Непонятную, дикую злость...

По-прежнему накрапывало, порывы ветра сделались ещё сильнее. Деревья клонились к земле.

«Июль, блин!» - подумал он, вспомнив недавнюю жару. Спрятал руки в карманы куртки, которую не надевал уже сто лет, нащупал в одном шоколадку, купленную ещё для Анечки. Вытащил на свет, увидел на темной блестящей обложке оскаленную пасть рыжего льва, тоскливо сплюнул и зашагал к остановке.

* * *

- Значит, фамилия Слюсарева вам ни о чем не говорит? Наталья Слюсарева? Наталья Дмитриевна Слюсарева?.. И в Железнодорожном вы никогда не бывали?

- Почему? Бывала, - Лиля как-то слишком поспешно и нервно пожалала худыми плечами. - Давно... Я ещё в институте училась. Приятельница там жила. Мы к ней заезжали, дома у неё ужинали.

- Бар «Прибой». Там вы бывали?

- Нет... Я не понимаю... Не понимаю, почему вы об этом спрашиваете?

- В порядке общего ознакомления с вашей биографией, - Андрей снова сел за стол и подвинул к себе протокол допроса. - Просто на Наталью Слюсареву было совершено покушение. Удар по голове. Правда, не топором, поэтому не добились... Ладно. Вернемся к основной теме нашего разговора. Значит, вы уверены, что не падали?

- По-моему, не падала. Не уверена. Не знаю, - она снова мотала маленькой черноволосой головой, а в глазах её светился страх. И что-то еще. Нехорошее, странное, злое.

- Но девушка, которая стояла за стойкой бара, утверждает, что это были именно вы?

- Я не видела никакой девушки за стойкой бара. Я, вообще, мало смотрела по сторонам. Кроме того, у меня плохое зрение.

- Она говорит, что вы подошли к бару вплотную, потом то ли поскользнулись, то ли у вас подвернулся каблук. Вы схватились рукой за стойку, едва не опрокинули несколько фужеров... У вас были странно синие пальцы... Может быть, вы чем-нибудь их повредили? Прищепили?

- Не помню. Я не уверена, что подходила к бару... Понимаете, у меня голова была занята другим... Официант сам подходил к моему столику два раза. Ведь он же это подтвердил, правда?.. Я выходила звонить подруге. И ещё - в туалет... Но меня же опознали, правда? Я не понимаю...

Она, не закончив фразы, замолчала, уронила лицо в ладони. Ее тонкие пальцы слегка подрагивали. Тонкие, бледные пальцы. На безымянном - широкое обручальное кольцо.

Андрей почему-то подумал о том, что Вадим с Олесей вполне могли успеть купить кольца для предстоящей регистрации. Та, другая, которая уже лежит на кладбище, должна была надеть это кольцо, тускло поблескивающее теперь в свете электрической лампочки.

- Ну, да... Опознали... По плащу и темным очкам... Кстати, вот в такую погоду, как сегодня, плащ был бы уместен, - он не смотрел в окно - просто слышал, как по жестяному карнизу барабанит дождь, и видел, что бежевый жакет сидящей перед ним женщины до сих пор мокрый. Они разговаривали уже больше часа. - Сегодня, но не тогда! Очки - Бог с ними, но не плащ!

И снова вечный вопрос, заданный традиционно дрожащим, жалким голосом:

- Вы меня в чем-то обвиняете? Скажите тогда, в чем?

Он вздохнул:

- Ни в чем я вас, Лилия Владимировна, пока не обвиняю, а просто хочу разобраться в том, что произошло в кафе... Кстати, не страдаете ли вы болезнью Рено, либо синдромом Рено?

Она вполне правдоподобно удивилась:

- А что это такое?

Вполне правдоподобно. Если бы ещё не этот нехороший, звериный страх в глазах...

- Это как раз такое заболевание, при котором случается приступообразный цианоз и онемение пальцев. Очень похожий на тот, что описала девушка из бара. Впрочем, ладно...

- Но я, в самом деле, не понимаю... Если вы про пальцы, то ей могло просто показаться... Я, честное слово, ничего не помню!

- Не помните, так не помните. Нам все равно придется проконсультироваться по этому поводу с вашим участковым терапевтом и попросить хирурга осмотреть вашу правую кисть. Возможно, потребуется сделать рентгеновский снимок...

Синие пальцы... Правая рука со странно посиневшими пальцами. Со второго по четвертый... Болезнь Рейно... Рено... «Вольво», «Мерседес»... Не то!.. Лампочки цветомузыки в кафе... Синие лампочки?.. Нет, опять не то!

Лиля больше не закрывала лицо руками. Андрей ещё раз посмотрел на её правую руку - вполне нормальную, здоровую руку со здоровыми розовыми ногтями. Потом - в глаза, прячущиеся за стеклами очков в тонкой металлической оправе.

Она смотрела на него, словно чего-то ждала. Наконец, проговорила высоким срывающимся голосом:

- И что будет дальше? После того, как вы сделаете все эти анализы? Что они должны показать?.. Раз дело дошло до анализов, то получается, мое положение очень серьезно, да?

«Нет», - подумал он с досадой. - «К сожалению, нет... Нет ничего против тебя, девушка. Ничего существенного... Болезнь Рено, синдром Рено. Это все лишь предположения Володи Груздева, который не устает напоминать, что он ни в коем случае не ставит диагноза. Ни отсутствие, ни наличие

у тебя этой болезни ничего не докажет. Во всяком случае, не докажет того, что в кафе была другая женщина. И даже твои «провалы в памяти», касающиеся падения, не только ничего не объясняют и не доказывают, но ещё больше запутывают... Есть, пусть шаткое, но алиби. Зато нет мотива.

Даже если экспертиза установит, что волос, найденный на теле убитой Кузнецовой, идентичен твоим волосам, и это не подтвердит ничего. Ты снова вывернешься, как змея, как хитрая очкастая белка, избравшая совершенно правильную тактику: «Доказывайте, объясняйте сами. Я была в этом кафе, меня видели, меня помнят. Ненависти к Кузнецовой никогда не питала. За что вы меня мучаете?»

Однако, вслух сказал так же спокойно и с расстановкой:

- Вас понесло в кафе не раньше не позже, чем в ночь убийства. Вы почему-то оделись так, что в любой момент вас могла подменить за столиком любая другая женщина, хотя бы отдаленно на вас похожая. Вы - бывшая любовница Валерия Киселева, на даче которого убили супругов Райдер. Вы жена бывшего возлюбленного Олеси Кузнецовой... Слишком многое сходится именно на вас. Вам так не кажется?

Муратова ничего не ответила. Сняла очки, положила их к себе на колени, страдальчески сморщилась и потерла лоб пальцами обеих рук. Спросила, можно ли ей принять лекарство. Андрей равнодушно кивнул на стакан и графин с водой. Она достала из сумочки небольшой пластиковый флакон, вытряхнула на ладонь две белых таблетки, проглотила, не запивая.

Он, между тем, продолжал:

- Возможно, супругов Райдер убила женщина невысокого роста, надевшая мужские ботинки и имитировавшая мужские следы. В волосах убитой Кузнецовой нашли черный женский волос... Хотите на неё посмотреть?

Возразить она не успела. Андрей выхватил из папки фотографию и сунул ей прямо под нос. Фотографию мертвой женщины с разможенной головой и изуродованным, залитым кровью лицом.

Синеватые жилки на Лилиных висках упруго вздулись, глаза расширились.

- Уберегите.., - теперь её губы были почти белыми. - Пожалуйста, уберегите!.. Я не знаю, как объяснить, я не могу объяснить... Ну, зачем мне её убивать?

- Скажите, кто пригласил вас в кафе? Мне безразлично, кто это: мужчина, женщина. Я просто должен знать фамилию этого человека!

Она по-прежнему неотрывно смотрела на снимок, забыв надеть очки. Огромные расширенные глаза, и это непонятное выражение...

- Простите, что?..

- Я должен знать фамилию человека, пригласившего вас в кафе.

- А разве показаний официанта недостаточно? Разве недостаточно того, что меня видел и помнит, чуть ли не весь обслуживающий персонал? Вот вы говорите, «плащ», «очки». Но официант ведь вспомнил мое лицо? Разве не так? Зачем же вы спрашиваете? Что вы пристали ко мне с этими вашими синими пальцами?.. Я не имела права посидеть в кафе? Вот скажите, не имела? Да, может быть, я ждала любовника!

- Валерия Киселева?

- Мы не поддерживаем отношений, и я... Я больше не имею отношения к этой даче!

- Назовите фамилию подруги, пригласившей вас в кафе.

Она вдруг вся как-то сникла, вместо того, чтобы надеть очки, убрала их в сумочку и тихо уронила:

- Нет... Я ничего больше не буду говорить. Доказывайте, что хотите. Ни Олеси, ни, тем более, её мужа я не убивала.

Андрей отметил это «тем более», подумал о том, что возможное отсутствие у Муратовой болезни этого Рено-Рейно хоть и не доказательство, но за него все-таки можно будет зацепиться. Ведь, в самом же деле, не травма руки была у той женщины, которая схватилась за стойку. Ведь склонен же официант считать, что у женщины, заказавшей после полуночи кофе, пальцы были совершенно нормальные...

Он снова ощутил что-то похожее на тревогу, почему-то вспомнил о заболевшем саксофонисте и ещё о том, что проспал и не успел утром побриться. Включил свет: дождь все не кончался, и в кабинете было довольно темно.

Лиля, сложив тонкие пальцы домиком, держала их перед лицом.

Андрей неожиданно спросил:

- Лилия Владимировна, а у вас в детстве было какое-нибудь прозвище?

- Хотите узнать, не звали ли меня «львом» или «львенком»? - она кисло усмехнулась. - Нет, меня звали «белкой»... Я не похожа на льва.

Она оставалась такой же скучной и вялой, и когда у неё снимали отпечатки пальцев, и когда брали волосы на экспертизу.

Пропуск на выход он подписал: оснований для задержания не было никаких. Жующий Красовский вошел в кабинет, когда Лилия уже брала из рук Андрея узкий белый листок.

Медицинские карточки на стол Серега выложил довольно демонстративно. Она скользнула по ним пустым взглядом. Андрей успел удивиться тому, что карточек две - её и ребенка. Потом вспомнил, что Груздев говорил, что-то о наследственности в связи с этим самым синдромом Рено.

Красовский сладко чавкнул над ухом, от него пахло шоколадом. И физиономия его светилась непередаваемым, злым удовлетворением.

- Чего жуешь? - негромко спросил Андрей.

- «Лиона», - мурлыкающим голосом отозвался тот, не сводя пристального, насмешливого взгляда с направляющейся к дверям Муратовой. И продемонстрировал обложку от импортной шоколадки с оскаленной мордой льва и желтой надписью «Лион».

И в этот миг у него внутри что-то оборвалось... Лев... Львенок... «Лион»... Телевизор... Синие пальцы?.. Нет... Лампочки?.. Нет... Что-то еще, что-то...

Он поднял голову и встретился взглядом с Лилей, все ещё стоящей в дверях. Со взглядом её расширенных, отчаянных, почти желтых глаз...

«Лион»... «Лев»... Олеся подписала рисунок «лев», а не «львенок»... Лев... Лион...

Пауза длилась всего секунду или две. Муратова резко развернулась и стремительно вышла, хлопнув дверью.

- Я ни хрена не понял, - сообщил Красовский, выбрасывая смятую обертку в корзину для бумаг, - но у той бабы, на которую заведена карточка, не может быть детей. В принципе. Никогда!.. Или она скрывает что-то медицинское, ту же болезнь Рено, например, или я дурак... Вот карта ребенка. В ней указано, что мать - Лилия Владимировна Бокарева.

- Подожди, - проговорил Андрей, наваливаясь локтями на стол и обхватывая лоб ладонями. - Она ведь была переводчицей... Подожди, подожди, подожди...

* * *

В этой клинике были необычно широкие светлые коридоры и выполненные «под дерево» двери индивидуальных одноместных палат. Почти из-за каждой двери доносился звук работающего телевизора: по двум программам одновременно шли какие-то сериалы. Телевизор «Сони» работал и в холле. Огромном круглом холле, уставленном по периметру дорогой кожаной мебелью. Обыкновенным, «больничным», здесь был, пожалуй, лишь цветок в кадке. То ли фикус, то ли ещё какой-нибудь уродец из этого же семейства с широкими и глянцево блестящими темными листьями.

Согласно выписке из обменной карты, прикрепленной к медицинской карточке маленькой Оли Бокаревой, Лилия Владимировна Бокарева рожала именно здесь, в платной гинекологической клинике номер сто шестнадцать и благополучно произвела на свет сильно недоношенную девочку весом всего лишь в полтора килограмма.

- Вот ещё только гинекологии не хватало! - бурчал Красовский по дороге сюда. - И так по делу - бабье, бабье, бабье! Два мужика - и те какие-то недоделанные...

Теперь он молчал. О чем-то причитала только молодая сестра из архива, периодически уточняющая, разрешила ли главврач шариться в историях болезней и родов.

- Но вы же нашли вашу Бокареву? - спрашивала она. - Нашли ведь? Что ещё вам нужно? Давайте я поищу, вы только скажите. Вы же не разберетесь: тут не только по алфавиту, тут по годам, по патологии, по анамнезу.

Но Андрей искал сам, потому что знал, что из медперсонала клиники пока нельзя доверять никому. И нашел-таки. Запомнил фамилию доктора, подписавшего заключение, сложил историю родов в папку и, мотнув головой Красовскому, быстро вышел из архива.

Потом была невысокая русоволосая женщина в белом халате с проступающими на щеках красными пятнами, холодно и зло утверждающая:

- Ребенок Кузнецовой умер... Какие у вас основания, чтобы делать такие заявления? Я официально заявляю: ребенок умер.

Она не боялась. Или боялась, но не настолько, чтобы рассказать все. Испугалась акушерка. Ее фамилия тоже фигурировала в истории родов. Что-что, а пугать Серега Красовский умел: начал с обязательного увольнения, а закончил сроком. До пяти лет.

Андрей смотрел на эту рыжеволосую девушку с сероватым лицом, усыпанным веснушками, и думал о том, что её все-таки уволят. На самом деле, уволят, как и педиатра с аккуратной, стильной стрижкой и алыми пятнами на щеках.

Он молчал и слушал, ни о чем не спрашивая, уже заранее зная почти все, что она скажет. А она говорила о том, что эта (она не называла её иначе как «эта») легла в клинику полтора года назад, о том, как она сразу строила из себя невесту что и не хотела ни с кем разговаривать, о том, как ей выделили самую лучшую палату...

...Самую лучшую палату в конце коридора. Естественно, с санузлом, гардеробом и местом для детской кроватки. Хотя, зачем ей была детская кроватка? «Эта» не собиралась рожать.

- Сколько-сколько у неё срок беременности? - ахнула гинеколог, которой предстояло вести пациентку. - Двадцать три недели?.. Долгоножко же девица думала!

У «этой» был довольно большой округлый живот и отеки на ногах. Да, плохие почки. Да, кратковременные потери сознания, но она могла родить... Почему ей отказались делать аборт? И срок пропустила, и опять же, какие-то там проблемы со внутренними органами.

Ее бурно осуждал весь персонал. Двадцать три недели, и категорическое нежелание сохранять жизнь ребенку, даже если он родится жизнеспособным! Ультразвук показал нормальную девочку. Абсолютно нормальную. С довольно-таки большим весом. Девочка могла выжить.

- Я не хочу, чтобы она всю жизнь провела в какой-нибудь барокамере с трубочками в носу, - сказала «эта», глядя в стену. - Я не хочу урода. - И добавила. - Я решила. Все!

Ее не могли заставить сохранить беременность, потому что показания к искусственным родам все-таки имелись: почки, печень, да ещё много чего. Ей просто объяснили: «Вы можете больше никогда не родить», она согласилась: «Пусть».

«Эту» готовили к искусственным родам, время шло. Ее живот все сильнее выпирал из-под длинного махрового халата, и она явно нервничала, когда дрожащей, бледной рукой подписывала заранее отпечатанный документ: «Прошу не сохранять жизнь моему ребенку... Не требуется... Согласна».

В соседней палате лежала девятнадцатилетняя жена какого-то крутого авторитета - та, похоже, ненавидела новенькую сильнее всех. Девятнадцатилетняя чуть не потеряла своего новорожденного мальчика, младенца с огромным трудом вытащили с того света, и теперь она, естественно, не понимала, какой же сволочью надо быть, чтобы сознательно убить собственное дитя?

«Эта» платила за медицинское обслуживание в клинике как и все, поэтому с ней разговаривали. Пусть холодно и подчеркнуто вежливо, но разговаривали.

Правда, когда стимулирующий укол подействовал, и она начала кричать, присаживаясь прямо посреди коридора на корточки, никто не успокоил ее: «Потерпи, миленькая!» Никто из бригады не называл её по имени, когда она, красная и потная, металась по родильному креслу. Ей говорили: «Тужьтесь, женщина! Дышите, женщина!»

Вообще-то, она была даже не женщина, она была просто «эта».

Девочка родилась живой, но крохотной и красной, как освежеванная тушка кролика. Гинеколог прокричала, глядя прямо в закатывающиеся глаза родильницы:

- Подумайте! Посмотрите на свою дочь! Еще минута, и её уже не спасти! Подумайте, женщина!

«Эта» прошелестела:

- Я все решила. Оставьте меня в покое... - и замолчала. Она не потеряла сознание, она просто уснула, потому что очень устала.

Правда, снотворное ей все-таки вкололи. Вместе с глюкозой, в вену. Но уже после того, как она подтвердила, что девочка должна умереть. (Рыжая акушерка настаивала на этом, обливаясь слезами: «Вы мне не верите?.. Но она, честно, отказалась от девочки. Только потом, потом...»)

А потом младенца опутали проводами и положили в барокамеру. О малышке знала вся бригада, принимавшая роды. О ней все молчали. Девочка оказалась сильная, она выкарабкалась. Ее забрали как-то сразу. (Рыжая даже не успела взглянуть на неё на прощание)...

- А мать? - спросил Андрей, внимательно разглядывая рисунок на линолеуме. - Мать выписали до того, как забрали девочку?

- Да, конечно, - акушерка ещё раз всхлипнула и часто-часто закивала головой. - Она чуть ли не на третий день после родов из клиники ушла. Оклемалась маленько и ушла. Конечно! Ей же в свои границы надо было ехать с иностранцем своим богатеньким, не бельмеса по-русски не понимающим!

- Спасибо, - сказал он и оставил с девушкой Красовского, чтобы тот записал показания. А сам уже во второй раз направился к кабинету главного педиатра.

Та сидела в вертящемся кресле и, уронив голову на стол, рыдала. Она тоже была женщиной и, оказывается, тоже боялась.

- Алла Леонидовна, - проговорил Андрей, плотно закрывая за собой дверь и прислоняясь затылком к косяку, - не надо больше ничего отрицать. Ваша акушерка, Зайцева, все сейчас подтвердила. Вопреки официальному, письменному заявлению Олеси Владимировны Кузнецовой, вы сохранили жизнь её недоношенной дочери и оформили на ребенка фальшивые документы. На данный момент меня интересует только одно: продали ли вы ребенка или отдали бесплатно?.. То что вы отдали его Лилии Владимировне Бокаревой, которая по медпоказаниям не может забеременеть, я уже знаю.

Она подняла голову. Лицо её было мокрым и красным.

- Я - врач, - голос её был бесцветным, но твердым. - Мой долг спасти детям жизнь. Я просто спасла эту девочку и ни о чем не жалею. Пусть даже меня уволят...

Когда они вышли на улицу, дождь уже закончился.

- Надо же, лицо процессуально самостоятельное, ты сильно выросло в моих глазах! Просто в процессуально самостоятельную рожу! - как бы вскользь заметил Красовский. - Выходит, есть и в твоей глупой голове мозги... Но, насколько я понимаю, дело, в основном, в памяти?

Андрей легко согласился:

- В памяти.

Ему, на самом деле, было все равно...

- Н-да... А у меня из головы вылетело, что наша Олеся Викторовна беременная была, когда уезжать собиралась. И что с абортom затянула... Ну, надо же!

- Жалко, что табельные мобильники ни в прокуратуре, ни в милиции не выдают, - вздохнул он, поглядев на единственный таксофон на той стороне улицы. - Жетон-то хоть у тебя есть?

Жетон у Красовского был. Катин рабочий номер Андрей помнил наизусть. Она, правда, долго не понимала, что от не требуется, а когда поняла, начала энергично возражать:

- Щурок, ты с ума сошел? Я же не специалист. Тебе с юристами, на всех этих международных и наследственных делах специализирующихся, говорить надо. Нет, я на себя такую ответственность не возьму!

Он слушал её голос, смотрел на рваные белые облака сквозь прозрачную пластиковую крышу таксофона и успокаивал:

- Никакой ответственности... Да... Конечно, я проконсультируюсь... Ну, Катя, пожалуйста! Просто так, на вскидку, а?..

В конце концов, она сдалась и спросила:

- Документы в роддоме остались, говоришь?.. Ну, тогда, наверное... Потом есть ещё генетическая экспертиза... В общем, доказать то, что Кузнецова была матерью этой девочки можно. Правда, генетическая экспертиза - только факультативное доказательство, а вот документы - это уже что-то... Ну, что потом? Потом ты все правильно говоришь: внебрачный ребенок без вопросов наследует по материнской линии. Олеся погибла на следующие сутки, значит, успела унаследовать за мужем. А дочь, в свою очередь, наследует за ней... Нет, прав на наследство девочка не утрачивает... Понимаю, что удочерение. В том-то и штука, что официально никакого удочерения не было. Нет документов о том, что Бокаревы удочерили девочку. Формально она остается дочерью Кузнецовой, а они... Почти наверняка им разрешили бы удочерение «задним числом»: они ведь и так её растят... Да... После всех наказаний и проволочек, конечно же...

- Спасибо, Катя, - успел сказать он и услышал в трубке пронзительный гудок рассоединения. Второго жетона у Красовского не было.

Теперь он понимал все. Или почти все. Не ясным оставалось только то, как Муратова-Бокарева

планировала действовать потом. Найти у дочери заболевание, которое потребует, например, анализов крови родителей? Разрыдаться и признаться в том, что ребенок не ее? Поднять старые документы, посыпать пеплом голову, расцеловывая при этом мордашку девочки? Закричать: «Это все равно моя дочь, и я её никому не отдам»? Добиться теперь уже официального удочерения?

Потом! Потом должна была подоспеть приятная «неожиданность»: мать девочки-то, оказывается, умерла и оставила малышке целое состояние! Ведь на момент смерти матери девочка ещё не была удочерена, а только удочерение лишает ребенка прав наследования за настоящими родителями... Все правильно, все логично. Все страшно...

Наверняка, Муратова-Бокарева планировала уложиться в полгода, потому что в течение шести месяцев заявляются права на наследство. Наследует Оленька Бокарева - дочь Вадима и Олеси, деньгами пользуется приемная мать, убившая мать настоящую...

Ее бы, действительно, никогда не поймали, если бы не бдительная и ревнивая жена Валерия Киселева. На неё просто не было выходов! Но, как обычно бывает, случайность зацепилась за случайность.

Сначала о существовании ненавистной Лили Муратовой вспомнила Тамара Киселева, потом инцидент в кафе. Кто была эта вторая женщина, подменившая Лилю почти сразу же, ещё предстояло узнать. Им не повезло, обеим не повезло. У второй оказалась болезнь Рено. Если бы не этот приступ, случившийся так некстати, не всплыла бы информация о синюшных пальцах. Никто бы не полез в медицинскую карту Муратовой, никто бы не узнал, что та в принципе не может иметь детей...

- Эй, ты, рожа процессуальная, - Красовский тряс его за плечо. - Ладно воображать. Я себя уже часа два Ватсоном чувствую. Или Гастингом при лысом Пуаро. Все, победил! Колись!.. Про Муратову я все понял - про «Лиона» непонятно. Чего ты к шоколадке прицепился-то?

- Все просто, - он пожал плечами и торопливо поправился. - Точнее, мне кажется, что просто. «Лион» твой с ходом моих мыслей совпал. Ну и вот...

- Ну и что - «вот»?

- Ну и ничего... Ты, кстати, как любит говорить наш Груздев, был ближе всех к правильному ответу. Помнишь, как ты к «болезни Рено» придирался? Еще «Вольво» и «Мерсы» вспоминал? Помнишь?

- Допустим?

- А Володька что на это сказал? Заумничал, что у тебя ассоциации плебейские: типа того, что интеллигентный человек не автопарк бы начал вспоминать, а хотя бы французского актера Жана Рено. Правильно?

Красовский, сощурился один глаз, кивнул. Похоже, он уже начал кое-что понимать. Андрей хотел связываться, что слышит натужный скрип мозгов, но сдержался.

Резко тормознул перед переходом: бегать на красный свет он не любил. Подождал ещё пару секунд, заглянул Сереге в лицо:

- Не допер? Ну, ладно... На вскидку, ассоциации со словом «лион»! Теперь! Сразу после того, о чем мы только что с тобой говорили. Ну! Только на слух. Не по написанию, слишком грамотного из себя не строй.

- Ну, кино, - проговорил Красовский не очень уверенно. - «Леон» Бессоновский. Там Рено как раз играл. Киллера.

- Ну, вот и у меня та же логическая цепочка замкнулась. Рено - «лион» - «Леон».

- А киллер при чем?

- Киллер ни при чем. Лион... Олеся была переводчицей. Английский, французский, немецкий... Шоколадку свою вспомни: «лион» - «лев»! Она и подписала «лев» под рисунком поэтому. Не «львенок», а лев! И ещё телевизор... Сюжет фильма воспроизведи. Ребенок рядом с убийцей! Ребенка воспитывает убийца... Она просто дочку свою спасала перед смертью, надеялась, что расшифруют её картинку. На Муратову намекала... Прямым текстом написать фамилию или что-нибудь в этом духе нельзя. Увидела бы наша Лилия Владимировна, конечно, стерла бы все к чертовой матери. А так картинка, безобидный львенок. Лев...

На светофоре зажегся зеленый. Они быстро перебежали дорогу. Дел на сегодня было ещё очень много: выяснить, что там с анализом волос, получить санкцию на задержание Муратовой, начать разбираться со Слюсаревой. И прежде всего, проверить её на болезнь Рено. Потому что, кто знает, было ли покушение?

Если оно, на самом деле, имело место, то выходит, что худенькая, похожая на милую белочку

Лиля действовала согласно программе-максимум: убрать не только мать ребенка, но и вторую претендентку на наследство, бывшую жену Райдера. В результате, получить все, потому что других наследников первой очереди не остается... А если покушения все-таки не было, а?..

Кто была та, вторая, женщина в кафе, пока оставалось неясным. По крайней мере, Наташа Слюсарева тоже имела ого-го-го какую заинтересованность в том, чтобы Тим Райдер умер, оставив ей причитающуюся по закону долю...

А ещё был Киселев. Простой парень с автобазы Валера Киселев. То ли, вправду, ничего не знавший и игравший постыдную роль пешки, которую передвигали по доске маленькие бледные пальчики Лили, то ли?..

А ещё Вадим Бокарев, то ли переживающий по поводу смерти Олеси, на самом деле, то ли довольно убедительно играющий роль страдальца...

- Что там с волосами? - с порога заорал Красовский, когда они влетели в лабораторию.

- Волос с тела Кузнецовой и волосы, взятые на экспертизу, принадлежат одной и той же женщине, - скучно сообщил Груздев, пряча свой вечный полуторалитровый «Спрайт» под стол.

Сергея нехорошо ухмыльнулся, потер ладони и, повернувшись к Андрею, полутвердительно проговорил:

- Ну что? Конец дамочке, а?.. Конец, это ещё мягко сказано! Да, Дюха?

С санкцией на арест как всегда проваландались. Она была благополучно подписана у прокурора только к вечеру, а на следующий день пришло сообщение: Лилия Владимировна Бокарева скрылась из квартиры, в которой постоянно проживала, в неизвестном направлении, прихватив с собой деньги, документы и полуторогодовалого ребенка...

Часть вторая

Лиля

Маленькие черные мушки заполнили комнату. Противные черные мушки, выписывающие немислимые, хаотичные круги. Мушки молчаливые, они не жужжат. Зато противно звенит в ушах, и голова, кажется, готова лопнуть, как слишком сильно надутый воздушный шар.

Лиля осторожно сжала голову руками - так, словно это, и в самом деле, был воздушный шарик, заполненный изнутри мушками и болью. Села на кровати. Рядом, на стуле, стоял стакан с водой и белая пластиковая баночка с таблетками. Она выпила сразу три и снова опустилась на подушку. Теперь уже лицом вниз.

Оленьки не было слышно. Скорее всего, она спала или возилась с игрушками на специально расстеленном для неё шерстяном одеяле.

Скрипнула дверца старого кухонного шкафчика, что-то с грохотом посыпалось в мойку. Наверное, как и четыре года назад, все те же крышки от алюминиевых кастрюль. Запахло блинами. Кира Петровна готовила обещанный праздничный ужин.

При мысли о еде её ещё сильнее затошнило. Боль словно поднялась в голову из позвоночника. Теперь казалось, что в черепной коробке болтается туда-сюда блестящий шарик раскаленной ртути. Сильно потерлась лбом о подушку - легче не стало. Перевернулась на спину.

Белый потолок, зеленые, в мелкий цветочек, обои, две полки с книгами. Двухтомник рассказов Чехова, Лесков, «Сестра Керри», справочник фельдшера и медицинской сестры, маленькая иконка в металлическом окладе, перевязанные марлей неоплывающие церковные свечи из Иерусалима...

Солнце уже клонилось к закату, тюль на окне подсвечивался розовым. Лиля потихоньку встала, запахнула на груди халат и, придерживаясь рукой за стенку, побрела на кухню.

Кира Петровна, и в самом деле, пекла блины на двух чугунных сковородках сразу. Смазывала готовые растопленным сливочным маслом и складывала аккуратной стопкой. Оленька возилась здесь же, на полу. На одеяле перед ней лежали китайская меховая собачка и розовый кривоногий пупс в шелковых трусах.

- Кира Петровна, - негромко позвала Лиля, не отлепляясь от косяка. Та поспешно обернулась - немолодая, но все ещё статная, с выкрашенными в каштановый цвет волосами и аккуратными, наманикюренными ногтями. - Кира Петровна, мне поговорить с вами надо..

Та только тяжко вздохнула и свела брови домиком, отчего на лбу залегли две глубокие вертикальные складки:

- Горюшко-то ты мое, горе! Разговоры разговаривать собралась! В зеркало на себя смотрела? Бледная, как... ну, прям, как не знаю кто!.. В комнату сейчас пойдём, давление мерить.

- Кира Петровна, подождите...

- Никаких «подождите»! Я тебе как бывшая медсестра говорю: отлеживаться, пить лекарства и ещё раз отлеживаться! У тебя ребенок вон! Тебе о ней заботиться надо.

Оленька с силой ударила себя розовым пупсом по носу и немедленно скуксилась.

Лиля поморщилась. Сверкающая ртуть теперь словно вытекала из головы и разливалась по всему телу горячей, отвратительной слабостью:

- Нет, Кира Петровна, это нельзя откладывать. Сначала я вам все скажу, а потом уже вы сами решите, что с нами делать... Можно, я сяду лучше?

Шагнула к табуретке, тяжело опустилась на нее, придерживаясь рукой за край стола, отвела от лица липкую от пота прядь и выдохнула:

- Мы... То есть, я... Получается, что я втягиваю вас в очень нехорошее дело.

- Знаю я все ваши девчоночьи нехорошие дела! - Та выдвинула из-под стола ещё одну табуретку и тоже села, потянувшись к плите и на время отключив обе конфорки. - С мужем поссорилась, ребенка увезла... Отлежись, подлечись. Успеете, помиритесь. Ну, куда вы, скажи на милость, денетесь? А я что? Мне только хорошо от того, что ты приехала... Думаешь, мне, старой, твой муж синяков наставит за то, что я тебя прятала? Так он же у тебя, поди, не алкоголик и не уголовник?.. Чего молчишь?

Она почувствовала, что не может заплакать. Просто не может - и все. Глаза сухие, в голове сухо и горячо. Горло сжимает корявыми и шершавыми пальцами.

- Кира Петровна, вы мне верите?

- Слушай, что ты за вопросы задаешь? Верю, конечно! Отчего не верить?.. Сколько мы с тобой знакомы уже?.. Молчишь? Забыла?

- Четыре... Четыре с половиной года.

- Ну, вот! А спрашиваешь: верите - не верите... Да, если хочешь знать, я ещё когда эти четыре с половиной года назад жиличку себе во вторую комнату искала, сразу на тебя внимание обратила! Все! Всем остальным девчонкам тут же отказала. Ты мне с первого взгляда понравилась. И потому что симпатичная, и потому что скромная, и глаза у тебя не хитрые были. Терпеть не могу людей, у кого глаза лисьи... Разве плохо мы с тобой жили в ранешние-то времена?

Лиля через силу улыбнулась:

- Хорошо... Хорошо жили.

Больше всего на свете ей хотелось просто сидеть сейчас за столом, пить чай без сахара, но с блинами и вспоминать. Вспоминать, как Кира Петровна учила её заводить тесто на пирожки, как вместе ходили на Пасху в церковь с пакетом крашеных яичек, как подобрали в подъезде котенка, а он оказался вшивым...

- Да-а-а... Если бы не племянница моя тогда, ты и до сих пор бы у меня жила. И от меня бы в свой замуж пошла, и я бы тебе свадебное платье готовила. И Оленька, внученька... - Кира Петровна наклонилась и потрепала девочку по жидким светлым волосенкам. - И Оленька, говорю, внученька, ближе бы ко мне была. А то ведь первый раз твоего ребенка в полтора года увидела! А?! Ну, куда это годно?

- Кира Петровна, - с отчаянием проговорила она, чувствуя, как слова острыми колючками застревают в горле. - Кира Петровна... Дело в том, что Оленька - не моя дочь, а меня обвиняют в убийстве её настоящей матери... Меня, наверное, уже ищут, Кира Петровна, миленькая! Но я никого не убивала! Правда!

Оленька на четвереньках поползла к краю одеяла. Бывшая квартирная хозяйка, которой Лиля когда-то ежемесячно платила деньги за съем комнаты, уронила руки. Лицо её потемнело и внезапно, в один миг, сделалось старым.

- Лиля?! - в голосе Киры Петровны послышались одновременно ужас и недоверие. - Лиль, ты так не шути! Такими вещами не шутят!..

Лиля только помотала головой, и по щекам её, наконец, потекли слезы...

Все окончательно встало на свои места после того, как в кабинет зашел этот белобрысый, пахнущий табаком и шоколадом и сунул под нос следователю коричневую блестящую обертку. Если бы это оказался какой-нибудь «Марс» или «Сникерс»! Если бы... Впрочем, ничего уже, наверняка, не изменилось бы. А так она, по крайней мере, успела лихорадочно покидать вещи в сумку, сложить в два отдельных пакета игрушки и документы и рвануть вместе с Оленькой из дома. Куда угодно, только подальше от этой квартиры...

В тот момент, когда белобрысый сказал, что он жует «Лиона», стало, наконец, ясно, при чем тут «львенок». Тот самый, с фотографии, которую показывал второй - худой, черноволосый, с длинным прямым носом... «Лион» «лев» - «Леон» - «лев»... «ЛЕВ», выведенное её непослушной, дрожащей левой рукой... Олеся была переводчицей... «Леон» - «лев»... Там был французский актер с большими глазами, зато почти совсем без подбородка. Профессиональный убийца, взявший к себе на воспитание чужую девочку. Убийца...

Она поняла это в один момент, и в этот же миг все понял темноволосый следователь. Лиля могла бы в этом поклясться. Этот его взгляд... Он услышал «Лион», вздрогнул, посмотрел сначала на Оленькину медицинскую карточку, лежащую на столе, потом поднял глаза...

Она знала, что запомнит этот его взгляд на всю жизнь... Удивление. Невозможное удивление от того, что все, оказывается, так просто. И темнота... Она вдруг почувствовала, что сейчас у него сузятся зрачки, как у хищной кошки перед прыжком. Он видел перед собой убийцу.

Теперь следователь со странной фамилией Щурок знал, что львенка нарисовали для того, чтобы указать на Лилию Бокареву, воспитывающую родную дочь Олеся Кузнецовой. Лиля понимала это тоже.

Только следователь был уверен в том, что рисунок выполнила перед смертью Олеся. А Лиля была

уверена в том, что Олеся этого не делала. Уверена так же, как и в том, что она, Лиля, никого не убивала. Она знала, что есть кто-то еще...

То, что есть этот «кто-то» она поняла в самый первый миг, когда узнала из новостей о гибели Олеси и её мужа. Почувствовала, что дело плохо, когда следователь начал задавать вопросы по Валерку Киселева, явно намекая на то, что их встречи не ушли в прошлое. Потом эта болезнь Рейно. Женщина, упавшая возле стойки бара... Следователь, кажется, даже сказал, что она схватилась рукой за стойку. Все правильно. Она должна была показать свои чертовы синие пальцы! Должна, чтобы сломать её, Лилино, алиби! Синие пальцы - другая женщина!.. Теперь, только теперь она понимала многое, но, к сожалению, слишком поздно...

Карточка Оленьки на его столе. Волос, взятый для экспертизы. Она была почти уверена в том, что экспертиза даст положительный результат, и даже, наверное, не очень удивилась бы, если бы на трупах супругов Райдеров вдруг обнаружили её, Лилины, отпечатки пальцев.

Потому что существовала эта, другая женщина. Потому что где-то ходил, дышал, ел человек, нарисовавший львенка уже мертвой Олесиной рукой. Потому что волос, потому что синие пальцы, потому что очки!.. Потому что её просто приговорили к смерти. Приговорили, как и Олеся. Ее медленно и методично убивали...

Как сквозь сон она слышала: «Иди, ложись. Тебе же плохо совсем... Отлежишься, поговорим. Тоже мне, нашлась убийца!»

Шла по стеночке, вяло перебирая ногами и чувствуя, как запрокидывается голова. Совсем как у Оленьки, когда та была совсем малышкой и не умела ещё держать головку... Оленька... Пеленки с гномиками... Памперсы...

Черные мушки влипли в зеленые обои... Белые цветочки... Черные мушки... Подушка пахнет валокордином...

Тонкая игла одноразового шприца перед глазами... Зачем?.. Ах, да! Кира Петровна ведь всю жизнь отработала в больнице... Кожа на локтевом сгибе сначала холодеет, потом ей становится жарко: руку растирают ваткой со спиртом...

Оленька... Шприц... Бесконечные уколы и капельницы... Она знала ещё с семнадцати, что у неё никогда не будет детей.

«Я не боюсь умереть при родах», - говорила она, уставившись в пол. «Ведь по женской линии у меня все нормально? Правда?»

Ей отвечали: «При чем тут роды? Ты доживи до них сначала. Уж не говоря о том, чтобы доносить ребенка... Чувствуешь себя более-менее нормально и радуйся! Забеременеешь - пиши пропало: и сама на запчасти развалишься, и муж тебя бросит. Брат любит сестру богатую, а муж жену здоровую!»

А Валерка говорил, что любит её любую... Валерка...

Они сидели на спинке скамейки рядом с общеобразовательной школой. Валерка пил пиво, Лиля - сок из маленького тетрапака. Сок попался противный, из какой-то гремучей смеси тропических фруктов. Она ткнула пальцем в витрину просто так, чтобы не стоять, тоскливо глядя через стеклянные двери магазинчика на праздную, веселую толпу (было Первое мая).

Теперь она давилась соком, а Валерка рассказывал о том, какие обои присмотрела мать для их будущей комнаты, и о том, что большой шифоньер от родителей тоже переставят к ним.

- Ничего? Ты к кленовым листикам на обоях нормально относишься? - спрашивал он, жарко и нежно обнимая её за талию. - Ну и все. Я тоже маман сказал, чтобы она не переживала... А диван к дальней от окна стене переставим.

Мимо прошла невысокая девушка из Валеркиного подъезда. Та, с которой он одно время встречался. Быстро покосилась в их сторону, мотнув головой, отбросила за спину длинные волосы. Поцокала дальше на своих каблучках. Скоро её зеленое платье уже почти слилось с зеленой дымкой листвы густо растущего по обеим сторонам аллеи кустарника.

- Куда смотришь?

- А? - Лиля вздрогнула. Почувствовала, что ей становится жарко от его руки. Неприятно и жарко. Почему-то вспомнила, как Валеркина мама приговаривала недавно: «Будешь сама огурцы консервировать, никогда много укропа не клади. Только испортишь все. Вон я в эту банку побольше добавила, и что? Есть невозможно!»

- Чего ты такая замороженная сегодня, спрашиваю?.. Лиль, а Лиль?.. Случилось что?

Она наклонилась, поставила недопитый сок на сиденье скамейки, обхватила руками себя за плечи. Валерка убрал руку с её талии.

- ...С хозяйкой поспорилась что ли?.. Или на работе неприятности?.. Лиль, может тебя опять в больницу кладут?

- Никуда меня не кладут, - фраза получилась неожиданно резкой и злой. - Это из-за работы... Только не неприятности - другое.

Теперь он уже заглядывал в её глаза с тревогой. Жирный комар пил кровь из его покрытой светлыми, прозрачными волосами руки, но Валерка его не сгонял. Просто шарил глазами по её лицу, словно пытался найти какую-то крошечную родинку, веснушку. Что-то очень-очень маленькое, но важное.

Лиля с тоской посмотрела на его плохо выбритую правую щеку, на маленькие черные точки на крыльях носа, на светлые, пушистые ресницы. (Хороший... Очень, очень хороший Валерка!.. Валерочка...)

- Валер, - губы не слушались, дрожали, нелепо кривились, понимаешь... Прости меня, и мама с папой твои... В общем, я у них сама прощения попрошу. Потом... Я не смогу выйти за тебя замуж.

Он вздрогнул, задел ногой тетрапак с тропическим соком. Тот упал, оранжевая жижа толчками полилась прямо на белый Валеркин кроссовок.

- Почему?.. Лиль, вот давай без этого? Давай ты спокойно, по порядку объяснишь, что произошло? Ладно?

- Ладно, - тихо согласилась она, уже понимая, что ни спокойно, ни по порядку не получится. - Только ты не обижайся. Это я - свинья. Мне ещё мама всю жизнь говорила, что у меня с головой большие и серьезные проблемы. Это мои проблемы, ты не должен их решать. И так ужасно, что все это получается за твой счет... В общем, я поняла, что то, что я к тебе чувствую - это не любовь. Поэтому выйти за тебя замуж и испортить нам обоим жизнь, по-моему, будет неправильным.

- Бр-р-р... - Валерка помотал головой так, будто только что проснулся. - Чуть какая-то!.. Чего ты несешь то, Лиль? И при чем тут твоя работа? Заработалась совсем, да?.. Ну, объясни мне, белочка ты моя дорогая, как на тебя это озарение сошло? Все было нормально и вдруг поняла: не любовь?

- К нам устроился работать один человек... Точнее, перевелся. Он программист. Его зовут Вадим.

- Ясно. Притормози пока... И что этот Вадим? Он к тебе приставал? У тебя было с ним что-нибудь?

- Валера, ты не понимаешь! Это не то. Ты не про то спрашиваешь! И, вообще, ни о чем спрашивать не надо. Все. Уже ничего не изменишь.

- В каком смысле «не изменишь»?

- Это глупо, конечно, но я поняла, что никого, кроме него, не смогу...

Он не дал ей договорить. Расхохотался, запрокинув голову, хрипло и невесело, как пациент психушки:

- Хочешь сказать, что никого, кроме него, не сможешь любить? Да? Я угадал? Во так, за какие-то несколько дней это поняла?.. Лиль, вот честно скажи: было что?

Она отрицательно помотала головой.

- ...Я не удивляюсь, кстати. Я знал, что не было. И что не только «не было», но даже и не обжимались - не целовались... Знаешь, как у мужиков такие «чувства», как у тебя называются?

Лиля не хотела слушать, как это называется у мужиков. Она хотела уйти. Валерка схватил её за локоть:

- Стой! Куда рванула?.. Ты, дурочка, не понимаешь, что через два дня, через неделю, но это все у тебя пройдет. Ты и думать забудешь... Ну что он, Ален Делон какой-нибудь?

Она не ответила.

- ...Да если Ален Делон только ещё хуже! Думаешь, бабы у него нет? Хочешь, чтобы он с тобой переспал и бросил?.. Да что ты о нем, вообще, знаешь? Может у него тайная жена и семеро по лавкам? Может у него любовь неземная?.. Ну, что ты молчишь? Может у него девушка есть?.. Думаешь, он об этом вот так сразу вам, дурочкам лоппооухим, объявит? Пока есть вариант, что что-то ему от вас обломится?

- У него есть девушка, - все-таки сползая со скамейки, проговорила Лиля. - Я её видела. Он её очень любит. Но ко всему, что я тебе здесь только что сказала, это не имеет ни малейшего отношения...

Она почему-то не смогла сказать Валерке, что девушка очень красивая, что она в первый же день

заявилась к своему жениху на работу, и что Вадим целовал эту девушку прямо в коридоре, между ксероксом и картонными коробками из-под писчей бумаги...

На него сразу обратили внимание все. Все девушки и женщины, работающие в компании поголовно. Он был красивый. Очень красивый. Высокий, темноволосый, с глубокими, теплыми глазами и такой улыбкой... От его улыбки она таяла и чувствовала, как слабеют колени.

- Бли-ин! Куда там Мелам Гибсонам и Алекам Болдуинам! - говорила Маринка.

- Какой кобеляка породистый, - со значением отмечала замужняя женщина из буфета.

С ним заигрывали, его много чаще чем других выманивали покурить на лестничную клетку. Правда, собственную помолвку никто, кроме Лили, расторгнуть из-за него не додумался.

Кстати, Маринка, была первой, кто, наохлавшись и наохлавшись вдоволь, выразительно покрутил пальцем у виска:

- Дура! Что тут скажешь? Просто дура. А ещё психолог называешься. Да у тебя на почве твоей психологии крыша съехала. Причем конкретно... Какой парень был Валерка, а? А как любил тебя?! Да ты его сейчас позови, он на коленках приползет!.. Ну, на фига тебе, спрашивается, Бокарев сдался?

Теперь в её маленький уютный кабинетик с живыми растениями и двумя креслами, обитыми голубоватым велюром, приходили не «для» консультаций, а «с» консультациями. Откуда-то о её глупой любви узнали все. Абсолютно все.

- Лиля, я понимаю, что ты сама психолог, что теоретически ты все это лучше меня понимаешь, - постукивала расческой по своим стройным коленками Лена Свиридова, - но на практике иногда даже самые умные люди делают глупости... Ты же видела, у него девушка? Олеся эта. Ну, что тут скажешь? Красивая... Нет, ты не хуже, конечно. В том смысле, что ты симпатичная. Но мы все, понимаешь, все - серые мыши по сравнению с ней! Это уже другое измерение и лезть туда глупо. Ты ничего не изменишь.

- Спасибо, Леночка, - она подливала и в её, и в свою чашку чая, - но я и не собираюсь ничего менять. Все нормально.

- Девочка, - осуждающе качала головой бухгалтер Людмила Сергеевна, для женщины главное - семья и дети. Ты же больная вся! И давление, и сердце. Неизвестно еще, как сложится... Ты извини, я слышала, что у тебя детей не может быть?..

«Маринка», - думала Лиля, вымученно улыбаясь. - «Маринка, зараза! И об этом разболтать успела! Такое ощущение, что все кругом знают, и какой пастой я чищу зубы, и какие кружева у меня на лифчике».

Маринка от всего отрецивдалась: «не говорила», дескать, «не рассказывала». Предлагала просто посмотреть на свое отражение в зеркало особенно, когда Бокарев проходит в непосредственной близости. («Ты же на привидение делаешься похожая, Лилька! И улыбка у тебя на лице дурацкая, как у Петрушки»). Маринка уже больше не жалела её - только брошенного Валерку. Остальные коллеги только разводили руками.

Она перестала быть «психологом» - человеком, к которому можно придти за советом и успокоением. Теперь на неё все больше смотрели, как на блаженную.

Так продолжалось до самой осени. А потом стало совсем плохо. Это случилось во вторник. Лиля очень подробно запомнила этот день. Весь. С утра и до вечера.

На работу она пришла поздно. Едва ли к одиннадцати. И первым ей встретился в коридоре Борька Тихонов, программист, работающий в одной комнате с Вадимом.

- Ну что, красавица, слезы будем лить или, может быть, найдем себе новый объект для любви? - спросил он без предисловий.

- В каком смысле? - поинтересовалась Лиля недоуменно.

- В прямом, - уточнил Борька. - Давай с тобой дружить!

Борьке было около тридцати, он был круглый, добродушный и считающий себя непревзойденным юмористом. Сейчас его маленькие глазки смеялись вместе с колышущимся под толстовкой животом. А Лиля вдруг поняла, что же так резануло по ушам в самой первой его фразе: конечно же, это «найдешь себе новый объект любви»! Значит, уже не только женщины, значит, все знают?..

- Отойди, - тихо попросила она, пытаясь обойти Борьку.

Из ниоткуда возник цокот каблучков. Лиля обернулась. Из буфета к ним торопливо шла, почти бежала раскрасневшаяся Маринка. Глаза её, гневные и испуганные, были обращены на Тихонова. Наверное, она слышала весь их недолгий разговор. Сейчас Маринка с решительным видом привычно

крутила пальцем у виска, и жест этот явно предназначался не Лиле.

- Ты что, совсем с дуба рухнул? - громким шепотом осведомлялась она, не прекращая движения.

- А что? - оправдывался Борька. - Ты же сама говорила, что все это так, фигня на постном масле?

- Иди отсюда, - скомандовала Маринка и, наконец, остановилась. На Лилию пахло тепло и нежно «Дюной» и тошнотворно - сигаретами. Тихонов же пожал плечами и развернулся. И тогда Лиля позвала с каким-то отчаянием, ещё толком не понимая, зачем это делает:

- Боря!.. Боря, а что случилось то?

Он обернулся. То ли выражение лица у неё было достаточно спокойное, то ли он сам со своими бесконечными потугами к юмору просто потерял ощущение реальности и боли. Во всяком случае, сделав брови домиком, он совершенно спокойно и просто сказал:

- Да Бокарев наш, наконец-то, решил обжениться официально. Свадьба у него через три недели.

Маринка ещё дергала её за рукав халата, а Лиля уже чувствовала, что падает в глубокую, страшную пропасть, и короткими Маринкиными пальчиками удержать её невозможно. Ей не хотелось плакать. Хотелось только дышать, но грудь сдавило так сильно и так больно, что казалось, ребра вот-вот выгнутся внутрь.

Мир вокруг не изменился. Точно так же пахло кофе из буфета и табаком с лестничной клетки, так же мерно гудели компьютеры и подмигивала с потрескиванием и пощелкиванием длинная лампа дневного света на потолке. Но Лиля вдруг поняла, что для неё больше нет места в этом мире. Точнее, место то, конечно, есть, но ей просто скучно здесь, как в кинотеатре на сеансе третьесортного кино. Ей больше нечего здесь делать, потому что она не болеет за героев, не соперничает им. Потому что ей совершенно все равно, простит ли Валера, выйдет ли Марина замуж за недавно появившегося на её горизонте «нового русского», и выйдет ли когда-нибудь замуж она сама... Все равно, потому что Вадим женится.

Она и сама не могла понять, почему на неё так разрушительно подействовало это известие. Он все равно был несвободен, он был с Олесей, и рано или поздно этим должно было бы кончиться. Да и на что, собственно, она рассчитывала? На то, что он променяет божественную красавицу-блондинку на нее, худую, очкастую, почти плоскогрудую? Это было глупо, но это было. И поэтому Лиля стояла посреди коридора, силясь вдохнуть и мечтая только о том, чтобы Маринка, наконец, оставила в покое рукав её блузки.

- Лилька, Лилька? - обеспокоено и вопросительно шептала Маринка в самое ухо. От её дыхания становилось щекотно, и казалось, что из уха вот-вот повалит табачный дым. - Ты что, в самом деле, так распереживалась? Тебе же плохо станет!.. Ну, что ты, в самом деле? Это же несерьезно. Ну кто он тебе был? Так, принц из сказки...

- А... - Лиля обернулась. Вздохнуть, наконец-то, удалось, и стало немного легче. Лицо Маринки маячило совсем рядом, и от этого ноздри её вздернутого носа выглядели огромными и круглыми, как блюдца.

- Я говорю, не переживай так!.. Это просто Борька, идиот, тебя расстроил. Мы все собирались как-нибудь помягче сказать. И вообще, иди-ка ты в свой кабинет, а я подскочу буквально через минуточку... Только сиди тихо и ничего не делай, ладно?

Лиля покорно повернулась и пошла в кабинет. Она совершенно ясно понимала происходящее и удивлялась, что производит впечатление сломленной горем и полубезумной. Что имела в виду Маринка, когда попросила сидеть тихо и ничего не делать? Наверное, испугалась, что ей придет в голову проглотить лошадиную дозу каких-нибудь своих лекарств. Смешно... Разве из кинотеатра со скучным фильмом уходят, громко хлопнув дверью? Кому и что там доказывать? Билетерше, зрителям?.. Из кинотеатра уходят тихонько и незаметно, стараясь не привлекать к себе внимания. А ещё кино может кончиться само по себе. Наверное, так и должно быть: просто кончится кино, и ничего не нужно делать...

Она уселась в кресло, тупо уставилась на забытую на столе сахарницу. Заметила, что у крышечки откололся край. Услышав, что дверь за спиной открывается, даже не вздрогнула. Просто перевела взгляд с сахарницы на усевшуюся в кресло напротив Маринку. Сигаретами от той больше не пахло. Пахло жевательной резинкой.

- Ну, как ты? Успокоилась немножко? - спросила Маринка заботливым голосом. - Ну же! Ты сама психолог. Соберись. Давай поговорим спокойно.

Лиля снова посмотрела на сахарницу. О чем говорить? Что изменится от разговоров? Маринка

силой внушения заставит её разлюбить Бокарева? Или расскажет о нем что-то такое, что затошнит от отвращения, и в висках запульсирует единственная мысль: как хорошо, что не я его жена?

- ...Поверь, Лилечка, у тебя все ещё в жизни будет. Ну, вспомни, как хорошо все складывалось с Валерочкой?.. Господи, как он мне нравился! Какая вы красивая пара были. А Бокарев? Ну, что Бокарев? Тьфу!..

Она молчала, чувствуя, как начинает гудеть в голове, и противно сжимается сердце.

- ...Я все понимаю: больно, обидно. Но ты потом ещё сама смеяться будешь... Ну, ты же знала, что он женится? А он сегодня просто отпуск попросил не переносить, потому что у него регистрация. Шеф, сволочь, отказал... Но его все равно поздравлять начали. Вадечка наш раскраснелся, как девица...

Маринка все говорила и говорила, а Лиля представляла себе смущенного и краснеющего Бокарева. Она так ясно видела эту любимую горбинку на его носу, краснеющую в первую очередь, эти глаза, эти губы. Наверняка, он не знал, куда девать руки, неловко переступал с ноги на ногу, а в конце концов, радостно рассмеялся вместе со всеми, уже не обороняясь, а счастливо принимая шутки по поводу того, что его «охомутали», «заарканили» и «обженили».

Хорошо, что её не было в этой веселой, почти неудивленной толпе. Она бы, наверное, не смогла шутить. Интересно, а что бы подумал Вадим, глядя на её мрачное, бесцветное лицо? Он мог подумать все, что угодно, потому что ничего о ней не знает.

«А он ведь, действительно, ничего обо мне не знает!» - с каким-то детским ужасом подумала Лиля, чувствуя, что дыхание опять перехватывает. «Ровным счетом ничегошеньки! Работая рядом, мы умудрились почти не общаться. Да нет, почему мы? Это я умудрилась не общаться с ним, хотя много раз предоставлялась возможность просто поговорить. Психолог! Кошмар! Ужас!.. Разве можно полюбить человека, да хотя бы, проникнуться к нему симпатией, ни разу не потрепавшись с ним хотя бы о погоде?»

Наверное, она побледнела, потому что Маринка снова встревожено заглянула в её глаза:

- Тебе не плохо? Нет?

- Я же сказала, все нормально! - рявкнула Лиля почти истерично. Сейчас ей важно было удержать в мозгу мгновенно промелькнувшую надежду, важно было не расплескать её, не потерять такой шаткий, внезапно установившийся настрой. Силы и решимость могли оставить её в любую секунду, поэтому она, судорожно скомкав воротник блузки у горла, вскочила с кресла и бросилась вон из кабинета.

Вадим сидел за компьютером. Когда дверь распахнулась, и на пороге появилась запыхавшаяся и красная Лиля, он только удивленно приподнял брови и отодвинул от себя клавиатуру. Зато Борька Тихонов опустил глаза.

- Вадим, - она разжала руку и выпустила измятый воротник, ставший похожим теперь на перекошенное испанское жабо, - мне очень нужно с вами поговорить. Пожалуйста.

Он, пожав плечами, встал, вполне миролюбиво произнес:

- Ну, пойдёмте поговорим... Лиля.

Она развернулась в дверях, как заводной солдатик, и вышла из комнаты. Дошла до стеклянных дверей, слыша за спиной звук его шагов (его шагов! О, Господи!), спустилась по лестнице, вышла во двор.

- Ну, рассказывайте, что у вас произошло? - он посмотрел на неё своими чудными глазами. Она вдруг впервые заметила, что по смуглой коже от самых уголков его глаз бегут тоненькие сухие морщинки. - О чем вы хотели со мной поговорить, Лиля?

На улице было довольно прохладно, верхушки деревьев мотались туда сюда, и листочки срывались с веток. Прямо перед ней, мелко вертясь в воздухе, спланировал на асфальт кленовый «вертолетик». Как-то, лет пятнадцать назад соседский мальчик Витя сказал ей, что если поймать в воздухе такой «вертолетик» с синими прожилками, то самое заветное на этот день желание обязательно сбудется. Она тогда никак не могла понять двух вещей: как может быть желание «заветным на сегодняшний день», и откуда могут взяться синие прожилки на желто-зеленой вертушке.

Теперь неподвижный «пропеллер» лежал у неё под ногами, Лиля перевернула его носком туфля. Синих прожилок не было ни с той, ни с другой стороны. Вадим поймал в воздухе ещё один кленовый вертолетик и протянул ей. На мгновение тыльная сторона его кисти коснулась её ладони. Лиля

подняла глаза и сказала просто и виновато:

- Я вас люблю...

И опять ничего не произошло: не разверзлась земля, не потемнело небо, и даже не пошел дождик. Теперь она смотрела на него и ждала. Ждала хоть чего-нибудь. А Вадим вдруг проникся интересом к лужам под ногами. Когда же он, наконец, снова взглянул на нее, она с ужасом поняла, что, по большому счету, абсолютно ему безразлична. Безразлична, как эти лужи, как эти кленовая вертушка, которую он только что поймал.

- Мне было приятно это услышать, - проговорил он. - Но, по-моему, вы просто все это себе придумали. Вы - симпатичная молодая девушка, наверняка, нравитесь мужчинам... Ну и все такое прочее...

- Я вас люблю! - повторила Лиля тупо, как автомат, уже не соображая, что и зачем делает.

Вадим свел к переносице брови и покосился на неё почти с тоской:

- Послушайте, Лиля, - взял своими чуткими пальцами её холодную кисть, но потом, подумав, отпустил, - мы с вами просто коллеги по работе и хорошие друзья. У меня есть любимая женщина, и для вас, я надеюсь, тоже найдется близкий человек... Это все. Извините.

Ветер становился все сильнее, где-то наверху яростно хлопнуло окно.

- Это вы меня извините, - прошептала она и почти побежала к дверям. Ногти её больно впивались в ладонь. Уже на втором этаже Лиля разжала кулак. На ладони, рядом с полукруглыми, глубокими следами ногтей, лежала потная кленовая «вертушка» с переломанными лопастями. Обыкновенный маленький пропеллер, без каких-то там особенных синих прожилок, гарантирующих исполнение «заветного на сегодняшний день желания»...

- Я не могла поехать к маме, - проговорила она, с трудом поднимая голову от подушки. - Вы понимаете, Кира Петровна? Меня стали бы там искать в первую очередь... О, Господи, какая же я все-таки сволочь!.. Поймите меня, пожалуйста!

- Я понимаю-понимаю.., - кивала та и тихонько гладила её по руке. - Успокойся... Сосуды-то в глазах все сплошь полопались. Допереживаешься ещё до «Скорой».

- С Оленькой что будет?.. Вы пока не понимаете, да, но когда я расскажу до конца, вы поймете... Если бы нам можно было хоть куда-нибудь? В Ярославль, в Новосибирск, к родственникам, в Анапу... Но ведь меня везде найдут. Везде! Только про вас никто не знает... Я понимаю, что не имею права просить вас о таком...

Кира Петровна встала. Приподнявшись на цыпочки, достала с полки иерусалимскую свечку, ушла с ней на кухню. Когда вернулась, над желтым восковым столбиком уже трепетал маленький язычок пламени.

- Вот, помолись, - сказала она, протягивая свечку Лиле. - Помолись, легче станет... «Отче наш»-то хоть помнишь?.. Вспоминай... А за меня не бойся: мне что муж твой, что милиция. Кому угодно скажу, что ничего не знала. А что? Приехала ко мне бывшая жиличка с ребенком, сказала, что перекантоваться надо. Что? Выгнать на улицу?.. Извините, не так воспитаны!

Кира Петровна говорила тихо и спокойно, без надрыва и пафоса. И Лиля чувствовала, что боль потихоньку уходит. Свечка в её слабых, дрожащих руках горела, язычок огня плясал. «Отче наш» она не помнила и поэтому повторяла про себя с отчаянием и болью: «Вадим... Вадим... Вадим»...

Все изменилось в один день. Все стало с ног на голову. Он просто вошел в кабинет, когда Лиля просматривала вчерашнюю «Комсомолку». Когда все было уже позади. И обморок на лестнице, и четыре дня капельниц в больнице, и тоскливые дожди за окном, когда хочется повеситься, и Маринкино ненужное: «Валерка опять про тебя спрашивал, говорил - ждет, когда ты во всем разберешься».

За окном был декабрь. Рядом с фонтанчиком в холле уже стояла новогодняя елка, и даже здесь, в кабинете, свежо и терпко пахло хвоей.

- Чем занимаетесь? - со странной усмешкой спросил Вадим.

Она удивилась и просто ответила:

- Читаю.

- А-а... - протянул он. Помолчали. Ей вдруг вспомнилась Анна Ивановна, руководительница школьного драмкружка, которая говорила: «Дети, надо уметь слушать и слышать! Если партнер на сцене рассказывает вам о том, что Кашей украл прекрасную царевну, а вы при этом думаете о том,

что мама дома заставит мыть посуду, это уже не только не театр. Это и не жизнь. Или неправильная жизнь... Надо уметь слышать и помогать друг другу».

- Извините, Вадим. Вы хотели со мной поговорить? - Лиля отложила газету в сторону и, сцепив руки в замок, положила их на колени. - Я вас слушаю...

- Вы не могли бы выйти за меня замуж? - Вадим опустил голову. А она вся подалась вперед, чуть не уткнувшись в него носом, и почти заорала:

- За-амуж?!

Вот именно так, с купеческим выговором: «за-амуж»...

- Да. - Он вздрогнул и резко вскинул голову. - То есть, нет... Простите меня, я болван! Я все это так по-идиотски подал. Просто... Просто, вроде бы, вам приходится снимать квартиру, ведь так? И прописки у вас нет? И... Я слышал, что у вас не может быть детей, а вы ведь женщина?..

Она опешила, она ничего не понимала. А Вадим продолжал:

- ...Это все гнусно, конечно. Но я предлагаю вас своеобразную сделку: вы официально становитесь моей женой и помогаете мне... Нет, не так... Я предлагаю вам жилье, московскую прописку. Что еще? Наш брак продлится столько, сколько вам будет угодно. Мне необходимы всего лишь два-три года.

- Сделку.., - только и смогла повторить Лиля. - Сделку...

И все-таки какой-то запас институтских знаний у неё ещё оставался, несмотря на все попытки начальства сделать из штатного психолога дополнительного бухгалтера-референта. Через сорок минут Вадим уже называл её на «ты» и рассказывал-рассказывал...

О том, что Олеси больше нет. Точнее, она есть, но где-то там, не с ним. Для него её больше не существует (или его для нее?).

О том, что она с англичанином, о том, что уезжает в Лондон, и это, конечно, правильно и мудро. Он, Вадим, совершенно не думает её удерживать.

О том, что он неудачник. Самый настоящий неудачник: ни карьеры, ни любимой женщины, ни счастья - ничего. О том, что он даже хотел повеситься, потом испугался того, что веревка перережет кожу и вопьется в гортань. О том, что пил втихушку и сейчас пьет. (Лиля знала и о его периодических запоях и о том, что по этому поводу думает начальство).

О том, как несколько дней назад раздался звонок. Он снял трубку только для того, чтобы телефон замолчал, и хотел тут же швырнуть её на рычаг, но отчего-то все-таки буркнул: «Алло». А это оказалась старая подруга Алка, работающая сейчас педиатром в какой-то элитной клинике. И Алка говорила, что его Олеся (они виделись как-то в ресторане) легла делать искусственные роды! Он сразу понял, что это его ребенок... Тут же оделся, вышел на улицу и поймал такси.

В клинике был уже через полчаса, хотя Алла по телефону сказала, что при самом хорошем раскладе ехать досюда не меньше часа. Пока поднимались на второй этаж, она все возмущалась: «Твоя Олеся может родить этого ребенка! Говорю тебе, может! Нет у неё абсолютных показаний к искусственным родам, и это не только мое мнение. Здоровая она, как кобыла. Да, были травмы, да, почки, да, печень. Но женщины с таким состоянием внутренних органов по двое - по трое детей рожают. Если хочешь знать, более менее серьезно у неё только рука повреждена: там, по крайней мере, нервы задеты. А все что касается детородной части в полном порядке. Подумаешь, упала пару раз в обморок! Подумаешь, отеки пошли! Корова она мерзкая, твоя девка, вот что я тебе скажу!»

Ему было неприятно, что Олесю называют «кобылой» и «коровой», но зато тепло от слова «твоя». И ещё он теперь знал, что там, внутри Олеси, живет, на самом деле, его девочка. Его маленькая Олеся, которая никогда не убежит ни в какой Лондон...

Алла с ним в палату заходить не стала, просто кивнула на дверь. Он зачем-то пригладил волосы и только потом нажал на ручку. Олеся лежала на кровати, спиной к двери. На ней был розовый махровый халат.

Даже обернулась она не сразу, словно уже знала, кто пришел. Потом все-таки села, придерживая халат на располневшей груди.

- Значит, ты все-таки не сделала аборт? - глупо спросил он.

- А какие, по-твоему, есть варианты? - встречно заинтересовалась она. - Сделала? Точно не уверена? Поживем-увидим?

- Почему?

- Уж во всяком случае, не потому, что хотела сохранить память о тебе. Не обольщайся. Просто опоздала, как опаздывают тысячи баб... Все равно этого ребенка не будет.

Они замолчали. Он смотрел поверх её плеча на розовые шторы, она - на дверной косяк. Потом Олеся тихо и прерывисто вздохнула:

- Уходи, Вадик. Поздно уже. Я отдохнуть хочу... Ну, не смотри на меня так! Я, правда, ничего этого не хотела. Собралась на аборт, а они говорят, уже чуть ли не пятнадцать недель. На большой срок не взяли по показаниям... Я бы, может, и родила, но не получается. Обмороки у меня начались, сознание теряю... Тим, кстати, хотел, чтобы я оставила ребенка.

- Хотел? - насмешливо и зло спросил он.

- Да, хотел, - так же зло ответила она. Потом закрыла лицо руками. - Господи, конечно же, не хотел! Ты бы захотел чужого ребенка? Он чуть в обморок не упал, когда я сообщила, что с абортом уже ничего не получится... Правда, потом сказал: ладно, пусть остается. Но я же видела. Видела!

Не отрывая рук от лица, она уперлась локтями в колени:

- Видела... Вам же всем не это нужно, не то... Он сказал, пусть остается, пусть это будет наш ребенок...

Вадим вздрогнул.

- ...Ты бы знал, как он обрадовался, когда мне в первый раз сказали, что я могу не родить, и что существует угроза для жизни! Нет, завздыхал, конечно, что ему ужасно жаль: и меня, и ребенка этого несчастного, но обрадовался! Я же чувствую, я все очень хорошо чувствую. Свои дети всем нужны: кровь от крови, плоть от плоти. А этот...

- А этот даже тебе не нужен! - резко перебил он. - Ты же решила её убить, девочку эту маленькую. Ты, а не кто-то другой!

Олеся нехорошо прищурилась:

- А ты её спасти пришел? Ведь правда?.. Да у тебя на лбу все написано: ты уговаривать меня пришел, чтобы я все-таки родила. Родила и тебе её отдала?.. Нет, хороший мой, раньше надо было головой думать. А теперь уходи отсюда, я плохо себя чувствую. Все!..

Алла стояла под дверью. Наверняка, она слышала, по крайней мере, половину разговора. Голос у Олеси всегда был звонкий и сильный.

Спрашивать Алка, хорошая, добрая, верная подруга, ничего не стала, а просто пристально посмотрела в глаза и, кивком головы поманив за собой, пошла в кабинет. Там села за стол и принялась рисовать на тетрадном листке цветочки, загогулилки и глазки с длинными ресничками.

- Алка, помоги мне, - с трудом проговорил он.

- Нет, - сказала она, понимая, о чем её сейчас будут просить.

- Но ты же просто спасешь этого ребенка! Спасешь ему жизнь! Ну, ради нашей дружбы, ради... Она же живая там, эта девочка. Ты сама говоришь, что вес у неё большой, и девочки, вообще, живучей пацанов.

- А ты представляешь, что чувствует сильно недоношенный ребенок, когда его заставляют жить, заставляют дышать? Ты представляешь, как ему больно?.. Ты хоть понимаешь, что её максимум можно дотянуть до двадцать пятой недели, а нормальный младенец появляется на свет сорок недельным?

Вадим не хотел ничего слышать, он понимал только одно: его личную, собственную, маленькую Олесю, для которой он всегда будет достаточно хорош, хотят убить.

- Уходи, Вадим, - попросила Алла. И он ушел.

А через два дня она позвонила снова и сообщила, что в пятницу Олеся рождает. И еще, что можно, конечно, попробовать спасти девочку, но при условии, что он очень хорошо подумал. Ребенок - не фотография, не открытка на память, не локон, хранящийся в шкатулочке... Вадим сказал, что подумал.

Тогда Алла выдвинула ряд требований. По пунктам. Словно они были записаны у неё на бумажке. Во-первых, он бросает пить. Категорически. Во-вторых, он меняет квартиру, работу, друзей - все! Никто не должен удивиться тому, что у него откуда-то вдруг взялся ребенок. И, в-третьих, он женится. Фиктивно - не фиктивно, какая разница?

Нужна женщина, добрая, опытная, умеющая ухаживать за детьми, с симпатией относящаяся к нему самому. Эта женщина поможет вырастить малышку, потому что девочка потребует более чем серьезного ухода, и, кроме того, на неё будут оформлены все документы. Формально женщина станет матерью ребенка Кузнецовой, и тоже должна быть готова полностью порвать со своим прошлым...

- Лиля, ты сможешь? - спросил он, уже уверенно говоря «ты». - Мне казалось, что ты хорошо ко мне относишься. И ребенок... У тебя будет свой собственный ребенок. Ради этого ведь можно пойти на жертвы, правда?.. Тем более, ты не местная: какие уж особые контакты тебе рвать?

«Какие жертвы?» - думала она. - «При чем тут, вообще, жертвы? Это же... Это...» Слово счастье к данной ситуации не совсем подходило, и Лиля долго мучалась, подбирая определение тому чувству, которое тепло и нежно обволакивало её сердце.

- Если ты хочешь, если согласишься, - продолжал Вадим, - ты можешь стать мне настоящей женой. Ты симпатичная, ты мне нравишься. Но, главное, конечно, девочка...

Она зарделась:

- Я... Я, в общем, не имею ничего против. Ты мне, действительно, не безразличен. Тем более, помочь выжить ребенку... А про детей ты все правильно сказал: я родить не могу. Только ведь есть одно «но». Ты про все мои болячки, наверняка, слышал? Где гарантия, что я года через три-четыре не стану полным инвалидом, или, ещё того хуже, не умру? Останется малышка опять одна: без мамки, без няньки?

- Это ничего. Главное ведь, первые два года. Даже год и...

Не договорив, Вадим осекся, судорожно и виновато закашлялся, замотал головой. Прядь волос упала ему на лоб, и Лиля заметила в темной шевелюре несколько тонких седых ниточек. Через силу улыбнулась, пообещала:

- Ну, уж год я тебе гарантирую. - И добавила. - Все. Можешь не расстраиваться. Я выйду за тебя замуж и заявление об увольнении подам сегодня же...

Потом была странная свадьба. Вадим - без шапки, в расстегнутой куртке, под которой виднелся строгий серый костюм. Какой-то невзрачный друг-свидетель, свидетельница для Лили. Свадебные розы, розовые и безликие, Бокарев держал бутонами вниз. Они болтались в его руках, как ненужный веник.

Лиле на секунду стало обидно за цветы, вовсе не виноватые в том, что свадьба такая нелепая. И ещё она подумала, что точно так же как эти розы выглядела бы сейчас её мама, решительно отказывающаяся понимать, почему ей нельзя приехать на бракосочетание единственной дочери. Мама бы, наверное, пришла в своем любимом бордовом платье с люрексом, прическа её густо пахла бы лаком, и она улыбалась бы неуверенно и призывала к всеобщему веселью, точно не зная, но чувствуя, что что-то здесь не так.

Свидетелей спешно представили невесте, невесту - свидетелям. Все вчетвером зашли в ЗАГС. Кроме них в холле никого не было. Только длинноглазые русалки на металлической решетке, румяные молодец с девицей на мозаичной стене и уборщица с ведром и шваброй.

Женщина, вышедшая из-за дубовых дверей, сообщила, что нужно немного подождать: регистрируется внеплановая пара, и их время передвинули на десять минут. Лиле была удивительна и эта «внеплановая пара», которой приспичило зарегистрироваться посреди недели, и эти дурацкие русалки (просто не ЗАГС, а бассейн какой-то!), и то, что Вадим казался, в общем, спокойным. Сама она уже совершенно издергалась и даже шнурки на ботинках не смогла развязать с первого раза.

Когда ей, наконец, удалось вылезти из ботинок и переобуться в туфли, Бокарев уже отошел к окну. Теперь он, избавленный от цветов, стоял, заложив руки за спину, и покачивался с носков на пятки.

Она вдруг с внезапно нахлынувшей обидой и злостью подумала, что выходит за него замуж прежде всего потому, что это надо ему! По крайней мере, он так думает. Так неужели трудно было опуститься перед ней на корточки и помочь развязать эти несчастные шнурки? Сделать это если не для нее, то хотя бы для свидетелей, да, в конце концов, для этой тетки с пластмассовым ведром! Почему она в день собственной свадьбы должна чувствовать себя несчастной, нелюбимой, ненужной, пусть даже это, на самом деле, так?

Через пару минут из-за дверей снова вышла женщина с голубой лентой через плечо и протянула им паспорта. Лиля подумала было, что это уже все, что Вадим договорился, чтобы все прошло без лишних церемоний и даже без росписей свидетелей, но женщина только продемонстрировала им проставленные фиолетовые штампы и официально-приказным тоном вымолвила:

- Кольца, пожалуйста!

- Колец не будет, - спокойно ответил Вадим.

- И фотографий тоже? - уточнила женщина, взглянув на него крайне неодобрительно.

- И фотографий тоже, - сказал он и спрятал свой паспорт в карман. Лиля даже покраснела от

унижения, одновременно и досадуя на собственную глупость (ведь знала же на что шла!) и понимая, что такого все-таки не заслужила. На кончиках её подкрашенных ресниц задрожали слезы.

- Не плачьте, невеста, - произнесла служащая ЗАГСа все так же официально и равнодушно. - Лучше запоминайте. После того как скажут, что для регистрации брака приглашаются Лилия Муратова и Вадим Бокарев, вы вместе со свидетелями проходите в зал и останавливаетесь ровно на середине ковра под третьей люстрой. Под третьей, запомните! Свидетели тут же делают два шага назад, а жених с невестой остаются стоять на месте. Что делать дальше, вам объяснят.

Свидетельница негромко прыснула и что-то живо зашептала на ухо свидетелю. Лиля нервно поежилась.

- Под третьей люстрой! - вежливо объяснила свидетельница специально для нее. - И чтобы свидетели отошли! Такое ощущение, что эта люстра должна вам на головы свалиться... Смешно, правда?

Она не нашлась, что сказать. Повисла неловкая пауза, как после неудачного анекдота.

Потом заиграла музыка, кажется, из «Ласкового и нежного зверя», двери открылись и где-то там, в глубине тяжеловесно и помпезно оформленной комнаты, из-за стола поднялась грузная женщина с химической завивкой.

Они остановились под третьей люстрой, как и было приказано, выслушали официальное напутствие и с одинаковым бесцветным равнодушием ответили «да, добровольно». Лиля боковым зрением видела свое отражение в зеркале на стене. Свое кремовое платье, острые коленки и пальцы, высунувшиеся из «дырочек» на туфлях, как змеи из норы.

- Молодожены, поздравьте друг друга! - с фальшивым оживлением предложила женщина. И Лиля ещё в зеркале увидела, как Вадим поворачивает голову. И она обернулась тоже, и подняла к нему лицо... Она ожидала что, в лучшем случае, все получится неловко и некрасиво, а в худшем - он просто скажет, что поздравления ни к чему, так же, как кольца, и фотографии. Но он только осторожно, словно боясь сделать больно, обнял её за плечи, наклонился. Глаза его, пронзительно синие, смотрели куда-то сквозь нее, так, будто она стала прозрачной. И Лиля холодеющим затылком почувствовала, что там, за её спиной, стоит никому, кроме Вадима, не видимая, божественно прекрасная Олеся. Потом его твердые, немного обветренные губы на секунду обхватили её рот, точно погладили. И он снова отстранился, ни на секунду дольше чем нужно не задержав ладонь на её плече...

Оленька кушала на кухне куриный супчик. Ложка то и дело выпадала из её слабеньких ручек и звякала о тарелку. Лилия порывалась помочь, но Кира Петровна качала головой:

- Пусть сама учится. Большая уже, ей пора... Ты думаешь, она не понимает? Она все прекрасно понимает. Лучше нас с тобой! Ну и что, что родилась слабенькая? Ну и что, что недоношенная? Выкарабкалась - и ладно. Всю жизнь ей собираешься внушать, что она дефективная, и попу за ней подтирать? Пусть учится. Киска.

- Киска... - Лиля улыбнулась. - Вам тоже кажется, что она на котенка похожа? Мордашка такая, да? И щечки?

- Хорошенькая, - констатировала хозяйка. - Не знаю, что там за мама была, но мне почему-то кажется, что она - копия ты. Говорят же, если люди долго вместе живут, друг на друга походить начинают? Тем более, мама и дочка... А как у вас с Вадимом сложилось-то?

- Как? Как у всех складывается... Сначала отдельно спали: он на полу, я на диване. Потом Оленьку привезли. Заботы, то да се... Пить он перестал, правда. Абсолютно. Завязал - как отрезал. Работу неожиданно хорошую нашел. Он же сейчас управляющий компанией: зарабатывает очень хорошо, правда, выше по должности расти уже некуда, но нам и так прекрасно жилось... Ну что? Привезли Оленьку. Я поначалу к ней ничего не чувствовала. Даже думала, может я какая-нибудь дефективная? Живой ребенок, маленький, лежит-пищит. В карточке написано, что я её родила. От Вадима. А у меня в душе ничего не шевелится: лишний раз прикасаться к ней не хочется...

На плите засвистел чайник, направив на стенку навесного шкафчика упругую струю белого пара. Кира Петровна метнулась к плите, зацепив ногой табуретку. Конфорку выключила, но осталась стоять у окна, помешивая шумовкой овощное рагу. Лиля все-таки всунула в розовый ротик дочери пару ложек супа.

- ...Ну вот... Потом потихоньку-помаленьку, как-то даже незаметно для себя привыкать стала. Уже

жалко её, когда плачет, а на улицу с коляской выхожу - гордость какая-то. Изгоем, правда, себя чувствовала, Робинзоном на необитаемом острове. Район новый, незнакомый, работу бросила. С подружками встречаться нельзя, Вадим попросил даже с бывшими сокурсницами не видаться. Если бы все открылось, и Оленьку бы у нас, наверняка, отобрали, и Алла бы с «волчьим билетом» с работы вылетела... Как, интересно, сейчас она? Проклинает нас, наверное?.. Вот... Вадик сначала никак ко мне не относился: как к прислуге, как к домработнице приходящей. Олесины фотографии все рассматривал, гладил. А однажды сидели мы с ним на диване, телевизор смотрели, он меня за талию и обнял... Знаете, Кира Петровна, я прекрасно и тогда понимала, и сейчас, что это в нем мужское начало взыграло. Ну и что? Правда, ведь?.. В общем, все у нас случилось, и больше он уже на пол спать не уходил.

Хозяйка раскрыла маленький целлофановый пакетик, вкусно запахло какими-то специями.

- ...И стало у нас понемножку все налаживаться. Помню, как он в первый раз мне цветы подарил. Не считая, тех что на свадьбе, конечно... Потом уже гулять вместе ходили с колясочкой... Знаете, мне, в самом деле, начинало казаться, что Вадим что-то ко мне чувствует. Я так старалась, так хотела!

- А почему же это к тебе ничего не чувствовать? Сколько раз тебе повторять: не принижай себя никогда в жизни! Уж не знаю, какая там у твоего мужа была раскрасавица, только раскрасавиц ведь тоже трудно любить. А сами они, и подавно, никого кроме себя не любят... Думаешь, Вадим твой на дочку смотрел и не вспоминал никогда, что стервоза эта заявление подписала, чтобы ребенка убили? Это же, извините, не аборт! Шестой месяц! Он там уже все чувствует: и больно ему, и страшно. Только что называется - «плод», а, по сути, уже ребенок.

Девочка заерзала на табуретке, норовя соскользнуть вниз. Лиля придержала её рукой:

- Все понимаю, Кира Петровна, все понимаю! Я и не жалела никогда ни о чем, надеялась, может все так сложится, что ещё одного родим. Чувствовала-то я себя в последнее время очень прилично. До мая... Да, в мае я замечать стала, что что-то во всем этом не так...

Самое странное, что Вадим совершенно не изменился. Только, может быть, глаза стали чуточку холоднее. Лиля недоумевала: или же играет он так хорошо, или ей, в самом деле, мерещится?

«Кажется, кажется, кажется», - уговаривала она себя. - «Этого просто не может быть. Он бы сказал... Да и зачем ему кто-то? Какая-то другая, такая же обыкновенная как я женщина? Я ещё понимаю, если бы вдруг вернулась Олеся».

Но женщина была. Более того, она шарилась в её вещах, висящих в шкафу! Шарилась совершенно бесцеремонным образом. Лиля видела, что платья и блузки висят не так, не в том порядке, как развешивала она сама. Не так лежит нижнее белье. И, главное, пахнет чужими, незнакомыми духами. Она запомнила этот запах, как помнят родинку на теле собственного ребенка, потом специально зашла в парфюмерный отдел универмага и вычислила. Это был обыкновенный «Турбуленс». Квадратная коробка с чуть скругленными краями, разводы в виде морских волн.

Разводы... Лиля тогда сразу подумала про развод. Про то, что прошло уже полтора года, Оленька большая. Про то, что без её, Лилиной, помощи уже вполне можно обойтись. Развод с матерью девочки, развод с Лилией Владимировной Бокаревой, произведший на свет недоношенную малютку Оленьку... Интересно, как будут смотреть на неё в суде? Малютка-дочь остается с отцом...

Она не хотела развода, она чувствовала, что просто умрет. Одна, никому не нужная, чужая. Она плакала, когда нашла под раковиной в ванной клочок ваты, испачканный в губной помаде кофейного цвета... «Турбуленс» и кофейная помада... «Турбуленс» и кофейная помада... Оказывается, это было ещё не самое страшное.

Самым страшным оказалось другое. Телефонный звонок. Обычный телефонный звонок. Лиля схватила трубку мокрыми руками (она стирала) и поспешно крикнула: «Алло!»

Ей не ответили: в трубке слышалось сдержанное дыхание. Она ещё пару раз «аллекнула», потом опустила трубку на рычаг. Вернулась в ванную, две белых шелковых рубахи Вадима яростно запихала в стиральную машину вместе с его же старой зеленой ветровкой: ей казалось, что от них пахнет ненавистным «Турбуленсом».

На следующий день опять позвонили. И опять, и опять. А дня через три... Дня через три на том конце провода рассмеялись. Это был тихий и хриплый женский смех. Тихий-тихий, и от этого жуткий.

Лиля подумала, что сходит с ума. Не тогда, когда услышала этот смех, не тогда, когда накапала себе чуть ли не полстакана корвалола, а потом, когда достала с антресолей фотографии Олеси и

уселась с ними на диване.

На одной фотографии Олеся сидела на кровати, обхватив руками колени, на другой, ещё в студенческой компании поднимала тост, на третьей совсем маленькая, страшно напоминающая Оленьку, делала уроки - кончик языка высунут от напряжения, светлые волосы обрамляют нежное лицо...

Лиля смотрела на эти фотографии и вслух спрашивала: «Ну, что же с ним делать? Ты чувствовала, что так будет, да? Ты теперь в своем Лондоне, а я здесь. И Оленька здесь... Ну, подскажи мне, как поступить?»

Пивные стаканы в стенке резонировали с голосом, посуда тихо и жалобно дребезжала. Олеся на фотографии все так же делала уроки: из-под тетрадки выглядывал учебник русского языка...

А потом был этот, последний звонок. Вадим как раз уехал на всю ночь в ресторан, они были с Оленькой вдвоем.

- Ну, здравствуй, - произнес женский голос, незнакомый и, в то же время знакомый. - Поговорить не хочешь?

Лиля сглотнула слюну. В трубке что-то ужасающе зашипело, голос теперь с трудом пробивался сквозь помехи.

- ...Хочешь узнать кое-что интересное о своем муже? Это, правда, интересно.

- Кто вы? - зло выкрикнула она, тиская халатик на груди.

- Какая тебе разница? В принципе, мы можем встретиться и поговорить, но это уже зависит от тебя.

- Зачем мне с вами встречаться? Кто вы?

На том конце провода тихо рассмеялись:

- Какая ты несообразительная! Я же тебе объясняю: у меня есть очень интересная информация о твоём муже. О-очень! И даже не знаю, кому она будет более интересна: тебе или милиции?

Лиля, нащупав позади себя пухик, присела:

- Подождите... Толком объясните, пожалуйста!

Женщина протянула как бы с ленцой:

- Даже не знаю... Вообще, я хотела предложить тебе встретиться прямо сейчас...

- Сейчас я не могу. Я одна с ребенком. И поздно уже.

- В самый раз! Ребенка отвезешь свекрови и приедешь туда, куда я скажу.

Ее охватила дикая злость. Злость на незнакомку, разговаривающую таким откровенно хамским тоном, злость на саму себя и на собственную дырявую память. Лиля чувствовала, что знает этот голос, что слышала его не раз. Эти интонации, эта манера сглатывать окончания слов... Если бы не помехи! Если бы не шипение и треск в телефонной трубке!

- Стоп! - Проговорила она неожиданно спокойно, удивляясь сама себе. - Во-первых, не на «ты», а во-вторых, представьтесь. Иначе я кладу трубку.

- Клади, - несколько не огорчилась её собеседница. - Твое дело. Я всего лишь хотела напомнить тебе о краже двухлетней давности. Помнишь, у вас на работе пропали деньги? Много денег из сейфа в кабинете начальника. Посчитали, что сейф взломали какие-то ребята с улицы.

- И что?

- И ничего. Просто у меня есть доказательства, что это сделал твой муж. Стопроцентные доказательства. Он взял деньги, чтобы бросить их к ногам своей расчудесной Олеси, а она все равно укатила в Англию... Но дело даже не в этом. Если ты не приедешь туда, куда я скажу, эту информацию получит милиция. Не столько срок обиден, столько то, что полетит к чертовой матери вся с таким трудом делавшаяся карьера твоего мужа, ага?

Лиля почувствовала внезапную слабость в позвоночнике. Ей показалось, что тело её сейчас переломится пополам, как жалкий прутик: она с силой уперлась локтями в колени, чтобы не рухнуть лицом на пол.

Она помнила об этой краже. Конечно, помнила. Об этом тогда много чего говорили. Приезжала милиция, искали отпечатки пальцев, орудие взлома. Не нашли ничего, хотя сейф был взломан с беспрецедентной наглостью. Кто-то просто вошел в офис, вышиб плечом дверь кабинета, то ли ломом, то ли железным прутом расковырял сейф. Сейф-то был плохонький, не сейф даже так, металлический шкаф...

- Чего вы хотите?

- Ага, - собеседница обрадовалась. - Наконец, начались вопросы по существу. Я хочу просто поговорить. Но для начала одно условие. Ты не станешь сейчас связываться со своим мужем. Не станешь. Потому что иначе, смотри пункт первый - всю информацию получает милиция. Сразу же! И тогда прощай, должность управляющего, прощайте, нажитые машина и квартира, здравствуйте, тюремные нары!

- Дальше, - она почувствовала, что сердце начинает неприятно ныть.

- О! Ты мне нравишься все больше и больше. Во всяком случае, кажешься меньшей дурой, чем при чисто визуальном контакте. Дальше - ты ничего не расскажешь ему вообще. Хотя, ладно, об этом при встрече... А сейчас ты отвезешь ребенка к свекрови, соврешь что-нибудь, сочинишь - неважно, и к восьми часам вечера приедешь в кафе «Камелия» на Маросейке. К восьми, не позже! От этого зависит свобода и жизнь твоего драгоценного Вадима... Там сядешь за дальний столик у стены. Спросишь у официанта, где столики шестнадцать и семнадцать. За один из этих, ни за какой другой, в восемь народу ещё не много...

- Подождите...

- Все «подождите» потом... Закажешь французского шампанского. Только хорошего. Сама посмотри, чтобы в меню был указан год, официанту на слово не верь. Два фужера, естественно. А дальше - сиди и жди.

- Кого?

- К тебе подойдут, - женщина снова тихо рассмеялась. - Если не подойдут, ровно в двенадцать наберешь один номерок. Записывай...

Лиля лихорадочно схватила с полочки записную книжку и карандаш, невидимая собеседница продиктовала несколько цифр.

- ... Спросишь Леру. По этому номеру люди, которые в курсе... Если никто не подойдет, значит, к тебе уже выехали. Сиди и жди. До восьми утра можешь даже носа из кафе не высовывать. Тебе ясно?

- Ясно, но...

- Да, кстати! Наденешь темные солнцезащитные очки в черной оправе и твой белый длинный плащ.

- Зачем? На улице ведь жарко?

- Синоптики дожди обещали. И снегопады... Значит так, плащ наденешь белый, очки, волосы распустишь. Если хоть что-нибудь будет не так - к тебе не подойдут. Очки в кафе не снимать. Ты меня поняла?!

Она молчала, чувствуя как голые руки покрываются гусиной кожей. Женщина больше не говорила и не смеялась. Она молчала, словно чего-то ждала.

Лиля тоже ждала. В конце концов, спросила, теребя пальцами скрученный телефонный провод:

- А это не розыгрыш? Вы меня не разыгрываете?

На том конце немедленно повесили трубку. Она чувствовала запах «Турбуленса», въедающийся в мозг, заставляющий раскалываться голову, отравляющий воздух...

На сборы потребовалась не больше получаса. Лилия нарядила Оленьку в белые ажурные колготочки, голубое платье и голубую панаму, сама напялила, как и велели, белый плащ, волосы распустила по плечам.

- Куда это ты собралась в таком виде? - изумилась свекровь, увидевшая их с дочерью ещё из окна. - Лиля... А Вадик знает?

Пришлось, бледнея и зеленея, врать про подругу, которая стоит на грани самоубийства и которой срочно потребовалась консультация психолога. Наталья Максимовна не поверила.

- Какая подруга? - она пожала плечами. - У тебя и подруг-то сроду не было: все время одна, как сыч.

Невестку мама Вадима откровенно не любила: вся её симпатия выплеснулась когда-то на Олесю, на этом лимит чувств к «приемным» дочерям исчерпался. Кроме того, свекровь вполне законно недоумевала: откуда это у сынули взялась девушка с животом, вдруг организовавшая ей шестимесячную внучку? И это тогда, когда у Вадима все вроде бы неплохо складывалось с красавицей Олесей, тоже, кстати, беременной!..

Впрочем, Лиле сейчас было не до свекрови и не до тонкостей внутрисемейных отношений. В кафе «Камелия» она влетела уже без пяти восемь. Влетела, как полоумная - кафе было почти пустым. Села за дальний столик, заказала шампанского. Официант с явным удивлением смотрел на её плащ и

очки.

Никто не приехал ни в девять, ни в десять, ни в одиннадцать. В двенадцать Лиля вышла в холл и на память набрала продиктованный номер. Никто не ответил. Она сверилась с бумажкой и набрала номер ещё раз. И снова длинные гудки...

Теперь народу в зале было уже довольно много. Она пробиралась к своему столику, похожая в плаще и очках на героиню комиксов, под пьяными и просто веселыми взглядами многочисленных посетителей.

В два часа ночи Лиле уже страшно хотелось спать. Чуть позже усатый официант предложил кофе. Она подумала, что кофе заказывать, вроде, никто не запрещал, и согласилась. Как ни странно, в ту ночь она почти не думала о краже. Только о «Турбуленсе» и комочке ваты с кофейным отпечатком чужих губ. Утро наступило быстро...

Дочку от свекрови забрал Вадим. О ночном загуле невестки та поведала ему в самых туманных выражениях. Вадим напрягся только при упоминании о подруге: подумал, что Лилия встречалась с кем-то из старых друзей. Она соврала про девушку, с которой вместе катали коляски в парке, он успокоился. Зато сама Лилия ужасно нервничала, обкусывала ногти и пила таблетки. Вместо обычных двух часов смогла прогулять с Оленькой едва ли полчаса.

Зашла в квартиру, усадила дочку на диван, включила телевизор и снова подумала, что сходит с ума. С экрана смотрело строгое и тревожное лицо Олеси, потом появилась фотография блеклого мужчины в очках.

- Подданные Ее Величества Королевы Великобритании, супруги Райдеры убиты в ночь с двенадцатого на тринадцатое июля на одной из подмосковных дач, - скорбно сообщила девушка-диктор. - Олеся Кузнецова, бывшая гражданка России, вышла замуж за английского бизнесмена менее двух лет назад...

В голове всплыло и перевернулось памятное по детективам слово «алиби». К нему с двух сторон попытались подцепиться слова «очки» и «плащ» - ничего не получалось. Лилия отчего-то сразу поняла, что пропала. Сразу. С необыкновенной ясностью.

Но, видимо, она все ещё на что-то надеялась, потому что подошла к телефону и набрала номер с того изжужканного уже листочка.

- Да! - раздраженно крикнули в трубку.

- Мне бы Леру, - попросила она.

- Какую Леру? Вы куда звоните? - в слове «звоните» ударение сделали на первый слог.

- А куда я попала?

- В химчистку, девушка, в химчистку. И никакая Лера здесь не работает.

- Спасибо, - проговорила она и опустила на пол, подтянув к подбородку колени. Совсем, как Олеся, на той фотографии...

* * *

Экзема с кистей так и не сходила. Розовато-серые корочки мокли, подсыхали и появлялись вновь. В этот раз было хуже, чем обычно. Чего, собственно, и следовало ожидать...

Тамаре снились кошмары: то расплзающиеся и рваные, как туман над болотом, то совершенно конкретные. Сегодня под утро она ясно увидела незнакомую женщину с перекошенным ртом, кричащую прямо в лицо: «Убей ее!» От этого дикого вопля Тамара и проснулась. Валеры уже не было: он ушел на работу. Сердце гулко колотилось в ямочке между ключицами, под мышками набухали тяжелые капли холодного пота.

Она перевела взгляд на видеомэганитофон: зелеными прямоугольными цифрами высвечивалось десять тридцать утра, поняла, что давным-давно пора вставать, быстро накинула халат и побросала в ящик дивана скомканное постельное белье.

В дверь позвонили уже в одиннадцать, Тамара не успела выпить даже чашки кофе. Она открыла и увидела эту женщину, прозаичную, как кусок хозяйственного мыла. И такую же серую. Дешевые летние тапочки, черные в мелкий белый горошек, из тех, что чуть ли ни на вес продают на всех рынках кавказцы, китайское платье из дешевого трикотажа, перетянутое в талии пояском, да ещё и шляпа на голове. Маленькая шляпа из белой соломки с тремя ромашками на тулье.

- Здравствуйте, - церемонно сказала женщина: она всегда разговаривала только на «вы» - и, не

дожидаясь приглашения, вошла в квартиру.

- Здравствуйте, - пролепетала Тамара, отступая. Теперь она её боялась. Боялась даже больше, чем рваного тумана над болотом.

Тапочки свои гостья сняла и осталась в телесного цвета подследниках. Прошлепала в комнату, сразу уселась на диван. Она не рассматривала фотографии на стенах, не пялилась на кувшины - она уже была здесь. Один раз.

Тамара метнулась сначала к чайнику, подняла рычажок, не сразу услышав, как начала шуметь вода. С ужасом поняла, что халвы осталось едва на дне пакета, да и рулет уже черствый. Заглянула в комнату:

- Вы извините, к чаю у меня нет почти ничего...

- Милая, я не чай к вам пришла распивать! - женщина удивленно приподняла тонкие выщипанные брови. - Садитесь уж, поговорим...

Пришлось сесть с ней на один диван, вжавшись спиной в подлокотник, и забормотать униженным, дрожащим от страха голосом:

- Понимаете, у нас с деньгами сложилась такая ситуация, что я прямо сию секунду не могу заплатить. Но это ни в коем случае не значит, что я отказываюсь! Вы же меня знаете? Я не обману. Просто и у меня заказов почти не было: руки вон в полную негодность пришли, и у мужа что-то зарплату задерживают... Да и потом, вы же знаете?..

- Знаю-знаю, милая, - женщина, наконец, сняла шляпу и взбила пальцами редкие, пересушенные химической завивкой волосы, - но что же вы хотели? Что хотели, то и получили. Правильно?

- Но я же не предполагала, что это так отразится на Валере! Его по допросам чуть ли не каждый день таскают... Дача эта чертова! Я даже представить себе не могла...

- А надо было. Я вас разве не предупреждала: подумайте хорошенько, это вам не шуточки!.. Не верили, да?

Она призналась, что не верила. Гостья мельком глянула на часы: дешевый черный ремешок плотно обхватывал её смуглое запястье:

- Так что делать будем? У меня тоже не монетный двор, деньги я не рисую.

- Вы можете подождать?

- Нет, милая, к сожалению, не могу. Мы с вами договаривались.

Тамара с содроганием вспомнила о волосах, оставленных на расческе в прихожей, о носовом платке, который, вроде бы, валялся под стулом, и которого теперь нет...

- Да, договаривались! - Выкрикнула она с отчаянием, сжимая пальцами собственные колени и принимаясь быстро раскачиваться вперед-назад. - Договаривались! Но не так же? Вы уж тоже палку перегибаете. Да если бы я все до конца знала... А покой в семье? Ну, какой это покой, если муж стал просто дистрофик конченный! Он же просто весь на нервы изошел. А скандалы у нас с ним из-за этого?.. А со свечками этими? Я думала, если он их во второй раз найдет, то просто об голову мне ломает!

- Чего вы кричите, милая? - Гостья обиженно поджала губы. Самые обычные губы, подкрашенные какой-то блеклой, неяркой помадой. - Не надо на меня кричать, я этого не люблю. Ваши семейные скандалы меня не касаются. Я сделала так, как вы просили, и хочу получить за это деньги.

- Не так вы сделали! Не так! Если уж честно говорить... Ну, давайте по-честному? Какую вы с меня сумму требуете? За что? Я вовсе не этого у вас просила!

- Значит, расплачиваться не будем? - Женщина поднялась с дивана, и Тамару снова окатило волной липкого страха. Вся её недавняя истеричная решимость растаяла, как остатки черного снега под солнцем.

- Будем. Будем, конечно же... Ну, возьмите сколько у меня сейчас есть. Или, если хотите, я сошью вам что-нибудь на лето? Бесплатно, разумеется. У меня и отрезки лежат, лен очень хороший, хлопок есть, вискоза... Не посмотрите?

- Не посмотрю, - та снова водрузила шляпку на голову. - Меня вполне устраивает мой гардероб. Три дня вам еще. Ищите деньги. Иначе пожалеете - вы меня знаете!

В тапочки она влезла уже молча, так же молча открыла и с силой захлопнула за собой дверь. От полотка откололся кусок побелки. Тамара присела на корточки, собрала крошащуюся известку в ладонь и заплакала...

* * *

Кассета оказалась старой и бракованной в нескольких местах. Сплошное шипение на фоне черно-белых полос шло и в том месте, где девочка учится стрелять холостыми по прохожим, и там, где Леон вбегает в полицейское управление. В общем-то, фильм, как оказалось, Андрей помнил почти наизусть, так что потерял он немного. И все равно странное, зудящее ощущение того, что упускается что-то главное, не проходило...

С чего это началось? С сообщения ли о том, что Лилия Бокарева исчезла? С допроса ли, на котором Валерий Киселев, здоровый мужик, со здоровыми кулаками и красным лицом, вдруг расплакался, приговаривая: «Ну, зачем вы это делаете? Клянусь вам, не встречался я с Лилькой! И не такой она человек, чтобы кому-то даже просто плохо сделать - не то что убить!»

Андрей тысячу раз видел и слезы, и сопли, и по-совиному краснеющие мужские глаза, и женщин, бьющихся в истерике. Он все это видел, он все это знал, и все же...

Или, как всегда, подсиропил Володька Груздев, с интересом выслушавший версию про львенка, а потом ехидно заметивший:

- Как все-таки хорошо, что в «Леоне» не играл, например Шварценеггер! Вся логическая цепочка к чертям собачьим бы развалилась. Ну, нету «болезни Шварценеггера», хоть ты что тут делай! Нету!

Красовский принялся доказывать, что никакой логической цепочки тут и не было: просто так в мозгу быстрее замкнулось на тему того, что имела ввиду Кузнецова, когда рисовала львенка, да ещё и подписывала внизу «ЛЕВ». Володька сказал, что он и не спорит: все прекрасно, но Андрею отчего-то стало тревожно.

Все было правильно и логично до безобразия. На классический вопрос: «Кому выгодно», теперь легко находился ответ. Ей выгодно. Ей, Лилии Владимировне Бокаревой. И ещё её мужу. Но если муж являет собой воплощенное недоумение и непонимание происходящего, то она исчезла вместе с ребенком... Ее темные очки, её плащ, способный довольно сносно замаскировать фигуру, её черные волосы, распущенные по плечам... Женщина с болезнью либо синдромом Рено, подменившая её в кафе... Ее волос на теле убитой Олеси... Ее встречи с Киселевым.

Иногда он думал, что косвенных улик против Бокаревой-Муратовой даже слишком много, подозрительно много, но потом заставлял себя вспоминать все с начала и относительно успокаивался. И в самом деле, не прояви такую супружескую бдительность Тамара Киселева, не случись с подельницей ужасно несвоевременный и все испортивший приступ, Муратову просто не на чем было бы поймать... И все-таки черные очки, и все-таки плащ...

А ещё Андрей часто думал о заболевшем саксофонисте и не мигавших в ту ночь лампочках цветомузыки. Сам не понимая почему, он никак не мог отвязаться от этих мыслей... Освещенный круг... Стойка бара... Рука с посиневшими пальцами, едва не смахивающая фужеры...

Наталья Слюсарева, кстати, оказалась дамой, на редкость здоровой. Речи там, похоже, не шло не только о болезни Рено, но даже о банальном ОРЗ. А расследование покушения на неё - настоящего ли, мнимого ли - так и не продвинулось ни на шаг...

Он нажал на кнопку быстрой перемотки и прокрутил кассету почти до самых титров... Леон. Лион. Лев... Жан Рено в бронезилете, взрывающий перед лицом полицейского гранату... Девочка, прижимающая к груди цветок в горшке... Убийца рядом с ребенком... Медицинская карточка Оли Бокаревой... Болезнь Рено. Опять болезнь Рено...

Пингвин в углу глухо заворочался. Он уже два дня ничего не ел, смотрел прямо перед собой равнодушными тусклыми глазками и, видимо, заболел. Птичку было жалко.

Андрей собрал волосы на затылке, потянулся, поднялся с дивана. Фильм ещё не закончился, но досматривать его не было ни малейшего желания. Прошел на кухню, достал из холодильника горбушу, купленную специально для Эммануила, принес на тарелке прямо в комнату.

Есть Птичка не хотел, а спать не мог. Светлые полосы от фар проезжающих внизу машин ползали по потолку прямо над его головой. Желтые перья на макушке пингвина блестели, делая его похожим на маленького плешивого мужичка.

Катю Андрей сегодня уже не ждал, поэтому изрядно удивился, услышав звонок в дверь. Но, тем не менее, это была она, маленькая, тоненькая и, как всегда, ужасно деловая. Поохала над Эммануилом, в очередной раз адресовала все известные ей бранные слова знакомому, сказала, что пингвина нужно везти в ветеринарную клинику зоопарка и собралась уходить.

- Катя, это детский сад, - сказал Андрей, не оборачиваясь. Он стоял у книжного шкафа и видел её отражение в стекле. - Почему ты не можешь остаться? Ты же не из-за Птички приходишь.

- Из-за Птички, - он затылком чувствовал, как она покраснела.

- Давай не будем делать друг из друга идиотов? Это же смешно... Да, я тебе благодарен за пингвина, за то, что ты с ним нянчишься...

Она молчала.

- ...Но все это - дурь страшная. Ты не понимаешь? Нет?.. Останься, Катя. Я тебя прошу.

- И что будет?

Теперь уже промолчал он.

- ...Щурок, ты хоть сам знаешь, что дальше будет? Так, по крайней мере... Впрочем, ты прав: извини, я не должна была приходиться. Просто я думала... Извини.

Там, в стеклянных дверцах книжного шкафа, отразилась открывающаяся и закрывающаяся дверь в комнату. В прихожей шоркнули по полу Катины босоножки на платформах. Щелкнул замок на входной двери.

Он почувствовал себя конченной сволочью. И потому что все испортил, и потому что не предложил её проводить, и потому что даже в этот момент подумал о том, что Лиля Бокарева, наверное, ушла из квартиры так же тихо, серой тенью выскользнув в сумрак подъезда...

* * *

Лиля сидела перед старым трюмо и расчесывала волосы, теперь ставшие короткими и рыжеватыми. Сколько раз ей приходилось читать во всевозможных романах о том, каким чудесным образом преображает женщину новая прическа! Однако, особых изменений в своей внешности она почему-то не наблюдала. Те же чуть широковатые скулы, те же глаза с загнутыми кверху кукольными ресницами, те же крупные передние зубы и беличий подбородок. Темные тени для век делали лицо большим, яркая помада привлекала излишнее и совершенно ненужное внимание. Длинные полые серьги в ушах были похожи на кладбищенские колокола.

Она чувствовала, что её узнает и остановит первый же милиционер (интересно, расклеена ли уже на щитах её фотография с заголовком «Их разыскивает милиция?»), а уж если начнут проверять документы, то и вовсе пиши - пропало.

«А проверять непременно начнут», - неприятно зудел внутренний голос. «Потому что с такой шевелюрой и макияжем ты, дорогая, напоминаешь молдаванку, подпольно торгующую сливами и помидорами возле булочной».

Кира Петровна, взвалившая на себя изрядную часть её проблем, ушла гулять с Оленькой, а Лиля размышляла о том, что только что прочла в толстом учебнике по наследственному праву (опять же принесенном откуда-то бывшей квартирной хозяйкой).

За погибшим Тимом Райдером наследует жена, то есть, Олеся, за Олесей её единственная дочь Оленька, а дальше... Дальше нетрудно догадаться, что деньги, по идее, должны были попасть к ней и Вадиму. Страшная, убийственная логика...

Кто-то успел изрядно проштудировать некоторые пункты российского и англосаксонского наследственного права, которые, в общем, и не слишком разнятся. Кстати, этот «кто-то» знал, вообще, слишком много. Знал о той, давней краже денег из сейфа, знал о том, что Оленька - не родная дочь, о том, чья она дочь, на самом деле, а также о том, что у нее, у Лили, не может быть детей. Ведь не зря же появилась в кафе эта женщина с синими пальцами?

Лиля чувствовала её логику так же, как проклятый, ненавистный запах «Турбуленса». Продемонстрировать свою дефективную руку не только для того, чтобы привлечь внимание следствия (стоп, другая женщина!), но и для того, чтобы заставить оперов залезть в медицинскую карточку и понять, обалдевая от сделанного открытия: у Лилии Владимировны Бокаревой-Муратовой не может быть детей! Далее, выписка из обменной карты, клиника, где появилась на свет Оленька, наверняка, допрос Аллы... Определенно, этот «кто-то» знал столько, что становилось страшно.

А особенно нехорошо делалось при мысли о том, что про Оленьку, вообще, знало не так много людей. Можно сосчитать по пальцам: она сама, кое-кто из медперсонала клиники, Вадим... И снова Лилины ноздри расширялись, вбирая в себя несуществующий аромат «Турбуленса», и снова она отказывалась верить в то, что понимала слишком хорошо. Перевернутое белье в шкафу, клочок ваты,

испачканный помадой, волосы, которые легко можно было взять с её собственной, Лилиной, расчески. Тихий смех в телефонной трубке. Это была она - Его любовница, Его женщина, другая. Та другая, которая, действительно, могла знать все.

Страшная догадка заставила Лилю без сил опуститься на стул ещё в тот день, когда она вернулась с допроса. Любовница! Ну, конечно, любовница. И Вадим... Несчастных Райдеров убивают, вину легко сваливают на неё (она ведь дурочка, она пойдет в это кафе, она просидит там целых двенадцать часов, как последняя идиотка!), и всё - два зайца убиты одним выстрелом. Наследует все равно Оленька, а значит, и Вадим. Есть «кровавый убийца», который отвечает за содеянное, да ещё и нелюбимая жена в тюрьме - не нужен ни развод, ни разбирательства на тему, с кем же должен остаться ребенок...

Именно тогда она сообразила, что оставлять здесь Оленьку ни в коем случае нельзя. Подумала еще, что, в случае чего, в государственную поликлинику не сунешься - карточка у следователя, покидала в сумку колготки и трусики...

Вадим... Имел ли он, на самом деле, отношение к той давней краже, или это был всего лишь трюк с целью выманить её из дома? В любом случае, все сходилось на Вадиме. Или на ком-то, кто работал вместе с ними, на ком-то, кто знал, мог знать или догадываться. А если?..

Мысль была такой неожиданной и такой ошеломляющей, что кровь бросилась Лиле в лицо. А если Вадим тут, вообще, ни при чем? Нет, эта женщина, по-свински разбрасывающая за собой вату и хрипло смеющаяся в трубку, конечно, существует. От этого никуда не денешься, это просто нужно принять как факт. Но Вадим... Вряд ли он стал бы делиться с любовницей таким позорным фактом из своей биографии? Зачем ей знать о краже? Тем более, о краже, совершенной ради другой женщины? Не укладывается это в голове. Абсолютно не укладывается!.. Лиля в волнении поднялась, пригладила волосы на рыжеватых висках и, обхватив себя за плечи, зашагала туда-сюда по комнате... Все правильно: любовница может знать от Вадима и о том, что девочка приемная, и о её, Лилиных, болячках, но о краже она вполне могла узнать сама. Узнала ли, придумала ли, но использовала эту информацию втайне от Вадима! Это мог быть целиком её план! Только ее! Убрать с дороги негодную жену, самой выйти замуж за Бокарева, удочерить Оленьку, получить деньги...

Она остановилась и, не сдержав тоскливого стога, закрыла лицо руками. Такими жалкими, такими надуманными вдруг показались ей собственные умопостроения. Вадим рассказывает своей новой пассии обо всем, включая то, что он фактически украл живого ребенка, но зато умалчивает о краже паре тысконок долларов! Надо же! Застыдился! Ха-ха-ха...

С детской площадки доносился веселый гомон. Лиля выглянула в окно, отыскала взглядом Киру Петровну, за ручку ведущую Оленьку по низенькой скамейке, и снова вернулась к трюмо. С яростью, чуть не порвав мочки, выдернула из ушей серьги, мазнула салфеткой по лицу, стирая губную помаду. Испуганная рыжая белка с тонкой шеей смотрела на неё из зеркала. Та девушка в зеркале боялась больше, потому что яснее понимала, что времени осталось мало: нельзя скрываться до бесконечности, не спрячешься на всю оставшуюся жизнь в заполненном всяким хламом шифоньере Киры Петровны. Купить фальшивый паспорт? Навсегда отказаться от права видаться с родителями? С Вадимом?..

След алой помады протянулся от уголка губ к самому подбородку. Лиля стерла его кончиком пальца. Она совсем не была уверена в том, что хочет сейчас видеть Вадима. Она просто хотела найти его любовницу...

Около часа дня невысокая стриженная шатенка в светлых брюках и с белой сумкой через плечо вышла из подъезда панельного девятиэтажного дома. Глаз её не было видно за тонированными стеклами очков, в ушах покачивались крупные серьги-кольца. Шатенка дошла до автобусной остановки, пропустив два автобуса, села на третий и сошла четыре остановки спустя. Ноги у неё были стройные, талия тонкая. Какой-то стриженный парень, мывший во дворе машину, скользнул по её фигуре в меру заинтересованным взглядом, но почти тут же и забыл.

А девушка, тем временем, вошла в подъезд белой «свечки», поднялась на лифте и позвонила в дверь с массивной бронзовой ручкой тремя замочными скважинами. Из квартиры долгое время не доносилось ни звука. Она уже успела с досадой подумать о том, что сегодня воскресенье, и хозяева запросто могут быть на даче, когда, наконец, раздалось торопливое шлепанье босых ног. Сонный голос протянул:

- Кто-о там?

И она попросила:

- Открой, это я - Лиля. Лилия Муратова... Открой, пожалуйста.

Маринка, казалось, не удивилась и не обрадовалась. Распахнула дверь во всю ширь, равнодушно пожала плечами:

- Заходи...

Сама поковыляла вглубь квартиры, по пути загоняя ногой пыль под плинтус. Она почти не изменилась: те же полноватые ноги, те же узкие, хрупкие плечи, те же густые волосы, лежащие на плечах естественными каштановыми локонами.

- ...Так и будешь на лестничной клетке стоять?

Лилия вошла. Марина остановилась у входа в комнату и теперь смотрела на неё с нескрываемым раздражением:

- ... Особое приглашение надо? Так ты объясни сначала, как с тобой обращаться. А то полтора года - ни слуху, ни духу, может, ты у нас королевой заделалась?

- Марин, - она не очень уверенно спустила ремешок сумки с плеча, - мне поговорить с тобой надо, но если ты так сильно обижаешься, я могу уйти. Я тебя понимаю.

- Еще скажи «прекрасно». Прекрасно, мол, понимаю! И трагически склони голову к плечу, глядя на меня мудрыми глазами. Психологиня, блин!..

Лилия чувствовала себя просто ужасно. Когда-то Маринка была её ближайшей, едва ли не единственной подругой, и вот теперь все то, что их когда-то соединяло, было разрушено до основания.

Странное замужество, Оленька, через неделю после свадьбы привезенная из клиники, жесткое требование Вадима оборвать все прежние связи... Она, действительно, полностью порвала с прошлым, хотела даже выкинуть записную книжку, но в последний момент остановилась. И вот теперь бывшая подруга смотрела на неё глазами, полными не обиды даже, а какого-то холодного равнодушия.

Ей захотелось немедленно развернуться и уйти, и никогда больше сюда не возвращаться, но мысль об Оленьке и о Вадиме удержала.

- Марина, прости меня, пожалуйста, дай мне возможность объяснить тебе и...

- Да ладно уж, - та махнула рукой, - заходи в комнату. Чай пить будем и торт есть. Мать вчера постряпала...

Лилия довольно быстро поняла, что подруга до сих пор не замужем. Те же календари на стенах, тот же «малогабаритный» диванчик, та же одинокая полочка с косметикой и никаких вещей, указывающих на то, что в комнате обитает ещё и мужчина. Впрочем, Маринка несколько не выглядела несчастной, пожалуй, только излишне сосредоточенной. Сосредоточенно разливала заварку в чашки, так же сосредоточенно отламывала серебряной ложкой кусочки торта. В глаза бывшей приятельнице старалась не смотреть. Прошло уже полчаса с момента, когда Лилия позвонила в дверь, а они так и не сказали друг другу ничего мало-мальски существенного. «Как живешь?» - «Нормально». «А ты?» «И у меня все хорошо». «Родители на даче?» - «Да, на даче». «А ты, значит, так в Москве и живешь?» - «В Москве».

В конце концов, Лилия не выдержала, провела указательным пальцем по покрытому позолотой краю блюдца и, как бы между прочим, проговорила:

- Марин, а я замужем за Бокаревым.

- Ну и как тебе такой «замуж»? - та отхлебнула немного чая. - Нравится? Получила то, что хотела? Стоило оно таких слез и переживаний?

Она как будто совсем и не удивилась. Лилия почувствовала что-то похожее на тревогу:

- Марин, а ты знала, что ли?

Марина медлила всего несколько секунд:

- Да... А тебе это кажется удивительным? Ну, конечно! Ты же тогда была вся такая из себя таинственная... Да все поняли, если хочешь знать! Тут семи пядей во лбу быть не надо. Сначала Олеся эта шариться по офису перестает, потом Бокарев в глубокий запойный штопор уходит, потом вы синхронно увольняетесь. И все! Ни того, ни другого. Пропали! Сгинули!

- И какие же версии ходили в нашем коллективе?

- Ты, знаешь, разнообразием они как-то не отличались. Может, я, конечно, тебя сейчас и обижу, но ты не сильно переживала, когда меня обижала. Причем после того, что я, как дура распоследняя, с

тобой нянчилась!.. В общем, говорили, что Вадечка наш с горя поджениться решил все равно на ком: лишь бы его любили и сопли ему жидкие подтирали. Вот и выбрал тебя. Ты же у нас одна из «чуйств» в обморок падала.

Лиля сняла с верхнего коржа засахарившуюся вишенку, рассеяно положила её в рот. Подумалось отчего-то, что по сути Маринка права. По сути, но не в деталях:

- Ну да... В принципе, так оно и было. Только хуже.

Та мгновенно насторожилась:

- Что значит, хуже?.. Вы разводиться, поди, собираетесь? Он тебя обижает? С бабами гуляет? Или Олеся его вернуться решила?

От имени «Олеся» неприятно захолонуло сердце.

- Нет, не то... Хотя, неизвестно, что было бы лучше. Я тебе расскажу, наверное, но ней сейчас. Позже... Марин, а я знаешь, о чем хотела с тобой поговорить? О той краже. Помнишь, у шефа ящик с деньгами взломали? Две с лишним тысячи баксов ещё унесли? Что по этому поводу, вообще, не работе говорили? Я тогда как-то особенно не прислушивалась: голова была другим занята.

- А сейчас тебе на фигу это сдалось? Не нашли же никого. Да, мне кажется, и не сильно искали. Во всяком случае, с ног никто не сбивался и землю носом не рыл... Ты вспомни сама-то! Ну, пришли менты, ну, ползали по кабинету, отпечатки поснимали, охрану подпрашивали...

- Это-то я как раз и помню. И то что охранники ничего вразумительного сказать не смогли. Мол, никуда не отходили, никого не запускали...

- Ай, слушай их больше! - Маринка поморщилась. - «Не отходили», как же! И за пивом в киоск, наверное, не бегали? И за сигаретами? И этот, который конопатый, книжку в туалете не читал? А сейф сам собой взломался, от внутреннего перенапряжения. - Она вдруг замолчала, откинулась на спинку дивана. - Может, все-таки объяснишь, зачем тебе это надо? Или так и будем играть в светский разговор?

Лиля прикусила губу. Что она могла объяснить Маринке? Ну, что? Ей и самой не было до конца ясно, что может дать в результате эта информация... Связывают ли в кулуарных сплетнях ту давнюю кражу с именем Вадима? Если да, то, вроде бы, круг подозреваемых расширяется. Любовницей Бокарева могла стать одна из бывших сослуживиц, в конце концов, эта любовница могла просто близко общаться с кем-то из коллег.

- Марин, я постараюсь тебе объяснить... В общем, скажи: никак фамилию Бокарева в связи с этим делом не склоняли?

Марина как-то странно повела шеей и изобразила крайнее недоумение:

- А с какой бы радости? Бокарев-то тут при чем? Или ты думаешь, что шеф наш, душка, на него и вовсе всех собак собирался повесить?.. Нет, Лиль, тут ты уже загибаешь: это же уголовщина, не стал бы босс связываться.

- Значит, никто ничего не говорил, и даже подозрений в его сторону никаких?

- Совсем ты мать, как я погляжу, с ума сошла... Или, может, я идиотка? Может, это ты теперь Вадечку за какие-то дела засадить хочешь?

С минуту они смотрели друг на друга неуверенно и тревожно. Ни одна не знала, как себя теперь вести. Лиля чувствовала, что коленки её под столом мелко постукивают друг о друга, как в нервном тике, в животе было пусто и холодно, точно падаешь вниз в оборвавшемся лифте.

- Нет, Марина, - через силу проговорила она, глядя в фарфоровое блюдце, - не я его хочу засадить. Он... Я не хочу верить, что Вадим к этому впрямую причастен, но посадить хотят меня. За убийство.

- Та-ак! - Марина встала. Как ни странно, переварив эту, явно шокирующую информацию, она стала значительно больше напоминать себя прежнюю. - Я чувствую, вы с Бокаревым эти полтора года не скучали. А я ведь предупреждала! Только никто меня, умную, не слушал. Говорила тебе: выходи за Валерку. Жила бы сейчас и как сыр в масле каталась. Уж, во всяком случае, не шастала бы по городу, крашенная под линючего клоуна и в очках на пол лица.

Сбегала в гостиную, вернулась с наполовину пустой бутылкой коньяка и двумя водочными стопками. Себе налила полную, Лиле плеснула на самое донышко, с оттенком оскорбленной гордости заявив, что помнит и о её болезнях, и о том, что пить при гипертонии почти нельзя. Молча выпила, закусила все тем же тортом, подперла подбородок обеими руками и объявила:

- Слушаю!..

Она поверила сразу. Во все, с начала и до конца, ни на секунду не засомневавшись в

непричастности Лили к двойному кровавому убийству. Правда, насчет Бокарева у неё такой уверенности совсем не было.

- Вольно тебе его выгораживать! - Маринка курила, стряхивая пепел на край блюдечка. - Только он, небось, за тебя рубаху на груди не рвет. И другие места своего тела тоже... Вот ты все правильно рассказала, логично, четко. Есть любовница, есть Вадечка, есть девочка - наследница шарашных денег. И что тебе не нравится? Вытащи Бокарева из этой схемы и все развалится! Слишком многое она о вас знает! Слишком! Знаешь, как-то очень подозрительно, что он ей рассказывает такие вещи, а потом вдруг оказывается невинным барашком в то время, как эта стервоза за его спиной действует-злодействует.

Лиля качала головой и не отнимала от лица ладоней, сложенных домиком:

- Я все понимаю. Все! Но ты бы, на моем месте, как к этому относишься? Ты бы вот так, запросто, поверила, что твой муж спокойно решил засадить тебя на пятнадцать лет?

- По-твоему, есть другое объяснение?

- Должно быть.

- А вот это ты уже гонишь полную дурь! Знаешь, я бы тебя поутешала в какой-нибудь другой ситуации, но не тогда, когда вопрос идет о жизни и смерти. Правде, Лилечка, надо смотреть в глаза... Была у вас особая любовь, когда вы женились?

Лиля судорожно повела плечами:

- Нет, не было.

- А потом вдруг откуда-то взялась? Ты мне это хочешь доказать, да? Нет, бывают, конечно, ситуации, когда женятся люди без любви, а потом чувства просыпаются. Но к вам с Бокаревым это, извини, не относится.

Она спросила «почему» автоматически, прекрасно зная, какой будет ответ.

- Потому! - Марина раздавила окурок о край блюдца. - Потому что окончание на «у»! Во-первых, эта его безумная страсть с Олесей, во-вторых, его киношно слащавая рожа и твоя, прости, довольно обыкновенная. А в-третьих... Я бы ещё поняла, я бы поверила. А что? Всякое бывает. Иногда, вообще, баба страшнее ядерной войны, а мужик-красавец с неё пылинки сдувает. Но твой Бокарев - эгоист до мозга костей. Он никого, кроме себя, любить не способен. В принципе!

В комнате уже висело рваное облачко сизого дыма. Марина встала, подошла к окну, рывком распахнула форточку. Воздух не посвежел, и стало, вроде бы, даже жарче. Лиля переползла в самый угол диванчика, подогнула под себя ноги.

- Значит, на работе по поводу той кражи - никто и ничего? - она потерла указательным пальцем переносицу. - Жалко. Я надеялась...

- И зря надеялась! Вообще, то что ты сейчас делаешь - дебилизм страшный! Я бы, на твоём месте, пошла в милицию и рассказала все, как было. Про бабу эту, про звонок, про то, что тебя заставили так одеться...

- И про Вадима? Про то, что он тогда этот сейф взломал?

- Господи! Да блеф это все чистой воды! А даже если и не блеф? У тебя ребенок на руках, тебе тюрюга грозит, а ты все о Бокареве печешься. Взял он эти деньги - пусть сядет! Ему, поверь моей интуиции, есть за что сидеть.

Разговор снова пошел по замкнутому кругу. Лиля потянулась за чашкой и сделала пару глотков холодного уже чая. Ей почему-то мучительно захотелось сжать губами сигарету, чиркнуть зажигалкой, сощуриться от едкого дыма...

Когда-то, когда ей было шестнадцать лет, она попробовала курить. Просто поняла, что берегись - не берегись, до двадцати лет не доживешь все равно: давление ни к черту, врачи только головами качают. Купила в табачном отделе магазина болгарский «Опал» (ей продали без всяких оговорок, подумали, что для папы), в бакалее - спички. На третьей пачке все закончилось. Лиля узнала, что умерла девочка, с которой они регулярно путешествовали по больницам: начала вытирать в комнате пыль, упала в кресло и больше не встала...

Это было слишком реально и слишком страшно. Тетки на похоронах, куда она пошла, наплевав на все запреты матери, обсуждали и то, что мебель в комнате была импортная - вся сплошь полированная, и то, как за какие-то полчаса, пока мать ходила в магазин, полностью посинела мертвая рука, судорожно сжимающая тряпку... Шуршащую целлофаном коричневую пачку «Опала» Лиля выкинула в тот же вечер и, давясь слезами, засела за брошюрку «Сердце, кровь, сосуды. Путь к

здоровью». Больше курить она не пробовала...

- Эй, заснула? - Марина пару раз щелкнула пальцами у неё перед лицом. - Ну что, я, по-твоему, глупости говорю?

- Нет, - она вздохнула. - Не глупости. Но теперь в милицию идти уже поздно. Эта история и с самого начала выглядела бы сказкой, а уж сейчас тем более. Мне просто никто не поверит... Не говоря уже о том, что я этого все равно не сделаю по другой причине.

- Отлично! Не скажи ты последней фразы, я бы посчитала тебя здравомыслящим человеком. «Я не сделаю этого по другой причине!»! Ах, я не предаю Вадима! Тьфу! Противно слушать!

Лиля ощутила неясную тревогу, смутную, похожую на зарождающуюся в гнилом зубе боль. Вроде бы, Маринка не сказала ничего странного или настораживающего, и все же... «Здравомыслящим человеком»... «Я бы посчитала тебя здравомыслящим человеком»...

Она помотала головой, словно выбравшаяся из воды собака:

- Подожди, Марин! Давай сейчас не будем о моей дури...

- А о чем будем? О том, как тебе эту любовницу искать? Так и тут твоя дурь проявляется по полной программе. Ну, с чего ты взяла, что это кто-то из его бывших коллег? Только из того, что эта баба о краже заговорила? А тебе не приходило в голову помыслить логически. Пункт первый: почему он тогда подженился на тебе, а не на этой любовнице, если это кто-то из наших же девок? Пункт второй: с чего это любовь у них вспыхнула именно сейчас, если они уже тысячу лет друг друга знают? Не проще представить, что эта девка - кто-то из его новых сослуживиц, что он её, в конце концов, на улице снял, в кафе, в ресторане? Это же ты только, как клуша, дома сидишь, а Вадик, я так поняла, у тебя не скучает?

- Вадима давай в покое оставим?

Марина шумно выдохнула и, упершись руками в колени, поднялась. Поставила друг на друга пустые блюдца, сверху пристроила чашки.

- Да-а... С тобой каши не сваришь - только чокнешься! - Она взяла блюдца со стола, поправила волосы. - Сиди. Сейчас по второму кругу чайник включу и это все сполосну. А то крошки кругом: тараканы живо жрать придут.

Пока подруга, перекрывая шум льющейся из крана воды, гремела посудой на кухне, Лиля разглядывала комнату. Белые персидские котята на календаре, польская помада в алом округлом тюбике, массажная щетка с застрявшими между зубьями каштановыми волосками...

Мимходом подумалось, что та женщина, пахнущая «Турбуленсом», наверняка, брезгливо морщилась, снимая с расчески её, Лилины, волосы. Или это делал Вадим?.. «На теле Кузнецовой найден длинный черный женский волос»... Черный волос в её окровавленных белых волосах...

Подошла к застекленному книжному шкафу, пробежалась взглядом по полкам. Все те же книжки. «Искусство грима», «Сто один рецепт красоты и здоровья», полное собрание Агаты Кристи, сборник Вознесенского... Игрушки. Три разноцветных, но одинаковых по форме резиновых зайца. Крошечный пупс в вязаной шапочке и длинной жилетке. Ослик, умеющий перебирать ногами. Мягкий лохматый львенок, смешной и косоглазый - подарок мамы то ли на пять, то ли на семь лет. Маринка говорила, что львенок стабильно приносил ей счастье и она таскала его с собой чуть ли не на экзамены в институте... Львенок!

Это было чужью! Абсолютной, безобразной чужью, но Лиля почувствовала, как противно и больно сжимает горло... Львенок, нарисованный в подвале, и львенок на полке у Марины... Что-то еще, что-то еще... Что-то странное, ускользающее из памяти, как осклизлый кусок мыла из рук... Талисман? Нет, не то... Лион?.. Господи, какой же язык учила Маринка?.. Нет, так нельзя! Так можно запросто сойти с ума!

Когда дверь за спиной открылась, она вздрогнула. Отойти от шкафа не успела и осталась стоять, болезненно покусывая нижнюю губу. Маринка, впрочем, в выражении её лица ничего странного не заметила. Поставила на стол влажные ещё блюдца и чашки, положила рулет в яркой обертке, разлила по чашкам заварку.

- Смотришь? - в голосе её слышалась лишь добродушная укоризна. - А что смотреть? Ничего тут и не изменилось с тех пор, как мы с тобой в последний раз виделись... Эх, Лилька-Лилька! Понимаю я, конечно, что это Бокарев, в первую очередь, виноват, но ладно. Раз пообещала на него не наезжать - не буду... Одно скажу: Валерка был в тысячу, в миллион раз лучше!

- Он женился, ты знаешь? - «Львенок. В конце концов, что такое «львенок»? Почти у каждой

девочки есть такая игрушка!» - промелькнуло у Лили в голове.

- Женился?

- Да. Я от следователя узнала... Олесю убили на даче, принадлежащей супругам Киселевым.

- Интересно. А я думала, он так до старости холостяком и останется. Хотя, знаешь, может быть, он тебе назло это сделал. Я же сказала ему, что ты, вполне возможно, замуж за своего Бокарева вышла. Так то он ждал тебя. Долго же ждал?

- Долго, - согласилась она, усаживаясь на диван. Тревога немного притупилась. - Что теперь об этом говорить?

- Да, - Марина задумчиво кивнула. - Сейчас ситуация, конечно, не та... А помнишь, как здорово было? Как мы на дачу к Валеркиным родителям ездили... - осеклась, быстро взглянула исподлобья.

- Да, Марин, на ту самую дачу... Ладно, я уже ко всему привыкла. Почти спокойно думать об этом могу...

Та, приободренная, откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди:

- А, помнишь, как мы собирались, когда замуж повыходим, семьями дружить? У тебя тогда все с Валеркой - чики-чики было, а за мной мальчик из казино ухаживал... А на природу как ездили, когда ещё рыбы ни фи́га не поймали, только перемерзли все к чертовой матери?

Лиля вымученно улыбалась. Она тоже помнила и ту неудачную рыбалку, и то, как Маринка перепила «согревающей» водки, а потом пряталась от правильных Валеркиных родителей. Помнила, как Киселев играл на гитаре, немного гундосо напевая классические бардовские песни, и то, как справляли на даче Новый год, вместо елочки нарядив заснеженные кусты за оградой...

- Я тут недавно с девчонкой одной познакомилась. Ну, она как девчонка - женщина уже, лет тридцать, наверное, Светой зовут. Она тоже вспоминала, как на даче у подруги по молодости разлагались. Так у них, вообще, случай был: парень поплыл рыбачить на лодке, выпил, естественно, в воду свалился и не проснулся! Благо, что лодку к берегу прибило - так и провалился до утра, храпя в мокром песочке!

Ей на секунду стало досадно от того, что какая-то Света заняла её место в Маринкином сердце, что теперь с этой самой Светой Маринка вспоминает дачные развлечения времен беззаботной юности.

Потом в памяти всплыло бледное лицо Вадима, его кривящиеся губы и взвешенные, четкие слова: «Только если ты на это согласишься, Лиля, ты должна будешь полностью порвать с прошлым. Никаких друзей, никаких подруг ничего! Никто не должен удивиться тому, что у тебя вдруг появился ребенок!»

- ...Светку, кстати, тоже, в свое время, подружка бросила. Вот так, ни с того, ни с сего: вышла замуж и прекратила всякие отношения. То ли боялась, что молодого супруга уведут, то ли ещё что.

Это уже было обиднее.

- Марин, ну почему «тоже»?! - Лиля прижала пальцы к вискам. - Ты же теперь знаешь мою ситуацию. Все эти твои Светки...

- Ага! Ревнуешь! - Маринка с наигранной веселостью потерла ладошки. - Ну, значит, все нормально... Нет, мне, конечно, сначала сильно обидно было, а потом как-то успокоилась... Светки-конфетки... Конечно, она тебе в подметки не годится! Скучная, какая-то вся приземленная. Разговоры только: где что купила, да как с очередным своим мужиком классно оттянулась. Белая вся, размалеванная. Фигурка, правда, ничего, а так...

Лиля через силу улыбнулась. Все это было бы смешно и мило, но в другое время и при других обстоятельствах. Маринка, впрочем, быстро почувствовала, что разговор ушел «не в ту степь».

- Ладно, забудем, - она снова закурила и выпустила дым, сложив губы буквой «о». - Вернемся к нашим баранам... Значит, в милицию ты идти не хочешь, любовницу эту искать собираешься самостоятельно. Для чего, правда, пока непонятно, если ты так боишься, что Вадика твоего загребут?.. За кражу ты его боялась посадить, а за убийство посадишь? Иначе на фи́га тебе искать любовницу? В картишки с ней потом перекидываться?

- Марина, подожди! Пока нет доказательств, я все-таки не хочу верить, что Вадим...

- А чего ты, вообще, хочешь?

Лиля жалко пожала плечами и отвернулась к окну.

- Ладно, черт с тобой. Давай искать любовницу. Вспомни, говорил при тебе Бокарев о какой-нибудь бабе? Ну, так чтоб в восторженных тонах или просто вскользь, но зато не по разу? С этого обычно и начинается: первый признак!

- Да нет, не говорил. На работе у него есть, конечно, и бухгалтерши и секретарши, но это все как-то... Дело в том, что у него и знакомых не очень много. Старые связи он тоже полностью оборвал, одна только Алла осталась.

- Что за Алла? - живо заинтересовалась Марина.

- Ну, Алла! Та докторша, которая спасла девочку. Она же его подружка чуть ли не со студенческих лет.

- Ага. Это уже становится интересным. Подружка значит?

- Брось, Марин, - она помотала головой. - Это не то. Она практически друг семьи, и Оленьку спасла.

- И что? Что это меняет?.. Ты много можешь мне привести примеров чистой дружбы мужчины и женщины?

- Они дружили ещё в институте. Причем дружили компаниями: девочки-медики и мальчишки-технари. Все, кто хотел, давно уже переженились.

- Я тебе не о том говорю! Ты уши прочисти и слушай! Не старая ещё баба, врачиха, лучше других знающая, что девочка - дочь Олеси. Плюс к тому, у нее, наверняка, остались подтверждающие это документы! Плюс, она отлично понимает, что можно провести генетическую экспертизу! Плюс, наверняка, спасибо Вадику, ориентируется в твоих болячках! Да и потом, не верю я в старых подружек! Не верю, хоть ты меня убей!.. Она в доме у вас часто бывает?

- Не очень часто - нормально, - Лиля все ещё пыталась сохранять скептическое выражение лица, но сердце уже провалилось холодным камешком в живот.

- ... Приходит к вам домой в твое отсутствие?

- Да, бывает, я гуляю с Оленькой...

- Так чего же тебе ещё надо? Чего тут мудрить? Есть у неё возможность в твоих вещах порыться? Есть возможность волосы с расчески собрать?

- Марина, ты просто не понимаешь, что говоришь!

- Я-то как раз понимаю! Олесю убили, тебя посадили, Бокарев получил денежки, а потом женился на старой подружке... Что, скажи, тебя смущает?

- Валеркина дача! - почти выкрикнула она. - При чем тут Валерка? Это же был самый главный косяк в мою сторону! Дело-то все в том, что Вадим о Валере ничего не знает. Ничего! И Алла, соответственно, тоже!

- Ну, извини, - Марина развела руками. - Тогда ничем помочь тебе не могу. То мы ищем любовницу, а то вдруг выясняется, что любовница про дачу знать не могла и, соответственно, вообще тут ни при чем!.. Что, твой роман с Киселевым - засекреченная информация?

- Не засекреченная, но каким-то образом она должна была всплыть? Я знала, ты знала...

- О! Еще скажи, что это я - Бокаревская любовница!

- Я не о том.

- Слава Богу, что не о том... Да может твой Вадик знает все тысячу раз? Кто угодно с работы мог при нем на эту тему болтать.

- Кто?

- Слушай, а я знаю?.. Просто это самое логичное объяснение. Услышал, запомнил, где-то в голове отложилось. А то что не заговаривал никогда с тобой о Валерке - так извини, с какой бы радости ему сцены ревности тебе устраивать?

От жары и дыма начинал тупо болеть затылок. Лилия подумала о том, что надо принять таблетки, и ещё о том, что Кира Петровна может забыть дать Оленьке морковный сок. По рулету на столе медленно ползала маленькая муха, она согнала её рукой.

«Алла, Алла, Алла», - звенело в голове. Имя напоминало звучанием слово «алиби», и от этого делалось совсем тошно... Об Алле она подумала бы в последнюю очередь, если б не Маринка с её убийственной логикой.

А, в самом деле, почему не Алла? Женщина, которая уже много лет рядом с Вадимом, женщина, которая знала тайну Оленьки, женщина, которая имела возможность доказать, что девочка - дочь Олеси. Женщина - врач. Умный, опытный врач, которому, раз плюнуть, разыграть приступ болезни Рено и заставить следствие ткнуться носом в её, Лилину, медицинскую карточку.

- Ладно, спасибо тебе, - она поднялась с дивана. - Мне просто сейчас надо привести в порядок мозги и спокойно во всем разобраться. И еще, я хочу тебя попросить... В общем, не обмолвись нигде,

пожалуйста, что я к тебе заходила.

- Ага! И ещё попроси меня отдельным пунктом не бегать в милицию и не писать заявление в прокуратуру, - усмехнулась Марина. - Странная ты какая-то, честное слово!

Они простились в дверях. Маринка, как раньше, вышла на лестничную клетку дожидаться, пока до десятого этажа догромыхает лифт.

- А помадой какой твоя Алла пользуется? Не кофейной часом? - спросила она, когда Лиля уже готова была шагнуть в кабину.

- По-моему, розовой. А что это меняет?

- Ничего, - согласилась та. - Ничего не меняет.

Лиля вяло махнула рукой, зашла в лифт и нажала на кнопку первого этажа. Кабина мягко поехала вниз, а она прислонилась затылком к прохладной стене и прикрыла глаза. В голове все перемешалось: вата, измазанная кофейной помадой, полные, четко очерченные губы Аллы, пучеглазый львенок на Маринкиной полке и что-то еще... Было что-то еще...

Она не могла понять, что именно её тревожит, да и не хотела сейчас разбираться в нюансах ощущений. Все это отодвинулось на второй план вместе с заботами о морковном соке.

«Я ведь даже не знаю её отчества?»

Лифт остановился, створки разъехались.

«При чем тут отчество?.. Оленька, Вадим! О, Господи!»

В лицо пахло раскаленной уличной пылью.

«Алла..», - как о чем-то незнакомом и страшном подумала она и вышла из подъезда.

* * *

То, что её уволили, как-то не укладывалось в схему и тревожило, смущало точно так же, как Валеркина дача.

- Денисова уволилась по собственному желанию, - спокойно объяснила заведующая клиникой. - Ищите её по домашнему телефону... Мне бы даже не хотелось вспоминать об этом педиатре.

Ее уволили... Это было вполне естественно. Приходила милиция, подняли истории родов полуторогодовой давности, что-то там раскопали... Алла Денисова спасла новорожденную недоношенную девочку. Алла Денисова без всяких на то законных оснований отдала ребенка в чужие руки и выписала фальшивые документы... Ее уволили со скандалом.

Райончик, в котором она жила, был так себе. Панельные пятиэтажки, девятиэтажные дома серые от сырости. Настоящие джунгли корявых деревьев и кустарников вокруг крошечных детских площадок и гаражей.

Телефонный разговор Лиле не устраивал. Она должна была видеть её глаза. Уже не было ничего - ни обиды, ни страха. Только воспоминание об Аллином голосе, который, как ей уже теперь казалось, очень сильно напоминал тот голос в телефонной трубке. Немного помех, немного хрипотцы...

- А вы в какую квартиру, девушка? - спросила пожилая дама, набирающая код на замке подъезда и загоразживающая от Лили плечом последовательность цифр.

- В сорок восьмую.

- А-а! - тон был несколько странным, но, в принципе, мог означать что угодно. И то, что к одинокой непорядочной Денисовой кто только не ходит (мужчины? А может Вадим? Может, в самом деле, Вадим?), и то, что Алла, наоборот, вполне благонадежна, а значит, гостью можно запустить в подъезд.

Дама вышла на шестом этаже, Лиля доехала до восьмого. Сильно и зло, боясь растерять уверенность, нажала на кнопку звонка. Алла открыла сразу. Она, видимо, причесывалась перед зеркалом, висевшим в прихожей. На полочке лежал фен и стояла открытая баночка с немецким гелем. Ногой отодвинула белые босоножки, мешающие пройти, спросила только:

- Ты одна или с Вадимом?

- Я одна, - ответила она нервно. - Ты разве не знаешь, что я в розыске?

- Знаю: Вадим звонил... Давай только сразу: чего ты от меня хочешь? Все показания я уже дала, так что изменить ничего не смогу. Пользы от меня никакой и вреда уже тоже.

- При чем тут польза?

- А зачем ты тогда явилась?

На лестничной площадке громко хлопнула чья-то дверь. Лиля вздрогнула и на секунду отвела взгляд от Аллиного лица. Когда же снова взглянула на нее, обнаружила, что та совсем чуть-чуть сместилась вдоль стены прихожей и теперь стоит ближе к телефону. Рука возле трубки, поза - застывшее напряжение. Она вдруг ясно поняла, что та пытается изобразить страх (как же! В дом пришел убийца! Звонить в милицию! Караул! Спасите!), и внезапно почувствовала мучительное желание рассмеяться.

- Алла! Ну, и зачем это? - короткие, булькающие спазмы рождались у неё в горле. - Ты же - взрослая, умная женщина. Зачем этот цирк? Что ты хочешь показать? Что страсть, как меня боишься, и если я кинусь на тебя с топором, тут же позвонишь в «02»?.. Алл, ну ты же не можешь не понимать, что пожелай я разнести тебе голову, ты даже на нолик нажать не успеешь - не то что сообщить адрес!.. И, вообще, ты никуда не позвонишь.

- Почему? - спросила Алла вполне спокойно и убрала обе руки в карманы домашних светлых брюк.

- Потому что однажды ты уже позвонила. И назвала мне место встречи, а ещё телефончик. Потому что я пришла в «Камелию», а в двенадцать, как мне и было велено, вышла позвонить. А в это время другая женщина... я сильно подозреваю, что это была ты... продемонстрировала всему кафе свои, якобы, синие пальцы... Мне продолжать?

- Как хочешь.

- Значит, продолжу... Я не думаю, что головы Олесе и её мужу ты проломила собственноручно: наверняка, был кто-то еще. Но помада у нас под зеркалом - это ты, но «Турбуленс» - это ты. Ты ведь пользуешься «Турбуленсом»?.. И телефонные звонки - это ты, и план, наверняка, твой - с начала и до конца. Убить Олесю, отправить в колонию меня, помочь Вадиму оформить удочерение, а потом выйти за него замуж и вместе пользоваться полученным наследством...

- Чай будешь? - голос Аллы был ровным и грустным, и Лиля вдруг почувствовала, что уверенность растворяется, противной слабостью стекая к кончикам пальцев. - К чаю у меня, правда, ничего нет, но все равно пойдем на кухню. Что в прихожей стоять?

- Я никуда не пойду: я хочу услышать...

- Хорошо, поговорим здесь. Во-первых, никаким «Турбуленсом» я не пользуюсь - только «Сальвадором Дали», во-вторых, ты права, я, действительно, что-то там изображала с телефоном, непонятно зачем. Защитная реакция, наверное?.. Нет, все глупости... Я с самого начала чувствовала, что ты тут ни при чем... Ну, и в-третьих, не знаю, поверишь ты или нет, но все твои подозрения в мой адрес - глупость.

- А вот теперь ты права: не поверю, - она снова коротко и истерично хохотнула. - Не поверю, Алл!

- Ну и зря. Начнем с того, что мне незачем было протраивать всю эту операцию.

- Незачем?! Отлично!.. А Вадим? А деньги?

- Что «Вадим»? Вадим - добрый старый друг, не более того. Если ты думаешь, что у нас с ним - любовь, то сильно ошибаешься... А что касается денег?.. Деньг нельзя получить, Лиля. Оленька их никогда не получит. И я одна из немногих, кто об этом знает. Так что у меня не было никакого резона убивать Райдеров.

- Что значит «нельзя получить»? С какой стати ты об этом знала? Ты что, юрист международного уровня?

- Я - врач, - Алла едва слышно вздохнула и с внезапной злостью захлопнула приоткрытую дверь ванной. - Я - врач, присутствовавший при родах Олеси Кузнецовой. И я знаю, что генетическая экспертиза даст отрицательный результат, потому что Оленька - не её дочь.

Молчание было длинным. На кухне глухо урчал холодильник, во дворе жизнерадостно орали дети. Лиля по-прежнему стояла у двери и думала о том, что глупее, безобразнее всего будет прямо здесь грохнуться в обморок.

- В каком смысле «не её дочь»? - проговорила она наконец. - Как такое возможно? Я ещё понимаю - «не дочь Вадима»...

- И не дочь Вадима - тоже. Ее мать, насколько я знаю, студентка, а отец, вообще, неизвестно кто.

- Подожди, Алла, я не понимаю!

- Пошли все-таки на кухню.

Они прошли на кухню. Алла включила электрический чайник, пошарила в коричневой пластиковой хлебнице и достала шоколадные вафли в надорванной упаковке. Подвинула к Лиле

сахарницу, поставила перед ней чашку, положила ложку. Сама села напротив, облокотившись о стол и подперев подбородок обеими кулаками.

Над чайником тонкой струйкой вился белый пар, в носике булькало. Алла следила за закипанием воды с преувеличенным, почти болезненным вниманием.

- Девочка прожила уже семьдесят два часа, - произнесла она, в конце концов, глядя на чайник широко раскрытыми глазами. - Конечно, в таких случаях, семьдесят два часа - не показатель, но её запросто можно было вытащить, а я... А у меня тогда выдался очень тяжелый день. Точнее ночь. Накануне вечером я сильно выпила в компании с одним мужчиной, мы поссорились. Ну и наутро...

Наутро она проснулась с раскалывающейся головой и ощущением, что жизнь кончена. Памятью о вчерашнем вечере осталось отстиравшееся винное пятно на новом костюме песочного цвета и пустая бутылка коньяка, которую она выпила в одиночестве уже ночью. Как алкоголичка. Или просто как глупая баба, которую бросили. Которую бросили, но которой ничего, по сути дела, и не обещали.

Алла опустила с дивана опухшие ноги со вздувшимися венами и с каким-то болезненным наслаждением поставила горячие, дрожащие ступни на холодный линолеум. Топили этой зимой плохо, батареи были чуть теплые. Но сегодня это пришлось как нельзя кстати. Голова гудела, собственное дыхание, отдающее «Белым аистом», заставляло подкатывать к горлу все новые и новые сгустки тошноты.

Она вдруг вспомнила, что вчера ночью позвонила ресторанному кавалеру и наговорила всяких гадостей, пакостей и мерзостей, чем окончательно опозорила себя, вывалившись из образа сдержанной, умной, сильной леди, как картошка из дырявого мешка. Ну, и пусть, ну, и ладно! Пусть бы он даже увидел её такой, уснувшей прямо поверх клетчатого пледа в фланелевом задравшемся халате и размазанной по лицу косметике. Пусть, теперь все равно...

Она поднялась с дивана и побрела к умывальнику. Стены вибрировали, а линолеум раскачивался туда-сюда, как отломанное доньшко неваляшки. Хорошо хоть, что коридор короткий. Идти не далеко. В ванной она первым делом взглянула в зеркало, увидела отекавшее серое лицо с опухшими глазами и подумала: «Это надо же было так напиться!» Мысль тоже была «алкашной», от этого становилось ещё обиднее. Алла жалко и одновременно зло усмехнулась. Спросила у своего отражения: «Ты меня уважаешь?»

Потом она насильно влила в себя чашку очень крепкого и очень горячего кофе, прополоскала рот отваром мяты и пошла одеваться.

Поправила перед зеркалом прическу. Не тщательно, а так, чтобы выглядеть не совсем уж пугающе, капнула на запястья немного «девятнадцатой Шанели» и подкрасила опухшие после вчерашних рыданий губы бледно-розовой помадой. А часы все тикали и тикали. Шевелиться не хотелось. Хотелось снова упасть на диван ничком и лежать, лежать, лежать... Пока из ЖЭУ не придут проверять, проживает ли кто-нибудь в квартире. Но работа в частной клинике не предусматривала прогулов.

Алла достала из шкафа капроновые колготки, скатала штанины так, чтобы уж точно не промахнуться и с отвратительной смесью сарказма и пафоса сказала сама себе, поражаясь тому, как хрипло и пропито звучит голос: «Вперед! Тебя ждут маленькие детишки, которые нуждаются в тебе, несчастная пьянь с мутными глазами и трясущимися руками!.. Да кто, вообще, в тебе нуждается? Три попытки! Есть варианты? Ах, нет!.. Ну, тогда - поздравляю!»

В троллейбусе её тошнило, в метро кружилась голова. Даже акушерка Галя, с которой она столкнулась в вестибюле, участливо заметила:

- Болеете, Алла Леонидовна?

- А, ничего, пройдет, - она отмахнулась. - Так, подпростыла немного.

Галя не уходила. И вид у неё был испуганный и виноватый. Да по одному её чрезмерно-заискивающему «болеете, Алла Леонидовна?» можно было понять, что что-то нечисто.

- Ну, говори, - Алла стащила с головы белую пуховую шаль и резко встряхнула её, освобождая от снега. - Что? Санэпидемстанция была? Что-нибудь нашли? Или кто-нибудь из мамочек чем-то недоволен? Жалуются?

Галя стояла перед ней, понурив голову и переминалась с ноги на ногу, как лошадь, привязанная к столбу. Она ещё успела подумать, что при Галиных толстых икрах надевать шерстяные носки с отворотами противопоказано категорически, когда та, наконец, подняла глаза и голосом ученика,

который собирается проканючить директору школы: «я больше не буду», выдала:

- Вы только не сердитесь, пожалуйста, не сердитесь... То есть, я, конечно, не то говорю... Но девочка, та, которая под колпаком, умерла... Там ничего нельзя было сделать, мы старались... Таня всего на полчаса отлучилась, потом пришла обратно, а там уже...

- На полчаса? - заорала Алла, ещё не соображая, что в данном, конкретном случае кричать никак нельзя. Потому что, не дай Бог, нажалуются. - Знаю я эти полчаса! Наверное, опять Татьяна со своим мужиком обжималась до посинения, до зеленых чертиков в глазах?.. Ах, падлы! Вот падлы!

Потом она летела вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки, и думала о том, что бежать уже, собственно, некуда. Еще о том, что все и должно было кончиться именно так, потому что если карточный домик начинает рушиться, то веером рассыпаются и бубны, и трефы, и черви. Ничего не остается...

Девочка по-прежнему лежала под колпаком, только все системы уже были отключены. Сейчас она казалась ещё больше похожей на обезьянку. На маленькую мертвую обезьянку.

Алла опустила руку на пол, взялась рукой за холодную металлическую ножку и завывала. Ей было жаль ребенка, потому что она уже вложила в него безумно много нервов и сил, и просто потому что он умер. И пожалеть её было некому. Она думала о том, что и Галина, и Татьяна, обиженные, изруганные, в конце концов, утешатся на груди своих мужчин, расскажут про злобную и несправедливую дуру-завотделением, обязательно процитируют фразу про «зеленых чертиков». Посетуют на то, каким невыносимым и опасным для общества делается характер старых дев... Да что там говорить? Девочка умерла, и все умерло.

Мысль о том, что это случилось, а Вадим ещё ничего не знает, пришла ей в голову только часа через два, когда она уже беседовала с дежурным врачом, пытавшимся реанимировать ребенка.

- Нет, там, в самом деле, было бесполезно что-либо предпринимать, оправдывалась молодая, красивая и, как ни странно, умная Юлия Вельяминова. - Я пыталась, честно! Но...

- Ничего уже не исправишь, - отрешенно проговорила Алла, поднимаясь со стула. - Он подумает, что это все я, что это из-за меня...

- Кто? Кто подумает? - вскинулась Юлия. - Если хотите, я кому угодно подтвержу, что вы совершенно не виноваты. Хотите?

- Спасибо. Ничего не надо, - ответила она и ушла в свой кабинет.

Ни плакать, ни курить не хотелось. Она думала о Вадиме, о Лиле, об Олеесе, мысленно похоронившей свою дочь уже семьдесят два часа назад. Она думала о мертвой девочке. А ещё о том, что её старый друг до основания разломал все в своей жизни, чтобы забрать из клиники пищащее существо в одеяле...

В конце концов, наклонилась над столом, опрокинув подставку с карандашами, подтянула к себе телефонный аппарат с новенькими серыми кнопками и по памяти набрала номер. Когда на том конце провода ответили, она заговорила быстро, четко и без эмоций:

- Нина, ты? У вас есть сейчас отказные дети? Нужна девочка. Желательно, недоношенная... Я тебе потом все объясню. Нет, никакой торговлей детьми я заниматься не собираюсь... Ты скажи сначала: есть или нет?.. Ну, хорошо, ребенок умер. Общий смысл поняла? Да, мне это надо! Да, мне, а не родителям... Нет, они не «шишки», но мне это нужно... Ниночка, миленькая, помоги мне, иначе я просто не знаю, что делать...

- ...Ее звали Нина Бородянская, если тебе интересно, - Алла разломила вафлю и теперь задумчиво крошила шоколадную начинку на блюдечко. - Она работала в Хорошевском районе. Да и сейчас работает... Это, на случай, если ты мне не поверишь и решишь проверять. Вот и все.

- Но зачем? - она быстрым движением убрала волосы со лба. - Я все равно не понимаю, зачем? Ведь Вадим же хотел не просто ребенка, он хотел ребенка Олеси, а это... А Оленька, получается, совсем чужая ему девочка?

- Я, кстати, боялась, что ты не поймешь... Да, чужая, да, не Олесина. Но теперь представь себя на моем месте. Друг сначала рыдает мне в халат, что ему нужен этот приговоренный ребенок, я влезая в страшную авантюру. Но не только влезая сама - втягиваю его! Это я убеждаю его жениться, это я объясняю, что за собой придется сжечь все мосты. Что он и делает. Женится на тебе, увольняется с работы... К моменту смерти девочки вы были уже официально женаты.

- Мы могли развестись.

- Да, могли... Но я подумала, что для Вадима так будет лучше. Он создал себе иллюзию и уже жил

в ней: семья, жена, дочь - маленькая копия бывшей возлюбленной... Вадим, вообще, очень сложный человек. Очень сложный! Можно даже сказать, странный! Я ещё Олесю об этом предупреждала. Никто не мог знать, как он отреагирует... Если угодно, я где-то испугалась за себя и перестраховалась. Побоялась, что он поднимет шум, и меня выпрут с работы. Как, в конце концов, и случилось... Во-от... А Нинка гарантировала, что младенец здоровый, никакой там алкогольной или наркотической патологии. Документы оформили, девочку отдали вам.

- А Олеся? - сама не зная, зачем, спросила Лиля.

- А что «Олеся»? Олеся отлежала в клинике положенные дни и выписалась. Улетела вместе со своим Тимом... О дочери она не плакала, не думай.

- Ты её не любила?

- Олесю-то? Да, не любила. Мне из одних профессиональных соображений и то уже было гадко... Однако, мотива убивать её у меня, как видишь, не было!

- У меня тоже сначала не было, - она невесело усмехнулась. - Потом нашли... Ты извини меня, что я так к тебе ворвалась.

- Ничего, - Алла пожалала плечами. - Ради Бога... Я вот только не знаю, стоит ли Вадиму говорить, что девочка ему не родная? Может, пусть и дальше считает, что воспитывает собственную дочь?

- Он не воспитывает. Я Оленьку увезла.

- Да, прости. Я забыла...

Еще немного помолчали. Дети за окном уже вопили не так пронзительно, даже холодильник сменил мерное ровное гудение на прорезающиеся время от времени трепыхания.

Лиля думала о том, что только что услышала и совершенно не ощущала горечи по этому поводу. Наоборот, она чувствовала себя почти счастливой. Оказывается, Оленька - не дочь Олеси и Вадима! Она - не плод их мучительной и недолгой, по сути, любви. Она ничья, а, значит, намного больше - её собственная, чем она смела надеяться... Ее Оленька! Ее милая, хорошенькая Оленька, для которой она не приглашенная няня, а мать, имеющая равные права с отцом.

- Не пьешь ничего, - заметила Алла.

- Да дело в том, что я сегодня уже была в гостях.

- Весело живешь для уголовницы объявленной в розыск... Извини, шутка.

- Ничего.

Из гостей... Из одних гостей да в другие... Маринка... Плюшевый львенок у неё на полке... Талисман... Львенок, нарисованный в подвале заброшенной дачи... Песок под ногтем Олеси... Ее фотография... Отчего так тревожно? Отчего?... Что-то сказала Маринка? Что же она сказала?... Львенок... Лев - Лион - Леон...

- Лиля, ты обиделась что ли?

- Что? - она вздрогнула. - Нет, я не обиделась... Алл, я вот ещё о чем хотела с тобой поговорить. Точнее, сначала, конечно, я этого делать не собиралась, но раз уж так дело повернулось...

- Я все понимаю. Давай без взаимных реверансов?

- В общем, мне кажется, что у Вадима есть любовница. Я с чего стала тебя про «Турбуленс» спрашивать и ватку с помадой? Звонки эти, смех в трубке... Ну, ты уже поняла, что как раз эта женщина меня в кафе выманила?

Алла коротко кивнула, подперла щеку рукой.

- Мне кажется, что это все - она. Вадим бы просто не смог. Слишком сильно он когда-то Олесю любил.

- Да, любил... Я помню.

- Вот... А теперь эта женщина.

- А зачем ты все-таки пошла в кафе? Разбираться? Глаза ей выцарапывать?

Лиля сомневалась всего секунду. Потом помотала головой:

- Нет, выцарапывание глаз тут ни при чем. Просто так я бы ни за что не пошла. Она... эта женщина сказала, что знает про Вадима кое-что, что может быть интересно милиции, и если я не приду - тут же его выдаст.

- Вадим? Милиция? - Алла даже отпрянула. - Чушь какая-то! Ты уверена, что правильно поняла? Я его сто лет знаю, он у тебя мужчина, конечно, со странностями, но не до такой же степени?

- Да в том-то и дело, что неправильно понять было просто невозможно! Понимаешь, у нас на работе около двух лет назад была кража: вскрыли сейф у шефа к кабинету, взяли много денег. Тогда

посчитали, что постарались какие-то левые ребята, а эта женщина утверждает, что у неё есть улики против Вадима. Либо она работала вместе с нами, либо у них настолько близкие отношения... Я просто не знаю...

- Погоди-погоди! Что значит, «улики против Вадима»? Она что-нибудь конкретное тебе предъявила?

- Она предъявила мне ультиматум: либо я прихожу в кафе, причем ни Вадиму, ни милиции ни слова, либо она его сдает, и вся его карьера, вся его жизнь летит к чертовой матери!

- Н-да...

- Вот именно, - Лиля тихо вздохнула. - Иногда мне кажется, что это сама Олеся: живая ли, мертвая ли. Слишком много она знает, слишком! И про кражу эту чертову, и про Оленьку...

Алла перегнулась через стол и расправила смявшийся край клеенчатой скатерти:

- Нервы у тебя ни к черту, вот что я тебе скажу! Олеся мертва, и нечего тут выдумывать! Всему надо находить реальное, а не мистическое объяснение. Ну, что уж она такого особенного знает? То, что девочка удочеренная? То, что он когда-то деньги спер?.. Знаешь, во время хорошего секса можно и не такое вызнать.

- Она знала о моем бывшем любовнике. Мало того, она знала адрес его дачи! Как хочешь, Алла, но я не верю в такие совпадения.

- Это вот так, с бухты-барахты, объяснить, конечно, сложнее. Но если подумать, и тут можно разобраться. Дача. Ну, что «дача»? Военный объект?

Почти такую же фразу каких-нибудь пару часов назад произнесла Маринка. «Дача - не военный объект», «отношения с Валеркой не помечены грифом «совершенно секретно». Но, кроме этого, она сказала что-то еще... Лиля снова почувствовала, как руки её покрываются гусиной кожей... Что-то сказала Маринка или что-то не договорила Алла? О чем шел разговор? О любовнице? О том, откуда она знает про дачу? Об Олеесе?

Она попыталась подробно, чуть ли не по репликам, воспроизвести в памяти беседу с бывшей подружкой и коллегой по работе. Но в голову упорно лез игрушечный львенок с косыми глазами и ещё почему-то муха, ползающая по фабричному рулету. Потом вспомнилась фотография Олеси, там, где она маленькая делает уроки. Игрушка на заднем плане, в углу дивана. На секунду подумалось, что это, возможно, тоже был лев. Однако, Лиля быстро отогнала эту пустяковую, но отчего-то тревожную мысль: на диване явно сидел медвежонок.

- Ты знаешь, - Алла подвинула к себе жестяную банку из-под кофе, потрясла ею в воздухе, убедилась, что внутри пусто и поставила банку обратно на стол, - мне Вадим в последнее время тоже казался каким-то странным. О том, что у него женщина могла появиться, я как-то не подумала. Рассеянный, глаза пустые, о семье, о вас с Олюшкой говорил неохотно. Я расспрашивать-то особенно не стала. Думала, может, вы поссорились, может, ещё что... И духами... На самом деле, духами от него как-то раз очень сильно пахло! Горьковатыми, какими-то чужими.

- «Турбуленс», - произнесла она горько. - Это, Алла, «Турбуленс». Значит, ты тоже заметила?

- Даже не знаю, что тебе сказать? - та развела руками. - Да и что тут скажешь? Может быть, на самом деле, тебе в милицию пойти? Но, другой вопрос, поверят ли там сказочке про любовницу?

- Вот видишь, ты понимаешь! А что остается делать? Только самой улики на неё собирать? За руку её ловить? За шкурку тащить в отделение?

- Если бы это было так просто...

- Но ты ведь тоже уверена, что она существует?

- Почти, - Алла зябко обхватила себя за плечи, несмотря на то, что в кухне было ужасно жарко. - После всего, что ты рассказала, и в свете того, что я в последнее время замечала за Вадимом?

- А как ты думаешь... он, на самом деле, мог взять те деньги?

- Ой, не знаю! Теперь я уже ничего не знаю. С одной стороны, это ересью полной кажется, а с другой...

С пару минут молчали обе: Алла, растушевывая пальцем пятно на скатерти, Лиля, рассеяно наблюдая за её рукой. Наконец, Алла проговорила тихо и монотонно, все так же не поднимая головы:

- А хочешь узнать, зачем Райдеры приезжали в Москву?

- Прости, что? - не поняла она.

- Хочешь узнать, зачем Райдеры в Москву приезжали? Это, конечно, только мои догадки, но...

- Подожди, Алла, если это имеет какое-то отношение к убийству...

- Может, имеет, а может, не имеет. Мне откуда знать? Просто все слишком тесно связано с тем, погибшим ребенком. Наверное, правильно Олеся чувствовала, что этой девочке не нужно жить на свете. Столько горя из-за нее, столько крови... Тим ведь сначала прилетел в Москву один. Прилетел, нашел меня, сказал, что нужно побеседовать в неофициальной обстановке и пригласил в кафе. Он, кстати, уже вполне прилично говорил по-русски: Олеся, наверное, поднатаскала...

...Она сразу поняла, что в языке его поднатаскала Олеся. Даже букву «р» Тим Райдер теперь прокатывал быстро и мягко, как она.

- Простите, что отнимаю у вас время, - говорил он, нервно постукивая вилкой по краю тарелки, - простите, Алла. Но, то, что я хочу вам сказать, очень важно... Я женат на вашей бывшей пациентке...

- На моей пациентке? - Она попыталась усмехнуться. - Это невозможно. Дело в том, что наблюдаю и лечу я исключительно грудничков. Вряд ли кто-нибудь из моих девочек мог уже подрасти настолько, чтобы стать вашей женой. Или я так плохо выгляжу?

- Я не точно выразился. Моя жена рожала в клинике, где вы работаете. Ее зовут Олеся. Олеся Кузнецова.

Алла помнила Тима так же хорошо, как и его драгоценную Олесю отекающую, неуклюжую, кутающуюся в розовый халат. Он же, похоже, незаметную докторшу не помнил, потому что вдруг прищурился неуверенно и жалко:

- Это ведь были вы?.. Понимаете, у моей жены был особый случай. Она делала искусственные роды, и ребенок умер...

- Да, - ей надоело разыгрывать нелепую интермедию. - Я помню вашу жену. Помню вас. Помню её заявление о том, чтобы ребенку не сохраняли жизнь. И девочку вашу помню. Живую! Которая некоторое время дышала.

- Не нужно обвинять Олесю, прошу вас! Я слышу по голосу, что вы её осуждаете, но я здесь для того, чтобы вам все объяснить! Поверьте!

Вилка скользнула с его тарелки, увлекая за собой ломтик форели. Рыба мягко шлепнулась на скатерть. Тим Райдер покраснел:

- Выслушайте меня, прошу вас!

- Нет нужды оправдывать в моих глазах вашу супругу, - Алла чуть отодвинулась вместе со стулом. - Если честно, мне на неё наплевать. В свое время, я Олесю уговаривала, упрашивала! Но она сделала, то что сделала.

- Она сделала это из-за меня, - глухо пробормотал он. - Дело в том, что эта девочка... Это был не мой ребенок, и Олеся боялась, что чужой ребенок разрушит нашу жизнь. Только из-за меня она пошла на искусственные роды. Вы не подумайте, я ничего такого не требовал! Но она не поверила, она боялась, что я не смогу любить этого младенца.

- А вы смогли бы?

- Вам смешно?

- Нет. С чего вы взяли?

- Вам смешно... Наверное, так это и выглядит. Но я любил даже её домашние тапки только за то, что это были её тапки. А, тем более, её ребенок, её часть, её кровь... Она не верила, а я... Я, на самом деле, переживал, когда девочка умерла.

Зелень на тарелках понемногу увядала, над розовой форелью уже не вился дымок. Ни Райдер, ни Алла так и не притронулись к еде.

- Чего вы хотите? - спросила она наконец, заметив, что англичанин совершенно запутался. - Ведь чего-то же вы хотите? Не затем же вы пригласили меня, чтобы обелить имя своей жены?

- Да... Я хочу... То есть...

Она терпеливо ждала.

- Я хотел... Это был ребенок от мужчины, которого Олеся когда-то любила, а теперь она несчастна. И наш семейный доктор... Он сказал, что она, возможно, никогда больше не сможет иметь детей...

- Так в чем же дело? Усыновите кого-нибудь, наймите суррогатную мать. Пусть за неё выносят и родят готовенького. Получит сразу в пеленках и с пышным бантиком. По-моему, для вашей Олеси - самый подходящий вариант?

- Нет, - он страдальчески сморщился, - вы не понимаете! Она не такая, она - просто несчастная

женщина. И я хочу попытаться хоть чем-то ей помочь.

- Ближе к делу, - холодно попросила Алла. И тогда Тим вскинул на неё блеклые глаза, вдруг сверкнувшие почти злым огнем:

- Не нужно её ненавидеть. А если вы хотите «ближе к делу», пусть будет «ближе к делу»... Девочка умерла, ведь так?

Она вздрогнула, вспомнив о тех семидесяти двух часах, которых малышка провела в барокамере, но быстро убедила себя в том, что Райдер не может ни о чем знать.

- Да. И вам это известно не хуже, чем мне.

- Но теоретически она могла выжить?

- Да.., - она почувствовала, как язык прилипает к небу.

- Это все, что я хотел знать... А теперь я хочу предложить вам деньги. Большие деньги за то, что вы скажете моей жене о том, что её дочь осталась в живых.

- Что-что? Я, кажется, не расслышала...

- Вы все расслышали, не нужно играть! У вас в стране множество детских домов, миллионы отказных детей. Неужели с вашими связями, с вашими знакомствами в медицинском мире нельзя найти полторагодовалую сироту, которая будет только счастлива обрести родителей? Я просто хочу, чтобы Олеся знала: это её дочь, её и того, русского, мужчины.

- То есть, если я правильно поняла, вы хотите купить ребенка?

- Да, - проронил он просто. И она не нашлась, что сказать в ответ.

- ... Да, я хочу купить ребенка. Но это должно выглядеть так, будто вы вдруг решили подзаработать денег и поэтому во всем сознались. Или же вас начала мучить совесть. Главное, дочь Олеси выжила и сейчас находится в одном из детских домов!

- Но почему не обычное усыновление? Почему вам не взять какого-нибудь английского малыша?

- Потому что она должна знать, что девочка жива, детоубийства не было, и никто ни в чем не виноват. А ещё Олесе, возможно, будет легче при мысли...

Тим не договорил, но Алла и так поняла все. «Олесе будет легче при мысли о том, что она растит не чужого младенца, а ребенка, зачатого от некогда любимого Вадима».

- Вы сумасшедший, - только и смогла вымолвить она. - Вы, на самом деле, сумасшедший...

... - Я обозвала его сумасшедшим, - Алла поправила серьгу в ухе, - но он не обиделся. Он был как зомби, как человек под гипнозом. Вынь да положь ему ребенка!.. Так странно... Он даже не знал, насколько был близок к истине. Если бы не халатность наших детских сестер, если бы не случай... Впрочем, ладно!

- Подожди, Алла! Что значит, «ладно»? Чем ваш разговор-то закончился?

- А чем он мог закончиться? Я, по счастью, в то время пребывала в здравом уме, поэтому сразу ему отказала. Не хватало мне ещё связываться с экспортом детей за рубеж... Объяснила, что ко мне с такими просьбами подкатывать бесполезно, что за такие дела и сесть можно.

- А он?

- Он опять давай про деньги, шикарную квартиру мне купить обещал вместо вот этой халупки. Я сказала, что если ему так приспичило, то он может поискать кого-нибудь другого, кто поможет. В конце концов, на мне свет клином не сошелся. Можно связаться с сотрудниками детдомов, предложить им те же деньги. Может быть, даже меньшие...

- А потом?

- Потом мы расстались. Это было примерно за месяц до того, как их обоих убили... Я, конечно, не знаю, но мне почему-то кажется, что Райдеры вполне могли прилететь в Россию за ребенком.

И снова повисло молчание. Говорить, вроде бы, было больше не о чем. Алла, похоже, рассказала все. Лиля узнала даже больше того, на что могла рассчитывать. Но самым главным, конечно, было известие о том, что Оленька не дочь Вадима и Олеси, Оленька - ребенок несчастной, брошенной любовником студентки! Ее Оленька, её собственная Оленька! Ах, если бы об этом знали в милиции! Вся стройная логика в компании с железным мотивом убийства полетели бы к чертовой матери! При одном небольшом условии... Если бы можно было доказать, что об истинных родителях Оленьки с самого начала знала и она, Лиля. А, впрочем...

- Алла! - Она почувствовала, как сердце резко скакнуло к самому горлу. - Алла, послушай: только сразу не говори «нет», ладно? Я хочу попросить тебя об одной услуге. «Услуга» - это, конечно, мягко сказано... В общем, не могла бы ты заявить в милиции, что я была в курсе с самого начала? Ну, что я

знала о том, что дочь Олеси умерла, и что ты помогла найти другого ребенка? Мол, я очень сильно хотела замуж за Вадима, а он женился на мне только для того, чтобы я воспитывала малышку. Испугалась, что он со мной разведется, подкупила тебя, подговорила?..

Алла подняла голову, распрямила плечи. Лиля только теперь заметила темные круги у неё под глазами. Круги под глазами и сухие, скорбные морщинки, сбегаящие от крыльев носа к уголкам рта.

- Нет, - проговорила Алла спокойно и внятно. - Просто «нет», и уговаривать меня бессмысленно. Я знаю, что ты не убивала, ты можешь считать меня сколь угодно жестокой и бессердечной, но мне сейчас, для полного счастья, не хватает только факта подмены одного ребенка другим в личном деле! Понимаешь, Лилия, однажды ко мне пришел Вадим и попросил: «Спаси этого ребенка!» Я тогда себя спросила: «Алка, зачем это тебе надо?» Но он был мой старый друг и он плакал... Теперь он не плачет, все забылось. В худшем случае у него останутся деньги, квартира и карьера. У тебя останется ребенок. По крайней мере, до тех пор, пока тебя не поймали. А что у меня? Я уже однажды сделала вам доброе дело, и в результате в тридцать с лишним лет вылетела из клиники с «волчьим билетом». У меня нет ни семьи, ни детей, а теперь не стало ещё и работы... Тебе не кажется, что я и так слишком много для вас сделала?

Лилия молча встала, сама поставила свою чашку в раковину и, не оборачиваясь, быстро проговорила:

- Прости меня, пожалуйста. Считаю, что я ни о чем не просила.

Потом так же быстро обулась в прихожей и вышла, притворив за собой дверь. Алла её не провожала...

* * *

Теперь она не могла чувствовать себя в безопасности нигде - даже в этой квартире. В квартире, откуда её с грохотом и руганью несколько дней назад выволокла милиция. По идее, ей уже полагалось замереть в тоскливом оцепенении ужаса и ждать смерти, как лягушка под гипнотизирующим взглядом удава. Но, как ни странно, страх, заставивший её сделаться натуральной невротичкой, наоборот, размягчался, таял, испарялся... А, может быть, ей просто стало все равно?

Как бы там ни было, вчера вечером, стоя перед зеркалом в ванной, Наталья вслух сказала себе:

- Все, голубушка. Чему быть - того не миновать.

Взяла с полки шампунь, вымыла голову, просушила феном и, включив торшер, улеглась читать. Тяпка возле дивана остервенело грызла тапок, в комнате работал телевизор.

Она знала, что желтый свет в её окне, даже не задернутом шторами, виден и с улицы, и со двора ЗАГСа, что наспех укрепленная дверь слетит с косяка от легкого пинка, и все равно продолжала перелистывать страницы, умудряясь даже запоминать содержание книги.

А наутро в дверь постучали, тихо, деликатно и словно стыдливо. Наталья открыла, успев почувствовать, как под мышками выступает липкий пот. На пороге стояла соседка в апельсинового цвета тренировочных трико и белой футболке, туго обтягивающей полное тело.

- Здравствуйте, - проговорила соседка так же виновато, как и стучалась. - А я вот познакомиться зашла. Смотрю, Эльвира, вроде, съехала, а тут новая жилища...

- Я - её племянница, - перебила Наталья. - Эльвира скоро вернется, так что я тут постоянно жить не буду.

- Да? Надо же! - гостя покосилась на пластиковый пакет, который держала у руке. - Глупо получилось... Я тут булочек напекла, думала: знакомиться если, так надо к чаю что-нибудь прихватить...

Чаю Наталье не хотелось: с утра она успела выпить две больших кружки кофе, но дружелюбную соседку было жалко.

- Да вы проходите, - она отступила на шаг назад. - Чего, в самом деле, на пороге стоять? Эльвира, вообще-то, ещё не скоро появится, так что, может, мы с вами по-соседски и подружимся.

Булочки были круглые, румяные, с черничной и земляничной начинкой. Соседка вывалила их в плетеную тарелку, сама включила чайник и напросилась на экскурсию по квартире, заметив:

- А у Элочки здесь, вроде другой торшер стоял? Вы, Наташа, перестановку сделали? Или нет?

Осколки «другого» торшера были благополучно втоптаны в ковер тяжелыми милицейскими ботинками, а позже выброшены в мусорное ведро, но об этом Наталья, понятно, упоминать не стала.

Туманно заметила:

- Кое-что из своих вещей перевезла, раз уж надолго тут обосновалась... Проходите, присаживайтесь. Чай можно и сюда принести.

Гостья присела на диван, скользнула любопытным взглядом по застекленным витринам стенки. Посетовала на то, что Эльвира, в свое время, купила плохой фарфор, а вот теперь и перламутр кое-где облез, и, вообще, вид уже не тот. Подошла поближе, провела пальцем по корешкам книг, как бы машинально, но, в то же время, со значением, смахивая пыль. Без особого интереса просмотрела открытки, лежащие на полке, потом вдруг удивленно расширила глаза и ахнула, прижав одну руку к щеке.

Наталья посмотрела по направлению её взгляда и увидела то, что видела она - синий, обтянутый кожей альбом, с вытесненным силуэтом готического замка и львом, оскалившим в рычании грозную пасть. Львиные глаза отливали тусклым золотом, грива мерцала блестящими нитями.

- Что это? - с детским восхищением выдохнула гостья.

- Это? Да это так, - она пожала плечами. - Из моих вещей. Обычный фотоальбом. Только дорогой, английский и очень качественно сделанный...

* * *

- Не жизнь, а мексиканский сериал! - то ли с восторгом, то ли со скепсисом заметила Маринка, когда Лиля вкратце пересказала ей истинную историю Оленьки. - И Райдер этот получается просто какой-то святой! Но ты у нас, конечно, вообще! Если бы я знала, что ты отсюда прямым ходом к Алле попрешься, бригаду бы лучше из психушки вызвала, чтобы тебя повязали.

- Но ничего же не случилось? - Лиля задумчиво провела соломинкой по дну высокого бокала с соком.

- Слава Богу, что не случилось, что она такая же «убийца» как ты оказалась. А если бы нет? Если бы она тебя прирезала?

- Но ведь не прирезала?

- Да-а., - Маринка обвела неопределенным взглядом убогонькое кафе с квадратными пластиковыми столиками и качающимися колченогими стульями. - Кто бы мне сказал ещё год назад, что буду вот так с тобой, как Штирлиц, по кафе встречаться и от милиции прятаться - ни за что бы не поверила!

- Тебе-то что прятаться? Тебя, слава Богу, никто не ищет.

- За укрывательство посадят, - та небрежно махнула рукой. - Свяжешься с тобой, Муратова, не рад будешь, что на свет родился!

К столику подплыла официантка, поставила на поднос пустой Маринкин бокал, потянулась за Лилиным. Она отстранила её руку:

- Простите, я ещё не допила.

Официантка нервно пожала плечами, проворчала что-то вроде: «Сядут, по стакану воды закажут и занимают места в самые людные часы!», но все же удалилась.

Лиля поправила солнцезащитные очки, поддерживающие сейчас волосы вместо ободка.

- Я сама сейчас не рада, что на свет родилась, - она снова отпила немного сока через соломинку. - Понимаешь... Не складывается ничего, как ни крути! Есть эта любовница, потому что сразу у двоих галлюцинаций быть не может: Алла тоже говорила, что Вадим в последнее время стал какой-то странный. У этой любовницы есть информация о моих болячках, об Оленьке и о краже на работе. Персонал клиники отпадает, потому что их там и всего-то в курсе было два-три человека, из них, как минимум, двое - сама Алка и ещё какая-то Юлия Вельяминова - знали, что малышка Олеси, на самом деле, умерла... Пусть это кто-то с его работы, кто-то с улицы, но, опять же, информация о Валеркиной даче и еще... Ты знаешь, я, наверное, и в самом деле, дура, но мне кажется, что что-то во всем этом не то. Какая-то деталька лишняя, или, наоборот, чего-то не хватает!

- Чего не хватает? - Маринка даже подалась вперед.

- Понимаешь, я все время о фотографиях Олесины думаю - о тех, которые у нас дома хранятся...

- У вас дома хранятся Олесины фотки?!

- Да. Следовательно тоже удивлялся, ты знаешь... Но не в этом дело. Я когда думаю обо всем, что произошло, почему-то все время вспоминаю эти фотографии и что-то еще... Все время мысль

убегает... Игрушка там на одном кадре была, но это - медвежонок. Точно медвежонок - не лев... Были ещё какие-то девчонки на групповой студенческой фотографии. Я уже думала: может среди них любовницу искать? А потом вспомнила, что Вадим с Олесей в больнице познакомился, когда она уже институт заканчивала - значит, особо с её однокурсницами и не пересекался.

- Бедная ты моя, бедная! - Маринка положила в рот подушечку жевательной резинки и растушевала губами помаду. - И за что тебе только такое наказание? И здоровья - ни фи́га, и муж - сволочь конченная, и ещё баба его - убийца...

Лиля, чуть помедлив, подняла на подругу глаза и встретилась с её взглядом, добрым, спокойным, но, в общем-то, не особенно озабоченным... Маринка. Всегда счастливая Маринка, верящая гороскопам и талисманам и терпеливо ждущая своего рыцаря на белом коне...

- Понимаешь.., - прозрачная соломинка в её пальцах переломилась пополам, на зеленоватом пластике выступило белесое пятно, - у меня тут есть ещё одна идея, но для её воплощения мне нужна твоя помощь.

- Ради бога! Я же тебе с самого начала сказала, что ты можешь полностью на меня рассчитывать!

- Марин, ты уверена?

- Лиль, ну мы с тобой подруги, в конце концов, или нет?

- Подруги... В общем, так. Я тут вчера лежала ночью и думала, как эту любовницу искать, раз с Аллой все оказалось совсем не так, как мы предполагали. Есть два способа: либо напрямую поговорить с Вадимом, либо методично перебирать дальше все варианты.

- Чем тебя первый не устраивает?

- Ничем. Он - не первый, он - крайний.

- Ах, ну да, конечно! «Вадечка - ни при чем», «Вадечка не виноват»! Боишься увидеть, как его поганые глазки забегают?

Лиля поморщилась:

- Пусть так... Но я сейчас о втором варианте. Понимаешь, когда меня допрашивали в последний раз, следователь говорил про какую-то Наталью Слюсареву. Спрашивал, знакома ли я с ней, бывала ли я в городе Железнодорожном и тамошнем баре «Прибой». Мне тогда не до «Прибоев» было, я и отвечала-то чисто автоматически: не была, не знаю, не помню. А вот теперь эта Слюсарева у меня никак из головы не идет. Какое она ко всему этому делу отношение имеет? Почему я должна была быть с ней знакома?

- Может, тебя просто путали?

- Может, и путали. Но, ты знаешь, следователь сказал одну очень интересную вещь: на эту Наталью было совершено покушение, её тоже ударили по голове, но не убили, а только ранили...

- И что? - Маринка высоко вздернула одну бровь. - Теперь всех, кого в России оприходовали тяжелым предметом по башке, к этому делу подшивать? Ну, не фи́га себе, ты у нас серийный маньяк получишься! Сядешь лет на восемьсот - не меньше!.. Что-то как-то все очень нелогично выглядит!

- Конечно, не логично. Но в прокуратуре же тоже не дураки сидят, правильно? Раз они спрашивали меня про Слюсареву, значит, связана она с этим делом каким-то образом? И что мы имеем? Убиты муж и жена из Великобритании. Он - стопроцентный англичанин, она - русская, но родственников-то у неё тоже практически не было. Мать одна где-то недалеко от Москвы. Кем могла приходиться Райдерам эта Наталья? Ну, кем, скажи, пожалуйста?!

- Ты хочешь, чтобы я тебе сказала?!

- Нет. Это я так, к слову. И к вопросу о втором варианте.

- Ты думаешь?.. Ты думаешь, что это она - баба Бокарева?

- Пока не знаю.

- Но ты хоть её видела? Выглядит-то она ничего? Потянет на любовницу?

- Не видела я её. Ничего мне в прокуратуре, кроме фотографий мертвой Олеси не показывали!

И снова, привычно уже, похолодело внутри. Так, будто в десятый раз спускаешься на сверхскоростном лифте. Но на этот раз Лиля даже и не пыталась ловить ускользающую мысль за хвост... Фотографии живой Олеси. Фотографии мертвой Олеси. Изуродованное, залитое кровью лицо. Львенок, вычерченный на песке...

- Так посмотреть в таком случае на неё надо! - Маринка прищурилась и подперла узкой ладонью подбородок.

- Надо. Правда, вся информация, которая у меня есть, это фамилия-имя, город

Железнодорожный, бар «Прибой» и то, что её по голове ударили. Если ударили, конечно...

- Думаешь, инсценировка?

- А почему бы и нет? Я же как-то умудрилась оставить свои волосы на теле Олеси, хотя не видела её уже больше двух лет?

- Но зачем ей врать про это покушение? С какой целью?

- Ничего я не знаю. Честно тебе говорю! - Она вздохнула. - Просто это единственная ниточка, которая у меня осталась. Больше вообще цепляться не за что. Полный мрак.

Марина некоторое время молча и сосредоточенно жевала, уставившись невидящим взглядом на парня за соседним столиком, отчего тот даже нервно заерзал. Потом принялась внимательно изучать собственный маникюр.

- Если я правильно поняла, ты хочешь узнать про Слюсареву Наталью из города Железнодорожный как можно больше, да? Но самой при этом не засветиться?

- Да, Марин, - Лиля снова поправила очки - длинная рыжеватая прядь упала на лоб, - потому что если это она - любовница Вадима, то я пропала с гарантией двести процентов. Если меня и не убьют, то уж в прокуратуру точно сдадут.

- Значит, на разведку иду я?

- Марин, - она уронила лицо в ладони, - я тебя не заставляю. Я даже просить тебя не имею права. Вон как с Аллой-то дело повернулось: всего человек лишился по нашей с Бокаревым милости! Это опасно, это глупо...

- Ладно, - Марина хлопнула по столу ладонью с напряженными, вытянутыми пальцами так, будто намеревалась убить муху или комара. - Все понятно, и нечего тут расшаркиваться. В принципе, «без содержания» я могу взять в любой день недели... Значит, что у нас? Железнодорожный, бар «Прибой», Слюсарева Наталья?

- Спасибо, - еле выговорила Лиля, пытаясь сдержать слезы. А про себя подумала, что в последнее время занимается только тем, что благодарит людей, которые великодушно не выдают её милиции, однако, скорее всего, слабо верят в то, что она выкрутится.

Выпили ещё по стакану сока, уже безо всякого удовольствия. Маринка выкурила пару сигарет. Вид у неё был не то чтобы скорбный, но какой-то погасший. Судя по всему, перспектива ехать в Железнодорожный на поиски возможного убийцы ей не особенно улыбалась.

Лиля, не выдержав, попыталась открутить назад, заявила, что во всем разберется сама, и что это будет даже удобнее. Но подруга только покачала головой. Уточнила, можно ли звонить домой к Кире Петровне или от телефонных разговоров все-таки лучше воздержаться. Сама расплатилась с официанткой, коротко бросив:

- Вам, беглым, деньги нужнее.

Из кафе вышли вместе. Вместе проехали пару остановок на троллейбусе. Маринка сошла возле супермаркета, а Лиля поехала дальше. Честно говоря, ей и самой все меньше верилось в благополучный финал.

Дома пообедала окрошкой, приготовленной Кирой Петровной, выкупала Оленьку, обнаружив выступившую на шейке и под мышками потничку. Когда девочка уснула, села на подоконник, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Небо было сине-серым, звезды казались дырочками, прогрызенными молью в некогда богатой шали.

Телефон задребезжал неожиданно. Лиля вздрогнула и тут же услышала, как по коридору тяжело зашаркала Кира Петровна, явно пытающаяся на ходу попасть ногами в тапки.

Несколько коротких и удивленных фраз: «Да... Да?.. Все правильно? Вы правильно попали...» Хозяйкино изумленное и виноватое лицо в освещенном дверном проеме: «Лилечка, там тебя к телефону. Я, наверное, неправильно поступила? Надо было сказать, что такой здесь нет?»

Сердце, прыгающее в груди, как мячик на столе для пинг-понга. Трубка, противно выскальзывающая из вялой и мокрой от пота руки. Маринкин захлебывающийся голос:

- Я застряла из-за тебя в этом Железнодорожном! Электричка теперь только через полтора часа. Маршрутки все как провалились, а уже ночь на дворе... Да! Да, я сегодня поехала! А чего, думаю, тянуть?.. Нет, это ты чокнутая, я как раз нормальная...

- Ты хорошая, Маринка. Ты даже не представляешь себе, какая ты хорошая! - тихо проговорила Лиля, прижимая трубку плечом к уху и нащупывая позади себя кресло.

- Потом скажешь мне, какая я хорошая. При личной встрече. Если я, вообще, конечно, когда-

нибудь отсюда вернусь. А теперь слушай! Нашла я твою Слюсареву. Точнее, не её саму, а её корефанок. Все правильно, работала она в этом баре «Прибой», потом пропала чуть ли не на полмесяца, и вот в последние дни опять появилась. На работу, правда, пока не вышла.

- Ты её видела?

- Не видела! Я же тебе русским языком говорю! Но не это главное. Я как в бар зашла да начала у девчонки за стойкой про Слюсареву спрашивать, она и говорит: «Это наша миссис Рокфеллер что ли?» Я так деликатно интересуюсь: почему, мол, миссис Рокфеллер? «А она», - grit, - «замужем за каким-то шибко богатым англичанином была, через брачное агентство познакомились. Он с ней потом за шлюшество развелся и из Англии выпер»... Представляешь, Лилька?!

- Выходит... Выходит, она тоже жила в Англии? - голос у неё от волнения сделался сиплым. - И, возможно, знала Райдера?

- Знала - это мягко говоря. Я спросила, как была у этой Слюсаревой фамилия по мужу, и мне с большим энтузиазмом сообщили: «То ли Рейдер, то ли Райнер. Но точно что-то на «Р»!» Она была его первой женой, ты понимаешь?!

На секунду Лиле показалось, что она сейчас упадет в обморок. Качнулись стены и потолок, журнальный столик со стопкой газет и игрушечный Незнайка на стене. К горлу подкатила тошнота, а перед глазами роем взвились противные черные мушки. В голове промелькнула короткая и непонятно к чему относящаяся мысль: «Рено... Рено тоже начинается с буквы «Р»!»

- Эй, ты меня слышишь? - кричала в трубку Маринка. - У меня всего два жетона осталось!

- Слышу, - отозвалась она. - Слышу...

- Ну, и что ты по этому поводу думаешь?

- Я думаю, что она - наследница. По англосаксонскому праву она наследует за мужем вместе со второй женой...

- То есть как? Они же в разводе?

- Безразлично, если она не замужем... Она не замужем?

- Вроде нет... Ну, ни фиги себе у них закончики!.. Так что получается-то тогда, Лиль?

- Не знаю, что получается. Ее на самом деле могли ударить по голове, чтобы убрать вторую претендентку на деньги, а могло ничего подобного и не быть. Если это она - любовница Вадима, то они просто получают все - все деньги до последнего пенни! И еще... Еще мне очень странно, почему Олесе и её мужу разнесли головы, а эту Слюсареву не добились? Почему её не добились, если хотели убить? Она ведь наследница, Марин, ты понимаешь?!

Та как-то не очень уверено и слишком быстро пробормотала:

- Понимаю... Подожди секундочку...

Потом обратилась к кому-то, стоящему, по-видимому, рядом с телефонной будкой:

- Погодите! Чего вам, собственно, надо?

В трубке невнятно булькнуло, послышалось хлопанье дверцы, чье-то тихое, осторожное дыхание, а затем короткие, равнодушные гудки...

* * *

Птичка ел «Вискас» для котят. Ел с явным удовольствием, но вид при этом имел чрезвычайно агрессивный. Смелчак, рискнувший перехватить в воздухе кусок заветной кошачьей тушенки, вероятно, поплатился бы не только зрением, но и жизнью. Клюв у Птички был весьма длинный и прочный.

- Ну вот, а вы говорите «корм для попугайчиков»! - усмехнулся Красовский, подковырнув пальцем очередной кусок консервов и метнув его прямо в жадно раскрытую пасть. - Хищник же! Хищник натуральный! А Катька его овсянкой потчует. Извращенцы вы, ребята! Мучаете бедное животное... Ничего, Эммануил, мы с тобой ещё подружимся, правда?

- Не успеете, - Андрей допил пиво из бутылки. - Его скоро заберут. Я надеюсь. Как он меня достал! Не думал, что меня, вообще, может кто-нибудь так достать!

- Ладно. Устроим классные торжественные проводы. С «Вискасом» и «Чаппи».

- Сейчас! Проводы ему! Пенделя ему под зад. А заодно и хозяйину... Где его только черти носят?

- В розыск объяви, - посоветовал Серега, принялся к «Вискасу» и осторожно лизнул его языком. Птичкины пуговичные глаза при этом сделались совсем круглыми и злобными. - За неуплату

алиментов. Только прикинь сколько эта пингвинья морда у тебя одного минтая сожрала, не говоря уже о нервных клетках?

- Одну такую уже объявили. Результаты просто блестящие! Всем по ордену и по грамоте с сургучной печатью!

- Это ты про жену Бокарева, что ли? Ничего! Найдем! Сам лично найду и придушу стерву!.. Это надо же, из-за каких-то паршивых фунтов стерлингов такую красивую бабу грохнула! А сама - тьфу! Смотреть не на что!

- Угу, - отозвался Андрей, но как-то вяло. Красовский тут же отреагировал на перемену в тоне и перегнулся через подлокотник кресла:

- А ты это чего? Опять загружаешься? Чего тебе на этот-то раз не нравится?

- Мне все нравится. Кроме одного момента. Точнее, кроме двух.

- Ну вот, опять! Елы-палы! Как с тобой тоскливо иногда бывает: пива попить и то нормально нельзя! Мотив есть, улики есть, сбежала эта сучка мерзкая, как только почувствовала, что жареным запахло. Львенок в телевизоре! Ль-ве-нок! Куда уж понятнее? Да даже напиши Олеся её фамилию с именем в этом подвале, и то яснее не выразишься!

Андрей молча поднялся с дивана, обогнул блестящего и толстого Птичку, присел на корточки рядом с тумбочкой для видеоаппаратуры. Красовский подозрительно прищурился:

- Надеюсь, ты не собираешься опять меня терроризировать просмотром «Леона»? Чего ты хочешь, чтобы я там увидел? Силуэт нашей Муратовой на заднем плане?

- Помолчи пару секунд!

- Слушай ты, лицо, процессуально самостоятельное, ты чего-то у нас наглеешь не по дням, а по часам... - начал было Серега, но Щурок уже отправил кассету в видеомэгнитофон.

По экрану поползли сначала серые полосы, потом титры. Птичка, разозлившийся на то, что «Вискас» кончился и обвинивший в этом, естественно, нынешнего хозяина, злобно ткнул Андрея клювом в спину. Тот не отреагировал, о чем-то задумавшись и безвольно свесив руку с колена. Красовский вздохнул и потянулся за своей бутылкой «Балтики».

- О саксофонисте из того кафе все время думаю...

- Чего?

- О саксофонисте, говорю, - Щурок сдул волосы со лба. - И не могу понять, каким образом это с «Леоном» связано. Или не это? Что-то еще?

На экране появилась сначала потенциальная жертва, потом сам Леон в темных очках. Девочка, пакет с молоком, цветок на окне.

- ...«Убийца рядом с ребенком», помнишь?

- Я-то помню. Ты вот у нас чего чудишь? Просто, без выпендрежа, объяснить не можешь, что тебя не устраивает?

- Я объясню... А логику, как мы до «Леона» дошли, помнишь?

- И логику твою потрясую с шоколадкой тоже помню!

- Шоколадка тут ни при чем, - Андрей поморщился. - Точнее, «при чем». Но если бы не шоколадка, было бы что-нибудь другое. Все равно бы мы доперли, вспомнили бы, в конце концов, что Олеся почти англичанка была, а «лев», что по-английски, что по-французски «lion» пишется. Произносится только по-разному... Потом этот львенок в телевизоре...

- Ну и что?

- Ну и ничего! Слишком лобово! Мы с гарантией девяносто девять процентов должны были это понять!

- А что тебе не нравится? - Красовский с грохотом поставил бутылку на стол. - Она - мать, она спасала своего ребенка. Она и должна была намекнуть так, чтобы мы поняли, а не для того, чтобы продемонстрировать свои способности в загадывании шарад!.. Проще надо быть, Дюха, и люди к тебе потянутся!

- Да не в том дело! - Андрей смачно щелкнул Птичку на макушке, вернулся на диван и откинулся на спинку, сцепив руки на затылке. - Не в том!.. Помнишь, как я тебе рассказывал? Думал про эти пальцы синие, про болезнь Рено, потом Жана Рено вспомнил и кино с Леоном? Помнишь?

Серега со вздохом кивнул.

- А тебе не кажутся такие совпадения странными? Ну, то что логика так хорошо выстроилась? Болезнь Рено - Жан Рено - «Леон» - «Лион» - лев в телевизоре!

- Ну, выстроилась и выстроилась! Радуйся!

- Я радовался! Честно радовался несколько дней тому, какой я, оказывается, сильно умный. А потом подумал, что кто-то до меня уже должен был пройти этот путь. Кто-то, так же как ты, точнее, как наш Груздев, подумавший сначала про болезнь Рено, потом актера вспомнивший, а потом вдруг обалдевший: «Ба! Так это же прямая указка на убийцу! Нарисовать львенка в телевизоре, для особо тупых подписать «лев». И пусть счастливый следователь выносит благодарность товарищу Люку Бессону за замечательный фильм, который помог ему вычислить преступника!»

- Не умничать можешь?

- А я и не умничаю, - Андрей подался вперед, упершись руками в колени. - Не умничаю я, Серега! Нисколько!

- Вот и не умничай, а исходи из того, что у нас имеется. И не нужно никаких сложных ассоциаций приплетать. Песок нашли под ногтем у Олеси? У Олеси. Рисовала она левой рукой?левой. И это ты и я, да ещё наш доктор знают, что правой она практически не владела, а левой писать так и не научилась.

- И что? Об этом, по-твоему, не мог знать больше никто?

- Допустим, мог. И что дальше? Её убили, её пальцем нарисовали... Тебе не кажется, что слишком сложно, а? И, главное, доказательств никаких! «Леон» твой долбаный, да ещё саксофонист...

- Саксофонист! - Андрей так резко, шарахнул кулаком по деревянному подлокотнику дивана, что Птичка, начавший было моститься на своей подстилке, испуганно подскочил. - Ну, я же знал, что это где-то близко! Я же чувствовал!

- Злиться начинаю, - зловеще заметил Красовский. - В натуре. Мало тебе, наверное, в жизни темных устраивали за то что крутого сыщика из себя изображаешь. Смотри, займусь я твоим воспитанием.

- В «Камелию» поехали! - Щурок уже влезал в рукав черной джинсовой куртки. - По дороге все объясню. Хотя это без толку: ты просто увидеть должен.

- Пока не скажешь, что именно я должен увидеть - с места не сдвинусь, сожру пингвинячий «Вискас» и выпью и твое пиво, и свое!

- Серега, я серьезно говорю!

Красовский с тяжким вздохом встал, заправил рубашку под ремень и неохотно поплелся к двери, скорбно насвистывая мелодию из «Леона».

Автобуса не было минут пятнадцать. В результате до метро пошли пешком и в кафе оказались только в десять вечера. Народу было полно, и джазовый ансамбль в этот раз играл довольно вдохновенно.

- Вот видишь - раз, - сказал Андрей, указывая пальцем на ярко освещенный пяточок музыкальной эстады. - Вот видишь - два, - он показал на столик, за которым в ту ночь сидела Лиля Бокарева. - И вот видишь - три. Красовский послушно перевел взгляд на освещенную стойку бара. - А вот теперь соображай в свете вышесказанного! В ту ночь саксофонист заболел! Только в ту ночь! Безо всяких там предварительных объявлений. Факт тот, что музыкантов не было. Далее! Все остальные столики - в полумраке. На синие пальцы запросто могли не обратить внимания. А теперь мысленно прочерти её маршрут от туалета до столика. Ну, прочерти!

- Елы - палы! - Красовский тихо присвистнул и покачал головой. - Вы правы, Холмс, это элементарно!.. То есть, этой бабе, Бокарева это была или кто-то еще, логично было бы возвращаться к своему столику или между других столов или, если уж по свету, то мимо музыкантов, да?

Щурок молча кивнул, не отводя взгляда от молодого рыжего саксофониста.

- ... Стойка бара, если она не собиралась ничего заказывать, ей никуда не уперлась?

- Точно. Ей пришлось сделать лишнюю петлю. И единственное этому логичное объяснение - стойка бара тоже была ярко освещена, а музыканты в тот день, ах, какая невезуха, не играли!

- То есть ей любой ценой надо было продемонстрировать свои руки, надо было, чтобы синие пальцы запомнили, а музыкантов нету! А весь план летит к чертям!

- Вот именно. А руки надо продемонстрировать, чтобы ткнуть нас носом сначала в болезнь Рено, а потом в карточку Муратовой. И чтобы мы, идиоты, догадались, наконец, что у той не может быть детей и начали выяснять все про девочку!

- Елки! А ведь похоже на правду? - Красовский полез за сигаретами и закурил. - Конкретно похоже. Бокаревская жена садится за дальний столик, кто-то заранее продумывает, что когда она

выйдет пописать или позвонить, другая баба профланирует мимо музыкантов и ручками своими покойницкими покрутит. А музыкантов нет! А что делать! А умный другой бабец тогда падает возле стойки! Бешеной собаке семь верст не крюк!

- Только вот откуда эти «другие» могли знать, что Бокарева сядет именно за тот столик? - тихо сказал Андрей. - Они ведь должны были это знать совершенно точно. Иначе все наши рассуждения и их гипотетические планы летят к чертовой матери... То ли эта Лиля о чем-то крупно не договаривала, то ли...

- То ли пива я с тобой больше не пью, - сердито закончил Серега. Устраиваешь тут игры в «ситуации». Со львенком логично - не нравится, с саксофонистом логично - не нравится! Чего тебе ещё надо? Чего тебе теперь хочется? Куда-нибудь в Южное Бутово смотаться? Просто так, чтобы косточки на ночь глядя размять?

Щунок отрицательно помотал головой, тоскливо глянул на сигареты Красовского, достал из кармана таблетку от курения и, сморщившись, положил в рот:

- Мне хочется поближе познакомиться с нашей дорогой Натальей Слюсаревой. А так же понаблюдать за безутешным Вадимом Бокаревым и пораскинуть мозгами на тему того, кто ещё мог претендовать на наследство Тима Райдера...

* * *

Она хотела закричать, но баба была противная и сильная. А ещё от неё так резко и отвратительно воняло дешевой туалетной водой, что Марина чуть не задохнулась. Она толкнула бабу локтями в грудь, неловко зацепилась мизинцем за бретельку её бюстгалтера, брезгливо отдернула обе руки. А та уже шипела ей в лицо, тряся черными патлами:

- Ты, зараза! Думаешь, я тебя испугаюсь, да? А я никого уже не боюсь, поняла! Сейчас мы ко мне поедим, и ты у меня будешь сидеть, ждать, пока он тебя выручать не зайвится! Мне ждать надоело, поняла? Бояться надоело, поняла!

Она так истерично выкрикивала это свое «поняла», что Маринка по-настоящему испугалась. Послушно села с бабой в машину, послушно вылезла возле мрачной панельной пятиэтажки, послушно потрусила вверх по лестнице. Черноволосая тетка, естественно, не представилась, но она и так готова была спорить хоть на миллион, что это и есть Наталья Слюсарева. И похоже было, что по голове ей дали сильнее, чем могло на первый взгляд показаться.

Догадки вскоре подтвердились. Баба ввалилась вслед за Мариной в прихожую, оттолкнула её к противоположной стене, заперла дверь и быстро заговорила, сверкая подведенными глазами:

- Чего ты про меня расспрашивала, а? Думала мне не передадут, а? Он тебя послал, да? Он? Или ты из ментовки?

- Вы что-то путаете... Вы, наверное, что-то неправильно поняли? Я вас не знаю.

- Я тебя тоже не знаю, стерва, но зато я в курсе о чем ты в «Прибое» с Лизкой трепалась. Лизка, она дура, конечно, но не предательница!

Из-за угла вывернулась черная, похожая на моток растрепанной шерсти собака. Противно тявкнула и забилась под вешалку. Марина со стыдом поняла, что ей ужасно хочется в туалет. То ли от страха, то ли просто от того, что расшалились нервы.

Баба была такая близкая и такая страшная, явно ненормальная. Но с физиологическими потребностями организма не очень-то поспоришь.

- Извините, можно мне на минуту в уборную? - спросила она.

- Что? - растерялась та. Потом закрыла ладонью пол-лица и зажмурилась, словно пытаясь понять, что же происходит. - Можно... Да, можно... Только ведь через вентиляционную трубу все равно не убежишь.

«А если бы я здесь достала ножик или пистолет?» - отстраненно подумала Марина, закрываясь на шпингалет. - «Лоховатая ты, тетушка. Лоховатая!»

Слюсарева ждала её у двери, скрестив руки на груди. Теперь она казалась более спокойной. Кивком указала на табуретку, стоящую на кухне, процедила сквозь зубы:

- Садись, рассказывать будешь. Или, если ты ментовская, предъяви удостоверение, и с миром разойдемся.

Марина в «ментовке» не служила, предъявить ей было нечего. Поэтому она покорно опустилась

на табуретку, лихорадочно соображая, что же теперь делать.

- Ну? - сказала Наталья, тяжело, по-бабьи наваливаясь обоими локтями на стол. - Сама расскажешь или по пунктам спрашивать? Откуда у тебя такой интерес к моей персоне и к моему бедному покойному мужу? Кто тебя послал и чего хотел?

- Ты же сказала, что знаешь - кто!

- Я-то знаю, но хочу от тебя услышать.

Терять ей было нечего, и она избрала, как казалось, наиболее безопасный и безобидный путь.

- Подруга послала, - Марина осторожно подбирала слова. - Точнее, не послала. Я сама, по собственной воле, помочь ей захотела.

- Какая подруга? Ты чего плетешь?

- Моя подруга. Лиля Бокарева. Ее в убийстве вашего бывшего мужа обвиняют.

- И что дальше? - Слюсарева сузила глаза. - Меня тут уже достаточно грузили на тему Райдера. Какое отношение я к твоей подруге имею?

- Вот это она и хотела узнать. Ее на допросе про вас спрашивали и про покушение, которое, якобы, было.

- Что ещё за «якобы»? Я же ясно в прокуратуре сказала, что было. Шарахнули по башке и «спасибо» не сказали... Если только ты правду говоришь? Что-то я лично ни про какую Лилю Бокареву не слышала. Где она если её в убийстве обвиняют? В тюрьме?

Марина насторожилась. Она ждала этого вопроса и теперь думала, как бы ответить так, чтобы её версия прозвучала и гладко и правдоподобно. Да ещё чтоб не скинули с балкона, прямо с пятого этажа.

- Нет. Она не в тюрьме, она сбежала.

- Куда?

- А я знаю - куда? Сидела у меня, плакала: мол, если и не расстреляют, то на пятнашку точно посадят. Взяла ребенка и смоталась. А обвиняют её зря. Не того сажать надо.

- А кого? Меня? Я понять не могу, чего ты ко мне-то прицепилась? - Наталья зло искривила губы.

- К вам? Да я к вам не прицепилась. Я просто ищу... просто думаю, как Лиле помочь... А это покушение на вас, потом, то что вы пропали так неожиданно... Я думала, может, вы убийцу знаете, и он вам угрожает. Так тогда бы мы вместе в прокуратуру пошли. У меня бандиты есть знакомые, защитят если что. По крайней мере, по дороге убить не дадут...

Врала она вдохновенно. Так вдохновенно, что удивлялась сама. И про знакомых бандитов, и про свою святую уверенность в невиновности Слюсаревой. Та слушала, напряженно о чем-то размышляя. Потом задала один вопрос, но совсем не тот, которого ждала Марина:

- А что за бандиты? Откуда?

- Какая разница откуда? Просто надежные ребята и со связями. Могут реально помочь.

- Крутые?

- Это смотря с чем сравнивать. Ну уж точно не те, которые с коммерческих палаток дань собирают.

Наталья провела обеими руками по своим жестким темным волосам, собрав их в пучок на затылке. Пробормотала себе под нос:

- Крутые, крутые... Все кругом крутые, пока до дела не дойдет...

Марина уже жалела, что заговорила о бандитах. Жалела, что не заорала тогда возле телефонной будки - побоялась выглядеть нелепо и смешно. Жалела, что надела босоножки на неудобных каблуках - вдруг придется бежать?

Наконец, решила спросить:

- А чего вы хотите? В смысле, бандиты тут при чем?

- В смысле, что мне тоже помощь нужна - не только твоей подруге... Опять же, если ты не врешь...

Слюсарева немного помолчала: полная её грудь часто вздымалась под просторной пестрой майкой. Испытующе взглянула на Марину. И тогда Марина с тоскливым ужасом поняла, что Наталья ещё и пьяна: зрачки её подрагивали, губы подергивались в нелепой шутовской ухмылке.

- Помощь мне нужна. Чего смотришь? А денег нет, чтобы бандитам платить. Да и как я приду - вот так, «тетя слева из ниоткуда»?.. Пить будешь?

- Буду, - согласилась она, скорее из страха. Хозяйка встала, побрела по коридору, оставив свободным путь к бегству. До входной двери было каких-нибудь несколько шагов, но Марина продолжала сидеть на табуретке, вцепившись одной рукой в край столешницы.

Вернулась Наталья с пластиковой бутылкой очаковского «Джин-Тоника», выставила её на стол, достала из навесного шкафчика две чашки в цветочек. Плеснула в одну и другую - неровно, расплескав половину на стол. Снова села и пригорюнилась.

- Плохо мне, - сказала и вздохнула, как больная собака. - Ты вот о подружке заботишься, спасаешь её, а на меня всем наплевать. Райдера вон убили - всю Москву на уши поставили, а меня убьют - и не вспомнит никто.

- Кто вас убьет? - поинтересовалась Марина несмело. - Вам угрожают, да?

- Да... Только к подружке твоей это отношения не имеет. Зря ты время на меня потратила, девах... Тимку жалко, хоть и козел он был. Но меня ведь на следствие таскали только из-за того, что я его жена бывшая. А так я и не знаю ничего.

- Но покушение...

- А что - покушение? Британец мой великий тут ни при чем. Не из-за него меня шибанули. Я так загрузилась сначала, когда в милиции обо всем узнала, а потом пораскинула мозгами. Ну, что я, кто я, чтобы меня убивать? Я же и не мешала никому, и не знала ничего... Нет, в переулке меня за мои собственные дела подкараулили... Ты джин-тоник то пей. Он нормальный, не подделка какая-нибудь. И градусов всего чуть-чуть: не опьянеешь. Газировка и газировка.

Марина отхлебнула из кружки. Разговор получался неожиданно интересный и, вроде бы, совсем не страшный. Сейчас важно было вести его и дальше в верном направлении. Но Наталье, размякшей и покрасневшей, не требовалось понуканий.

- Извини меня, что я на тебя так накинулась, - она шумно вздохнула. Я ведь не знала, что ты из-за подруги. Думала - ты от него... Вовчик хочет меня убить. Он и по голове шарахнул. Не добил вот, так лучше бы, думаю, добил. По крайней мере, сразу... Знаешь, он за что второй раз сел? За то что мужика два раза ножом пырнул, да ещё и поотрезал все к чертовой матери: к бабе какой-то приревновал!

Теперь Марина уж точно ничего не понимала. Какой Вовчик? Какой мужик?

- Наташа, я что-то не очень соображаю.., - начала она.

- Всяко, не соображаешь. Значит, не врешь... Вовчик есть один у нас такой в Железнодорожном. Зек. Лет пятьдесят ему, наверное, из них двадцать пять сидел... Хрен ли его принес тогда в «Прибой»? А рожа! Ты бы видела, какая рожа у него паскудная! А воняет! Наверное, зубы у него до кишков прогнили!.. Зовут-то тебя, кстати, как?

- Марина.

- Марина... Вот слушай, Марина. Тебе говорю то, что собственной матери не сказала - тем более, милиции. Тетка только знает, Эльвира, но она человек надежный. Зубы будут клещами рвать - ничего не скажет... Прикопался ко мне этот Вовчик в баре. Я сначала хихоньки-хаханышки, мол, отстаньте мужчина, я замужем...

- А вы, правда, замужем? - спросила Марина, хотя уже знала, что Наталья не замужем, и глядя на её все ещё привлекательное, но толстое лицо и расплывшуюся фигуру, реально прикидывала: нет, не могла эта женщина очаровать эстета Бокарева и умудриться стать его любовницей.

- Не замужем я. Одинокая и свободная. Никто после Райдера на меня, красавицу, не позарился, - она хрипло рассмеялась и закашлялась. Вытерла губы, выпрямилась. - Во-от... Вовчик, значит, не отстает. Лапает. Наши ему слово возразить боятся. А я что могу, только уворачиваться, да хихикать. А его это, значит, ещё больше заводит... И все бы, может, ничего, но у меня ещё день такой нервный выдался. На сотку нагрел меня один ухарь, из своего кармана пришлось выкладывать. А тут эта крыса вонючая лезет. В общем, прилез он ко мне в подсобке и давай прямо на коробки заваливать. Ну, тут я и саданула ему по тому месту, которое он у мужика отхватил. Так саданула, что Вовчику мало не показалось. Дура, короче, была, не соображала ничего.

- А он?...

- А чего он? Как разогнулся - пообещал: «Убью!» «Страшно, - говорит, убью. Просить будешь, чтобы придушил. Всю наизнанку выверну». И ушел... А вечером ещё один такой же заруливает. Посмотрел на меня, поусмехался и свалил. Вот тогда я и поняла - все... Вечером пошла с работы, слышу кто-то за мной ковыляет. Потом - по голове - и привет!

Марина допила джин-тоник, действительно, как газировку, в несколько больших глотков, отодвинула чашку на середину стола:

- И вы уверены, что это Вовчик был?

- А кому ещё я на фиг сдалась? Этот убьет. Раз пообещал - значит, сделает... Две недели от него пряталась, пока милиция меня не выцепила. Я уж думала, Вовчик убивать пришел, обороняться собралась. Оказывается, нет... Оказывается, Райдера угробили... Вот сейчас жду, когда уголовничек мой появится. Заколебалась уже бояться. Живу, как на бочке с порохом... Думала, может, ты бандитов своих попросишь, чтобы защитили меня? Он же крыса, не авторитет никакой, просто мокрушник. Крутым ребятам с ним не фиг делать - разобраться.

Лицо её было жалким, красным и несчастным. Щеки жирно лоснились, губы дрожали.

- А почему вы в милицию на него не заявите?

- Я на дуру, по-твоему, похожа? Так хоть какой-то шанс есть, что забудет, а сунусь в ментовку - точно голову отрежет.

Марина подвинула к себе бутылку из-под джин-тоника и принялась отдиирать сморщенную с одного края этикетку:

- Но неужели за вас совсем некому заступиться? Мужчина же, наверняка, какой-нибудь есть? Или друг?

Наталья помотала головой, жалко хлюпнула носом:

- Некому. Говорю же тебе, некому! - И без паузы продолжила. - А про знакомых бандитов ты наврала. Да?

Пришлось сознаться. Да и зачем было играть дальше? Раздавленная, толстая и пахнущая дешевой парфюмерией Слюсарева никак не могла быть любовницей Бокарева. Черная собачка, такая же беспородная, как она сама, вертелась вьюном у её ног.

- Наврала, значит... Ну, и ладно! Сама выкручусь. Вон дала же твоя подружка деру и я смоюсь куда-нибудь - хрен найдет! А что? Семеро по лавкам меня не держат. Богатства тоже особенного не нажила.

Джин-тоник закончился, за остатками ликера переместились в комнату. Теперь Наталья казалась даже веселой. Строила планы на будущее, прикидывала, в каком регионе России сейчас проще жить, и где мужиков много, а баб мало.

Марина слушала рассеяно. Она хотела домой, в свою родную комнату, на свой родной диванчик, и тревожилась за маму, которая обязательно будет волноваться. Думала о том, что дома можно было бы переодеться в легкий халат, а не сидеть в тесном и неудобном облегающем сарафане с тускло поблескивающей металлической «молнией».

«Молния» бликовала в свете хрустальной люстры, в стенке мерцали высокие бокалы и пузатые коньячные рюмки. Темнели корешки книг и стопки журналов.

И вдруг она увидела льва. Огромного желтого льва с оскаленной пастью и развевающейся гривой, равнодушно глядящего мертвыми глазами с обложки какого-то довольно толстого тома.

«Ой! Что это?» - Вырвалось у неё непроизвольно. Наталья разморено уронила:

- Фотоальбом. Английский.

И тогда Марина спросила про льва: почему именно лев? Что это значит? Зачем?

Та рассмеялась:

- Для устрашения, наверное. Чтобы их все боялись... А, вообще, это чуть ли не символ их такой королевский? Британский лев. Как, бишь, он там у них называется? «Бритиш лайн»?

Марина кивала: «да-да, конечно, именно «бритиш лайн», и завороченно смотрела в круглый, равнодушный львиный глаз, словно бы затянутый бельмом.

Спать легли на одном диване. Наталья вытащила свежую простынь в цветочек, заправила одеяло в новый пододеяльник. Взбила подушки, выключила верхний свет, включила торшер.

- А, знаете, Наташа, что я вам скажу, - проговорила Марина не совсем уверенно. - Я, конечно, не знаю, я - не юрист, но, вообще-то, вероятность большая... Вы ведь не были официально замужем после развода с Тимом Райдером?

- Не-а! - Слюсарева широко зевнула и потянулась: остро пахнуло дезодорантом.

- Понимаете, мне сказали, что вы, а таком случае, имеете право на его деньги. Не на все, наверное, но на какую-то, достаточно большую часть. Это, конечно, решается и через нашу, и через их, английскую, бюрократию...

- Что-о? - Только и смогла выдавить из себя ошарашенная Наталья, до которой, наконец, дошел смысл услышанного. - Погоди-погоди! Что?!

... - В общем, так она «чтокала» минуты, наверное, три! - Марина расстегнула обтянутую замшей

заколку и с наслаждением тряхнула волосами. По-моему, до утра в себя придти не могла. Этокое счастье на бабу свалилось - сразу целая куча денег. После того-то, как она по замызганным «хрущевкам» от уголовников пряталась!

- Думаешь, она не врет? - Лиля нервно хрустнула пальцами.

- Думаю: не врет. У ней ума не хватит на то, чтобы врать... Лев этот, конечно, поначалу меня напряг. Да меня, вообще, все напрягло! Схватила за грудки, трясет, орет что-то в лицо. «Все, - думаю, - смертушка моя пришла». А потом ничего: мы с ней даже утром кофейку выпили. Собака, правда, из дружелюбия мне весь босоножек сжевала.

- Марин, но ты уверена?

- В том, что не она женщина Бокарева? На сто процентов! Даже на тысячу! Во-первых, не тот уровень, ей бы с каким-нибудь айзером с рынка самое то было. А во-вторых... Знаешь, верю я в эту историю с уголовником. Ну, на фига ей сочинять? Одно только странно: он ведь её не только не добил, но ещё и не изнасиловал!

- Как раз ничего странного.

- Почему?

- А потому что, если все это правда, то Вовчик здесь, скорее всего, ни при чем. Кто-то другой её ударил по голове. Кто-то другой... А Вовчик пригрозил, протрезвел и забыл.

В комнате стало тихо. Только тоненько повизгивала Оленька за стеной, да что-то успокаивающе бормотала Кира Петровна.

- Кто «другой»? - переспросила Марина, странно глядя на Лилю.

- Тот, кто за всем этим стоит. Она - претендентка на наследство, её попытались убрать первой. Потом - Тим, потом Олеся...

- То есть, наследницей остается, в любом случае, Оленька?.. Жуть какая!

Лиля ничего не ответила, закрыла лицо обеими руками и прислонилась к стене, подвернув ноги под себя. Марина посидела ещё некоторое время. Потом взяла со стола заколку, снова забрала в пучок свои густые каштановые волосы, виновато прокашлялась:

- Ну что, я пойду, наверное? Если что понадобится - ты звони...

Лиля кивнула.

- ...И. вообще, не волнуйся. Может ещё все обойдется? Ну, в этот раз не нашли любовницу - в следующий найдем!

Ей захотелось сказать, что это не шахматы, где, продувшись однажды, все равно имеешь шанс отыгаться, но она промолчала.

Марина вышла, что-то шепнув в коридоре Кире Петровне. В комнату проскользнула улыбающаяся, нетвердо стоящая на кривеньких ножках Оленька. Промаякала что-то вроде: «Ма-а-му», попыталась вскарабкаться на кровать. Лиля взяла её под мышки, подтянула к себе, рассеяно убрала из волосенок запутавшийся клочок бумажки. От светлой макушки нежно пахло молочком, розовые голые ножки засучили по Лилиным коленкам.

- Оля, - тихо проговорила она, вслушиваясь в звучание имени. Повторила. - Оленька...

И почему-то представила, как это имя будет произносить другая женщина Вадима. Неведомая, страшная, без лица... Белая бесформенная маска с отпечатком кофейной губной помады. И чьи-то глаза под маской? Но чьи?!

Стемнело быстро. Оленька так и уснула здесь же, на кровати, разметавшись по зеленому покрывалу и запрокинув голову. Лиля легонько, одним пальцем, гладила её, спящую, по щеке. Деликатная Кира Петровна в комнату не заходила.

У соседей громко играл магнитофон, в воздухе звенела тревожная песня про черную луну. Луна, и в самом деле, была странная. Огромная, желтая, с темным, размытым ободком, похожая на радужку человеческого глаза в контактной линзе.

Лиля думала о том, что будет дальше. Вернее о том, что дальше уже ничего не будет. Любовницу Вадима искать не только бесполезно, но и бессмысленно. Правильно спросила Маринка в самом начале: «Зачем она тебе? Что ты с ней собираешься делать? В карточки перекидываться?»

Маринка, Маринка, Маринка... Львенок на полке и что-то важное, сказанное мимоходом, отчего нехорошо захолонуло сердце.

Вадим... Вадим сразу предупредил, что предлагает сделку. Разве он обманул? Разве всегда сделки оказываются взаимовыгодными? Кто-то получает больше, кто-то меньше. Она, по крайней

мере, получила полтора года радостной надежды на счастье и дочь - главное, конечно, дочь...

Откуда-то вдруг налетел резкий злой ветер, деревья пригнулись к земле. Громко хлопнула плохо прикрытая дверь подъезда. Девочка засопела и зачмокала во сне, розовые её веки теперь казались чуть припухшими.

Оля, Оля, Оленька... Что будет с ней дальше? Заменят ли ей свидетельство о рождении, вычеркнут ли из графы «мать» написанное каллиграфическим почерком «Бокарева Лилия Владимировна»? Что она будет знать о своей настоящей матери? О настоящей матери или об Олеся? Кто будет по утрам заплетать в косички её тоненькие светлые волосенки?

Лиля так ясно представила белую неживую маску вместо лица, что горло сдавило резко и больно. Мысли опять метнулись к Вадиму.

Вадим и эта женщина. Вадим... Он стал совсем белым, когда узнал о гибели Олеся. Ничего не сказал, просто зашел в ванную и не выходил оттуда почти два часа. Из крана мерно текла вода и больше не доносилось ни звука. Вадим... Она поймала себя на том, что боится думать о нем. Боится и не хочет. Вадим и эта женщина... Вадим!

В дверь позвонили. Лиля осторожно отодвинула головку Оленьки в сторону. Она почему-то точно знала, что сейчас произойдет, и поэтому совершенно не удивилась, когда Кира Петровна начала сердито и испуганно выговаривать кому-то, стоящему на лестничной клетке:

- Какая ещё Муратова? Никакой Муратовой я не знаю. Что вам, молодой человек, нужно? Я сейчас милицию вызову. Мужчина, да уйдите же в конце концов!

Подумала только: «Он пришел один. Он пришел за мной. Как он меня нашел? Впрочем, что удивительного? Ведь узнала же откуда-то его любовница о Валеркиной даче?» Его каштановые волосы, его глаза, его руки... Вадим. Вадим и эта женщина. И львенок на песке.

- Мужчина, руки уберите немедленно! - выкрикнула Кира Петровна почти истерично. Лиля встала, мельком взглянула на себя в зеркало, успев ужаснуться: «Господи! Как глупо! Какая же я дура!». Толкнула дверь комнаты, на секунду прищурившись от яркого света. Увидела мужской силуэт. Не тот силуэт, который ожидала увидеть! Инстинктивно отступила на шаг назад, глухо охнула.

- Лилька! - сказал он. И она, готовившаяся произнести: «Вадим», выдохнула пораженно и горько:

- Это ты...

* * *

Валерка выставлял на кухонный стол тушенку, сгущенку, тетрапаки с соком и рыбные консервы, а она почему-то думала о том, что банки для консервирования на даче всегда готовил он. Он пересчитывал крышки и резиновые кольца, он кипятил и стерилизовал посуду, она раскладывал овощи на кучки: крупные - отдельно, средние отдельно, а совсем маленькие и помятые - в большую эмалированную чашку. Валерка всегда был чрезвычайно хозяйственным.

Когда из необъятной спортивной сумки на стол переместился ещё и пластиковый пакет с картошкой, Лиля только вздохнула:

- Зачем? Мы не голодаем.

- Пусть будет, - он старался не поднимать на неё глаз. - Места не пролежит. Не на Киры Петровнину пенсию же жить, правда?

Она опустила на табуретку, подперла лоб обеими руками. Пробормотала:

- Как ты нас нашел?

Впрочем, ей было все равно. Нашел и нашел. Что от этого изменится? Рано или поздно её найдут все те, кто ищет. Нельзя до бесконечности скрываться в стандартной панельной пятиэтажке посреди Москвы. Нельзя вздрагивать от каждого звонка, от каждого шороха за дверью.

Это только любовница Вадима умеет прятаться так, что найти её невозможно. Все, что напоминает о её существовании - это запах духов, клочок ваты и тихий, странный смех в трубке. А ещё фотография мертвой Олеся с растрепанными, залитыми кровью светлыми волосами...

Валерка что-то бормотал уже несколько минут.

- Что? - Лиля, поморщившись, отвела руки от лица.

- Да я говорю: ты не сердись на меня. Никто не узнает, что ты здесь. Просто в прокуратуре сказали, что ты сбежала. Вот я и подумал: куда тебе деться?

Она попыталась усмехнуться: уголки губ жалко дрогнули. Куда деться? А, на самом деле, некуда

даться! Только к старой доброй квартирной хозяйке Кире Петровне. Только на харчи к бывшему любовнику, который помнит все, что было три года назад - в том числе и адрес квартиры, в которой она снимала комнату.

В тот миг, когда она поняла, что её разыскал не Вадим, что-то в ней больно оборвалось. Не Вадим, не Вадим, не Вадим...

- ...Лиль, ты, правда, не волнуйся! Я когда сюда шел - все время оборачивался. Точно говорю: никто за мной не следил. Хотя в прокуратуру все ещё таскают. Ищут тебя. Подальше бы тебе уехать надо.

- Зачем? - спросила она точно таким же тоном, каким спрашивала о консервах и картошке.

- Так у тебя же дочь... И потом, ты ведь не виновата, правда?

Пожала худыми плечами:

- Я и сама уже не знаю. Может у меня провалы в памяти? Убила и не помню?! - и расхохоталась, прижимая руки к лицу с такой силой, словно собираясь продавить побелевшими пальцами лобную кость.

Он кинулся к ней, неловко задев ногой стол. Две банки с грохотом упали на пол и раскатились по линолеуму. «Сайра», «сайра», «сайра» несколько раз мелькнуло на черной бумажной этикетке.

- Лилька, погоди, хорошая моя! Девочка моя! Это не может вот так кончиться! Я-то знаю, что ты ни при чем. Ты не могла!

Она уже не плакала и не смеялась. Только вздрагивала. В дверях появилась Кира Петровна, молча подошла к раковине, набрала в чашку воды, поставила прямо перед Лилей воду и бутылек с таблетками. Она взглянула на них лишь мельком и подумала почему-то о болгарских сигаретах «Опал» и о том, что умри она вместо той девочки в шестнадцать лет, ничего бы сейчас не было. Не пришлось бы думать о том, что будет с Оленькой, о том, как переживет все это мама, за спиной которой будут шептаться: «Надо же! Столько сил в дочь вложила: вылечила, на ноги поставила, в Москву отправила. А получилась уголовница!»

- Лиль, а это ведь я виноват. - Валерка попытался обнять её за плечи. Ей, честно говоря, было все равно, но инстинктивно она дернулась. Он отступил, сел на табуретку, устало свесил с колен смуглые крупные кисти с набрякшими суставами. - Слышишь, что говорю?.. Нет?

Ей не хотелось ничего слышать и было глубоко наплевать на то, в чем он считает себя виноватым. В том ли, что не настоял на их свадьбе (поженись они тогда, ничего этого теперь не было бы), в том ли, что не уберег её сейчас?

- Я тебя слышу Валера...

- Не я даже - Томка моя. Но она тоже не со зла.

- Какая Томка? - голова болела все сильнее.

- Ну, Тома - жена моя. Я ведь женился. Ты знаешь?

Лиля кивнула и впервые за этот вечер посмотрела в его глаза. Те же светлые пушистые ресницы, те же крапинки на светлой радужке, та же неуверенная ласковость.

- ...Женился я, Лиль. Помнишь девчонку, с которой я до тебя подружил немного? Потом мы снова сошлись, вот уже год живем.

Она помнила эту темноволосую девушку в разлетающемся зеленом платье, помнила цокот её каблучков по асфальту.

- Я рада за тебя. Поздравляю.

Валерка покраснел, набрал за щеки воздух, с шумом выпустил:

- Лиль, я не о том. Ты, наверное, правда, знать должна. Томка же всегда к тебе ревновала. Она считала, что и бросил я её из-за тебя. Дескать, увела, переманила разлучница. А тут ещё недавно подружка у неё появилась. Стерва белобрысая! Откуда она только её взяла? И зудит, и зудит на уши! И зудит, и зудит! Мол, все мужики к своим бывшим любовям бегают, все они на сторону глядят. Что-то там сидели на картах ворожили, Томка ей жаловалась. Эта сучка, оказывается, потом накапала, что какую-то черненькую девушку возле наших дверей видела... - Помолчал. - Ты не заходила?

Лиля помотала головой, говорить не хотелось. Тупая боль стекала от затылка к шее.

- Я тоже Томке сказал, что у них с подружкой на пару крыша съехала окончательно: кругом одних вражин видят! Галлюцинации уже: клипсу, дескать, чужую в прихожей нашла, Лиля твоя к тебе шляется! И прикинь, что она учудила? Я откуда это все узнал-то! Она, оказывается, к колдунье ходить повадилась, чтобы та порчу на тебя напустила! Свечек понабрала, по кладбищу чуть ли не ночами

шарилась, заговоры какие-то повторяла!

- Господи! - выдохнула она, снова закрывая руками лицо.

Валера смущенно прокашлялся:

- Лиль, может, мне не рассказывать?

- Почему? Рассказывай.

- А я как узнал? Прихожу на днях домой - моя рыдает. «Чего?» спрашиваю. Она: так, мол, и так, прости меня, дуру! Влезла к колдунье в долги, та деньги требует за то что, вроде как, тебя извела: тюрьма, милиция - чего уж хуже? У Томки денег нет, а шарлатанка эта прямо домой приперлась, сидела полчаса и грозилась, что, если что - и на неё порчу наведет. Главное, баба-то самая обыкновенная, такие на рынке стоят, помидорами торгуют. А Томка перепугалась. «Давай, - просит, - денег достанем. А то она и сглазит, и порчу нашлет, и чуть ли не зеленых чертиков в дом напускает!» У Тома же моей ума много: она у неё по полному прейскуранту услуги заказала: и фигурку твою из воска сделала, и какие-то петли из волос свила. И, мало того, ещё в ту ночь, когда англичан убили, на кладбище поперлась у покойников помощи просить!

- На какое кладбище? - она вздрогнула.

Валера покраснел ещё гуще:

- Лиля, это не то, о чем ты подумала. Тома, так же как ты, к этим убийствам отношения не имеет. Она - дура просто. Дура, и ещё - легко внушаемая... Я за что прощения-то попросить хочу? Это ведь она в прокуратуре про тебя ляпнула, когда они спрашивать стали, есть ли знакомые женщины с длинными черными волосами. Потом уже мне призналась. Подружка зудит, чтобы она лучше за мужем следила, а эта слушает - уши развесила. Я просто узнал, уже после визита к нам этой «колдуньи»... Нет, встречу ещё когда эту Ладку - точно убью!

- Какую Ладку?

- Да я же говорю - подружку ее! Это она Томку такой сделала: раньше она и не ревновала вовсе: мол, поженились, значит, все что до свадьбы было - забыто и перечеркнуто... Да-а-а...

Провел по лбу тыльной стороной ладони, нагнул, наконец-то, поднял с пола сайру и банку с мясом курицы в собственном соку:

- Лиль, только я не знаю... Короче, на самом-то деле, я ничего не забыл. Ты прости меня и Тамару... Ну, и у меня тут ещё у приятеля домик в деревне есть: там не живет сейчас никто. Может ты поедешь?

- Уйди! - вдруг заорала она с неожиданной яростью и одним движением руки смахнула со стола и таблетки, и банки и пакет с картошкой. - Неужели ты не можешь понять, что мне не до тебя! Мне плевать на твою жену и на всех её подруг! На то, что она - дура, плевать! Сидишь тут и извиняешься, а меня посадят может быть! Поеду я к тебе в деревню - как же! А ты своей Томочке расскажешь! А она теми же ногами в прокуратуру пойдет!

- Лилька! - Он вскочил, хрустнув коленными суставами. - Лилька!

- Что «Лилька»?! Меня тошнит от вот этой твоей заботливости! От одного вида твоей сгущенки тошнит! Забирай всю свою жратву и уходи отсюда! Ничего мне от тебя не надо: неужели ты не понимаешь?

Кадык на Валеркиной шее пару раз судорожно дернулся, глаза сделались темными и он тихо, очень тихо проговорил:

- Ну, не могу я притащить к тебе сюда твоего драгоценного Вадима! Уж прости, что это я пришел, а не он. А продукты оставь: все-таки на чужую пенсию живешь.

Повернулся и вышел, чуть не поскользнувшись на грязной, влажной картофелине.

Лиля посидела недвижно ещё минуту, потом тоже встала. Спокойно вышла в прихожую и сняла с вешалки светлый летний плащ - тот самый, который надела той ночью в кафе.

- Куда это ты? - Вскинулась Кира Петровна. - Ушел и ушел! Будешь ещё за ним бегать!

- При чем тут он? - удивилась она, всовывая ноги в туфли. - За Оленькой посмотрите, пожалуйста. Она там раскутанная спит.

Вышла из подъезда, добежала до шоссе, поймала машину, мимоходом вспомнив Валеркино «на чужую пенсию живешь». Назвала адрес, отвернулась к окну. Ей, действительно, нечего было больше терять и нечего ждать. Оборвались все ниточки, угасла надежда.

Она больше не хотела никого искать и не хотела гадать, чье лицо скрывается под белой маской с пятном губной помады. Эта женщина не подпускала к себе, эта женщина выбросила её из жизни и

загнала в угол, она тихо смеялась совсем рядом и она могла быть кем угодно. Секретарша, случайная прохожая, продавщица из магазина. Какая-нибудь операторша из банка, проститутка по вызову, кто-то из бывших коллег.

Лиле тоже хотелось смеяться. Он еле сдерживалась, сжимая зубы и чувствуя, как ноют от напряжения скулы. Это ведь, действительно, ужасно смешно! Единственная женщина, которой можно доверять - мертвая Олеся с фотографии. И то только потому, что она мертвая! А все остальные?

Наталья Слюсарева? Эта могла запросто разыграть спектакль, изобразив вульгарную простушку, прячущуюся от отморозка-уголовника?

Кира Петровна? Может, она давным-давно позвонила в милицию? То-то так всполошилась, когда Лиля рванула куда-то на ночь глядя!

Маринка? А что «Маринка»? Кто может подтвердить, что её встреча со Слюсаревой была именно такой, как она рассказала? Да и встречалась ли она с ней, вообще? А львенок у неё на полке? А её прежняя симпатия к Бокареву, вдруг сменившаяся такой резкой антипатией? А та её фраза, странная, ускользнувшая фраза, которая до сих пор не дает покоя?!

Она все-таки захихикала тихо и визгливо, как умалишенная. Водитель недоуменно обернулся. А Лиле почему-то вспоминался тот кленовый вертолетик, медленно планирующий к ногам и чужие, раздосадованные глаза Вадима, когда она впервые призналась ему в своей глупой любви.

В его офисе ещё светилось несколько окон. Лиля знала, что, по идее, он ещё должен быть на работе. Быстро рассчиталась с водителем, опустила ноги на тротуар. Недавно прошел дождь. В лужах на асфальте отражались фонари и неоновые огни рекламы. Луна с черным ободком пряталась за сияющей и переливающейся надписью «казино».

Она вбежала на ступеньки крыльца, придерживая одной рукой длинный плащ, сначала долго жала на звонок, потом принялась остервенело дергать за ручку добротной дубовой двери.

Ее услышали. Чем-то громыхая, к «глазку» подошла женщина. Поинтересовалась сухо и испуганно:

- Девушка? А вам кого?

Лиля, запинаясь, объяснила, что ей необходимо срочно поговорить с Вадимом Бокаревым, и что он должен быть здесь. Женщина в ответ заявила, что она - уборщица, и что в офисе совершенно точно никого, кроме нее, нет. Спросила осторожно:

- А у вас что, правда, что-то срочное? Я могу его домашний телефон поискать.

- Спасибо, не нужно. Я знаю домашний телефон, я - его жена, - ответила она, слушая себя словно со стороны и думая о том, что все это, наверное, ужасно нелепо звучит.

- Жена? - удивилась уборщица. - Надо же!.. А бледная-то вы какая! Случилось что?

В замке повернулся ключ, дверь открылась. В глаза Лиле ударил яркий свет. Она прикрыла глаза ладонью и схватилась за косяк. Женщина в синем рабочем халате подхватила её под руку и почти втащила в коридор.

Полы в офисе влажно блестели. У стены стояло ведро со шваброй. Пахло моющим средством и хлоркой, вдоль плинтуса был рассыпан какой-то порошок.

- Да вы проходите, можете отсюда позвонить! Был он, Вадим Геннадьевич, был! Минут сорок как уехал. Все разъехались уже... Будете звонить?

- Не буду... - отозвалась Лиля глухо. И добавила непонятно для кого: для себя ли, для уборщицы? - Я не могу ему звонить.

Она не знала, что теперь делать и куда отсюда идти. Вадим был в офисе, уехал минут сорок назад, добросовестно отсидев до конца свой ненормированный рабочий день. Он так же вставал в семь утра, брился перед зеркалом и надевал белую, в тонкую темную полоску, рубашу...

- Вы плохо себя чувствуете? Может вам валидолчика дать?

...Он так же завтракал яичницей и бутербродами и так же пил огромными кружками растворимый бразильский кофе. Так же смотрел информационные выпуски по вечерам. Может быть немного тосковал по Олеся, но уж точно не собирал «тюремные» передачи в спортивную сумку и не метался в поисках её, Лили, по городу. Ему было наплевать. Он уехал с работы сорок минут назад...

- Девушка, да вы присядьте!

Откуда-то появилось черное офисное кресло на колесиках. Он, наверное, все так же любит откатываться в своем кресле к самой стене, оттолкнувшись от стола ногами?..

- Давайте я позвоню, если вы не можете? Что сказать?

Лиля поморщилась:

- Ничего не надо. Я просто не могу... В общем, и говорить ему не надо, что жена приходила. Ладно?

Тяжело оперлась о кресло рукой, развернулась к двери. Уборщица была в возрасте, но совсем кукольного роста, поэтому глядела на Лилю снизу и как-то странно. Неуверенно пожевывала нижнюю губу, хлопала ресницами. В конце концов, решилась:

- Из-за женщины переживаете?.. Ну, из-за женщины с мужем поссорились? Так плюньте и разотрите! Они все, кто при деньгах по фотомоделям этим, манекенщицам чертовым таскаются. А от жен-то никто не уходит! Потому как, кроме ног и груди, ещё и душа должна у человека быть! Вы просто молодая ещё совсем, вот и...

- При чем тут манекенщицы? - перебила она растерянно и тревожно.

- Так я думала... Да нет, ни при чем. Это я просто к слову.

- Подождите! Как вас зовут? Вы её видели? Скажите! Скажите мне, пожалуйста! Это очень важно!

Уборщица опустила голову, зачем-то схватилась за швабру и замахала свободной рукой:

- Нет, я, в самом деле, просто к слову. Не обращайтесь внимания!

- Вы видели подругу моего мужа? Ну, скажите, пожалуйста! Я знаю, что она есть, это для меня не новость. Мне просто важно знать, как она выглядит. Пожалуйста! Я вас прошу!

Женщина в халате помялась ещё несколько секунд, отставила швабру к стене, вздохнула:

- Ну, как выглядит? Я и видела то её всего раз. В понедельник, что ли? Пришла поздно вечером - вся такая цаца: разряженная, длинноногая. Ну, и закрылась с ним в кабинете. На лицо симпатичная, фигуристая...

- Блондинка? Брюнетка?

- Блондинка! Белая-белая, но не обесцвеченная. И глаза синие.

- А ещё что-нибудь? Ну, может нос курносый или родинка? - Лиля лихорадочно пыталась отыскать хоть какие-нибудь особые приметы.

- Да нет... Я и не разглядывала её особенно. Слышала только, что у них там то ли стул, то ли ещё что упало. Ну, думаю, точно обнимаются. Молчали ещё долго...

- А потом?

- Потом она ушла. Такси поймала и уехала. Белые брючки на ней были узкие, блузка такая розовая, колье из жемчуга. Сразу видно, что фотомоделка.

- И больше не появлялась?

- Да я-то не каждый день убираюсь: может и появлялась? Вы, главное, не переживайте. Честное вам слово даю: тут у каждого мужика такая цаца! И все ведь женатые, и у всех дети! А эта... Латышка она, что ли, или эстонка? Потому что говорит как-то странно: вроде и с акцентом, а вроде и нет? И вот еще! - Уборщица явно обрадовалась и сосредоточенно свела к переносице брови. - Он же имя её назвал, когда провожал! Олеся!

- Оле-еся?! - нараспев переспросила Лиля и почувствовала, что пол вместе с плитусом, просыпанным порошком и непросохшими лужицами воды, стремительно и неумолимо уходит у неё из-под ног...

* * *

Почему-то первые пять минут она могла думать только о её волосах и жемчужном колье на шее. Белые-белые волосы, матовые, круглые бусинки жемчуга. Синие глаза. То ли латышка, то ли эстонка. Олеся...

Потом дышать вдруг стало легче. И то что сначала окатило мозг волной горячего животного ужаса, показалось обычной и, главное, единственно возможной реальностью.

- Кто её опознавал? - проговорила Лиля вслух. Дубовые двери офиса к этому моменту уже закрылись за её спиной. Она стояла посреди переулочка, огни казино бросали разноцветные отблески на её бледное лицо. - Кто её опознавал?!

Мимо прошла девушка на высоких платформах, странно глянула в её сторону, благоразумно прижалась ближе к серой стене здания.

- Кто её опознавал?! - Повторила она и на секунду прикрыла глаза.

Мертвая Олеся на снимке с места преступления. Живая маленькая девочка делает уроки. Веселая Олеся поднимает бокал. Мертвая женщина на мокрой траве. Кто её опознавал?!

Сотрудники фармацевтической фирмы, видевшие Олесю раз, от силы два? Может быть, её подруги из агентства? Следователь говорил своему приятелю, что мать попала в больницу, и что тело повезут в закрытом гробу... Закрытый гроб... Лобная кость, проломленная коротким и сильным ударом. Изуродованное лицо, залитое кровью...

Там, на траве возле дороги лежала убитая женщина с хорошей фигурой и длинными белыми волосами. Все! Еще у неё были шрамы на правой руке, но кто сравнивал их с Олесиными шрамами? Кто, скажите?!

Лилю слегка подташнивало от волнения, ноги подгибались, как у резинового Петрушки. Она вышла из переулка, свернула к первому же табачному киоску, попросила пачку «Опала» и зажигалку. Снова свернула во двор, села на мокрую лавочку.

Та фотография... Что же было на ней таким странным? Или это все-таки касалось львенка? Может быть подсознание отметило какую-то деталь, свидетельствующую о том, что на снимке вовсе не Олеся?.. Какая-то деталь, мелочь. Мысль, зудящая беспокойно и настырно, как ночной комар над ухом.

Но, как бы то ни было, все складывалось. Лиля ещё не могла до конца понять, что так встревожило её на Олесиной фотографии, но зато она поняла другое. Фраза! Сказанная Маринкой фраза.

«У меня появилась подружка Светка... Она тоже рассказывала, как по молодости на даче у подруги разлагались... Ее тоже подруга бросила... Белая вся, размалеванная, фигурка ничего...»

И ещё кое-что, добавленное Валеркой.

«У моей Томки подружка появилась - стерва белобрысая!.. Давай нудеть, что все мужики по своим бывшим любовям бегают... Она сказала, что видела, как черненькая девушка возле нашей двери вертелась. Ты не приходила?»

Дождь начал накрапывать снова. Она провела ладонью по влажным рыжеватым волосам и усмехнулась. Оторвала целлофан от пачки «Опала», достала мокрыми пальцами сигарету, смяла и кинула на землю.

Блондинок вокруг развелось чрезвычайно много. Блондинок, которым не обязательно становиться любовницами Вадима, чтобы получить всю необходимую информацию. Некая блондинка с хорошей фигурой получает заказ и ориентировку: Лилия Бокарева, в девичестве, Муратова и её подруга детства Марина. История расставания подруг трагична: Лиле пришлось резко оборвать отношения, Марина, наверняка, не может до сих пор простить обиду.

Дальше все просто. Случайное знакомство в магазине ли, на автобусной ли остановке - не имеет значения. И вот уже блондинка Света пьет чай с гостеприимной Мариной и рассказывает, как её несколько лет назад бросила подруга, мягко направляя тем самым беседу в нужное русло.

Марина вздыхает: «Да, меня тоже!» Первая ловушка срабатывает: разговор теперь идет о Лиле Муратовой. Давняя поруганная дружба, чуть ли не детсадовские воспоминания.

Разговор случайно касается бывшего приятеля Лили - Валеры Киселева. Срабатывает ловушка номер два. «Как мы бесились на даче!» «Ой, ты знаешь, Марина, мы в свое время тоже! А у этого Валеры где дача была? У моей подруги-то вниз по Новорязанскому шоссе».

Информации вполне достаточно, вычислить точное местонахождение брошенного теперь домика не составляет труда.

Возможно, это был не первый вариант, но первый, который сработал. Потому что домик, действительно, оказался брошенным, а у Валеры, к счастью, имелась ревнивая, знающая о бывшей любовнице жена.

И вот у этой жены тоже появляется белокурая подруга Лада, которая шумно сетует на то, какие все мужики сволочи и изменники. И снова беседы двух новоявленных приятельниц имеют совершенно определенную окраску. «Ах, я видела у ваших дверей черненькую девушку! Ах, ты нашла клипсу? Так это же, наверное, ее?!» Сто процентов, что и девушки никакой не было, и клипса подброшена специально, но результат достигнут. Ревнивой жене не позволяют забыть о бывшей любовнице мужа, ей намекают: любовница по-прежнему опасна!

И тогда срабатывает ловушка номер три! Вопрос следователя о женщине с длинными черными волосами - и Тамара Киселева рассказывает о Лиле Муратовой. Ее имя впервые всплывает в материалах следствия, и с этого начинается размотываться чудовищный, мастерски скрученный

клубок...

Светловолосая, возникшая из ниоткуда подруга Маринки, белокурая Лада приятельница жены Валерки Киселева...

Лиля смахнула с плаща упавший с дерева лист и поднялась с лавочки. Сигареты так и остались лежать на влажных досках. Она не знала, откуда взялась эта женщина - из частного ли детективного агентства, с подмостков ли любительской сцены, но зато догадывалась, где эта блондинка сейчас. В могиле, над которой стоит памятник с фотографией грустно улыбающейся Олеси. А прежде, она лежала там, на мокрой траве, лицом вниз, и в её белых волосах, которыми она, наверняка, гордилась, запеклась кровь. Заставили ли её левой рукой нарисовать в подвале рожицу львенка, или она все ещё воспринимала это как часть жестокой, но хорошо оплачиваемой игры?

Может быть, она и не слишком напоминала при жизни Олесю: волосы, фигура, рост - вот и все, но после смерти этого оказалось достаточно. Олеся посчитала, что достаточно. Мертвая Олеся. Единственная женщина, которой можно доверять...

Она ещё как-то отстраненно подумала о том, что теперь и с кражей все складывается. Голос по телефону (кто это был? Та, вторая? Нет, наверное, все-таки сама Олеся) сказал, что Вадим взял эти деньги, чтобы бросить их к ногам своей прекрасной принцессы. И действительно, о воровстве не узнал больше никто. Два человека в целом мире: Вадим и та, к чьим ногам полетели смятые рубли и доллары...

Вышла на ярко освещенный проспект, снова поймала такси, снова назвала адрес - теперь уже другой. Откинулась на спинку сиденья, закрыла сложенными ладонями половину лица. Ей больше не хотелось истерически смеяться, теперь она понимала почти все. Почти...

Определенно, вся эта чудовищная мистификация была затеяна Олесей с двоякой целью: получить деньги Райдера и остаться с Вадимом, убрав с пути её, Лилю, и свалив на неё двойное убийство. Но каким образом она, официально погибшая, собиралась снова появиться среди живых? Впрочем, наверняка, эта женщина с невероятно красивым лицом и лазурной синевы глазами продумала все до мелочей. Все, кроме одного. Она не могла знать и, наверняка, не знает до сих пор, что ни одна медицинская экспертиза не подтвердит родства Оленьки и её мнимой матери, бывшей гражданки России Кузнецовой...

У каменного дома с высокими окнами Лиля вышла из машины, удивляясь своему странному спокойствию. Подобрала раздавленную банку из-под «Спрайта», валявшуюся возле подъезда, бросила в урну. У неё было такое чувство, что она просто готовится к дальней поездке. Наводит порядок в доме, перестирывает белье, проверяет закрыты ли окна. Она приедет сюда, обязательно приедет, но просто сейчас надо выгрести мусор и расставить вещи по местам, чтобы не возвращаться в грязь.

Бокарев был дома. Она и подумала о нем так: «Бокарев» - не «Вадим», не «Вадик», как обычно. Открыл дверь и замер. Лиля все ждала, когда он упадет в обморок или просто без сил соскользнет по стене. Его живот, обтянутый домашней спортивной майкой слегка переваливался через ремень отглаженных фланелевых брюк. И она с неприязнью подумала о том, что лет через пять Бокарев (опять «Бокарев»!) начнет заплывать жиром.

- Привет, - сказала она и прошла в квартиру, закрывая за собой дверь. - Прости, я не спросила, можно ли мне войти?

Он судорожно сглотнул, сделал нелепое движение руками, словно хотел её обнять, но тут же снова отступил назад.

- Не хочешь со мной поздороваться? Предложить мне чаю? Позвонить в милицию?

- Лиля... - проговорил он таким тоном, каким мог бы сказать «привидение».

- Да, Лиля. Я пришла за кое-какими вещами и ещё объявить тебе, что мы с Олей уезжаем. Ты нас не найдешь, можешь не стараться - да ты, наверное, и не будешь. Милиция... Ну, про милицию отдельный разговор. Кстати, хотела тебе сказать: я сегодня заезжала в ваш офис, там говорят, что ты работаешь с потрясающей производительностью, засиживаешься допоздна, по при этом выглядишь бодрым и довольным жизнью.

Не дожидаясь ответа, она прошла в свою бывшую комнату, распахнула створки шифоньера, сняла с плечиков бирюзовую шифоновую блузку. Сзади послышались шаги. Лиля обернулась: в дверях стоял все ещё ошарашенный Вадим. Он даже начал заметно заикаться:

- Т-ты... Я д-думал, что ты уже давно к-куда-нибудь уехала. Т-тебя ищут, ты знаешь? Я, конечно, не

верю, но в прокуратуре говорят...

- Я тоже сначала не верила, - перебила она, бросив блузку на кровать и ощущая при этом внутри себя странную пустоту - ни ярости, ни любви, ни обиды - ничего. - Не верила в историю с одной давней кражей. Решила все выяснить, поехала в одно замечательное кафе. Ну, в прокуратуре тебя, наверное, просветили?

- К-какая кража?

- Кража из сейфа нашего босса. Помнишь, шкаф разломали к чертовой матери, взяли деньги, тут же на полу оставили ломик. А охранники никого не видели: в офисе были только свои?

Вадим заметно побледнел, на скулах его медленно проступила россыпь неровных красных пятен. Казалось, что на его лицо сильно надавили сразу всеми пальцами, а потом отпустили.

Лиля стояла к нему спиной, его отражение она видела в большом прямоугольном зеркале, встроенном в дверцу орехового шифоньера. Теперь стало совершенно ясно: все что касается кражи - правда, или, по крайней мере, выдумка о которой он знал.

- П-погоди. Откуда ты...

- Где знают двое, знает и третий, - Лиля усмехнулась, взяла с полки белый хлопчатобумажный свитер и черный комбидресс, со всем этим в руках присела на кровать. Вадим смотрел на неё не отрываясь. Она все с тем же патологическим спокойствием отметила, что у него, оказывается, выпуклые, как у рыбы глаза. Поморщилась:

- Ну, что ты на меня тарачишься, как на ожившего мертвеца? Я ещё живая. Как, кстати, и некоторые другие, которых уже официально похоронили... Как же мне много нужно было тебе сказать! Ладно, вкратце. С наследством Райдера у вас, ребята, ничего не получится, я очень рада вам это сообщить. Оленька - не дочь Олеси, та девочка умерла в барокамере...

Вадим вздрогнул. Она, не ощущая ничего, кроме монотонного, нарастающего звона в ушах, продолжала:

- Ребенка, которого мы с тобой вместе воспитывали, я забираю с собой: не хочу, чтобы он жил с убийцей. Это к вопросу о «Леоне». Классно вы, кстати, придумали!

- Что ты несешь? - Бокарев понемногу начал приходить в себя. - Что ты несешь?! Я не понимаю!

- Зато я теперь понимаю все. Мы уедем. И если ты попытаешься... Ты слышишь меня? Просто попытаешься послать милицию по нашему следу, в прокуратуре узнают все. Можешь не играть желваками. У меня есть не то чтобы доказательства, но все же кое-что интересное. Хочешь узнать, что?

Он прислонился спиной к двери, спрятав обе руки в карманы брюк.

- Твою Олесю видели. Уже после её мнимой смерти. Видели, как она приходила к тебе, как вы разговаривали. Есть человек, который её элементарно опознает.

Вадим опустил голову так низко, что подбородок коснулся груди. Вздохнул, снова поднял глаза на Лилю.

- Она, действительно, приходила ко мне на работу, - голос его был вялым и надтреснутым. - Я не хотел тебе говорить, и не хотел, чтобы хоть кто-нибудь знал... Она, действительно, приходила, Лиля. Но это было в понедельник, на второй день после её прилета в Москву. И за несколько дней до её смерти. Тогда ещё никто не мог знать, что все вот так кончится...

...Тогда ещё никто не мог знать, что все вот так кончится. Олеся казалась веселой. Может быть, наигранно веселой, может быть нервной и напряженной. Но она ещё не догадывалась, что жить ей осталось всего несколько суток. На ней были узкие белые брючки, розовая блузка и маленькое жемчужное колье. Роскошные волосы лежали на плечах тщательно уложенной волной. Теперь она выглядела дорого. Это было первое, что он отметил. И только потом начал немного соображать.

- Ты?! Ты откуда?

- Из Лондона, - Олеся опустилась в кресло, закинув ногу на ногу. - Иностранных клиентов принимаете?

Ее мягкие губы готовились приоткрыться в обворожительной улыбке в то время, как глаза напряженно шарили по его лицу.

- Здравствуй, - глупо сказал он, присаживаясь на край стола и по-ученически складывая руки на коленях. - Я не знал... Я не думал... Как ты меня нашла?

- А ты хотел спрятаться?

- Нет, но... Просто все так переменилось. У меня другой дом, другая работа...

- Ну, у тебя дома я ещё не была - не решилась. Подумала, вдруг там уже другая женщина? Хотя адрес я знаю, - и снова этот тревожный, ищущий взгляд.

Вадим подумал о том, что надо сразу сказать, чтобы не затягивать: «Да, там теперь другая женщина». И не смог.

- ... В общем, как бы то ни было, я решила придти сначала сюда. Не прогонишь?

Он, наконец, заметил, как сидит: коленочки вместе, ладошки вместе, стыдливый импотент на приеме у сексопатолога. Покраснел, торопливо вскочил со стола:

- Нет, конечно. Нет!.. Кофе будешь?

В коридоре скучно загромыхало ведро, зашлепали по полу резиновые сабо уборщицы.

- Закрой дверь на замок, - попросила Олеся. Вадим покорно встал, закрыл дверь, повернул ключ. Громыханье ведра затихло. Он с досадой понял, что уборщица собралась подслушивать. Но подслушивать, в общем, было нечего.

Сначала он почувствовал прикосновение горячих, чуть подрагивающих ладоней к своим щекам. Олеся подошла к нему сзади, погладила лицо, прижалась к спине всем телом и поцеловала несколько раз пиджак между лопатками. Потом её руки развернули его себе. Он повернулся, зацепил ногой кресло, которое немедленно рухнуло на пол.

- Вадим... - произнесла Олеся беззвучно, одними губами. Теперь в её лазоревых глазах дрожали слезы. - Вадим...

Ее тонкие пальцы скользнули в его волосы, затем под жесткий воротник рубашки. Она принялась, по-детски хлюпая носом, расстегивать мелкие белые пуговицы. Расстегнула три или четыре, положила узкую ладонь на его грудь так, будто хотела определить температуру тела. Вадим стоял окаменевший и почему-то не мог пошевелить ни ногой, ни рукой.

Она почувствовала. Снова вскинула на него несчастные глаза:

- Почему ты со мной так? Ты все ещё меня ненавидишь? Но я ведь все забыла, и ты забудь. Мы с тобой все испортили, все должно было быть по-другому...

- Я женат, - ляпнул он в самый неподходящий момент. Олеся вздрогнула, волна волос качнулась. - Я женат. У меня семья и ребенок.

Она поспешно отошла к окну, провела пальцами по полоскам вертикальных жалюзи, пальцы дрожали. Однако, когда она обернулась, улыбка уже снова довольно убедительно искривляла её губы:

- Ребенок? Совсем малыш, наверное?

Вадим понял, что она считала. Сколько прошло с момента их последней встречи в клинике, сколько должно было пройти, чтобы он смог хотя бы спать с другой, плюс девять месяцев беременности, даже если все произошло сразу. Понял и согласился:

- Да, совсем малыш. Мальчик. Яшка.

Почему «Яшка» он не знал. Как не понимал толком, чего боится. Того, что Олеся, узнав о том, что девочка жива, бросится к нему домой и заберет ребенка? Того, что он потеряет теперь уже обоих?

- Яшка... На кого похож?

- На жену. Она - чудесная девушка, красивая, умная...

Она не дослушала, махнула рукой:

- Да, конечно... Я за тебя рада... И с работой все хорошо?

- И с работой.

- Да-а... Вот как все сложилось.

Вадим с удивлением отметил, что она теперь говорит с акцентом. Совсем небольшим, почти незаметным. Но это её «р» стало совсем округлым, фразы по-английски мягкими и, словно бы, вопросительными. Прокашлялся, застегнул рубашку:

- Да... Теперь я живу вот так.

Олеся будто бы хотела что-то спросить, но в последний момент сдержалась. Кивнула, соглашаясь с собственными мыслями. Он, наконец, догадался спросить:

- А как ты?

- Я? Я нормально. У меня все есть, муж меня очень любит. Ребенка хочет..

- Ребенка?

Наморщила переносицу, словно от быстрой, стреляющей боли:

- Да, ребенка... Знаешь, Вадим, когда проходит время, и когда такие расстояния, все размолвки, все кажется чепухой. Все, кроме девочки...

- Я тебя предупреждал! - Бросил он неожиданно зло. - Сейчас легко говорить.

- Я могла умереть.

- Ты боялась, что твой драгоценный англичанин не захочет везти тебя в Лондон.

- И этого боялась тоже... Она бы все равно не выжила, даже если бы родилась девятимесячной. Слишком много у меня было болячек.

Вадим вдруг вспомнил, что обещал привезти для Оленьки абрикосовое и грушевое пюре, и о том, что у неё вылез диатезик на щеках. Пожал плечами:

- Может и так? Не знаю, я не гинеколог.

- Значит, у тебя все хорошо?

- Ты уже спрашивала.

Перевел взгляд на её запястье, увидел легкую паутинку шрамов, выглядывающую из-под широкого манжета.

- Да-а... Так страшно: нам не о чем говорить. Я, наверное, пойду?

Он неуклюже заторопился:

- Нет... То есть... Как все нелепо... Я не знаю...

Олеся взглянула на него почти с мольбой:

- Мне кажется, ты меня боишься?

- Почему боюсь? С чего ты взяла?

- Боишься, что я сломаю твою жизнь. У тебя все наладилось, у тебя Яшка, а я вернусь, и снова ничего не будет. Так?

- Вовсе нет! - Вадим попытался выглядеть спокойным и ироничным. - По крайней мере, в своей жизни я научился разбираться сам, и никто вразрез моим желаниям... Знаешь, Олеся, если честно, я боюсь, что ты наделаешь глупостей и прежде всего сломаешь свою собственную судьбу. Подумай: у тебя есть деньги, дом, любящий муж, блестящие перспективы.

- Блестящие перспективы, - повторила она тающим эхом. - Да, ты прав. Тим - прекрасный человек, я его безмерно уважаю. И, кроме того, можешь не волноваться, я никогда не сделаю ему больно... Я, в общем-то, просто пришла на тебя посмотреть. Посмотреть и все.

Он хотел крикнуть:

- Ну и как? Посмотрела?! - и шарахнуть что-нибудь о пол, как в тот день, когда он совал ей в лицо краденные деньги и телефонную трубку. - Посмотрела?! Да?!!

- ...Посмотреть и спросить. Только ответь, пожалуйста, мне это важно. Ты жалеешь? Если бы можно было отмотать все назад, если бы у меня не было Тима, а у тебя твоей жены и Яшки, что бы было тогда?

И он сказал холодно и жестко - так, что Олеся даже побледнела:

- Давай без фантазмогорий? Все есть как есть. Живи своей жизнью. Ты её выбрала. И даже сейчас хочешь, чтобы я расползся перед тобой, как слизняк, а сама заявляешь, что в жизни не бросишь своего бесценного муженька.

- Спасибо, - пробормотала она.

Вадим удивился:

- Спасибо?!

Но она уже с фальшивой беспечностью и легкостью заговорила о своем доме в Лондоне, о том, как ездила в Ниццу и Сент-Троpez, о том, какие подарки везет маме. Он сначала ошалел, а потом понял, что время для откровений истекло и, поправив узел галстука, подыграл:

- Ницца? Здорово! Слушай, ты же всегда хотела там побывать! А в Москву, кстати, вы зачем? По делам фирмы или так, туристами?

Пожала плечами:

- Вроде, у Тима какие-то дела, но он меня не посвящает. Обещает какой-то сюрприз: может быть, к маме поедет вдвоем. Мама болеет сильно, думаю забрать её в Англию.

- А разве разрешат ввезти на постоянное жительство такого пожилого человека?

- Тиму разрешат... Ладно, Вадим, я, в самом деле, пойду?

Он её не удерживал, подошел к двери, открыл замок.

Уборщица вымыла уже почти весь первый этаж. Ее согбенная спина в темно-синем рабочем

халате маячила в самом конце коридора.

- Возможно, я ещё позвоню, - на секунду останавливаясь в дверях, проговорила Олеся. - Если ты не против? Ты не будешь против?

Вадим сказал, чтобы она, конечно же, звонила. Досадливо обернулся на уборщицу, чуть подтолкнул Олеся к выходу из кабинета. Ее тонкие каблочки поцокали по мокрому полу. Тонкие каблочки, легкие ножки, узкие щиколотки...

- Олеся! - окликнул он. Она остановилась. - Ты, правда, позвони, Олеся. В квартиру я тебя, конечно, не приглашаю...

- Конечно.

- Нет, не в том смысле. Просто не нужно.

Она с улыбкой кивнула, отвела от лица волосы. Сделала ещё несколько шагов и нажала на кнопку возле входной двери. Замок, сухо и коротко щелкнув, открылся. Было уже темно. В прямоугольнике дверного проема показались серые стены соседних домов и кусок неба в частых звездах.

Еще шаг, и она вышла на крыльцо. Белые брючки, розовая блузка, светлые волосы. Больше он её никогда не видел...

... - Больше я её никогда не видел. Буквально через несколько дней это сообщение по телевизору, - Вадим прикрыл глаза ладонью и шумно выдохнул, стиснув зубы. - Лиля, ты должна мне верить. Это правда.

- Пусть правда. - Она равнодушно пожала плечами. - Пусть даже ты не был с ней заодно. Я просто уже не могу ничего изменить. Мы уезжаем... У тебя работа, крахмальные рубашки, галстуки. Ты ведь не искал нас. Только, ради Бога, не оправдывайся!

- Где? Скажи, где я должен был вас искать?! Я не знал. Я думал, что ты не хочешь меня видеть.

- Вадим, это - не обвинение. Это просто констатация факта. Нам надо было расстаться в любом случае. Даже если бы всего этого не произошло. Ты чуть не запил, когда умерла она, и ты даже пополнел за то время, что не было нас с Ольгой.

Он ничего не ответил. Сжал обеими ладонями виски, натянул кожу так, что глаза стали узкими, как у китайца. Лиля чуть отодвинулась в сторону, аккуратно сложила рукава хлопчатобумажного джемпера:

- Все в самого начала было ошибкой. И твоя женитьба на мне, и твое желание забрать себе Ольгу. Так что правду ты говоришь сейчас или нет, не имеет значения.

- Что значит «правду или нет»? Лиля, я не вру!

Она чуть подалась вперед:

- Вадим, мне, в самом деле, все равно. Я даже сама себе удивляюсь. Ты не бойся: я не собираюсь заявлять на вас в милицию. Живите. Родите себе своего настоящего ребенка - Ольга не ваша.

- Стоп! Я с самого начала хотел спросить, но ты не дала. Что это значит? Какая ещё барокамера?

- Вот в то, что ты об этом не знал, я, кстати, верю. А мне сказала Алла. Призналась после того, как её уволили. За той девочкой не уследили, и она умерла. Алла побоялась признаться, и мы с тобой растили малышку, от которой отказалась какая-то студенточка.

- Это не может быть правдой!

- Но это, тем не менее, правда. Приятная правда! Так что вы, ребята, на мою.., - она выделила слово «мою» голосом. - На мою дочь никаких прав не имеет... Что еще? А! К вопросу о том, что не стоит зря оправдываться! Я находила ватки с помадой под зеркалом, я очень хорошо чувствовала запах чужих духов. Духов твоей Олеси. И самый пикантный момент: все, что знала женщина, заманившая меня в то кафе, могла знать только твоя любовница. А о краже из сейфа, как я сильно подозреваю, знали, вообще, два человека на свете? Ты и Олеся? Ведь так?

- Три, - поправил он потерянно и устало. - Три человека. Я, Олеся и Алла.

И тогда Лиля вздрогнула. И шифоновая блузка, прошуршав змеей, скользнула с её колен на пол...

- Я, Олеся и Алла, - повторил Вадим. - И я, действительно, взял эти деньги. Но это все, в чем я виновен. Причем я не понимаю, откуда ты...

Она перебила:

- Мне сказали по телефону. Сказала та женщина по телефону! Но Алла! По поводу Аллы ты уверен?

- Естественно. Я сказал ей тогда, когда уговаривал спасти Ольгу. То есть, не Ольгу

получается... Она боялась, она не хотела. Говорила, что ребенок мне надоеет, что это сейчас я «рву страсть в клочки», а потом проговорюсь, предам её, и её уволят. Я сначала убеждал, деньги предлагал, а потом... Потом я сказал, что пусть у нас будет компромат друг на друга: она тоже будет знать обо мне то, чего не знает никто. Олеся-то ведь собиралась навсегда уезжать за границу, она была как бы уже и не свидетель. В общем, я сказал про кражу, и что она, если хочет, может позвонить в милицию и убедиться, что кража, на самом деле, была. Еще деньги ей отдал из того сейфа: у меня ещё оставались. Мол, наверняка, номера ворованных купюр можно установить, так что это - прямая улика. Она взяла...

- Но она говорила мне, что не знает! Она удивилась! Она не верила!

- Склероз! - Вадим усмехнулся. - Как все это интересно получается...

Лиля прикусила нижнюю губу:

- Но тогда... погоди, ты можешь мне сказать: у тебя точно ничего нет с Аллой?

- А ты мне что - поверишь?

- Просто скажи «да» или «нет»! Какая тебе разница, поверю я или не поверю?

- Если тебе угодно: «нет»!

Она резко вскочила:

- Кстати, я бы, на твоём месте, не кривлялась! - Передразнила: - «Если тебе угодно!» Да, мне угодно! Мне угодно понять, что здесь происходит! При чем тут Алла? Почему она соврала? Вместе ли они действуют с Олесей или по отдельности, и какой им резон все это делать, если девочка...

Она осеклась. Вадим по-прежнему недвижно стоял у дверного косяка, но теперь в глазах его появился нехороший блеск.

- Если девочка.., - продолжила Лиля. - Но ведь тогда получается, что она и про Оленьку запросто могла солгать? Значит, опять же, наследство. Только как? Каким образом? И зачем тогда Олесе Алла?

Секунду постояла, прикусив ноготь большого пальца и устремив невидящий взгляд на стену, оклеенную белыми в мелкий цветочек обоями. Угловатым, резким движением заправила прядь волос за ухо, решительно двинулась к двери.

- Куда ты? - спросил Вадим.

- Так я тебе и сказала! - Огрызнулась она. - Ложись спать: завтра с утра на работу. И, ради Бога, никуда не суйся, если только ты, действительно, ни при чем. Если ты как был телком, так и остался. Только напортишь все. Заткни себе рот и молчи. Будут новости - я тебя найду. Все!.. Нет, ещё мне нужны деньги. Я завела вредную привычку ездить на такси.

Он покорно, действительно, как крупный, красивый теленок, подошел к прикроватной тумбочке, выдвинул ящик, достал несколько долларовых купюр. Лиля взяла их, не глядя. На джемпер, лежащий на кровати, и блузку, валяющуюся на полу, так больше и не глянула. И быстро вышла из комнаты.

Опять взяла такси, на этот раз, настоящее, с «шашечками». Села на переднее сиденье: на заднем, как ни странно, валялись какие-то коробки. Попросила довести её по адресу и высадить до угла дома. Через двор рванула бегом - так было быстрее. На этаж влетала задыхаясь и чувствуя, что вот-вот упадет от того, что больше нет сил и дикая боль разламывает затылок. Нажала на кнопку звонка, чуть не упала через порог.

- Боже мой! - Ахнула Кира Петровна. - Боже! Лиля!

А она, уже опускаясь на корточки и запрокидывая голову назад, прошептала:

- Пожалуйста! Вы же всю жизнь проработали в медицине, у вас остались знакомства, связи... Пожалуйста, Кира Петровна, узнайте как угодно, работала ли полтора года назад в одном из родильных домов Москвы Нина Бородянская. Существует такая женщина в принципе или нет? Это вопрос жизни и смерти, Кира Петровна!

Та рухнула перед ней на колени, принялась стаскивать с ног туфли, причитая:

- Вопрос жизни и смерти! Ну, надо же! Что ещё за Нина Бородянская? Сдалась тебе эта Нина Бородянская! Лилечка! Плохо тебе?

- Нет, мне не плохо, - прошелестела она и попыталась улыбнуться. - Просто я должна знать, и я узнаю. А она... Она, когда называла фамилию, просто думала, что я не буду проверять. Она была уверена, что я не проверю. Вот так-то!

* * *

В кабинете густо пахло хлоркой, кипяченым бельем и кислым жидким супом с пищеблока. Роддом был самый обычный, с синими, выкрашенными масляной краской стенами и металлическими каталками вдоль стен, щедро нагруженными линялыми тряпками. Из конца коридора время от времени доносились жалобные крики женщины: видимо, там находились родильные залы. Но сама заведующая отделением кричала так, что воплей роженицы почти не было слышно:

- Кто вам позволил?! Я спрашиваю, кто вам дал право так разговаривать со мной?! Вы... Вы...

- Нина Андреевна, вы совершенно зря кричите, - монотонно повторяла Лиля, вцепляясь руками в боковины стула, чтобы не упасть: голова после вчерашнего приступа все ещё сильно кружилась. - От того, что вы кричите, ничего не изменится. Алла Денисова уже уволена с работы. Против нее, возможно, будет заведено уголовное дело. Причем непосредственно связанное с историей того, умершего ребенка.

- При чем тут уголовное дело? Вы хоть понимаете, что говорите!

- Я понимаю. Вы не понимаете... Если вы, действительно, помогли полтора года назад Алле и нашли для неё отказную девочку, то вам лучше сказать об этом сейчас. Если она хотя бы обращалась к вам с такой просьбой, но вы отказали, тоже скажите. Поймите, Алла Леонидовна даст показания. И если то, что она скажет, не совпадет с тем, что скажете вы...

Бородянская нахмурилась, тяжело села на стул. Облокотилась обеими руками о стол, глядя в потолок, вздохнула.

- ...Нина Андреевна, вам, правда, лучше сказать. Никто не узнает, получили вы деньги за этого ребенка или отдали его бесплатно, но истории родов непременно поднимут. И ту студентку, которая отказалась от дочери, разыщут. И спросят, куда делся младенец... Лучше скажите. По сути, в этом нет ничего особенно страшного. Вы ведь никого не продавали, не крали и не убивали.

- Вот в прокуратуре и скажу, - заведующая отделением хмыкнула. Не особенно, впрочем, уверенно. - Если вызовут... И, вообще, девушка, вы являетесь в мой кабинет, не желаете показывать никаких документов и по какому-то праву спрашиваете!

- Я и не утверждаю, что работаю в милиции. Но если вы не скажете это мне и сейчас, вам все равно придется сказать это другим людям и потом. А от меня зависит, в каком тоне и с какими смысловыми акцентами будут задаваться вам вопросы.

Бородянская взглянула на неё с сомнением, наверняка, отметив и нездоровую бледность и отеки на лице и синеватый носогубный треугольник. Еще раз вздохнула:

- Девушка-девушка... Так и не хотите сказать, кто вы по должности?

- Не хочу и не скажу.

- Наверняка, не замужем, ведь так?

- Какое это имеет значение?

- Вид у вас такой... Вид человека, которого ещё жизнь не научила сочувствовать. Извините, конечно, за резкость. Вот вы делаете свою работу: не знаю, кем вы там числитесь - клерком, частным следователем...

Лиля неопределенно и многозначительно пожала плечами.

- ...Да кем бы ни числились! У вас, конечно, работа такая расследовать. Но что такое человеческое горе, вы из-за этой работы забываете!

«А ведь Бородянская, кажется, начинает торговаться?» - поняла она с тихим торжеством. - «Начались разговоры о горе, о добре и зле, об общечеловеческих понятиях. Сейчас скажет что-нибудь вроде того: я только нашла ребенку родителей, иначе он вырос бы никому не нужным детдомовцем... Скажет... Только что это даст, кроме подтверждения: да, Оленька, действительно, моя и только моя? Все окончательно запутается. Зачем солгала Алла? Какую игру она вела и имеет ли это какое-нибудь отношение к Олесе? Кто претендует на наследство и каким образом? Лжет ли Вадим?»

- ... Забываете-забываете! А я ведь, если разобраться, её спасла.

- Девочку?

- Ну, и девочку тоже. И Аллу... Аллу Леонидовну...

- Значит, вы все-таки помогли ей найти отказного ребенка? - Лилия распрямилась и чуть сощурилась. - Так?

- Так! - Бородянская наоборот глаза округлила. - А у меня был выбор? Она моей подругой была! Пусть не подругой - приятельницей хорошей. А вы вытаскивали когда-нибудь собственную подругу из петли? Я же табуретку из-под неё вышибла в буквальном смысле. И потом ещё месяц возле неё дежурила. Отпуск взяла и дежурила, чтобы она ничего с собой не сделала.

- Она что, пыталась покончить жизнь самоубийством? Почему?

- Вот вы бы сначала спросили - почему, а потом уже осуждали человека! Она ребенка спасти пыталась. Ну, не получилось: медицина не всесильна...

- Так это она из-за ребенка?

- При чем тут ребенок? - Нина Андреевна поморщилась и сняла с головы медицинскую шапочку. - Ребенок... Не в этом дело. Жизнь у человека поломанная. Все для других. Все! А ей за это все время - по морде, по морде!

- Объясните, пожалуйста...

- А я объясню! Объясню-объясню! Вы, девушка, не сомневайтесь! Вы, вообще, в этой истории хорошо ориентируетесь, или вам так, бумажку выписали «проверить такую-то такую-то. Допросить на предмет подделки документов на ребенка»?

Лиля ничего не сказала. Бородянская, впрочем, и не нуждалась в ответе. Все тело её колыхалось, как обычно бывает у тучных женщин в минуты волнения. Казалось, что она вот-вот свалится со стула от переполняющих её эмоций.

- Объясните, надо же! Да если бы вы только слышали, как она в трубку рыдала: «Помоги, Ниночка!» Я сначала отказалась. Спокойно так, серьезно. Дескать, не хочу в такие дела лезть. Она сразу трубку и повесила. Я заволновалась, домой к ней после работы поехала. Толкнулась - дверь открыта. Зашла, а она уже с табуретки спрыгнула, качается и хрипит. Хорошо, что я - врач, не растерялась. На пять минут бы позже зашла - и все!.. Откачала её, а она хрипит: «Он же теперь меня проклянет! Проклянет! Он подумает, что я специально ребенка убила» «Кто?» - спрашиваю. И тут выясняется, для кого она эту малышку спасала...

В кабинете было по-прежнему светло. Веселое летнее солнце пробивалось сквозь белые казенные шторы, но у Лили перед глазами потемнело.

- Для кого? - переспросила она, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Для хахаля своего бывшего. Любовь всей её жизни! Вот дура Алка, всегда я ей это говорила!.. Роман у неё был чуть ли не на первом курсе с одним молодым кобелем. Вадимом звали, в техническом ВУЗе учился. Он с ней, простите уж за такую подробность, переспал и расстался преспокойненько, а она потом сколько лет страдала! Все «люблю его, не могу». Он, значит, завел себе девку. То ли фотомодель была, то ли какая-то «мисс» - в общем, красивая очень. Собирался на ней жениться. Алка плакала, конечно, но потом смирилась. Сама замуж собралась. Солидный человек за ней ухаживал, с деньгами. А тут этот Вадим с девкой своей разбегается, девка беременная, на аборт опоздала, ложиться делать искусственные роды... Вы слушаете, девушка?

Она слушала. Она ловила каждое слово. Но, кажется, уже знала, что услышит дальше.

- ... Так вот. Алла - добрая душа, звонит ему и предупреждает: «Видела твою подругу. Она к нам в клинику легла». Тот летит в клинику, умоляет Аллу спасти девочку и отдать ему. Она тоже долго отказывалась. Он говорит: «Я её выращу». Тогда она ему объясняет, что, в таком случае, надо жениться, чтобы оформить фиктивные документы, да и, вообще, за ребенком нужно ухаживать... Вот вы бы девушка на ком после таких слов женились? Учитывая то, что между ними когда-то существовали отношения, а у Вадима этого в тот момент на примете точно никого не было - он же все по свой беременной страдал!

- Вы имеете в виду, что он должен был жениться на Алле?

- Хочу! - Бородянская уперлась обеими руками в пышные бока и склонила голову к плечу так игриво, будто собиралась танцевать «Калинку». - Хочу! Потому что это было бы честно! Тем более, Алла и красавица, и умница, и готовит прекрасно, и любила его так. А кроме того.., - она подалась вперед. - Мне кажется, он все-таки дал ей повод на что-то надеяться! Алла тут же отношения со своим женихом разорвала, счастливая ходила, костюм новый купила, платье... А этот паразит взял и женился на какой-то молодой сучке. Просто взял и женился и в лицо это Алке бросил. Поиздевался над ней. Причем пригласил её в ресторан, типа того, что поблагодарить за ребенка, там и сказал. Она-то рассчитывала, что он ей в этот день предложение сделает. Вот так... А ребеночек как раз на следующее утро умер.

- Спасибо, - Лиля судорожно сглотнула. - Вы очень помогли. Теперь да, теперь все предстает в другом свете...

Нина Андреевна отмахнулась:

- Помогла! А-а-а! Пусть увольняют! Ладно бы за дело, а то ведь спасла двоих считай! И ребенка, и Алку... Ничего, будем с ней на досрочной пенсии вместе сидеть, помидоры выращивать. Или вон к метро газетами торговать пойдем, там как раз продавцы требуются... Наказывайте! Только вот беременную эту, которая своими руками заявление подписала, чтобы плоду жизнь не сохраняли, никто почему-то не наказывает. И Вадима с работы не уволят, будьте уверены! Будет себе жить, растить дочь, спать с молодой женой... Хотите я вам, кстати, его покажу?

Она поднялась. Тяжело переваливаясь, подошла к шкафу, пошарила в журналах и книгах, достала коричневую общую тетрадь. Открыла, рассмотрела на свету какую-то фотографию, подозвала Лилю:

- Вы подойдите, подойдите сюда, девушка!

Лиля подошла, заглянула Бородянской через плечо. Фотография была старая, черно-белая. Комната в студенческом общежитии, стол. На столе сковородка с жареной картошкой. Вокруг сковородки семеро молодых людей с вилками в руках и улыбками на физиономиях. Двое парней, один из которых Вадим, остальные девчонки.

- Вот он, - Нина Андреевна ткнула в лицо Бокарева розовым пальцем. - Кобель чертов! А вот она...

Алла тоже улыбалась и неуверенно пыталась склонить голову на плечо Вадиму. Он, похоже, не особенно этого жаждал. Гораздо больше его привлекала картошка, кособокой горкой поднимающаяся над сковородкой.

- ...Всю жизнь о нем думала. Свет в окошке! Он, он, только он! Ноги ему была готова мыть и воду эту пить, но чувств своих не показывала. Мне вот плакалась только да ещё Надежде... Вот, кстати, Надежда, - палец переместился к лицу хорошенькой темноволосой девушки. - А он... Уж не знаю, каких он там прелестниц себе выбирал, что в первый раз, что во второй. Не знаю, чем они так были лучше Аллы...

- Простите..., - Лиля, очнувшись, вздрогнула и отвела, наконец, взгляд от фотографии. От рук с вилками. От семи рук с вилками, тянущихся за картошкой. - Простите, я немного отвлеклась.

Бородянская прерывисто вздохнула:

- Да я ничего такого особенного и не говорила. Просто надо было видеть Алку, когда она в истерике заходила, когда я от неё все ножи и ножницы в доме прятала, а она кричала: «Все равно жить не буду! Или сама умру или его убью. Или подстилок этих чертовых, которые два раза его у меня отняли!»

- И убила, - тихо проговорила она.

- Что?

- Убила, - внятно и спокойно повторила Лиля. - Это я так думаю. Ваша Алла, похоже, просто сдержала свое обещание. Убила одну из «подстилок» и ещё надеется убить вторую... Руки с вилками. Она ведь была врачом, она изучала медицинские карточки рожениц, ведь правда?

Отдала фотографию, повернулась на каблуках и стремительно вышла из кабинета.

* * *

Она снова думала о белых волосах, когда стояла перед книжным шкафом в Маринкиной комнате и задумчиво теребила кисточку на хвосте игрушечного львенка... Белые волосы или дорогой хороший парик?

- Твоя замечательная подружка Света, она не носит парик случайно? спросила Лиля прямо с порога. Маринка опешила:

- А какая разница? - Потом задумалась: - Может и носит? Черт её знает! У нее, знаешь, прическа такая интересная: челочка, каре внутрь подвитое, а сверху обязательно шляпка соломенная. Ну, или что-то вроде кепочки пляжной.

- Значит, это вполне мог быть парик?

- В общем, да... Я только не пойму, к чему ты это все спрашиваешь?

- Да это я так, о своем. О том, что проще надо быть, - Она хмыкнула. Женщину вспомнила из кафе, которая синими пальцами народ пугала. - Тогда я почему-то не собиралась искать среди черноволосых - сразу про парик подумала.

- Света при чем, ты объясни? - не отставала Марина.
- Ты с ней до сих пор видишься?
- Да так как-то... В принципе, нет. Давно уже не встречались. Пропала. Дела, наверное? А может, в отпуск уехала?

Лиля спокойно подвинула к ней телефон:

- Координаты её есть? Звони!
- Зачем? Мы с ней так-то не очень близкие подруги... Нет, погоди, ты мне сначала все объяснишь!
- Если ты не хочешь мне помочь, я обращусь к Валерке. Точнее, к его жене. У неё тоже появилась белокурая подруга, которая очень бурно сетовала на то, что все мужики бегают к своим бывшим любовницам. Так бурно и так целенаправленно, что к моменту появления милиции Тома Киселева уже считала меня врагом номер один и очень оперативно назвала следователю мое имя.

- Но Светка.., - начала было Марина.
- Твоя Светка расспрашивала про Валеркину дачу, ведь так? Как бы невзначай? Где находится, да по какому шоссе ехать? Наверное, в плане обмена информацией: а мы были на даче там-то, а вы где?

- Лиля, я уже не помню!
- А я поклясться могу, что ты и координат её не найдешь. Потому что их у тебя нету. Или есть телефон какой-нибудь прачечной. Мне такой тоже давали. Ну, давай, звони!

Марина растеряно подтянула к себе красную записную книжку, пролистнула несколько страничек, глядя при этом прямо перед собой. Потом сказала неуверенно и почти испуганно:

- А ведь, ты знаешь, Лиль, у меня, действительно, нет её телефона. Записывала где-то: «Света с Автозаводской» и все. Ну, сколько мы встречались? Раз пять, может быть. Два раза по магазинам шлялись, однажды в кафе сидели... Она как-то сама появлялась: «Привет-привет! Чем занимаешься? Пошли гулять!»

- Как твоя Света выглядела?
Та испугалась ещё больше:
- Как? Да обыкновенно! Я же тебе, по-моему, говорила: белая, фигуристая, размалеванная. В общем, ничего особенного. Пятнадцать раз на улице встретишь и не запомнишь.

- Отлично! - Лиля невесело усмехнулась. - Но без белых-то волос ты её, надеюсь, узнаешь?
Маринка прикрыла ладонью рот:
- Так это что, действительно, так серьезно? Ты думаешь, что это она... То есть, это получается, что я... Лиля, кто это?!

- Потом скажу, - она встала и, не дожидаясь приглашения, прошла в комнату. - Собирайся, поедем. Посидим возле одного замечательного подъезда, воздухом свежим подышим. Я пока книжки у тебя в шкафу посмотрю. Не возражаешь?

Марина, естественно, не возражала. Первой бросилась в комнату, схватила с полки косметичку и флакон туалетной воды, убежала в ванную. Лиля же подошла к шкафу и тихонько щелкнула ногтем по черному пластмассовому носу львенка-талисмана. Львенок равнодушно таращил на неё косые глазки, а она думала о том, другом львенке, нарисованном уже мертвой рукой на грязном подвальном песке...

Вернулась подруга минут через десять. Слегка подкрашенная, напряженная, с темнеющей в глазах тревогой. Извинившись за то, что копается, открыла дверцу шифоньера, достала белый бюстгальтер и длинное вязаное платье, стягивающееся сзади на талии мягким пояском. Торопливо переоделась, бросив смятый халат на кровать, сглотнув слюну, сообщила:

- Я готова. Поехали.

И они поехали. Сначала на троллейбусе, потом на метро. Прошли сквозь арку благопристойной «китайской стены» района, с магазинами, сбербанками, парикмахерскими и фотоателье. Немного поплутали по дворам. Наконец, забрались в сырую темную глушь, где серые «панельки» уныло выглядывали из зарослей корявых тополей с огромными лопухастыми листьями.

На лавочку перед самым подъездом садиться, естественно, не стали перешли на противоположную сторону детской площадки и там устроились рядом с ребристыми гаражами-«ракушками», занявшими полгазона.

Ждать пришлось долго. Маринка все искурилась и начала уже нервно хихикать на тему того, что надо было взять с собой помидоров, вареных яичек и термос с чаем - как на пикник. Лиля не

отвечала. Она ощущала себя снайпером, которому дается три секунды и только один выстрел. Выстрел, который нужно успеть сделать между ударами собственного сердца.

Через два часа несчастная Марина принялась тихо подскуливать:

- Ну, сегодня же выходной! Может, она, вообще, не появится? Может, она уехала? Так и будем до ночи здесь сидеть?

И в этот момент дверь подъезда распахнулась.

Она вышла, приложив ладонь козырьком ко лбу и сощурившись на солнце. Убрала руку от лица, поправила на плече белую летнюю сумочку, сделанную из переплетенных полосок кожи. Слегка покачиваясь на тонких каблучках, спустилась с крыльца. На ней не было ни солнцезащитных очков, ни парика. Незагорелое, довольно бледное лицо, на самом деле, хорошая фигура. Лиля с удивлением поняла, что впервые это заметила. Подчеркнуть талию, наложить яркий макияж, надеть парки - черный, либо белый - и получится совсем другая женщина. Другая, незнакомая...

- Светка! - выдохнула Марина. - Честно слово, Светка! Только со стрижкой и одета не так, как обычно... Лиля, кто это? Как ты её выследила?

- Это Алла, - ответила она почти спокойно и, разжав ладонь, выронила на землю сломанную и перекрученную зеленую веточку. - Алла Леонидовна Денисова. Талантливый педиатр, попытавшийся когда-то спасти новорожденную дочь Олеси Кузнецовой...

Спустя три часа Лиля зашла в главный подъезд областной прокуратуры, сказала дежурному, что у неё нет повестки, и её никто не вызывал, но ей необходимо срочно встретиться со следователем Андреем Щурком. Дежурный куда-то позвонил, её пропустили. Она некоторое время постояла на лестнице, борясь с головокружением и противным, скользким страхом, заставляющем все тело противно дрожать. Расстегнула сумочку, проверила, на месте ли фотографии...

В результате случилось именно то, чего она больше всего боялась. Следователь был в кабинете не один, а с тем самым, наглым и белобрысым оперативником, жевавшим когда-то шоколадку с «лионом». Оперативник сидел на подоконнике и курил, стряхивая пепел в банку из-под кофе. Темноволосый следователь что-то писал на листе бумаги. В кабинете висело кружевное облачко сизого дыма, в грязное оконное стекло билась несчастная оса.

- Ба! Какие люди! - воскликнул оперативник, отставив банку и хлопнув себя ладонями по коленям. И зло добавил. - Только рыжие! И где ж это мы прятались?

- Я уже не прячусь. Я пришла, - сказала она.

- А чего так? Деньги кончились? Жрать стало нечего? Ребенок где?

- Оля со мной... То есть, сейчас она в одной квартире, с ней няня. Няня ничего не знала, она не в курсе.

Следователь словно бы и не удивился её приходу. Спокойно отодвинул листок в сторону, вздохнул:

- Очки, пожалуйста, снимите.

Лиля только теперь сообразила, что до сих пор стоит в солнцезащитных очках. Торопливо сдвинула их на лоб, передернула плечами:

- Извините...

- Ничего... Вы пришли сделать чистосердечное признание или... Или случилось что-то еще?

Она заглянула в его карие глаза, и на секунду ей показалось, что он тревожно ждет чего-то... Впрочем, белобрысый тут же перебил:

- Да, ладно, Андрей! Пусть сама все рассказывает. Наши с тобой соображения - это наши с тобой соображения. Пряталась же она почему-то столько дней?

Да, - её ноги снова противно ослабели, от дыма совсем разболелась голова. - Случилось что-то еще. Никакого признания я делать не буду, потому что я и раньше не лгала вам ни словом. Почти не лгала...

- Почти? - ехидно уточнил оперативник.

- Почти... Я соврала в том, что касалось подруги. Это была не подруга, меня вынудили пойти в это кафе, заставили надеть плащ и очки. В общем... В общем, не надо так усмехаться: я все вам расскажу по порядку. Каких-то особенных доказательств у меня нет, но вот это, - она расстегнула сумочку, достала фотографии. - С этого я хотела бы начать. Это касается львенка, «лиона». Вы ведь подумали про «Леона», так? Про фильм Бессона, и про то, что Олеся таким образом меня обвиняла?

Следователь и белобрысый быстро переглянулись.

- Рыжая, но не дура! - почти весело заметил оперативник. Щурок же выбрался из-за стола, подошел и взял из её дрожащих рук фотографии.

На первом снимке была Олеся, поднимающая тост в студенческой компании, на второй - она же, делающая дома уроки. Учебник русского языка, мохнатый мишка на диване.

- Она не могла нарисовать этого львенка, - проговорила Лиля, боясь, что вот-вот расплечется: нервное напряжение было слишком сильным. - И она его не рисовала. А намек вы, действительно, поняли правильно. Вас тыкали носом в меня, вам объясняли: «убийца воспитывает ребенка».

- Присядьте, - следователь кивком указал на стул. Она села, нервно теребя дрожащими пальцами ремешок сумочки, в то время как он вглядывался в фотографии. Белобрысый тоже сполз с подоконника, встал у него спиной, по-гусиному вытянув шею.

- Понимаете, - продолжала она. - Это должен был быть врач или кто-то имеющий доступ к её истории болезни, но не очень наблюдательный человек. Олеся ведь попадала в аварию: у неё печень пострадала, почка и рука. Рука сильнее всего, Вадим говорил. Он рассказывал, что там нервы какие-то, чуть ли не сухожилия собрать как следует не удалось. В общем, подвижность не восстановилась, рукой она почти не владела. Это должно было быть записано в карточке!

Оперативник уставился на неё озадаченно, но беззлобно:

- Ну? И что? Поэтому она стала писать левой рукой, поэтому и львенок нарисовал левой, поэтому он и корявый такой. Травма была недавно, с левой она тоже ещё обращаться толком не научилась...

- Нет! - Выкрикнула Лиля, судорожно прижав сжатые кулаки к щекам и устыдившись визгливости собственного голоса. - Нет же! Я тоже так думала! Я думала, что же мне во всем этом не нравится. А потом поняла! Я вчера только поняла. Фотографию одну увидела, а там семь человек за столом: у всех вилки в правой руке, а у одной девчонки - в левой...

Она ещё не договорила, а следователь уже понимающе кивнул и усмехнулся, и развернул фотографии к свету.

- Смотри, Серега, - негромко сказал он, положив по одному снимку на каждую ладонь. - Смотри и соображай. Ну, допустим, эта фотка могла быть сделана уже после аварии, хотя, вообще-то, если честно, Кузнецовой здесь лет восемнадцать. Ну, а эта-то? Ей тут лет семь-восемь, правильно?

- Елы-палы! - простонал тот. - Ну, блин, Груздева сюда надо! «Непривычный леворучный почерк», «непривычный леворучный почерк»!

- Ага, - согласно усмехнулся следователь и повернулся к Лиле:

- Она с рождения была левшой, так? Она всегда писала левой? С самого детства? И, понятно, владела ей куда лучше, чем правой? А значит, львенок должен был быть прорисован четко и без всяких неуверенных линий?

Она сжала ремешок сумки так, что побелели пальцы, и судорожно, навзрыд заплакала...

* * *

Надсадное дребезжание телефона все ещё отдавалось в её ушах, хотя трубка вот уже двадцать минут лежала на рычаге. Скрученный белый провод изгибался петлей. Алла наклонилась вперед и попыталась расправить петлю. Ничего не получилось. Тогда она откинулась на спинку дивана и допила воду из стакана. Всю, до капли.

По оконному карнизу, курлыкая, прогуливался толстый голубь. Прежде Алла их гоняла - её тошнило от одного вида засохшего голубиного помета на подоконнике. Сейчас встать не хотелось. Голубь важно надувался, перья на шее переливались всеми цветами радуги, красный маленький глаз косил в комнату любопытно и злобно.

Она почему-то с самого начала почувствовала, что это - конец. Еще когда выходя из лифта, услышала, что в квартире звонит телефон. Но все равно бросилась к двери, нашарила в сумочке ключ, влетела в квартиру и, схватив трубку, «аллекнула».

Молчание длилось всего секунду. И, наверное, тогда она окончательно поняла: «Все!» Ничего больше не будет и ничего уже не нужно: ни российского сыра, купленного на рынке, ни новенького ещё набора американской косметики, ни постельного белья, ни ремонта в квартире - ничего...

- Алла? - спросил Вадим, словно хотел удостовериться, что это, действительно, она.

- Да, это я, - отозвалась она вмиг севшим голосом.

Он снова помолчал. Потом судорожно втянул в себя воздух: она слышала там, на том конце

провода его странное дыхание.

А ещё через секунду он сказал:

- Я все знаю. И Лиля знает. Так что можешь не оправдываться. Ничего не говори, ладно? Ни слова. А я скажу... Олеськи я тебе, сволочь, не прощу никогда.

И все. Короткие мерные гудки, как сокращения сердца.

Алла положила трубку. Аккуратно, на рычаг. Вернулась в прихожую, разулась. Поставила босоножки на полку, подняла с пола пакет. Прошла с ним на кухню. Выгрузила в холодильник сыр, молоко, овощи и сосиски. Включила чайник. Вода забурлила.

Она босиком прошлепала в комнату, достала из ящика стенки ампулу, одноразовый шприц и упаковку таблеток. Снова заглянула на кухню, выдернула чайник из розетки и закрылась в ванной. Ей не было ни горько, ни страшно и почему-то казалось, что она знала. С самого начала знала, что это закончится именно так.

Знала ещё в тот день, когда стояла на окне в туалете студенческого общежития и просто смотрела вниз. В женскую уборную тогда ввалился пьяный Игореха Гараев с четвертого курса. Озадаченно остановился напротив кабинки, оглянулся на Аллу:

- А я туда, простите, попал?

- Не-а, - ответила она. - Тебе надо было подняться этажом выше. Это третий.

- Пардон! - Он икнул и посмотрел на неё с возрастающим интересом. - А ты чего это на окно забралась? У вас, госпожа, суи-ци-ди-а... суицидальные намерения, что ли?

Алла рассмеялась:

- Дурак! «Суицидальные». «Суици-ближние».

Тогда ей было просто хорошо. Очень хорошо. В комнате тусовалась толпа народа, а в туалете её никто не трогал. И можно было стоять на окне, и смотреть на темный асфальт, и на кошек, роющихся в помойных баках, и на шелестящие деревья.

Но именно тогда она впервые представила, а что если... И тут же отогнала неприятную мысль, потому что «если» просто не могло случиться.

Их первая (она тогда ещё не знала, что и единственная) ночь любви закончилась только четыре часа назад, и все тело приятно ныло. Алла чувствовал, что никаких «если» быть не может, что Вадим никогда её не бросит, и что именно с сегодняшнего дня начинается новый отсчет в её жизни.

Что было вчера? А ничего не было! Обычная массовая попойка. Только она случайно оказалась с ним рядом за столом и сразу от волнения стала давиться колбасой. Над ней все смеялись. А потом Вадим обнял её за талию, занюхивал водку её волосами, смеялся вместе со всеми и почему-то приговаривал: «Ох, Алка, какая же ты шальная и непутевая».

Ей нравилось слово «шальная». Оно было озорным и веселым. Она хотела быть шальной, а не пресно-скучной, как многие девчонки из общаги, которые постоянно прибираются в тумбочках и стенных шкафах, варят супчики, а на досуге учатся и вяжут. Наверное, поэтому она набралась смелости и сама подставила ему лицо для поцелуя, когда они вдвоем вышли в коридор покурить.

Потом уже все курили в комнате и, не желая злоупотреблять щедростью хозяйки помещения, деликатно тушили бычки прямо в тарелках с салатами. В то время, как та, зеленея от злости, навязчиво предлагала всем пепельницы. Потом уже никто ни на кого не обращал внимания, и Алла гладила бедро Вадима прямо под столом и осторожно ползла пальчиками по ноге все выше. Он не сопротивлялся, а она чувствовала себя шальной и красивой.

Потом она тащила его на себе в комнату, укладывала на кровать и расстегивала ремень на джинсах. Она нервно хихикала от волнения, а он в тон ей пьяно смеялся: «Алка! Погоди, Алка!.. Я же мужик, в конце концов! Я могу и перестать себя контролировать!»

- Ну, и не контролируй! - сказала она. - Кто тебя об этом просит?

Вадим вроде бы даже на секунду протрезвел, притянул её к себе, навалился сверху. Сетка кровати жалобно скрипнула...

Наутро, боясь ненароком выйти из образа «шальной» девчонки, Алла небрежно бросила:

- Кстати, то что произошло, ни тебя, ни меня ни к чему не обязывает. Давай так считать, ладно?

- Ну, давай, - согласился Вадим несколько удивленно. И она, захлебываясь счастьем и торжеством поняла, что он рассчитывал услышать совсем другое.

Окровавленную простынь она спрятала в шкаф, но девчонки все равно все поняли. Начали со значением тянуть: «О-о-о!» и так эмоционально обсуждать прелести гормональной контрацепции,

что она, в конце концов, смеясь послала их всех к черту и убежала в туалет.

Там Алла и стояла на подоконнике, чувствуя, что запросто может сейчас взлететь. Туда и зарулил пьяный Гараев... «Суицидальные» «суициближные»... Тогда она впервые подумала, что если Вадим её бросит, она просто не сможет жить. Но подумала как-то абстрактно, представив свою будущую смерть в романтических тонах. Так в детстве она воображала себя умирающей на поле боя военной медсестрой или бросающейся в пучину моря принцессой...

Он, действительно, её не бросил. Не было ни слез расставания, ни тяжелых разговоров с желваками, перекатывающимися под кожей его щек, ни даже факта подлой измены. Он просто согласился с её предложением: «давай считать, что мы ничем друг другу не обязаны». Так же здоровался в коридоре общежития, так же дружески похлопывал по плечу, так же спрашивал: «Алка, как дела?»

Девчонки её жалели. Сначала выдумывали, что он просто «держит марку», а сам смотрит на неё «как-то по-особенному», потом предполагали: «Так ты же его считаешь послала? Ну, и какой мужик после этого унижится до того, чтобы начать за тобой бегать? Бокарев же у нас гордый! Ему же никогда никто не отказывал, и уж, тем более, не заявлял: «у нас с тобой ничего не было». Ну, не расстраивайся, Ал!» Дальше пошли стандартные утешения: «все мужики сволочи», «на фига тебе красавец?», «красивый муж - общий муж», «в сто раз лучше себе найдешь» и т.д. и т.п.

Потом Алла не могла понять, как жила эти годы. Кассета с Пугачевской песней «Я перестану ждать тебя, а ты придешь совсем внезапно» успела зажеваться на тысячу раз. «Не отрекаются любя!» - звучало высокопарно, но она ждала. И не отрекалась. Пока на его горизонте не появилась Олеся. Вот тогда она сказала себе: «Все! Конец. Девочка слишком красивая. Это, правда, все». Но все-таки не смогла отказать себе в удовольствии подойти к ним в ресторане и потом, оставшись наедине, намекнуть этой кукле с белыми волосами: «Вы его совсем не знаете». Заглянуть в её глупые синие глаза и подождать: догадается или не догадается, почувствует или нет, что у нее, у Аллы, тоже было все с примерным женихом: и скрипящая кровать, и его искривленное мучительным наслаждением лицо, и её ноги, вскинутые к самому потолку...

Как раз тогда у неё на горизонте появился Миша Шумильский. Невысокий, полный и кудрявый, похожий на ангелочка-переростка. У Миши водились деньги, он занимал хорошую должность в министерстве связи, но при этом был страшно экономным и обязательным.

Как-то у Аллы выдался неудачный день: ужасно болела голова, поднималась температура, а главное, не хотелось видеть Шумильского, до тошноты, до крика. Казалось, что если он прикоснется к ней хотя бы пальцем, её вырвет. Да ещё накатили воспоминания о Вадиме. Она сидела перед зеркалом в ванной и плакала, с раздражением думая о том, что сегодня Миша приедет обязательно, и надо будет выйти объясниться с ним, прежде чем он, наконец, уедет.

Шумильский приехал через час, требовательно позвонил в дверь её квартиры: раз, ещё раз, еще... Алла выползла в коридор, открыла и с порога объяснила, что сегодня поехать с ним никуда не может, а поэтому просит её извинить.

- Что значит, не можешь? - искренне удивился Миша, выгибая губы «скобочкой». - Мы договорились. Я как-то распланировал свой день, отказался от важной встречи. Я, в конце концов, на это рассчитывал. Тем более, что столик в ресторане уже заказан!

- Я сама закажу столик в следующий раз. И, честное слово, возмещу тебе все нравственные потери. Но потом, ладно? - Алла попыталась улыбнуться ласково и миролюбиво.

- А бензин? Бензин ты мне тоже возместишь? Я ведь приехал сюда аж со Щелковского, и теперь, по твоей милости, поеду обратно!

И она поняла, что эти несколько литров бензина, (или миллилитров? Бес их разберет! Во всяком случае, она в этом не разбиралась) никогда ему возместить не сможет, потому что эта потеря огромна, как Вселенная! К тому же, Миша всего лишь взывал к её обязательности. И она сказала:

- Мы поедем. Дай мне десять минут на сборы.

И они поехали...

Недостатки, конечно, недостатками. Но Миша её любил. Дарил дорогие подарки, называл красавицей и повторял, что ужасно хочет иметь двух сыновей. И о каких недостатках, вообще, можно было говорить, если следовать народной мудрости: «Жена должна быть умной, красивой, сексуальной, тактичной, домовитой, преданной, талантливой, заботливой. А муж должен просто быть»? Алле было за тридцать. Она хотела замуж и хотела любить своего будущего мужа Михаила

Игоревича Шумильского...

На шестое января они подали заявление в ЗАГС, а двадцать седьмого декабря она, как обычно пришла на работу и увидела в одной из палат беременную Олесю. Дежурная акушерка пожалала плечами: «Искусственные роды». Алла полезла в карту: травмированная почка, печень, нефропатия, сложный перелом правой руки, разорванные сухожилия...

- А где показания-то? - спросила она у акушерки. Та развела руками:

- Не хотим мы, видите ли, рожать! Муж у нас англичанин, мы фигуру для приема у королевы бережем... Нет стопроцентных показаний к искусственным родам. В том-то и дело!

Муж англичанин... Какой-то прием у королевы... Но по всем срокам это должен быть ребенок Вадима, если эта шалава, конечно, ему не изменяла?

Трясаясь, как неврастеничка, Алла набрала телефонный номер и по его голосу мгновенно поняла: да, все верно! Они расстались! И у неё теперь снова есть шанс! Шанс! Шанс, который у неё когда-то отняла белобрысая синеглазая стерва!

Однако, все оказалось не так-то просто. Бокарев приехал бледный, как полотно, он рыдал у неё на плече и икал, как ребенок в истерике.

- Спаси этого малыша! - Просил он. - Алла, всеми святыми тебя заклинаю, спаси!

Тогда она с ужасом поняла, до какой степени он любит эту дуру в стиле Барби. Однако, потом успокоила себя: не её - свое чувство к ней он любит, все это пройдет, все это можно вылечить и исправить.

Дома она села перед зеркалом и осторожно расправила пальцами первые морщинки в уголках губ. Рот все равно растянулся, как у Гуинплена. Алла убрала руки от лица и сказала своему отражению, старательно артикулируя:

- Это - твой шанс. Это - то, ради чего ты жила. Это - последняя возможность. Ты не имеешь права её упустить.

С Мишей Шумильским рассталась без сожалений. Но зато со скандалом.

- То есть, как это, ты решила? - кричал Шумильский, одышливо вздымая грудь и буравя её разъяренными глазками. - То есть, значит, все время, что мы были вместе - псу под хвост? Значит, тебе вот что-то, не будем уточнять что, в голову ударило, шлея под хвост попала, и все, до свидания?

- Все. До свидания, - говорила она. - Я оскорбила тебя, обидела, поступила подло и мерзко. Ты уже полчаса кричишь, что ненавидишь меня и не вернешься, как бы я не просила. Так уходи же, будь, в конце концов, мужиком!

Белые кудряшки на его голове прыгали, как у куклы, которую трясут за ноги:

- Этот мужик тебя бросит, и будет тысячу раз прав! Ты что думаешь, ты - красавица? Молоденькая сексуальная девочка? Дорогая моя, ты уже старая, выходящая в тираж баба! Еще полгода, и на тебя уже никто не посмотрит.

В общем, он просидел ещё минут сорок, а потом все-таки удалился, оставив после себя продавленный диван и запах пота. А она открыла форточку и, подставив лицо мелкому, колкому снегу, прошептала: «Вадим!»

Дальше все должно было быть очень просто. Девочка ещё не родилась, её появление на свет запланировали на пятницу. Вадим тогда пришел в клинику для серьезного разговора.

- Ты должен будешь оборвать все старые связи, - объяснила ему Алла. Ты будешь должен начать все сначала.. Никто не должен удивиться тому, что у тебя вдруг откуда-то взялся ребенок. Новая жизнь. Только новая жизнь... И ещё ты должен жениться...

Он торопливо замотал головой, она остановила его жестом:

- Это обязательно. Во-первых, на кого-то должны оформиться документы, во-вторых, за недоношенным ребенком нужен тщательный уход. Няней тут не обойдешься. Ребенку нужна мать, которая вставала бы к нему ночами... Да, в конце концов, ты - красивый, умный мужик, и просто не может не быть женщины, которая бы тебя любила и была бы готова для тебя на все. Тебя ведь никто не обязывает пылать к ней страстью. Объясни все честно, а потом - как жизнь сложится... Развестись ведь совсем не трудно!

Во время этой тщательно подготовленной и даже отрепетированной дома речи, она чувствовала себя канатоходцем, выполняющим головокружительный трюк. А когда закончила - поняла, что канат провис, и что сорваться с него теперь гораздо легче, чем минуту назад.

Маленькая девочка, которую она, сделав решающий ход, «передвинула» с клетки E2 на E4, ещё

даже не родилась. Вадим молчал. А Алле хотелось убежать, закрыв лицо руками, чтобы только не слышать этого его ужасного молчания, похожего на молчание председателя экзаменационной комиссии на ГОСах.

Ей хотелось отмотать минуты назад, чтобы не было никогда этого её дурацкого, шитого белыми нитками предложения. Ей хотелось вцепиться в плечи Вадима так, чтобы он почувствовал боль, встряхнуть его как следует, и завопить, закричать, завизжать: «Скажи хоть что-нибудь, но только не молчи!»

И он, действительно, поднял на неё глаза, едва заметно повел бровью и проговорил, обхватив рукою подбородок:

- А знаешь, может быть, ты и права, Алла...

И важными остались только две вещи в мире: его взгляд, пронзительный, долгий и какой-то ищущий, и её собственное имя «Алла», которым он закончил фразу. Именно «Алла», а не «Алка»! Не «подружка моя», и не «доктор Денисова»! Алла! Алла! Алла... Это значило, что он почти принял единственно верное решение, к которому она его нахально подвела, как ослика на веревочке. Это значило, что он не против того, что она так бесцеремонно предложила себя в жены. Это могло значить только то, что он думает о том же и, может быть, даже хочет того же. Хотя и боится пока себе в этом признаться... Он сказал: «Может быть, ты и права, Алла», а она явственно услышала: «Я буду с тобой, Алла. Мне просто нужно время». Это было первым шагом. Всего лишь первым...

Дальше карусель стремительно закружилась. Синеглазая Олеся благополучно разрешилась полуторакилограммовой девочкой, подтвердила свое нежелание сохранять жизнь «плоду», и новорожденную немедленно подключили к системе жизнеобеспечения. Первые результаты оказались обнадеживающими: малышка вполне могла выжить. Вадим казался совершенно счастливым, а Алла потихоньку обновляла свой гардероб.

В тот день, когда он пригласил её ресторан, он надела шикарный брючный костюм песочного цвета, очень идущий к её глазам и босоножки с расширенными книзу каблукками. Заказали мясо с черносливом, салат, какое-то вино.

- О чем ты хотел со мной поговорить? - спросила она с неуверенной нежностью, когда официант, принявший заказ, отошел от столика.

- О чем? - Вадим улыбнулся. - Да обо всем сразу: о моей девочке, о всяких формальностях, но главное, о тебе... Ты знаешь, Алка, я никогда не думал, что у меня есть такой друг. Спасибо тебе огромное. Я понимаю, что «спасибо» тут не отделаешься, но поверь, я сделаю для тебя все, что захочешь!

«Не о том говоришь, красивый мой, чудесный мой!» - подумала Алла, представляя, какие теплые у него сейчас губы. - «Не с того начинаешь. Да и кто знает, с чего нужно начинать в таких разговорах? Но, главное, ты здесь, и я - здесь. И, может быть, даже не зря были все эти годы? Только говори! Какая разница, что? Главное, говори!»

Вино, разлитое по бокалам, отливало перламутром. Вадим задумчиво крутил в пальцах вилку.

- И знаешь, Ал, ещё спасибо тебе за идею с женитьбой. Действительно, и с документами все утрясется, и в бытовом плане будет много легче...

- Ты, кстати, с этим не затягивай, - как можно более спокойно проговорила она и замерла: вот сейчас! Сейчас!

Ее даже затошнило, голова закружилась. «Господи, опять я его гоню, опять тяну куда-то на веревочке! Дура несчастная! Надо ждать, просто ждать, и он скажет все сам, не зря же он пригласил меня сюда!»

А он широко улыбнулся, и накрыл своей рукой её холодную кисть, и сказал:

- Так я уже! Женат я со вчерашнего дня, Аллочка! На одной симпатичной девушке с моей работы. Приличная, воспитанная и, кажется, меня любит. В общем, я подумал, что лучшей кандидатуры не найти.

- Как? - растерянно переспросила Алла, разжимая пальцы правой руки и выпуская ножку бокала. - Ка-ак?!

Ей показалось, что время перестало существовать, потому что бокал с выплескивающимся вином падал очень медленно, нарушая все законы физики. К моменту когда он, наконец, приземлился на её колени, на новые, ненужные теперь песочные брюки, прошла, наверное, целая вечность.

- Как женат? - повторила она тяжело и хрипло. А он развел руками и улыбнулся:

- Быстро я? Не ожидала? Вот так!

В тот вечер она надралась, как свинья. Дома, одна, в обнимку с коньячной бутылкой. И все пыталась представить себе лицо этой приличной, воспитанной девушки, на которой женился её Вадим. Дикая ненависть мешала ей дышать, заставляла в бессилии лупить сбитыми, окровавленными кулаками по побеленной стене и выть, закусывая костяшки пальцев. Вадима отняли у неё во второй раз. Отняли, хотя однажды она уже пережила потерю. Уже выжила, выкарабкалась, а её ударили опять.

Утром она даже смогла усмехнуться, глядя на отекающую, страшную бабу в зеркале. Усмехнуться и сказать себе: «Приплыли!» Действительно, «приплыли». Потому что на месте сознательно разрушенной семейной сказочки, продуманной тщательно, вплоть до розового кафеля в туалете и утренних завтраков из йогуртов и мюслей, ничего нового построить уже нельзя.

Нет, можно, конечно, по осколочкам собрать старую. Позвать Мишу. Он придет. Пообижается непременно, заставит рухнуть на колени и покаяться, но придет. Только вот зачем? Пусть лучше останутся три счастливые пары: Вадим со своей «воспитанной девушкой», Шумильский, не виноватый в своих ангельских кудрях, толстой заднице и в том, что его приучили бережно относиться к бензину, - со своей обидой, и она - со своей пустой коньячной бутылкой. Которую потом можно будет заменить на полную. Или на кактусовую оранжерею на окне, или на котенка в прихожей, или на комплект спиц для вязания. А ещё можно собирать марки и разводить волнистых попугайчиков...

В общем, Алла кое-как оделась и поехала в клинику. Толкнула стеклянные двери, прошла мимо приемного покоя и поднялась на второй этаж только за тем, чтобы понять, что карусель больше не крутится. Она никому на этом свете не нужна, уже вторая мерзкая стерва отняла у неё Вадима, а девочка, рожденная семьдесят два часа назад Олесей Кузнецовой умерла...

...В дверь позвонили. Она с трудом поднялась с дивана, бросила быстрый взгляд на мертвый телефон, взяла со стола стакан и направилась на кухню. Там поставила стакан в раковину и только потом поплелась открывать.

За дверью стоял незнакомый темноволосый мужчина в зеленой футболке и черных джинсах.

Алла почему-то не удивилась. Просто спросила:

- Вы кто?

Он так же просто ответил:

- Следователь областной прокуратуры Щурок Андрей Михайлович. А вы Алла Леонидовна Денисова?

Она кивнула. Он вежливо поинтересовался:

- Можно войти?

Алла быстро глянула на часы, подумала, что все ужасно нелепо и дешево, как в провинциальной оперетте. Звонок Вадима: «Я все знаю. Не отпирайся. И Лиля все знает». Потом визит следователя, больше похожего на выпускника какого-нибудь Суриковского училища.

Пожала плечами:

- Проходите. Не могу же я вас выгнать? Правильно?

Он прошел в комнату, не разуваясь. Сел на диван, посмотрел на неё ожидающе. Она опустилась в кресло напротив. Выдержав паузу, спросила:

- Ну, и что бы вы хотели услышать?

Гость завел старую и долгую песню:

- Следствие располагает данными о том...

- Короче! Спрашивайте, пока я готова отвечать.

Он явно удивился, но сразу же взял себя в руки:

- Были ли вы знакомы с Олесей Викторовной Кузнецовой и её мужем, гражданином Великобритании Тимом Райдером?

Алла кивнула:

- Да... Более того, я организовала их убийство.

Следователь сначала побледнел, потом позеленел. Ужаснулся, наверное, бедненький, собразив, что не взял с собой диктофон или что-нибудь в этом духе. Переспросил:

- Вы?..

Она почувствовала, как вместе с тошнотой к горлу подкатывает ярость:

- Да, я. Вы что, глухой?.. Тим Райдер обратился ко мне с просьбой найти ребенка для удочерения и

изобразить это так, будто девочка, на самом деле, дочь Олеси. Я сначала обозвала его сумасшедшим, а потом поняла, что он серьезно. Ну, и объяснила, что все это не так просто, особенно для иностранцев. Он тогда вспомнил свою первую жену, которая до сих пор живет в России: мол, может быть, как-нибудь оформить документы через нее. Я второй раз сказала ему, что он ненормальный, и что так дела не делаются...

- То есть, Наталью Слюсареву вы тоже знали?

- Познакомилась. Заочно. И, вообще, не нужно меня перебивать!.. Сказала, что подумаю, потом поняла, что это - мой шанс. Нагородила всякой чепухи, что это - подсудное дело, по сути, кража ребенка. Но пообещала, что помогу. Райдер должен был вернуться в Россию через месяц...

... Он должен был вернуться в Россию через месяц, но уже вместе с Олесей. Алла пообещала, что к этому времени непременно найдет ребенка. Что это был за месяц, она предпочитала не вспоминать.

На следующий же день после разговора с Тимом Райдером она пошла в гости к Вадиму и долго смотрела на его очкастую жену, играющую с девочкой. Алла думала о том, как её убьет. Эта хитрая стерва заслуживала большего, чем просто удар топором по голове. Слишком просто, слишком быстро, слишком легко для нее. Пятнадцать лет в колонии строгого режима устраивали Аллу гораздо больше. Вонючие нары, грязные телогрейки, пьяные лесбиянки и растоптанные очки. Почему-то больше всего ей нравилось представлять, как милицейский каблук раздавит в мелкое крошево эти глупые, выпуклые стекла.

Потом был разговор с Одним Человеком. Она называла его просто на «вы», не употребляя ни имени, ни фамилии. У его жены фамилия была. Было имя и была история родов. А так же история болезни двух мальчиков-близняшек, которые по несколько минут каждый пребывали в состоянии клинической смерти. Когда Алла, наконец, поняла, что ребятишки выживут, она упала в обморок от усталости. А Один Человек принес ей охапку из ста роз и сказал:

- Проси, что хочешь. Хочешь квартиру - будет квартира. Хочешь машину - будет машина. Если кто тебя обидит - тот не жилец. Я теперь твой должник на всю жизнь.

Обычно она стеснялась напоминать о долгах, но в этот раз напомнила. Пришла и сказала:

- У меня есть враг. Два врага. И они не должны жить, но убить их должен совершенно определенный человек.

Один Человек вообще уже давно сам не убивал никого. Он, помедлив, кивнул и попросил:

- Объясни.

Алла объяснила. Убийца должен быть маленького, женского роста. Он должен надеть мужские ботинки большего размера и оставить несколько следов с широко развернутыми ступнями. С нарочито широко развернутыми! Он должен стараться делать большие шаги. Он должен оставить на теле женщины длинный черный волос - вот этот. (Волос снятый с расчески Лили она принесла в стерильном пластиковом пакете).

Один Человек одобрительно усмехался. Он понимал, зачем эти хитрости: должно создаться впечатление, что женщина старательно инсценирует мужские следы. Но он ещё не знал, что одним из трупов станет англичанин. А когда узнал - потемнел лицом.

- Вы - мой должник, - холодея напомнила она.

Он хрустнул пальцами, закурил и снова кивнул.

Тогда Алла продолжила. Она объяснила, что англичанин должен быть убит вечером, а его жена на следующие сутки (обязательно!), что её левой (левой!) рукой нужно нарисовать на земле львенка в телевизоре и подписать «ЛЕВ».

- Пусть тот, кто это сделает, возьмет её руку в свою левую. Тогда получатся дрожащие линии - непривычный леворучный почерк - то, что надо. Там эксперты умные, они определяют.

Один Человек слушал и смотрел на неё все более странно. А потом спросил:

- Слушай, а чего ты во врачихи пошла?

Алла не ответила. Ей было не до разговоров о морали и нравственности. Ей обещали сделать дело, но место должна была обеспечить она. К счастью, подруга Лили - эта самая Марина, оказалась на редкость болтливой. Уже ко второй встрече Алла знала, что бывшего Лилиного любовника зовут Валерий Киселев, и что Лили частенько бывала на даче в сорока минутах езды от Москвы.

Второй удачей было то, что Киселев успел жениться. Дальше пошло по накатанной. Разговоры с толстой ревнивой Тамарой: «Не знаю, мне кажется, что твой муж как-то странно себя ведет... Да, я заходила, когда тебя не было, и видела девушку возле вашей двери. Такая черненькая, в очках,

невысокого роста»...

А Райдер все не приезжал. Они с Олесей должны были прилететь в конце июня, но телефон молчал. Алла нервничала. В конце концов, позвонила ему на работу и узнала, что визит откладывается.

Он появился на неделю позже. Естественно, позвонил сам и узнал, как дела. Она заверила: «Все просто идеально». Сентиментальный англичанин напомнил:

- Но Олеся ничего не узнает о нашем договоре? Она не должна ничего узнать. Для неё это будет слишком большим унижением.

Алла объяснила:

- Мне и самой невыгодно «раскалываться». Вы ведь заплатите мне, как обещали?.. Тогда приезжайте вечером, все обговорим.

Райдер приехал, и она сообщила:

- Ребенка вам для начала просто покажут. Вы должны будете приехать к десяти вечера на одну дачу - она находится рядом с детским домом... Жене заранее ничего не говорите, не нужно... В общем, ребенка покажут. Тогда вы сможете рассказать ей, что я решила подзаработать, нашла вас и призналась, что девочка жива... Понимаете, по документам Олеся от младенца отказалась, она его попросту убила, поэтому все будет несколько сложнее, чем с обычным удочерением.

Тим кивал и улыбался, но по карте автодорог ориентироваться совсем не умел. Пришлось раз десять объяснять ему маршрут...

С Натальей Слюсаревой она разобралась за несколько дней до этого. Сама, без помощников и наемных убийц. Что поделаться? Дурацкое английское законодательство, которое пришлось спешно изучить, подразумевало право наследования за первой женой.

Согласно выписываемой картине Лиля Муратова тоже подошла к вопросу получения наследства обстоятельно. Она не могла оставить в живых конкурентку. Однако, самой Алле на официантку из кафе было, честно говоря, наплевать. Убивать её она и не собиралась, просто ударила камнем по голове. Главное, чтобы был налицо факт покушения. Пусть живет толстуха...

В десять утра двенадцатого июля она примерила перед зеркалом черный парик, надела очки, чуть втянула в себя щеки. Отступить было уже поздно. Тим Райдер, наверняка, готовил подарки для девочки и в сотый раз штудировал карту, чтобы не заблудиться ненароком в подмосковных лесах.

Вечером Алла подняла трубку и набрала телефонный номер. Она знала, что Вадима нет дома, дата была выбрана не случайно.

- Алло! - Взянула в трубку Лиля. И тогда она рассмеялась и сказала ей все, испытав едва ли не большее удовольствие, чем когда представляла её раздавленные очки.

Киллер маленького роста уже зажег свечу в окошке пустой дачи. Тим Райдер вез на смерть свою очаровательную жену, обещая той чудесный сюрприз. А Алла собиралась в кафе и твердо знала, что эта черноволосая крыса тоже приедет. И закажет шампанское, и выйдет позвонить ровно в двенадцать, и просидит за дальним столиком до восьми утра. И, самое главное, никому ничего не скажет, потому что униженно, по-собачьи и пресмыкаясь любит Вадима. Любит совсем не так, как любила всю жизнь она сама...

... - Это все из-за музыкантов, - вяло проговорила Алла, с трудом заставляя себя держать глаза открытыми. - Я сразу поняла, что все пойдет наперекосяк, когда увидела, что музыкантов нет.

- Да, - следователь кивнул. - И ещё из-за львенка... Олеся была левшой, вы этого, наверное, не знали.левой рукой она владела отлично... Ну что? Проедемте в прокуратуру?

Она искренне удивилась:

- Зачем?

- Напишите чистосердечное признание. Суд это учтет.

- Никаких признаний, - ей сделалось смешно, и губы даже дрогнули в подобии усмешки. - С чего вы взяли, что я собираюсь признаваться? Я похожа на дуру?

- Но вы ведь только что рассказывали мне...

- Не держите меня за дуру, повторяю! Думаете я не знаю, что то, что я вам тут сейчас наговорила не имеет никакой юридической силы? Это - не документ, не заявление, не показания. Это вообще ничто. Пыль!

Он посмотрел себе под ноги. То ли щелкнул языком, то ли присвистнул. Снова поднял голову, глянул исподлобья нехорошо и зло:

- Я вас все равно посажу, Алла Леонидовна. Хоть вы и человек юридически грамотный. И сядете вы очень надолго. Обещаю.

Алла все-таки разрешила себе закрыть глаза. Сразу стало легче.

- Никогда не обещайте того, в чем не уверены. Иначе будете выглядеть треплом, - язык с трудом ворочался во рту. - Вот как сейчас, например. Я не сяду по одной простой причине: через пятнадцать минут меня не будет на свете. Через пять минут - агония, и - все. Даже сейчас уже поздно, укол я сделала час назад. Самая быстрая скорая приедет минут через тридцать...

Она слышала, как он вскочил.

- ...И не суетитесь, не надо. Я - врач, и я вам не лгу, как вы уже, наверное, могли понять. Что либо предпринимать и поздно, и бесполезно.

- Какой укол?! - его рука стиснула её запястье. - Что вы себе вкололи?

Алла начала тихо смеяться:

- Какая разница? Главное, вы хорошо провели время, узнали столько нового и интересного.

Он продолжал метаться и орать:

- Вы уже убили двоих. По крайней мере, подпишите показания. Еще одна из-за вас сядет!

Она немыслимым усилием воли распахнула глаза. Следователь нависал над её креслом, лицо его терялось в зеленой дымке.

- Алла! - позвал он. - Алла! Алла!

- Что «Алла»? - она расхохоталась в голос. - Ну, что «Алла»?! Она сядет! Да, да, да, сядет! Сядет ваша Лиля! И вы ничего не сможете сделать, зато я сделала все, что смогла!

Зеленая дымка все сгущалась, люстра над головой тихонько дребезжала всеми своими хрустальными капельками. А Алла продолжала смеяться. И смеялась до тех пор, пока мощный спазм не выдавил из её немеющего горла жалкое, кровавое бульканье...

* * *

Пингвина забрали во вторник в семь утра. Его Хозяин приехал без звонка, радостный и пахнущий свежим пивом. Пожал Андрею руку, с чувством поблагодарил и пообещал заходить в гости вместе с питомцем. Подстилку забрал с собой, изумленно заметив:

- О! Какое чудное одеяльце! Я возьму, ага? У тебя же все равно ни кошки, ни собаки нет. Зачем тебе?

Андрей ответил, что, действительно, незачем, потому что, пообщавшись с Эммануилом, он не заведет себе даже майского жука в банке из-под майонеза.

На том и расстались. Правда, Щурок не отказал себе в удовольствии с размаху пнуть на прощание по скользкой жирной гузке пингвина, когда тот, наконец, вывалился из квартиры на лестничную клетку.

Птичку увезли, а вечером пришла Катя. Растерянно огляделась, неловко помялась со своей перловой кашей и кормом для попугайчиков, пробормотала, что ей надо было, конечно, позвонить, и, покраснев, убежала.

Тогда Андрей вдруг понял, что она больше не придет. С отъездом Птички закончилось все. Если бы не пингвин, если бы не было этих разговоров про детсадовские игры и про то, что не нужно выискивать повод...

В общем, все было паршиво. Паршиво до такой степени, что и в страшном сне не приснится. Подозреваемая Лилия Владимировна Муратова сидела в следственном изоляторе, отказываясь видаться с мужем, а располованное и снова зашитое тело Аллы Денисовой все ещё лежало в морге.

Андрей до сих пор помнил её смех. Страшный смех умирающей женщины и прощальное: «Она сядет! Я сделала все, что могла!»

Красовский долго матерился, когда обо всем узнал. Плевал себе под ноги и приговаривал: «Вот сука! Я же говорил, что бабы - суки, только вот адресом ошибся. Ну, падла, а?!»

Но у них, действительно, ничего не было, кроме никак не зафиксированного признания умирающей. Да и будь оно даже зафиксировано, это не изменило бы ничего. Не документ, не законно, не является доказательством в суде. Пыль! Пыль и хриплый смех в мертвой комнате...

Андрей умылся, уже второй раз за вечер, подошел к телефону, хотел набрать Катин номер, но

передумал. При мысли о том, что в холодильнике ещё лежит сваренная ею пингвинячья мойва, делалось совсем тоскливо. Нажал последовательность из трех цифр, отдернул руку. Надавил на рычаг и начал сначала. Снова положил трубку. Сделал пару кругов по комнате.

Подошел к телефону. На этот раз быстро и решительно. Прикусив уголок губы, набрал номер.

- Да! Алло! - сонно отозвался Красовский.

- Привет, - сказал он. - Знаешь, тут меня одна мысль посетила... Как ты думаешь, что будет, если официант вдруг вспомнит, что видел лицо именно лицо Муратовой, без всяких там очков и в два часа ночи, и в три, и в восемь утра? А показания дочки барменши про синие пальцы из дела пропадут? Не такие уж они и важные, правильно?

Красовский скептически прокашлялся:

- Что будет?.. Муратову-то, конечно, отпустят, а вот тебя разжалуют к едрене фене. Если не посадят.

- Да ну уж и посадят! Ну уж и разжалуют! Я просто пытаюсь объективно вести расследование. Ну, что за улики, в самом деле? Какая-то болезнь Рено! Какой-то «Леон»! Телевизионный триллер что ли? Домыслы на пустом месте. Тем более, муж подозреваемой встречался с убитой: нацеплял с жены волос, а потом обнимал Кузнецову...

- Да чего ты мне объясняешь? Все правильно. В конце концов, ты у нас лицо, процессуально самостоятельное, и обязан действовать по закону. А то, правда, какие-то улики несерьезные!

Повисла пауза.

- Ну так, значит, да? - спросил Андрей.

- Ну так, «как решили так и будет»... Чего, кстати, делаешь? Может я пивка возьму да к тебе подъеду?

Щуток помедлил:

- Я тут, знаешь, кино по телевизору смотрел. Не про «Леона», не бойся. Там у одной женщины собачку убили. Так мужик ей, чтоб она не плакала, нового щенка притащил. Вообще-то, это, конечно, была киношная метафора...

- Сама она нового щенка завела, - немедленно возразил Красовский. - И кино это последний раз полгода назад показывали. А если ты в качестве метафоры собираешься завести пингвиненка, то скажу тебе, друг, что крыша твоя, видимо, никогда уже не вернется.

- Бери «Балтику», - Андрей рассмеялся. - У меня в холодильнике мойва есть. А насчет пингвиненка? Я ещё не настолько шизанулся, и Катька, к моему великому счастью, все-таки больше любит обыкновенных полосатых котят.